

«Не стояли звери около двери...»

Владислав Власеч, Владимир Серегин,
Антоний Часов, Сергей Чебаненко

***Издательство Ч.С.В.
«Человек, создающий Вселенные»***

КОТОФЕЙ

***Серия детективной,
приключенческой
и фантастической
литературы***

«Не стояли звери около двери...»

Автор-составитель Сергей Чебаненко

УДК 82.312.9(477.61)-35
ББК 84(4Укр)7-445
Ч-34

Редактор Стрельников В.А.
Художник-оформитель Чекмаев К.Г.

Чебаненко С.
Ч 34 «Не стояли звери около двери...» / Сергей
Чебаненко;
художник-оформитель К.Г. Чекмаев. – Киев: Ч.С.В., 2018.
– 376 с.
ISBN 978-966-97718-2-7

Добро пожаловать в мир Её Величества Научной
Фантастики!

Параллельные миры и искусственно созданные Земли,
прошлое и будущее...

В книге, посвященной памяти выдающихся фантастов
Аркадия и Бориса Стругацких, собраны повести, рассказы и
эссе, читая которые вы снова встретитесь с Иваном Жилиным,
Сельмой Нагель, Саулом Репниным и другими известными
героями из книг братьев Стругацких.

Вместе с тем, собранные в этой книге произведения
вовсе не являются фанфиками, приквелами и сиквелами к
произведениям Аркадия и Бориса Стругацких. Читатель
окажется в мирах, где история пошла иначе – а это значит, что
иначе сложились и судьбы авторов-фантастов, и судьбы их
произведений.

УДК 82.312.9(477.61)-35
ББК 84(4Укр)7-445

ISBN 978-966-97718-2-7

© Чебаненко С., 2018

Памяти
Аркадия и Бориса Стругацких
посвящается

Содержание

- 7 *Антоний Часов*, Бремя учеников
- 99 *Владислав Власеч*, «Не стояли звери около
двери...»
- 136 *Сергей Чебаненко*, Над Саракшем звездное небо
- 161 *Сергей Чебаненко*, Холодные ветры 1984 года
- 208 *Антоний Часов*, Давайте будем друзьями!
- 231 *Сергей Чебаненко*, Волшебное зеркало Кристобая
Хунты
- 233 *Владислав Власеч*, Сказание о «Ёсицунэ
Минамото»
- 255 *Антоний Часов*, О дивный новый Крым!
- 271 *Владислав Власеч*, Когда они пришли...
- 297 *Владимир Серегин*, «Ариец»
- 333 *Владимир Серегин*, Мир совершенный

Бремя учеников

«В сущности, они по воспитанию своему и в самой своей основе были - большевики. Комиссары в пыльных шлемах. Рыцари святого дела. Они только перестали понимать - какого именно».

С.Витицкий,
«Поиск предназначения, или двадцать седьмая теорема этики».

1

Жилин вышел из метро на станции «Аэропорт». Теперь, если идти по Ленинградскому проспекту вдоль похожего на дворец здания автодорожного института, можно было хорошо отследить любой «хвост». Суетливые и веселые группки студентов перемещались навстречу Ивану от институтских учебных корпусов, и одна за другой исчезали за массивными деревянными дверями станции метро. В противоположном направлении, в сторону Волоколамского шоссе, проспект оставался почти совершенно безлюдным до самой аптеки на углу Рязанской.

Жилин сунул руки в карманы плаща, зябко поежился от налетевшего неведь откуда холодного осеннего ветерка и не спеша зашагал по проспекту, старательно обходя большие лужи, усеянные оранжево-желтыми корабликами опавшей листвы. Денег у Моссовета в последние годы едва хватало только на уборку и ремонт проезжей части дорог, а пешеходные дорожки даже на центральных улицах постепенно

«Не стояли звери около двери...»

трескались и проваливались, заполняясь после дождя водой вперемешку с песком и мелким мусором. Несколько раз, обходя очередную лужу, Жилин исподтишка бросал взгляд назад, словно фотографировал глазами идущих следом за ним редких прохожих. Впрочем, если не считать всю дорогу маячившей метрах в ста у него за спиной толстой дородной тетки с двумя огромными авоськами в руках, никого больше у себя на «хвосте» Жилин так и не обнаружил. Хотя тетка по всем канонам шпионских фильмов и романов явно не тянула на профессионального топтуна, Иван на всякий случай решил провериться тщательнее. По нынешним временам от полиции госбезопасности можно было ждать любой пакости. А вдруг в ПГБ действительно есть подразделение по слежке, укомплектованное женщинами среднего возраста, которых ну никак невозможно отличить от обычных поварих, продавщиц, бухгалтерш и прочих дам совершенно безобидных профессий?

День выдался солнечным. По небу ватными островками неторопливо скользили облачка. В воздухе ощущался запах мокрой листвы. Иван вздохнул. Эх, закатиться сейчас куда-нибудь подальше от городской черты, от высотных домов, от шелестящих шинами по асфальту машин. Найти в лесу солнечную полянку, развести костер и под шашлычки неспешно «приговорить» бутылочку хорошего вина!

Возле гастронома «Маяк», чуть правее подземного перехода, выходящего прямо к боковому входу на станцию метро «Сокол», змеилась, почти перекрывая пешеходную часть проспекта, длинная разномастная очередь. Было где-то около половины третьего, винно-водочный отдел в магазине только начал отпускать товар. Количество страждущих и жаждущих, выстроившихся на асфальте перед стеклянными дверями гастронома, еще не успело ощутимо уменьшиться.

«Не стояли звери около двери...»

После известного указа «О борьбе с пьянством и табакокурением», изданного шесть лет назад, партия и правительство пошли на радикальное уничтожение виноградников и табачных плантаций по всей стране. И уже через полгода население, - как всегда испытывающее чувство глубокого удовлетворения от решений родных и любимых вождей, - покорно и поголовно выстроилось от Бреста до Владивостока и от Мурманска до Кушки в бесконечные очереди за вожделенными продуктами, а барыши подпольных спекулянтов табаком и спиртными напитками превысили все мыслимые размеры. Тогда неугомонное и помолодецки активное партийное руководство в своей праведной борьбе с «зеленым змием» шагнуло еще дальше и ввело предельные месячные нормы потребления водки на одного человека. Ну, а поскольку на Руси еще со времен Рюриковичей пили много больше, чем два литра на брата в месяц, на широких просторах Советского Союза тотчас же стало стремительно расти количество неудовлетворенных жизнью граждан. Смягчить последствия очередного судьбоносного излома партийной линии героически взялись многочисленные советские пенсионеры и ветераны войн и прочих боевых конфликтов, которые за сравнительно небольшую доплату брались выстоять очередь любой длины и получить бутылку с животворящим продуктом по своей личной карточной квоте, на пару емкостей в месяц превосходящей квоту трудящихся граждан. Народная мудрость тут же весьма метко окрестила участвующих в этом мелком частном бизнесе женщин - пенсионерок отстойницами, а мужчинам присвоила хотя и двусмысленное, но в целом весьма почетное наименование стояльцев.

Спросив крайнего, Жилин пристроился в конец очереди, краешком глаза по-прежнему незаметно отслеживая приближавшуюся тетку с авоськами. Но женщина лишь на мгновение притормозила у хвоста очереди, переводя дыхание и оценивая перспективы

«Не стояли звери около двери...»

стояния присутствующих граждан, мысленно сделала какой-то явно не оптимистический вывод, и, перехватив свою поклажу из руки в руку, переваливаясь с ноги на ногу как выбравшаяся на берег утка, двинула по проспекту дальше, куда-то в сторону Волоколамки.

Жилин еще какое-то время провожал ее настороженным взглядом, а потом облегченно вздохнул и, совершенно потеряв интерес к удалявшейся женщине с авоськами, собрался уже было совсем сдать очередь и продолжить далее путь, когда к магазину, весело сигналив клаксоном, подкатил, ослепительно посверкивая стеклами окошек, новенький желто-синий милицейский «газик». Дверцы автомобиля стремительно распахнулись и на все еще не успевший просохнуть после моросившего утром дождика асфальт один за другим прыгнули три милиционера, одетые в короткие серые куртки, мешковатые брюки - галифе и высокие, почти до самых колен сапоги. Следом степенно и неторопливо из машины выбралась крупная и холеная немецкая овчарка.

- Облава, блин, - испуганно просипел стоявший впереди Жилина сгорбленный старичок в перешитом в гражданское платье поношенном армейском плаще. - Ах, ты ж твою мать!

- Трое в машине, не считая собаки! - процедил сквозь зубы невысокий чернявый парнишка с дипломатом-«мыльницей» в руках. - Ну, мужики, сейчас начнется...

Очередь сразу же напряженно замерла и как-то даже поджалась. Пару минут приехавшие, негромко и смешливо похохатывая, о чем-то переговаривались между собой, словно бы и не замечая направленных на них сотен глаз. Овчарка на длинном кожаном поводке широко зевнула, лениво повела головой сначала направо, потом налево и, наконец, остановила свой скучающий взгляд на копошащихся около лужи воробьях.

Троица в сером, в конце концов, о чем-то договорилась, развернулась и неторопливо двинулась в

«Не стояли звери около двери...»

сторону очереди. На полшага впереди группы с дистанционным спирт-индикатором наперевес горделиво вышагивал высокий плечистый старшина. На его широком, в крупных оспинах лице, маской застыла легкая и немного высокомерная улыбка. Старшина явно предвкушал предстоящее развлечение.

Первой жертвой облавы оказался хлипкий понурый мужичонка в черной поношенной куртке, мятых серых брюках и стоптанных, давно нечищенных туфлях. Едва патруль поравнялся с ним, спирт-индикатор радостно застрекотал и плотоядно замигал своим единственным красным глазом. Старшина тут же одним профессионально отработанным и мощным движением руки ухватил мужика за шиворот, выдернул из очереди и развернул лицом к себе.

- Та-ак, - его оценивающий взгляд скользнул по сгорбленной фигуре жертвы. - Ты когда принимал в последний раз, родной мой?

- Товарищ старшина, - мужичонка принялся нервно облизывать губы, - я только лекарство пил... Честное слово, только лекарство. Вот...

Он полез куда-то во внутренний карман своей куртки и вытащил стеклянный флакончик с «Корвалолом»:

- Сердце пошаливает... Врач прописал... Три раза в день...

- Ну, ты мне только тут не звезды, понял? Больные у нас за пойлом не стоят. Больные у нас дома в койках лежат. В окружении, тля, любящих детей и внуков. Или ты без ста грамм с утраца загнешься, а? - старшина зло сплюнул под ноги прямо на асфальт и сказал в висевшую у него на нагрудном ремне портативную рацию:

- Первый, я - седьмой. Коля, высылай фургончик.

Рация что-то одобрительно крякнула в ответ. Лицо извлеченного из очереди мужика сделалось мертвенно белым:

«Не стояли звери около двери...»

- Товарищ старшина, я ж не себе... У племяша юбилей. Десять лет свадьбы. Я...

- Ра-азберемся, - старшина отмахнулся от него, как от назойливой мухи. - Если не брешешь, отпустим...

Он щелкнул пальцами и стоявший рядом с ним востроносый сержант молниеносно вогнал иглу парализатора в левое плечо все еще что-то бормотавшего себе под нос мужика. Старик дернулся, выгнулся вперед дугой и, коротко и жалобно всхлипнув, повалился кулем прямо на мокрый асфальт. Третий милиционер, тоже с сержантскими нашивками на погонах и коротким копьем парализатора в руках, брезгливо пнул упавшего в живот носком лакированного сапога и озабоченно заметил:

- Бледноватый он какой-то... Слышь, Федорыч, как бы этот хмырь и впрямь не загнулся...

- Жить захочет - не помрет, - жизнерадостно изрек старшина и громко захохотал, неестественно широко растянув губы. Зубы у него оказались крупные и желтые. - А чтоб не отдал концы, мы ему для пары сейчас боевую подругу подберем! Пусть папашке сопли повытирает!

Взгляд старшины скользнул вдоль очереди и остановился на невзрачной и аккуратной старушке в клетчатом пальтишке и сером теплом платке:

- Ну-ка, мамаша, предъяви-ка свои документки.

Бабка всполошено встrepенулась, вытащила откуда-то из недр своей хозяйственной сумки красную и засаленную серпасто-молоткастую книжечку и молча протянула ее старшине. Он длинным ногтем на мизинце подцепил обложку и раскрыл паспорт:

- Та-ак... Марьяна Авдотья Прохоровна... Отстойница, а?

- Господь с тобой, сынок, - бабка испугано шарахнулась от него. - Себе я беру, вот тебе крест - себе!

- Какой еще Господь? Какой крест? Ты чё? - серо-стальные глаза старшины хищно сузились. - Публичное отправление религиозных обрядов проводишь, мать

«Не стояли звери около двери...»

твою налево? Ну-ка, топай к дедуле. Сейчас поедem с тобой в отделение разбираться...

- Сыночек, - по морщинистым щекам бабки поползли мелкие бисеринки слез, - прости дуру старую. Ну, невзначай вырвалось... Я ж неверующая... У меня и медали есть, сыночек...

Трясущимися руками она снова полезла куда-то внутрь своей тряпичной сумки и извлекла на свет истертый темно-зеленый прямоугольничек ветеранского удостоверения.

- Это, мать, ты раньше была комсомолкой и спортсменкой. А сейчас ты - злостная отстойница и религиозная фанатичка, - бросил через плечо старшина, даже не повернув в сторону бабки головы. - Топай к дедуле, тлень, пока я добрый!

Один из сержантов подхватил бабку под локоть и с силой подтолкнул в сторону распластавшегося на асфальте и уже успевшего обмочиться парализованного мужика:

- Ну-ка, стерва, стой здесь и не рыпайся!

- Гарантированные пятнадцать суток принудиловки и месяц без пенсии, - прошептал почти на ухо Жилину парень с «дипломатом». - Ох, зверье, ох, зверье...

Старшина отступил пару шагов назад, окинул очередь бесшабашно-веселым взглядом и, явно копируя актера из старого комедийного фильма, гаркнул:

- Ну-ка, граждане тунеядцы и алкоголики, приготовить документики к проверочке! Стояльцы и отстойницы, шаг вперед марш! Добр-ровольное признание о-облегчает наказание!

Очередь приглушенно зароптала и недовольно зашевелилась, доставая из карманов и сумок книжечки паспортов и картонные месячные абонементы на закупку табака и спиртных напитков.

«Вот черт, - выругался про себя Жилин, - мне для полного счастья еще только в облаву попасть не хватало!»

«Не стояли звери около двери...»

Документы у него были в порядке, но из своего опыта общения с московскими правоохранителями, он уже знал, что придраться патруль сейчас мог к чему угодно. Все же разбирательства в отделении милиции, как правило, заканчивались жестоким избиением задержанных, несколькими сутками принудительных работ на расчистке городских свалок и солидным денежным штрафом. Что же тут поделаешь, если в последние годы городу очень была нужна дармовая рабочая сила и дополнительные поступления в местный бюджет? Количество задержанных за «табак-водку» и «религиозные отправления» особенно выросло после того, как в июне прошлого года Лихачев своим указом ввел обязательные поощрительные премии для сотрудников правоохранных органов в размере пятидесяти процентов от суммы наложенного на задержанного нарушителя штрафа. Проще всего патрульной службе оказалось брать пенсионеров - заутюженные пропагандистской машиной и вышколенные за десятилетия работы до беспрекословного подчинения любому начальству, они и помыслить не могли даже о робком сопротивлении властям и жалобах в вышестоящие инстанции.

Жилин уже было полез за паспортом во внутренний карман пиджака и стал мысленно собираться, готовясь к предстоящей проверке, когда из передней части очереди вдруг стремительно выскочил молодой высокий парень в джинсах и кожанке, пулей промчался мимо пыльных витрин гастронома и магазина фотопринадлежностей «Юпитер» и, почти не снижая скорости на повороте, резко вильнул вправо за угол.

В следующие несколько мгновений самодовольная улыбка медленно сползала с лица старшины, постепенно вытесняясь выражением горькой, почти до детских слез, обиды. Но где-то среди многочисленных извилин его мозга, глубоко спрятанного под фуражкой с высокой тульей и толстыми костями черепа, замкнулась цепочка заученных

«Не стояли звери около двери...»

служебных команд. Уже в следующую секунду рот старшины страшно осклабился и он рывкнул во всю мощь своих могучих легких:

- Взять его! За ним, быстро!

- Дракон, фас! - один из сержантов спустил с повадка бурую плотную псину и та, недовольно рыкнув, молнией устремила за беглецом.

- Вперед, бегом! - румянец охотничьего азарта заиграл на щеках старшины и он, перекинув спирт-индикатор на ремень за плечо, рванул с места вслед за собакой. Мгновение спустя и оба сержанта бросились следом, на ходу вытаскивая из кобур на поясных ремнях свои вороненые «макаровы». Оторопевшая очередь проводила бегущих глазами, и уже через секунду, вся, разом, мгновенно позабыв про «табак-водку», пришла в движение и прыснула в разные стороны, оставив лежать на асфальте только все еще совершенно беспомощного парализованного мужика.

Жилин быстро шагнул за щит объявлений около дороги, поднял воротник плаща и широкими шагами торопливо зашагал по проспекту прочь от гастронома. Сзади, постепенно удаляясь, послышались свистки, матерные крики, неистовый собачий лай, а потом, перекрывая все звуки, грохнули два выстрела.

- Все, при попытке к бегству, - испуганно охнул кто-то из прохожих за спиной у Жилина и тут же от греха подальше опасливо юркнул в двери ближайшего подъезда.

Жилин, больше не оглядываясь назад, широким быстрым шагом дошел до книжного магазина «Мир», потянул на себя тяжелую деревянную входную дверь и шагнул внутрь помещения.

В обширном торговом зале магазина, несмотря на дневное время, почти никого не было. Слева, около стенов отдела научной и технической литературы, копался в пыльных залежах справочников и учебных пособий хмурый худощавый мужчина средних лет в длинном сером осеннем пальто и старомодной шляпе.

«Не стояли звери около двери...»

Девчонка лет пятнадцати в выглядывающей из-под короткого клетчатого пальтишка отутюженной школьной юбочке и аккуратно заштопанных на коленках колготках, читая названия книг про себя и смешно шевеля при этом полными губами, искала что-то на полках под броской красной вывеской «Советская русская литература». За круглым окошком кассы, устремив взгляд куда-то в мировые пространства, скучала средних лет продавщица в застиранном синем форменном халатике.

Скользнув взглядом по залу, Жилин свернул вправо от дверей, оказался в отделе политической литературы и остановился у стенда новых поступлений.

Зал был пуст. Только за прилавком у левой стены одиноко маялась продавщица – почти полная копия кассирши из соседнего зала. Из большого окна около стенда хорошо просматривались редкие прохожие и ползущие друг за другом по шоссе автомобили. Периодически бросая взгляд за оконное стекло, Жилин сделал вид, что неторопливо просматривает политиздатовские новинки.

После десятилетней давности идеологического пленума ЦК КПСС количество партийных и пропагандистских изданий в стране возросло в разы, почти иссушив и без того тонкий ручеек издающейся художественной литературы. Даже Толстого, Тургенева и Пушкина теперь издавали только для школьных библиотек в исковерканном и урезанном до крайности виде. Современные же литераторы были представлены, в основном, многотомными пудовыми трудами секретарей Союза писателей и лояльными к руководству страны зарубежными авторами - коммунистами. Для компенсации духовных и культурных потерь слегка зароптавшей от литературных притеснений интеллигенции в учебных программах школ и вузов появился обязательный двухгодичный курс «Советская партийная литература». В пределах четко обозначенных рамок этого нововведения интеллектуалы Страны Советов могли получить глубокое удовлетворение,

«Не стояли звери около двери...»

например, от «Малой земли» Брежнева, «Свершений и судеб» Грикина или многостраничной эпопеи воспоминаний нынешнего Генсека Лихачева.

Жилин взял со стенда толстый тяжелый том в красно - зеленой обложке. Виктор Протопопов, «Торжество ленинских идей в Афганистане. Двадцать лет Апрельской социалистической революции, 1978–1998». По-прежнему настороженно кося глазом на прохожих за окном, Иван раскрыл том на лощеной вкладке с цветными фотографиями. Могучий Т-82М в противорадиационной защите, с навесными ракетами класса «земля – земля» на бортах, подняв гусеницами в воздух облако песчано-желтой пыли, неуклюже разворачивался на узкой городской улочке. Сбоку испугано жалась к глиняным стенам домов группка женщин в темных национальных платьях и оборванных грязных детей. Подпись под фотографией гласила: «1995 год. Население пригородов Кабула радостно встречает советских освободителей».

«Оставшееся население пригородов Кабула, - мысленно поправил автора книги Жилин. - Боже мой, сколько же там народу уложили?»

Почти четыре года назад Третья ударная армия под командованием генерал-лейтенанта Калинина, совершенно очумев от пятилетней бессмысленной кровавой бойни на границе с Пакистаном, в одну из холодных зимних ночей совершенно неожиданно для центральных советских властей в Москве вдруг перебила замполитов и военных партработников и, объявив себя Русской народно-освободительной армией, при поддержке партизанских отрядов из местного населения, двинулась на Кабул, по дороге разоружая вторые эшелоны Ограниченного воинского контингента Советской Армии и части афганского цорандоя.

Московское руководство во главе с Лихачевым было настолько шокировано восстанием боевых воинских частей, что несколько дней пребывало в

«Не стояли звери около двери...»

абсолютном ступоре. Партийные бонзы хоть как-то пришли в себя только в начале марта, когда части мятежного генерала взяли Кабул и с ходу, уже практически не встречая сопротивления и обрастая афганскими добровольческими силами, повернули на север, к советской границе. Говорят, что Лихачев больше всего опасался даже не перелома в афганской войне, а именно встречи калининцев с частями Туркестанского военного округа. Якобы были совсем немалые шансы, что войска могут, окончательно наплевав на московское партийное руководство, объединиться в совместном марше вглубь страны.

Может быть, так все бы и получилось, если бы генерал Калинин не решил устроить перед броском через границу большое совещание командиров верных ему воинских частей и отрядов добровольцев в освобожденном Кабуле. Советская разведка на этот раз уже не дремала...

Жилин вспомнил, как три с половиной года назад мартовской стылой ночью он лихорадочно крутил ручки настройки своего старенького «Меридиана», пытаясь сквозь надсадный вой глушилок уловить передачу хотя бы какой-то из западных радиостанций. Но на частотах «Голоса Америки», «Свободы» и «Свободной Европы» непроницаемой акустической стеной стоял оглушительный переливчатый визг. Только под самое утро Иван наткнулся на чью-то едва пробивавшуюся сквозь искусственные помехи радиопередачу. Диктор скороговоркой говорил на незнакомом - может быть, арабском, - языке. Напрягая слух, Жилин вслушивался в незнакомые слова и несколько минут совершенно ничего не понимал. Не понимал до того момента, пока далекий радиокomentатор вдруг не оборвал свою речь на полуслове и после короткой паузы не произнес, а скорее даже прошептал в микрофон срывающимся, дрожащим от едва сдерживаемых слез голосом: Хиросима, Нагасаки, Кабул...

«Не стояли звери около двери...»

Партийное руководство, конечно же, немедленно после разгрома военного мятежа устроило «разбор полетов». Полетели сотни голов в армии, авиации и даже на флоте. Комитет государственной безопасности был зашельмован с самых высоких трибун за отсутствие бдительности и разогнан. Впрочем, свято место пусто не бывает. Уже через неделю вместо бесславно почившего КГБ Политбюро ЦК КПСС приняло решение о создании еще более крупной структуры - полиции государственной безопасности, ПГБ. Острословы на кухнях за бутылкой водки шутили: «Кто попался Пэ-Гэ-Бэ - тот, конечно, по-ги-бэ». Смех смехом, а в этой мрачной шутке была немалая доля правды. Уровень репрессий в стране после разгрома калининцев взлетел едва ли не до отметки тридцать седьмого года.

Ладони у Жилина вспотели. На долю секунды ему даже вдруг показалось, что он сейчас держит в руках не толстый многостраничный том, а огромную, мертвую и холодную зеленую жабу, с тела которой срываются на пол большие кроваво-красные капли. Ком подкатил к горлу, и Ивана едва не стошнило от отвращения. Только невероятным усилием воли он смог сдержать вдруг охватившее его желание тотчас же не запустить тяжелой книгой в красно-зеленом целлофанованном переплете прямо в уныло-безразличный мир за оконным стеклом.

«А вот это уже нервы, товарищ пилот, - тут же укорил он сам себя, чувствуя, как холодные струйки пота медленными ручейками ползут по спине. - Что, нервишки у тебя сдают, парень? Н-да... Лечить нужно нервишки, иначе...»

Он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы окончательно успокоиться, закрыл книгу и аккуратно поставил ее на место. Бегло пролистав еще несколько тощих бело-красных брошюр, Жилин купил тоненькую книжечку с материалами последнего, июньского, пленума ЦК КПСС и вышел из магазина. Он на секунду замешкался на ступеньках, поправляя шарф, и одновременно внимательно оглядел улицу. Сунул, свернув трубкой,

«Не стояли звери около двери...»

купленную брошюру глубоко в карман плаща и зашагал к перекрестку. Слежки за собой он пока не обнаружил.

«Хотя это вовсе не означает, что слежки и в самом деле нет, - подумал Жилин, остановившись у полосатой зебры пешеходного перехода. - Они ведь вполне способны вести меня на расстоянии. Кто может гарантировать, что сейчас из проезжающих мимо машин не следят за мной чьи-нибудь внимательные и, конечно же, бесконечно любящие глаза? Или что куда-нибудь в полу плаща мне еще на вокзале незаметно не всадили какой-нибудь миниатюрный «жучок»?»

В круглом глазке светофора напротив перехода зажегся зеленый свет. Жилин быстро перешел на другую сторону улицы. Справа, на пересечении Ленинградского проспекта и улицы Алабяна, стоял огромных размеров стенд, на котором традиционно с начала восьмидесятых годов вывешивали цветные портреты Генеральных секретарей ЦК КПСС.

«Сколько их сменилось за эти годы? - Жилин на мгновение задумался. - Брежнев, Антропов, Черненко, Грикин, Ромаков... А теперь вот Лихачев»...

В последние полтора-два десятилетия стране и партии фатально не везло на правителей. Старика Брежнева подкосил обыкновенный насморк после ноябрьской праздничной демонстрации 1982 года. У Антропова неожиданно сдали большие почки. Черненко в последние месяцы своего секретарства едва мог дышать от бесконечных приступов астмы... Сменивший Черненка в руководящем кресле бывший партийный босс Москвы Грикин выглядел на этом фоне бодреньким здоровячком и сначала вселил в партаппарат уверенность в долгом и беспроблемном своем царствовании. Кое-кто уже, потирая руки, всерьез предвкушал скорое возвращение к хлебосольным и пьяным брежневским временам, порушенным антроповскими дисциплинарными новациями. Но судьбе было угодно распорядиться иначе. Всего через два с половиной года после своего избрания на очередном внеочередном пленуме, аккурат

«Не стояли звери около двери...»

на семидесятилетие Октябрьской революции, товарищ Грикин сильно перебрал на банкете в ЦК партии. Выйдя из-за праздничного стола в туалет по малой нужде, «великий сын советского народа» не удержался на ногах и рухнул головой прямо в мраморный итальянский унитаз – помощников и охрану в партийных верхах в сортиры принято было не брать. Новый Генсек, ленинградский выходец Ромаков, оказался человеком хмурым, вспыльчивым и чрезмерно крикливым. В конце концов, это его и сгубило. Узнав, что информация о пьяном кураже его племянника в Грановитой палате попала на страницы зарубежных газет, Ромаков вызвал к себе министра иностранных дел и первого зампреда КГБ и устроил им разнос со швырянием папок в лицо и битьем кулаком по столу. Но, увы: на высшей ноте самого крутого и эмоционального выражения горячее партийное сердце Генсека не выдержало нагрузки и просто остановилось. С тех пор, вот уже восьмой год, страну, раскинувшуюся на просторах от Бреста до Владивостока и от Новой Земли до Кушки, твердой рукой вел к полной и окончательной победе коммунизма новый Генеральный секретарь - Кузьма Егорович Лихачев.

Жилин поднял взгляд. С портрета на стенде на него смотрел седовласый упитанный человек с округлым овальным лицом и по-старчески чуть приотвисшими щеками. Пепельно-серые брови над глубоко посаженными небольшими карими глазками Генсека слегка приподнимались к переносице. Это сочетание пухлых розовых щек и подчеркнутых густыми бровями почти затененных глаз делали Лихачева похожим на надувшегося от собственной значимости хомяка.

«Зверушка, - ухмыльнулся про себя Жилин. - Добродушный и ласковый хомячок с маленькой лапкой на красненькой ядерной кнопочке... Наш Кузя так любит, когда его хвалят и дарят ко дню рождения яркие цацки!»

Этим летом товарищ Лихачев получил очередную, уже шестую, звезду Героя Советского Союза,

«Не стояли звери около двери...»

переплюнув таким образом личный рекорд своего предшественника - сентиментального и слезливого скромняги Леонида Ильича. Теперь шесть экземпляров высшей награды страны сияющей перевернутой пирамидкой украшали на всех официальных мероприятиях горделиво выпяченную грудь Генсека. Звание Генералиссимуса благодарные народ и партия дали Кузьме Егорычу еще раньше, как только над Кабулом рассеялся радиоактивный пепел, а гусеницы советских танков заутюжили баррикады поднявших голову «антисоциалистических элементов» в мятежных Праге, Варшаве, Кракове и Гданьске.

Жилин прошагал мимо вытянувшейся вдоль проспекта песчано-коричневой туши какого-то режимного института и перешел по подземному переходу к стеклянно-бетонной башне «Гидропроекта». Еще раз бросил стремительный взгляд назад, снова пытаюсь отыскать за спиной «топтунов», а затем широким размеренным шагом двинулся по Ленинградке к седьмому учебному корпусу авиационного института.

Иван, больше не оглядываясь, прошел мимо двухэтажной «стекляшки» - пристройки к «Гидропректу», мимо жилого дома с пельменной на углу и двинулся вдоль металлического забора, обозначавшего начала территории авиационного института. Пятиэтажный учебный корпус был похож на огромный, уложенный на бок параллелепипед, усеянный вдоль всей длины широкими глазами застекленных окон. Первый этаж был полуторной высоты, его окна были выше и снизу доверху зарешечены – чтобы предотвратить попытки коварных заграничных шпионов пробраться в святая святых советской авиационной и ракетно-космической науки.

Жилин легко взбежал по ступенькам на порог учебного корпуса, распахнул дверь из толстого стекла и нырнул внутрь здания. Перед ними открылся широкий холл, еще несколько ступенек вели вверх, к пропускному пункту. Занятия второй смены уже давно начались, и

«Не стояли звери около двери...»

холл был почти пуст – только две девчонки - студентки рассматривали открытки на витрине книжного киоска справа от входа в институт. Иван чуть ли не в один прыжок преодолел ступеньки, и не останавливаясь, на ходу, сунул под нос пожилому вахтеру в зеленой тужурке стандартный институтский пропуск, взятый вчера у студента-владельца во временную аренду за две бутылки пива. Вахтер лениво повел глазами и молча кивнул.

Иван прошел сквозь металлический турникет, свернул влево, опустил по лестничному пролету на пол этажа вниз, в сторону гардероба, остановился и настороженно оглянулся назад. Отсюда ему хорошо был виден и сам пропускной пункт, и все входившие через него в институт. «Топтун» - если он, конечно, был, - непременно должен был сунуться в здание института следом за Жилиным.

Финт с обнаружением возможного «хвоста» и уходом от него через территорию режимного объекта придумал Сикорски. Не бог весть что, конечно, но в случае чего могло сгодиться и это. Вряд ли в кармане рядового сотрудника московского ПГБ мог бы завалиться пропуск МАИ. Поэтому, пересекая пропускной пункт, «топтун» непременно предъявил бы вахтеру свое пэгэбэшное удостоверение. Вот тут-то, по убеждению Сикорски, и должна была возникнуть та мимолетная пауза, когда вахтер будет осознавать, чем предъявленная красная корочка отличается от стандартной голубой институтской и почему владелец красной книжечки имеет право беспрепятственно пройти на территорию любого режимного объекта. Этот момент преодоления «топтуном» институтского КПП, утверждал Рудольф Сикорски, расхаживая по гостиной своей просторной квартиры в Мытищах, можно с высокой вероятностью засечь и окончательно убедиться в наличии или отсутствии «хвоста».

Жилин простоял на площадке между этажами почти пять минут, внимательно рассматривая всех

«Не стояли звери около двери...»

входящих. Была середина дня, послеобеденные лекции и семинары уже шли полным ходом, и за все время наблюдения через пропускной пункт промчался только очкастый вихрастый парень с дипломатом под мышкой и неторопливо продефилировала, радостно о чем-то щебеча, стайка младшекурсников.

Не обнаружив «хвоста» и облегченно вздохнув, Жилин все же решил совершить то, что Рудольф Сикорски на вчерашнем вечернем инструктаже назвал «маневром запланированного ухода». Перепрыгивая через несколько ступенек, Иван спустился в гардероб, круто свернул вправо и оказался в длинном, совершенно пустом и темном коридоре хозяйственного сектора. Прогрохотав ботинками по металлическим плитам, устилавшим пол коридора, Жилин снова оглянулся назад. Пространство у него за спиной по-прежнему оставалось совершенно безлюдным. Удовлетворенно фыркнув, Жилин, насвистывая под нос мотив популярной песенки, поднялся по лестничному пролету к запасному выходу из корпуса.

Иван отодвинул тяжелый засов, толкнул обшитую стальными листами фанерную дверь и оказался на широкой пешеходной аллее между институтскими корпусами. Он повернул налево и зашагал по асфальтированной аллейке, обсаженной слева и справа аккуратно подстриженными кустами. Миновал пятый учебный корпус и небольшой гранитный монумент, установленный прошлой весной в память о погибшем при посадке «Бурана» экипаже полковника Бородина, и вышел на институтскую площадь. Площадь еще со времен основания авиационного института именовалась студентами «сачкодромом» за разбитый в центре ее тенистый сквер с удобными лавочками, на которых так хорошо было расположиться, сбжав с очередной нудной лекции по политэкономии или марксистско-ленинской философии.

Мимо возвышавшихся над газонами около третьего учебного корпуса скульптур Ленина и

«Не стояли звери около двери...»

Орджоникидзе, Жилин направился к выходу из института в сторону улицы Дубосековской. Со скульптурой наркома Серго была связана одна из давних институтских историй. Якобы первоначально скульптура изображала совсем другого известного уроженца Грузии. Но после двадцать второго партийного съезда КПСС и выноса второй мумии из Мавзолея, руководство института решило не отставать от передовых партийных веханий. В ректорат срочно был приглашен известный советский скульптор, который всего за одну ночь превратил нос посмертно впавшего в немилость товарища Сталина в более крупный нос наркома Серго Орджоникидзе. Все бы ничего, история с пребыванием на территории института скульптуры отца народов была бы постепенно забыта, если бы не одно весьма неприятное обстоятельство. Дело в том, что скульптор изготовил нашлепку на нос товарища Сталина из другого материала, чем тот, из которого в свое время изваяли скульптуру. Нет, по плотности и цвету материал был абсолютно такой же, но вот коэффициент термического расширения у нашлепки и носа неожиданно оказался совершенно различным. Поэтому каждый год, сразу после зимних холодов, как раз в первых числах марта нашлепка самым аккуратным образом отваливалась от могучего носа скульптуры, и легендарный нарком на некоторое время вновь превращался в покойного генералиссимуса. «Иосиф Виссарионович изволили прибыть для празднования очередной годовщины своей смерти», - вполголоса мрачно шутили институтские преподаватели, добрая половина которых несколько лет провела в лагерях и шарашках. «Весна началась, - весело улыбались в ответ студенты. - С земли сошел снег, а с лица товарища Сталина - нос товарища Орджоникидзе».

Еще раз предъявив пропуск, Жилин вышел из ворот института. Мимо студенческого Дома культуры и нагромождения стекляннно-бетонных кубов нового учебного здания дошел до уныло-желтых многоэтажных корпусов жилых домов и свернул в первую же

«Не стояли звери около двери...»

подворотню. Здесь, в проходном дворе, он еще раз внимательно осмотрелся и, по-прежнему не обнаружив даже намека на слежку, быстрым шагом вошел во второй от угла дома подъезд.

На одном дыхании преодолев несколько лестничных пролетов, Иван остановился около обитой черным дерматином двустворчатой двери на четвертом этаже, чуть помедлил, прислушиваясь, не поднимается ли по ступенькам кто-нибудь снизу следом за ним, а затем решительно нажал на маленькую металлическую кнопку электрического звонка. Изнутри квартиры прозвучала приглушенная переливчатая трель, отдаленно напоминавшая радостный птичий щебет, и несколько секунд спустя уши Жилина уловили звук легких, почти невесомых шагов. Щелкнул замок, заскрежетал тяжелый засов. Дверь приоткрылась на длину металлической цепочки. В темном приоткрывшемся проеме тотчас же возникло белое пятно женского лица.

- Вам кого, товарищ? - девушке было на вид не больше двадцати пяти. Свежее розовое лицо с едва заметными веснушками обрамляли золотистого цвета прямые волосы. Большие зеленые глаза настороженно рассматривали гостя.

- Нельзя изменить законы истории... - негромко произнес Жилин хорошо заученную фразу пароля.

- ...но можно исправить некоторые исторические ошибки, - заулыбалась в ответ девушка. Улыбка у нее была светлой и какой-то радостно-детской.

- ...эти ошибки даже должно исправлять, - монотонной скороговоркой закончил Жилин, чувствуя, что уголки его рта тоже самопроизвольно начинают растягиваться в улыбке.

- Входите, - девушка откинула металлическую цепочку и решительно распахнула перед Иваном дверь. Жилин не мешкая шагнул в прихожую.

- Меня зовут Сельма, - веселым голосом сообщила девушка, щелкнув у него за спиной дверным замком и

«Не стояли звери около двери...»

задвинув щеколду. - Сельма Нагель. А вы - Иван, так ведь?

- Да, - Жилин повернулся к ней лицом и слегка поклонился.

- Я вас именно таким и представляла, - девушка окинула его откровенно оценивающим взглядом и одобрительно кивнула.

- Каким? – весело фыркнув, поинтересовался Жилин.

- Ну, - Сельма явно смутилась, ее щечки порозовели еще больше. - Вот таким... Мужественным и решительным.

- Постараюсь полностью оправдать ваши ожидания, сударыня, - Жилин вдруг обнаружил, что уже улыбается в полный рот. - Может быть, даже завтра.

По лицу Сельмы промелькнула легкая тень. Глаза девушки как-то сразу вдруг сделались совершенно серьезными:

- Раздевайтесь и проходите, Иван. Все наши уже в сборе.

«Наверное, зря я напомнил ей о завтрашнем дне, - огорчился Жилин. - Переживает девчонка... Или может быть, просто боится... Чурбан ты бесчувственный, Ванюша Жилин! Деревяшечка безмозглая!»

Он кое-как пристроил на вешалке свой плащ и вслед за Сельмой двинулся в гостиную.

В гостиной, оказавшейся большой светлой комнатой с высоким потолком, уже действительно собралась вся группа. У мерцающего экрана телевизора расслабленно развалился в кресле длинный и какой-то очень уж нескладный парень лет тридцати со светлыми, почти совершенно белыми волосами и едва заметными на бледном худом лице тонкими белесыми бровями. На просторном диване у левой стены сошлись в шахматной партии еще два гостя: плотный, плечистый мужчина с изрезанным глубокими морщинами загорелым до черноты лицом и большими залысинами на высоком лбу и худощавый черноволосый молодой человек, почти

«Не стояли звери около двери...»

совсем еще мальчик, со съехавшими на нос очками в легкой металлической оправе. За их игрой с некоторым интересом следила высокая русоволосая девушка с длинной, до самого пояса косой и слегка вздернутым вверх маленьким носиком. Еще одна женщина - худенькая брюнетка с короткими и аккуратно подстриженными волосами, - сидела в кресле у окна, перелистывая прошлогоднюю подшивку «Огонька».

- Жилин Иван Константинович, собственной персоной, - сказала Сельма, делая шаг в сторону и пропуская Ивана вперед. - Прошу любить и жаловать.

- Здравствуйте, товарищи, - Жилин нерешительно переступил порог комнаты. Пять пар глаз рассматривали его с нескрываемым интересом.

Первым нашелся игравший в шахматы плотный коренастый мужчина. Резво поднявшись с дивана, он с протянутой рукой шагнул навстречу Жилину:

- Рад познакомиться, Иван Константинович, - его рукопожатие оказалось крепким и сильным. - Я - Репнин Савелий Петрович, можно просто Саул.

- Ну, а я, естественно, просто Иван, - в тон собеседнику ответил Жилин и улыбнулся.

- Ой, вы говорите, как в кино! - высокая девушка с русой косой засмеялась и захлопала в ладоши. - «Просто Иван!» Вот замечательно! А я - Рада, Рада Гаал.

- И где же это вы насмотрелись запрещенных фильмов по сценариям идеологически невыдержанных авторов, Радочка? - Жилин шутливо погрозил ей пальцем. - Вы знаете, на какой дальней полке сейчас лежат «Чародеи»?

- Нашу память они на полку не засунут, - мрачно и немного высокопарно изрек черноволосый юноша в очках и представился:

- Амперян Эдуард Аванесович, для друзей - Эдик.

- Ну, я очень надеюсь, что мы с вами как раз и будем друзьями, - Иван слегка потрепал его по плечу.

Нескладный белобрысый парень, наконец, выбрался из кресла у телевизора и сделал шаг к Жилину:

«Не стояли звери около двери...»

- А я - Дауге Григорий Иоганнович, Григорий.

Ладонь его руки была длинной и холодной.

- Если не ошибаюсь, коллега, - сказал с лукавой усмешкой Жилин, - мы с вами в не столь уж далеком прошлом даже совершили несколько совместных космических рейсов, не так ли?

- Да, это так, - совершенно серьезно закивал головой молодой человек, но в глазах его Иван заметил веселые огоньки. - В частности, на Амальтею в системе Юпитера, на Марс и, кажется, в пояс астероидов.

- И как вы с вашим чудным богатырским ростом поместились в космическом корабле, Гриша? - обескуражено развела руками Рада. - Я ума не приложу!

Все дружно рассмеялись.

Жилин подошел к маленькой худенькой женщине у окна, по-офицерски щелкнул каблуками и представился:

- Иван Жилин, пилот.

- Глумова Майя Тойвовна, - женщина слегка наклонила свою красивую головку, рассматривая Ивана. На вид ей можно было дать чуть больше тридцати. Зрачки ее глаз, несмотря на черные как смоль волосы, были яркого небесно-голубого цвета, а улыбка доброй и приветливой. - Специалист по внеземным культурам. А вы настоящий пилот, Иван?

Жилин осторожно взял ее под локоть и зашептал, почти касаясь губами ее ушной раковины:

- Хотя в этом и можно усмотреть нарушение конспирации, но вам, Майя, я признаюсь с величайшим удовольствием. Я - настоящий пилот. Ну, то есть самый обычный летчик. Девять типов освоенных самолетов и вертолетов. Почти две тысячи часов налета. Как, достаточно информации?

- Для начала знакомства - да, - так же шепотом ответила женщина и заговорщицки подмигнула Ивану. - Тогда и я вам признаюсь. Я - почти настоящий специалист по внеземным культурам.

- М-м? - брови Ивана удивленно полезли вверх.

«Не стояли звери около двери...»

Женщина игриво приложила палец к губам, обхватила рукой голову Жилина и шепнула ему в самое ухо:

- Я - астроном Пулковской обсерватории и специализируюсь по поиску внеземных цивилизаций.

- Ну вот, - сказала от порога Сельма, капризно надувая губы, - не успел человек переступить порог, как его тут же берут в плен...

Она бросила в сторону Ивана и Майи озорной взгляд и смешно фыркнула носиком.

- Сельмочка, милая, - Саул пальцами коснулся локтя девушки, - а не найдется ли в вашем чудном холодильнике бутылочка - другая запрещенных к употреблению напитков? Хочется, знаете ли, чего-нибудь эдакого употребить за наше общее знакомство...

- Разумеется, найдется, - Сельма гордо повела плечом и двинулась на кухню.

- А если к бутылочкам найдется еще и чуть-чуть закуски, - сказал ей вслед Саул, - я буду вам обязан до конца жизни!

- Кстати, - лицо Рады стало серьезным, - Иван Константинович, может быть, у вас будут какие-нибудь распоряжения? А то мы тут совершенно расслабились...

- Пока будем отдыхать, - ответил Жилин, скользнул взглядом по лицам присутствующих и продолжил:

- Все вы знаете, что нам предстоит в ближайшие дни, ребята. Есть ли смысл обсуждать все это еще раз?

- Но кое-какие детали все еще не ясны, - заметил из своего кресла Дауге. - Детали и сроки...

- Сроки нам должен сообщить Сикорски, - жестом остановил его Жилин. - А детали... Что ж детали действительно стоит обсудить. Только давайте вначале и вправду перекусим, а?

- Я сразу вас раскусила, Иван, - хохотнула Рада. - Вы - отпетый чревоугодник!

- В известном смысле, да, - откровенно признался Жилин. - И в определенные моменты времени, - тоже да.

«Не стояли звери около двери...»

А вообще-то, ребята, последний раз я ел вчера утром, еще во Владивостоке. Поэтому есть хочется просто зверски!

- Соловья баснями не кормят, - изрек Саул, картинно подняв вверх указательный палец. - Обедать, обедать, и еще раз обедать - вот общее настроение трудящихся масс!

- Путь к сердцу командира лежит через желудок. Параграф два устава строевой службы Советской Армии, - смешливо нахмутив брови, сообщила Рада. - Поэтому, господа офицеры, я с вашего позволения командуюсь на кухню помогать Сельме.

- Не желаете пока сразиться в шахматишки, Иван? - Саул кивнул подбородком в сторону шахматной доски. - А то наш друг Эдуард сегодня несколько рассеян для серьезной игры...

- Откровенно говоря, Саул, я не большой любитель шахмат, - пожал плечами Жилин. - Мой опыт в этой сфере ограничивается, пожалуй, только знанием названий фигур...

- Реванш, только реванш, - Эдик шутливо погрозил Репнину кулаком. - Вам не уйти от справедливого возмездия, Саул!

- Ну, это мы еще посмотрим, - Репнин взглянул на свои наручные часы и обратился к Дауге:

- Гриша, вы не могли бы переключить телевизор на первый канал? Трансляция должна начаться через пару минут...

- Конечно, Саул, конечно, - Григорий потянулся к телевизору.

- Что, снова «напутка»? - хмуро поинтересовался Жилин.

- Она самая, - ответил Репнин, рассеянно расставляя фигуры на шахматной доске. - Напутственное слово. Для наших...

- Ну, и что вы собираетесь от него услышать, мальчишки? - Майя недоуменно пожалала плечами. - Снова

«Не стояли звери около двери...»

будет едва ли не площадная ругань и набор казенных обвинений...

- Нам все-таки нужно иметь больше информации, Майя, - возразил Дауге и вздохнул. - Любой информации. Пусть даже и в таком искаженном виде.

- А мне лично нужно больше ненависти, - сказал Саул и на его щеках заходили желваки. - Я, друзья мои, просто заряжаюсь ненавистью, глядя на тупые свинячьи рыла лихачевского отребья!

- Не такие уж они и тупые, к сожалению, - покачала головой Майя. - А что касается ненависти... Я считаю, что это плохо, когда ненависть становится движущей силой, Саул. Мы рискуем превратиться в таких же ничтожеств, как и они все...

- Согласен, - Саул почесал пальцем переносицу. - Но только отчасти, Майя, только отчасти! Да, ненависть не должна быть нашей движущей силой, но вспомогательным приспособлением... Я ненавижу, да именно ненавижу, и товарища Лихачева, и всю его грязно-красную чиновничью свору!

- О волке помолвка, а волк - тут как тут, - сказал Дауге и кивнул подбородком в сторону экрана телевизора. - Представление начинается.

На зеленоватом экране старенького «Фотона» появилась золотистая на красном фоне заставка: «Выступление Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Кузьмы Егоровича Лихачева на собрании представителей творческой интеллигенции. Прямое включение».

- Врут, - Эдик принялся энергично протирать стекла очков носовым платком и близоруко прищурил глаза. - Это запись. Запаздывание идет примерно на пять минут.

- Разумеется, запись, - криво ухмыльнулся Саул. - А ну-ка, если вдруг кто-нибудь из присутствующих

«Не стояли звери около двери...»

позволит публично не согласиться с нашим дорогим Генеральным секретарем?

- Это совсем уж из области маловероятного, Саул, - на лице Майи появилась скептическая улыбка. - Вы знаете, какой отбор кандидатов проходит на эти встречи членов Политбюро с народом?

- И, несмотря на этот отбор и толпы переодетых пэгэбэшников в зале, они все равно боятся, - с иронией в голосе произнес Эдик. - По-моему, это вообще признак нынешней власти: править - и одновременно трястись от страха.

- Это признак любой тоталитарной власти, Эдуард, - Жилин присел на краешек дивана. - Любой владыка, не опирающийся на подлинную систему народовластия, труслив. Наши нынешние правители в этом смысле вовсе не являются исключением.

Заставка на экране телевизора сменилась изображением Колонного зала Дома Союзов. Лихачев уже стоял на трибуне. Кашлянув и грозно сверкнув в зал стеклами очков, он начал говорить. Текст, подготовленный референтами загодя и заботливо напечатанный крупными буквами, был разложен прямо перед ним. Престарелый Генсек - впрочем, как и большинство его предшественников, - не любил экспромтов ни в государственной политике, ни в собственных речах:

- Дорогие товарищи! Наша страна сегодня переживает один из самых непростых моментов в своей истории. Сегодня, на рубеже тысячелетий, непримиримые противоречия между реальным социализмом и загнивающим империализмом обострились как никогда...

- Как вы думаете, - Майя оперлась подбородком на сплетенные пальцы рук, - а в нашей истории за последние сто лет вообще были счастливые годы?

- На ваш вопрос вряд ли возможно однозначно ответить, Майя, - отозвался Дауге. - Ведь счастье - это очень субъективная категория...

«Не стояли звери около двери...»

- С точки зрения работников партийного аппарата, - Саул достал из нагрудного кармана рубашки пачку дешевых сигарет и прикурил от спички, - очень неплохими были семидесятые годы. Ни Сталина, ни хрущевских реформ - тишь да благодать...

- Я недавно читал сборник статей Збигнева Збежинского, - задумчиво начал Эдик. - Самиздат, конечно... Так вот Збежинский утверждает, что если бы Горбанев не погиб вместе с женой в начале восьмидесят пятого года в автомобильной аварии, история нашей страны могла бы пойти совершенно по другому пути... Горбанев, по мнению этого американского профессора, вполне мог стать тем человеком в Политбюро, который, в конце концов, решился бы на демократические преобразования...

- Ерунда, - Саул нервно стряхнул пепел с сигареты в стеклянную пепельницу на столе. - Неужели, Эдик, вы всерьез верите, что в нашей стране начались бы какие-то политические реформы? Горбанев был таким же динозавром, как все эти старцы из Политбюро. Разве что чуть-чуть помоложе и не такой замшелый...

- Все-таки теоретически он мог бы стать хотя бы вторым Хрущевым, - поддержал Амперяна Дауге. - Подтянул бы в руководство партии молодых и здравомыслящих работников...

- ...И закончил бы свое доблестное правление принятием многопартийной системы и признанием декларации прав человека, - с убийственным сарказмом продолжил Саул. - После этого он бы, конечно, приостановил свое членство в КПСС, распустил КГБ и Советский Союз, а затем публично отрекся от власти.

- Блистательная перспектива, - Майя грустно улыбнулась. - Только боюсь, что еще задолго до воплощения в жизнь всех этих радикальных перемен коллеги по Политбюро потрудились бы запихнуть Горбанева в какую-нибудь элитную психушку.

- ...Участились и попытки империализма подорвать реальный социализм в нашей стране изнутри, -

«Не стояли звери около двери...»

продолжал между тем вещать с экрана Лихачев. - К сожалению, нашлись в нашем обществе немногочисленные отщепенцы, которые с готовностью откликнулись на призывы зарубежных подрывных центров и занялись открытым и скрытым очернительством нашей истории, созданием идейно незрелых и более того - вредных для дела строительства коммунизма произведений. Особый размах деятельность этих отщепенцев приняла после попыток международной реакции четыре года назад силой свергнуть власть трудящихся в Народной Республике Афганистан, Чехословацкой Социалистической Республике и Польской Народной Республике...

- Как вы думаете, с кого он начнет? - Жилин кивнул в сторону телевизора. - С наших, киношников или эстрадников?

- Из всех искусств для нас важнейшим является кино, - к месту процитировал Ленина Саул. - Михайлов, Резанов, Меньков...

- А что эстрадников уже тоже? - удивился Эдик.

- Вчера, - тихо сказала Майя. - Саул, будьте добры, угостите даму сигареткой...

- Пожалуйста, Майечка, - Репнин снова извлек из кармана пачку с куревом и протянул Майе. - А кого именно из эстрадников, вы не помните?

- Много фамилий, - Глумова прикурила от услужливо протянутой Эдиком зажигалки. - Я всех и не упомяну... Тальнов, Преснянов и Леонтов, кажется, - по пять лет с поражением в правах...

- Леонтов?! - округлив глаза, изумился Саул. - А Валерку-то за что?

- За развратное поведение на сцене. Да мало ли к чему они вообще могут придраться? - Майя раздраженно пожалала плечами. - Разину вместе с Кристой и внуками сослали в Оренбург. Без права заниматься концертной деятельностью.

- А Филипп? - живо поинтересовался Эдик.

«Не стояли звери около двери...»

- Его выслали в Болгарию, к нашим верным братушкам по соцлагерю. Въезд в Союз ему теперь заказан.

- Так что сегодня напутственное слово должно быть общим, - заключил Жилин. - Не будут же они трижды собирать московскую интеллигенцию, в сущности, по одному и тому же поводу?

- Там, в Колонном зале, Иван, сейчас нет интеллигенции, - Саул с силой раздавил окурочек в пепельнице. - Там - холуи и прихлебатели товарища Лихачева и его камарильи. А вся интеллигенция у нас сейчас валит деревья в Сибири и на Дальнем Востоке. Или торчит в ссылке в каком-нибудь Богом забытом Мухосранске!

- Но даже своих холуев, Саул, они трижды подряд собирать не станут...

- Поверьте мне, Иван, - губы Саула побелели от едва сдерживаемого гнева, - если все пойдет дальше так, как идет сейчас, скоро они будут собирать публику для напутственных речей Кузьмы Егорыча каждый понедельник! Знаете, как в армии: каждый понедельник с утра - шагом марш на политзанятия?

С декабря позапрошлого года, после партийного пленума об усилении идеологической работы в массах и ликвидации подрывных элементов, страна, не спеша и размеренно, по-социалистически планомерно, вошла в очередную полосу политических репрессий. Сначала за «очернительство советского общественного и государственного строя» свои «пятерки» получили известные юмористы и сатирики - Петросян, Загорнов и Хазаров. Потом в Москве, Ленинграде и Киеве был выявлен так называемый «виртуальный заговор». От Бреста до Курил прокатилась волна разгрома вычислительных центров и изъятия под контроль полиции госбезопасности всей компьютерной техники. Затем настал черед врачей и биологов, физиков-ядерщиков и космонавтов-вредителей...

«Не стояли звери около двери...»

И каждый раз, сразу же после завершения закрытых судебных процессов, но еще перед отправкой осужденных в лагеря, Лихачев с компанией собирали цвет партийной и государственной элиты в Колонном зале, и Генсек выступал перед присутствующими с длинной речью, в которой на бюрократическом «новоязе» поносил «отщепенцев» и воспевал подлинно ленинский курс КПСС. Эти речи Лихачева, которые в обязательном порядке транслировались по всем радио- и телеканалам на всю территорию страны, почти сразу же были прозваны в народе «напуткой» - «напутственным словом».

- ...С особым цинизмом действовали развращенные империалистическим влиянием мастера литературного цеха, - сказал Лихачев с экрана.

- О! - Дауге поднял вверх указательный палец, призывая товарищей к молчанию. - Начинается!

- Все-таки с наших начинается, гад! - зло процедил сквозь зубы Саул.

Все тесной группой сгрудились около телевизора. Даже Сельма и Рада оставили свои кулинарные дела и прибежали из кухни в гостиную.

- ...И не просто литераторы, а так называемые фантасты, - чеканя слова, продолжал Лихачев, - Те самые, которых трудящиеся давно уже и по-пролетарски точно рифмуют с другим известным словом.

Генсек сделал небольшую паузу, явно ожидая от слушателей реакции на свои слова. По рядам в зале послушно прокатилась волна оживления. Телекамера крупным планом показала улыбающиеся и смеющиеся лица.

- Что это он имеет в виду? - нахмутив брови, поинтересовался Эдик.

- Вчерашняя редакционная статья в «Правде» была озаглавлена «Фантасты – педерасты», - Саул от злости даже заскрипел зубами.

Лихачев кашлянул и снова нырнул взглядом в разложенный перед ним текст:

«Не стояли звери около двери...»

- Главным закоперщиком махровой антисоветчины в среде фантастов стала группа московских и ленинградских литераторов во главе с братьями Строгановыми. Строгановы почти четыре десятилетия испытывали терпение наших партийных и правоохранительных органов. Начав писательскую деятельность в конце пятидесятых годов романом «Земля лиловых облаков», который, в целом, верно был ориентирован на воспитание подрастающего поколения в духе марксизма-ленинизма, всего через десять лет они скатились в болото махрового критиканства и оскорбительных полунамеков на нашу советскую действительность. Уже роман «Перелетные гуси» в извращенной форме поднимал так называемую проблему отцов и детей...

- У нас в стране Строгановы этот роман так и не издали, - шепотом заметил Эдик.

- А разве такую книгу можно было у нас издать? - Сельма удивленно пожала плечами. - Никогда не надо надеяться на невозможное, Эдик...

- «Гуси» были изданы только за рубежом, - сказала Рада. - Кажется, где-то в Западной Европе...

- ...Последние романы Строгановых, - продолжал говорить с экрана Лихачев, - «Разрушенный город», «Утяжеленные злом», «Двадцать седьмая аксиома» - вообще являются сплошным пасквилем на наше социалистическое общество...

- Интересно, - Дауге иронически хмыкнул, - он сам-то хотя бы что-нибудь из книг Строгановых читал?

- Говорят, что у них в подвале ЦК на Старой площади есть спецбиблиотека, - Рада тряхнула головой и закинула свою длинную косу за спину. - Там собрано все, что ПГБ и партия не пустили в печать...

- Эх, вот бы где покопаться, - мечтательно протянул Эдик.

- Не будьте наивными, ребята, - Саул горько ухмыльнулся. - Неужели вы думаете, что Лихачев и его банда будут что-то читать? Тем более Строгановых... У

«Не стояли звери около двери...»

них же мозги устроены совершенно иначе. В принципе иначе. Жрать, спариваться, издавать очередные постановления, чтобы укрепить свою власть, - и все, больше они ничего не умеют, не могут и не хотят!

- ...Партия и правительство вынуждены были пойти в конце восьмидесятых годов на полное запрещение публикаций разлагающих наше общество произведений братьев Строгановых, - в голосе Лихачева прорезались металлические нотки. - Но дело усугублялось тем, что к середине прошлого десятилетия при попустительстве тогдашнего партийного и комсомольского руководства в крупных городах страны как грибы-поганки после дождя начали появляться самодельные организации приверженцев антисоветской пачкотни Строгановых - так называемые клубы любителей фантастики. В молодежной среде возникло явление, позже названное партией клюфизмом.

- Мне всегда хотелось узнать, - попыхивая сигаретой, сказала Майя, - кто первым наклеил на клубы этот ярлык? Это надо же додуматься - клюфизм!

- Сам термин, кажется, придумал Певунков из «Молодогвардейца», - ответил Жилин. - В январе девяносто второго вышла его статья, где впервые КЛФ были названы клюфами, а их члены - клюфистами.

- Да-а, - на лице Саула появилась ироническая улыбка. - Вот где сразу чувствуются свежие комсомольские мозги! Прямо таки по запаху ощущаются! Лихачу и его партийным склеротикам такой сложный ярлычок в жизни бы в голову не пришел!

- Клюфистская среда не ограничилась только чтением антисоветской по своей сущности литературы и ее активным обсуждением, - продолжал греметь с экрана голос толстощекого Генсека. - Из этой идеологической плесени начали постепенно вырастать молодые последыши братьев Строгановых. Особенно этому способствовали проводимые на деньги зарубежных спонсоров регулярные псевдолитературные сходки в Маленьевке и Переделово. Из всех подворотен

«Не стояли звери около двери...»

клюфистские выкормыши начали раскрывать свои грязные клювы, постоянно очерняя партию, народное государство и Советскую власть.

«Вот ведь бредятина!» - подумал Жилин и устало прикрыл глаза.

Он вспомнил, как полтора десятилетия назад, в середине восьмидесятых, после погромных публикаций в «Комсомолке», партия и органы стали искоренять клубы. КЛФ вышвыривали из библиотек, участников движения под любыми надуманными предлогами начали изгонять из высших учебных заведений и увольнять с режимных предприятий. Многие испугались репрессий, отошли в сторону, а остальные... Остальные перебрались на частные квартиры, в гостиные и на кухни, забросили свои карьеры и почти готовые к защите диссертации, и продолжали заниматься любимым делом - читать, обсуждать прочитанное, писать. Тиражировались книги Строгановых, запрещенные повести Ивана Ефимова и Кира Булавина, издавался самиздатовский альманах фантастики. Несмотря на преследования со стороны властей, движение росло и ширилось, охватывая все новые и новые города Союза. И, конечно, уж вовсе не клюфистами стали именовать сами себя члены ушедших в подполье клубов: любители фантастики - ЛФ - эль-эфы – «эльфы»...

- Особенно далеко в своей антисоветской деятельности, - голос Лихачева звучал монотонно и неторопливо, - зашли молодые выкормыши зарубежных подрывных центров литературный критик Крикальцов и литератор Нечипорук. Эти с позволения сказать писатели дописались в своих антисоветских пасквилях до того, что задним числом отдали победу в Великой Отечественной войне фашистской Германии. Произошло то, о чем партия не раз предупреждала советский народ: за идейной размытостью и расхлябанностью обязательно следует переход на позиции матерого классового врага. Клюфисты окончательно сбросили

«Не стояли звери около двери...»

свои маски литераторов и на поверку оказались обыкновенными фашистами...

По залу прокатился хорошо отрепетированный рокот возмущения. Крупным планом телекамера показала гневно сжимающего кулаки седовласого военного в парадном светло-сером мундире с несколькими рядами орденов на груди.

- Генерал армии Линичев, - оперативно прокомментировал Саул. - Бывший начальник Главного политуправления Советской Армии. Почти всю жизнь прослужил в Москве... Гм, тот еще шаркун паркетный... После восстания армии Калинина в Афгане был тихо уволен на пенсию.

- И откуда вы все это знаете, Саул? - глаза Рады восхищенно округлились.

- Пришлось заниматься по долгу службы, Радочка,- Репнин развел руками и улыбнулся несколько смущенно. Чувствовалось, что и похвала, и внимание Рады были ему очень приятны.

«А ведь горит синим пламенем вся наша система конспирации, - Жилин почти физически ощутил, как постоянное напряжение последних полутора суток, в котором он находился всю дорогу в Москву, сейчас постепенно сменяется вязкой и тяжелой пеленой усталости и апатии. - Из под слоя маскировки в каждом из нас все равно проступает настоящее «я».

Он, как старший их боевой группы, единственный знал настоящие имена и фамилии всех ребят. Когда стало ясно, что над арестованными строгановцами будет суд, а после завершения процесса покатится волна репрессий против еще остающихся на свободе «эльфов», в подмосковных Подлипках, с соблюдением всех возможных мер предосторожности и секретности, собралось совещание представителей КЛФ со всего Союза. Выбор был очень простой: или молча сидеть и покорно ждать своей очереди арестов, или все-таки начать хоть какую-то борьбу с системой. В милосердие власти и реформирование ее в сторону соблюдения прав

«Не стояли звери около двери...»

человека уже не верил никто, поэтому почти без дискуссии единогласно решили - нужно бороться. И первое, что следует сделать, - не дать лихачевской своре расправиться со строгановцами. Тогда-то и вызрело дерзкое и отчаянное решение: вооруженным путем отбить арестованных, когда их из Лефортово повезут на железнодорожную станцию для отправки в лагеря. Отбить, а потом по воздуху, самолетом, переправить через финскую границу.

Скептических голосов в начале обсуждения конкретного плана операции было много. «Это терроризм», - говорили одни, но им отвечали, что террором занялось как раз государство, а «эльфы» только защищаются. «Не хватит сил и опыта, - сомневались другие. - Отбить заключенных у вооруженной до зубов охраны просто невозможно!» Но их уверяли, что сил и опыта хватит: среди «эльфов» были и бывшие «афганцы», и специалисты по рукопашному бою, и опытные организаторы. Было предложено создать для выполнения задания боевую группу из семи наиболее подготовленных «эльфов». А чтобы исключить любую возможность утечки информации, решили дать всем членам группы и связанным с ними людям псевдонимы из книг братьев Строгановых. Настоящие имена и фамилии участников предстоящей акции знал только один человек - назначенный командиром боевой группы военный авиатор, который выбрал себе в качестве псевдонима имя Ивана Жилина.

«А команда у нас действительно подобралась боевая!» - подумал Жилин и довольно улыбнулся.

Маленькая Сельма Нагель была обладательницей черного пояса по каратэ. С виду неуклюжий Гриша Дауге специализировался по военным боевым искусствам и до увольнения из вооруженных сил шесть раз участвовал в разведоперациях в глубоком тылу моджахедов. Рада заведовала детской библиотекой в небольшом городке на севере Украины и одновременно была двукратным

«Не стояли звери около двери...»

чемпионом Европы по пулевой стрельбе. Майя Глумова отлично разбиралась в радиотехнике и владела несколькими иностранными языками. Эдик Амперян считался в Ереванском университете компьютерным гением и очень талантливым физиком. Самой колоритной фигурой в их группе был, бесспорно, Саул. Бывший майор бронетанковых войск, чудом уцелевший после атомного удара по освободительной армии генерала Калинина и считавшийся погибшим, он тайком перешел советскую границу и уже четвертый год жил в Союзе на нелегальном положении.

- ...Наш советский суд воздал должное литературным эмиссарам зарубежных подрывных центров, - даже на экране телевизора было заметно, что лицо Лихачева угрожающе наливалось кровью. - Братья Строгановы приговорены к семи, а девять их последышей - к пяти годам лишения свободы.

- Бурные и продолжительные аплодисменты, все встают, - с презрительной ухмылкой заключил Дауге.

Словно услышав его слова, публика в Колонном зале пришла в движение. Аплодируя словам Генсека, поднимались со своих кресел вальяжные партийные и советские чиновники, увешанные орденами генералы в отглаженных мундирах, разукрашенные импортной косметикой дамы неопределенного возраста и необъятных размеров. На экране появилось сытое довольное лицо лучшего исполнителя партийно-революционных песен Петра Пиндерясова. Отвесив нижнюю губу, хлопал в ладоши автор многотомной и многословной эпопеи из жизни трудящихся масс Федор Завирюхин. Радость светилась в заплывших жиром маленьких пороссячьих глазках потомственной номенклатурной ткачихи Валентины Какановой.

- Быдло, - произнес Саул едва слышно. - Вы, товарищи, как хотите, а с меня хватит.

Он демонстративно отвернулся от экрана.

- Сельма, - Рада поднялась с дивана, - а не закончить ли нам наши кухонные дела?

«Не стояли звери около двери...»

- Угу, - Сельме дважды повторять не пришлось.

- Действительно, на сегодня, пожалуй, хватит, - Дауге покосился на Жилина. - Вы как считаете, Иван?

- Более чем хватит, Гриша, - Жилин щелкнул пальцами. - Я, друзья мои, сыт по горло речами дорогого Кузьмы Егорыча. Укушался, так сказать....

- А я бы вообще его век не видела, - Майя снова потянулась к подшивке «Огонька».

- Откровенно говоря, коллеги, - сказал Эдик, раскидывая руки на спинке дивана, - проникновенная речь Кузьки - достойного сына его матери - полностью отбила у меня желание смотреть передачи Центрального телевидения на ближайшие пару месяцев вперед.

- Прекрасно, - Дауге щелкнул выключателем на панели управления телевизора и экран погас. - Как все-таки приятно, когда собственное мнение человека совпадает с мнением коллектива!

- Хотите, я вам покажу одну техническую новинку? - предложил Эдик и весело подмигнул Ивану. - Уверю вас, вы ничего подобного в жизни еще не видели!

Он быстро наклонился вперед и вытащил из под дивана длинный фанерный ящик. Щелкнув металлическими замками, Эдик широко распахнул его крышку:

- Любуйтесь! Гордость лаборатории спецтехники нашего университета во всей своей красе!

Пристегнутый к стенкам несколькими ремешками - фиксаторами, в самодельном ложе из пенопласта лежал странный предмет. Он больше всего напоминал фотоаппарат с удлинённым объективом - трубкой, опирающейся на крупную пластиковую рукоятку, похожую на рожок автомата.

- Что это такое? - Майя опасливо провела пальцем по отливающей металлической синевой поверхности трубки. - Оружие?

- Увы, - Эдик развел руками. - В нашей ситуации мне, может быть, действительно придется использовать

«Не стояли звери около двери...»

этот предмет в качестве оружия. А вообще-то это дистанционный звуковой генератор.

- И как действует этот... э-э... генератор? - спросил Саул, присев на корточки у ящика.

- Очень просто, - Эдик освободил от фиксаторов свой прибор и извлек его наружу. - Звуковые волны могут очень многое, товарищи. В зависимости от своей длины и частоты, они способны, например, усыпить человека на расстоянии. Или размягчить металлическую поверхность. Причем все это делается за доли секунды.

- Любопытно, любопытно, - на лице Саула появилось сосредоточенное выражение. - Как я понимаю, ваш генератор как раз и может сотворить все эти чудеса?

- Может, - с озорной улыбкой подтвердил Амперян. - И еще как может! Представьте себе, Саул, что имеется некий металлический объект, в котором находятся люди и в который нам с вами необходимо как можно скорее проникнуть. Я выставляю на табло генератора определенные значения частоты и длины звуковой волны...

Эдик передвинул несколько рукояток - регуляторов на поверхности небольшого продолговатого параллелепипеда у основания трубы.

- Затем я прицеливаюсь в наш объект, - Амперян поднял генератор на уровень плеча и навел на окно гостиной. - После этого остается только нажать кнопку пуска... Вот здесь, смотрите... Сейчас, разумеется, я ее нажимать не буду - зачем нам сквозная дыра в стекле? Но можете мне поверить, что уже через пару секунд после того, как звуковая волна достигнет некоего металлического объекта, все люди в нем и в радиусе примерно пяти метров от него, погрузятся в глубокий длительный сон. Дальность действия генератора, кстати, порядка двухсот метров...

- Очень любопытно, - сказала Майя. - А что будет с вами? Стрелком или оператором - я не знаю, как вас называть? В воздушной среде звуковые волны

«Не стояли звери около двери...»

распространяются, если мне не изменяет память, по всем направлениям. Значит, и вы тоже заснете, Эдуард?

- Это непременно произойдет, если у меня на голове в момент выстрела не будет надета вот эта чудесная шляпка, - Эдик достал из ящика сложенный вчетверо и очень похожий на обычную купальную шапочку шлем. - Эта конструкция надежно защитит меня от звуков собственной стрельбы.

- Хорошо, допустим, - Саул удовлетворенно кивнул. - Будем считать, что все люди заснули внутри металлического ящика. Как нам теперь попасть туда, если замок открывается только изнутри или у нас нет ключа?

- О, нет проблем, - Эдик снова сдвинул регуляторы на трубке. - Я уже говорил, что генератор способен размягчать металл. Производим настройку и, подойдя к нашему ящику на расстояние примерно два-три метра, стреляем. Людям внутри ящика выстрел, кстати сказать, вреда не приносит. А вот металл в районе замка становится мягким, как пластилин. Теперь достаточно просто поддеть чем-нибудь дверь - и все, можно совершенно свободно перегружать людей из ящика в любое подвижное транспортное средство и увозить в любом направлении. А все другие люди, которые могли бы нам помешать провести такую операцию, в это время будут пребывать в сладостном мире грез...

- Занятно, - Дауге скрестил на груди руки. - Вы так живописно описали нашу предстоящую операцию, Эдуард, что я вообще начинаю сомневаться, понадобится ли нам настоящее стрелковое оружие?

- К сожалению, есть некоторые проблемы, - Амперян вздохнул. - Металлический предмет, в котором находятся наши пленники, а попросту говоря, тюремный «воронки», - в момент первого выстрела должен находиться в состоянии покоя...

- Ну, это как раз не проблема, - уверенно сообщил Саул и беспечно взмахнул рукой. - Остановка у светофора, железнодорожный переезд, в крайнем

«Не стояли звери около двери...»

случае, аварийная ситуация на дороге. Но стрелковое оружие я бы все-таки взял... Как говорится, на всякий случай...

- Мы его и возьмем, - поддержал Иван. - Десантные варианты «калашникова», несколько пистолетов «берета» и ручной гранатомет...

- Отлично, - Дауге довольно заулыбался. – Я верю в гениев отечественной науки, но... Но с обычной армейской экипировкой как-то все-таки надежнее!

Он повернул голову к Амперяну и продолжил:

- Извините, Эдик, но любое «железо», как показывает мой горький жизненный опыт, способно отказать в самый критический момент. Поэтому лучше подстраховаться...

- Да я и не спорю, - Эдик аккуратно положил трубу и шлем внутрь деревянного ящика. - Поэтому у нас будет на операции не один, а целых три генератора. Это несмотря на то, что мы испытывали его без малого в течение года и отказов почти не было...

- Я, признаться, и не слышал никогда ни о чем похожем на эту вашу машинку, Эдик, - сказал Саул. - Секретная разработка?

- Секретная... В рамках программы «Сила есть - ума не надо!» - на губах Амперяна снова заиграла озорная улыбка.

- А, результат «Утечки мозгов»! - догадался Саул и широко развел руками. - Ну, товарищи, тогда я снимаю все вопросы!

В восемьдесят восьмом, когда тогдашний Генсек Ромаков от большого ума в одностороннем порядке прервал окончательно все переговоры с Западом о взаимном разоружении и объявил о начале ускоренной милитаризации околоземного космического пространства, находившийся в ссылке в Горьком опальный академик Захаров обратился к советским ученым с призывом не делиться результатами своих научных разработок с властями. Поначалу призыв не нашел широкого отклика среди работников науки, но

«Не стояли звери около двери...»

когда - уже при генсеке Лихачеве - руководство страны, чтобы сохранить идеологическую монополию партии, стало брать под свой жесткий контроль компьютерную и видеотехнику, произошел спонтанный и молчаливый всплеск протеста в научной и технической среде. Количество научных сотрудников и инженеров, не желающих, чтобы плоды их ума служили укреплению до нельзя бюрократизированного режима, стало стремительно расти. Нет, научные разработки продолжались, как и ранее, но правительство в Кремле с некоторых пор стало получать в свое распоряжение лишь очень скромные результаты научной деятельности советских ученых и инженеров. А в «подполье», - в лабораториях, наспех созданных в гаражах и сарайчиках, - начали появляться совершенно невиданные механизмы и технологии. Вся эта неформальная и никем не координируемая программа в среде научной интеллигенции получила название УМ – «Утечка мозгов». На недоуменные вопросы различного уровня парткомов и партбюро, почему постоянно снижается эффективность научных разработок, ученые только пожимали плечами и отвечали непонятной и с точки зрения партийного чиновничества, совершенно неуместной в данной ситуации пословицей: «Сила есть - УМа не надо!»

- Кроме этого, - Эдик запихнул ящик с генератором под диван и выпрямился, - творческий коллектив нашей научной лаборатории уполномочил меня презентовать нашей группе еще один предмет.

Амперян на минуту скрылся в прихожей и вернулся, неся в руках длинную запыленную бутылку.

- М-м? - Дауге задумчиво наморщил лоб. - Судя по слою пыли и паутине, внутри должен быть коктейль «Молотов – Риббентроп», никак не иначе...

- Одномерно мыслите, Гриша, - хохотнул Эдик. - Хотя к воспламеняющим жидкостям содержимое бутылки имеет некоторое отношение. Армянский коньяк, десятилетняя выдержка.

«Не стояли звери около двери...»

- О! - брови Саула взметнулись вверх. - Эдик, а в вашей лаборатории случайно нет вакантного места сторожа? Ну, может быть, хоть на полставки...

- Так, - Жилин шутливо нахмурил брови. - Политическая оппозиция, кажется, плавно перерастает в алкогольную...

- Нужно быть ближе к народу, Иван, - захохотал Саул и похлопал Жилина по плечу. - Кстати, а где, в конце концов, наш обед?

Он сложил руки рупором и крикнул в коридор:

- Сельма! Рада! Девочки, господа офицеры голодны и хотят есть!

- Почти все уже готово, - откликнулась из кухни Рада. - Самые голодные офицеры могут возглавить группу доставки!

Саул с готовностью устремился на кухню. И в это мгновение стоявший на подоконнике желтый пластиковый телефон разразился пронзительной трелью. Майя, которая уже успела вернуться в свое кресло у окна, протянула руку и подняла трубку:

- Алло... Да... Иван, это вас.

Жилин быстро пересек комнату и взял трубку. Все замерли, не отрывая от него глаз.

- Иван? - Жилин сразу узнал приглушенный голос Сикорски. - Мне только что звонил наш друг Максим. Десятого числа, через четыре дня. Завтра с утра поедете на дачу. Машины я пришлю. Наши все в сборе?

- Да, - кивнул Иван. - Мы отдыхаем.

- Очень хорошо, - одобрил Сикорски. - Я буду ждать вас на даче. Каммерер присоединится к нам попозже. До встречи!

Жилин положил трубку, сел на диван, неторопливо закурил и только после этого сообщил:

- Звонил Рудольф Сикорски. Ребят повезут из тюрьмы через четыре дня, в среду. Завтра начинаем тренировки на загородной базе. А сегодня - расслабляемся!

«Не стояли звери около двери...»

Сельма и Рада превзошли своими кулинарными способностями все ожидания. По нынешним нищенским и полуголодным временам стол был накрыт просто по-царски. Здесь был и жареный с луком картофель, и аккуратно нарезанное ломтиками проперченное сало, и трех видов домашняя колбаса. Источали пряный запах маленькие, всего с мизинец размером маринованные огурчики и кругленькие, похожие на красные надутые мячики, соленые помидоры.

Эдиков коньяк решили приберечь к кофе, а мероприятие начали с более традиционного для русских застолий напитка. Первый тост Жилин, которого на сегодняшний вечер единогласно утвердили тамадой, предложил поднять за знакомство и дружбу. С должным количеством шуток и прибауток тост был общественностью принят, выпит и обильно закусен. Эдик тут же выдал на-гора основы научной теории об эйнштейновском сокращении промежутков времени за обеденным столом после первого принятия «на грудь». «Между первой и второй - промежуток небольшой», - Саул подтвердил верность «теории застольной относительности товарища Амперяна» меткой цитатой из кладезей народной мудрости и попросил многоуважаемого тамаду обозначить контуры следующего тоста. Жилин предложил наполнить рюмки за здоровье, счастье и удачу. Тройной тост был с немалым удовольствием общественностью тут же употреблен, и количество закуски на столе стало стремительно уменьшаться. К этому времени выяснилось, что Дауге является потомственным скрытым анекдотчиком, а Саул готов хоть до самого утра рассказывать смешные истории из своей армейской жизни. Когда товарищество уже совершенно изнемогло от неотвратимо накатывающихся волн смеха, Эдик вдруг вспомнил, что предыдущий тост был тройной и у него цифра «три» вызывает совершенно определенные ассоциации. Жилин попросил присутствующих «свести к нулю количество незаполненных жидкостью емкостей на

«Не стояли звери около двери...»

столе» и после выполнения этой просьбы, произнес совершенно шикарный тост за присутствующих милых дам. Господам офицерам было предложено выпить стоя. Тут же, вопреки всем законам конспирации, выяснилось, что офицерские звания имеют только трое из сидящих за столом мужчин, а Эдик Амперян, - хоть и ни дня не служил в армии, - является в прошлом отличником университетской военной кафедры и имеет звание лейтенанта запаса. По предложению Саула за большой творческий вклад в развитие теоретической физики и организацию нынешнего стола товарища Амперяна было предложено считать временно призванным на военную службу со всеми вытекающими из этого решения льготами.

Вскоре после третьего тоста был сделан первый привал: сначала выяснилось, что запасы «огненной воды» и закуски на столе совершенно уже иссякли и требуют пополнения из кухонного «резерва Главкомандующего», а потом товарищество почувствовало вдруг вкус к дискуссиям на самые различные темы. «Интересно, кого же они теперь будут издавать?» - вопрошал Саул, тыча вилкой в сторону выключенного телевизора. «О, с этим нет никаких проблем, - смеялась в ответ Рада. - Вы слышали о новом издании собраний сочинений Курочкина? А потом же еще всякие «комсомольцы завтрашнего дня» при Союзе писателей...» «Слушайте, - удивленно округляла глаза Сельма, - а правда, что Свинойцев все свои рассказы просто передирает у Гаррисона? Ну, прямо слово в слово?» «Ничего подобного, - качала головой Майя. - Он только развлекает диалогами из Гаррисона материалы очередного пленума ЦК»... «Это все потому, Эдуард, что вы - антикоммунист, - горячо доказывал Дауге. - Коммунизм - это, в общем-то, очень хорошая идея. И если бы не искажения...» «Гриша, опомнитесь, - возмущенно всплескивал руками Амперян. - Перпетум мобиле - тоже по-своему хорошая идея, но ведь не работает! Не работает!»

«Не стояли звери около двери...»

Жилин незаметно выскользнул из-за стола и вышел на балкон. Уже почти совсем стемнело. Было слышно, как шурша шинами по Волоколамскому шоссе, проносились машины. Где-то вдали, кажется, у самого парка, коротко прогрехотал по рельсам пустой трамвай. От пятиэтажного корпуса общежития факультета двигателей, расположенного чуть наискось, через дорогу, доносилась музыка и веселый смех. В темном школьном дворе напротив тлело полдюжины оранжево-красных огоньков: несколько долговязых парней-старшекласников совершенно не спешили в этот теплый осенний вечер по домам и, сложив горкой свои сумки и портфели, курили самодельные сигаретки, вполголоса матерились и отчаянно резались в карты.

А на небе одна за другой загорались звезды. Сначала из-за плывущих над головой обрывков туч робко мелькнули лучики одной, еще почти совсем незаметной глазу звездочки. Потом небосвод стал стремительно очищаться от остатков серых осенних облаков и взору Ивана открылись сперва беспорядочные звездные острова, а затем величаво и красиво обозначилось в зените над домами созвездие Ориона. Прошло еще немного времени - и состоящая из миллионов точек светлая полоса Млечного пути рассекла холодную черную бездну пространства.

«А потом будет рассвет, - подумал Жилин и мечтательно улыбнулся. - Обязательно будет рассвет»...

2

Он ждал телефонного звонка весь день, но Рудольф Сикорски позвонил только поздно вечером:

- Все в порядке. Вся группа уже собралась на явочной квартире.

- Вот и замечательно, - он облегченно вздохнул. С плеч словно свалился невидимый груз. - Дальше работаем по плану?

«Не стояли звери около двери...»

- Конечно, все будет, как мы и договорились, - подтвердил Сикорски. - Строго по пунктам утвержденного плана.

- Вот и славно, - он принялся пальцами массировать виски. Голова с утра побаливала. Давление, наверное... Надо будет после завершения всей операции взять отпуск на недельку и махнуть куда-нибудь на юг, в Форос или в Пицунду. - А как тюремная охрана? Предупреждена?

- Мы заменили всех милиционеров-охранников в суточной дежурной смене нашими сотрудниками, - доложил Сикорски. - И очень тщательно их проинструктировали.

- Гм... А это не вызовет утечки информации об операции? - засомневался он. - Было бы крайне не желательно, если...

- Нет, не волнуйтесь, - с абсолютной уверенностью в своих словах прервал Рудольф. - Замена отлично мотивирована: раз в год персонал должен проходить переобучение. В этот раз запланированы коллективные сборы на нашей спецбазе в Подмосковье. Комар носа не подточит.

- Это хорошо, - он кивнул. - А как события будут развиваться дальше? Тоже все по плану?

- После выезда с тюремного двора, - продолжил Сикорски, - машина с заключенными будет под нашим полным контролем. Кстати, наши друзья собираются использовать при нападении звуковой парализатор конструкции Амперяна. Тот самый, о котором я вам докладывал еще в прошлом году.

- Вот как? А это не опасно для ваших людей? И для заключенных? - забеспокоился он. - Рудольф, запомните: вся операция должна пройти без человеческих жертв! Это чрезвычайно важно!

- Конечно, конечно, - поспешно согласился Сикорски. - Нет, парализатор абсолютно безопасен. Мы проверяли экспериментальный образец уже неоднократно. И не только в лабораторных условиях.

«Не стояли звери около двери...»

Помните, эту историю с американским посольством в Гватемале пару месяцев назад?

- Акустический удар? Гм, я думал, что это выдумка госдепа.

- Нет, это наши расстарались, - Рудольф довольно фыркнул. - Достигнут хороший эффект...

- Ладно, об этом потом расскажете, - остановил он Сикорски. - Как беглецы собираются покинуть Москву после побега?

- В Кузьминках, возле станции метро, группу эльфов и освобожденных писателей будет ждать туристический «Икарус». На нем они беспрепятственно проследуют почти до самой границы. Передвигаться, конечно же, будут под полным нашим контролем - под видом возвращающейся на родину профсоюзной делегации из Финляндии. Ну, а в Карелии, около Костомукши, на небольшом аэродроме для них уже приготовлен грузовой самолет. У Жилина есть опыт пилотирования АН-2. Я уверен, что все пройдет нормально.

- Финны не могут их сбить? Как-нибудь случайно.

- У финнов пока нечем сбивать низколетящие цели. Тем более, в приграничных районах. Кроме того, окраска у самолета гражданская. По гражданскому палить не будут даже из обычного стрелкового оружия.

- Гм... - он скептически ухмыльнулся в телефонную трубку. - Окраска... Мы вон сбили южнокорейский «Боинг» в восемьдесят третьем. Несмотря на гражданскую окраску...

- Финны - это не мы, - Сикорски коротко хохотнул. - И к тому же «Боинг» летел ночью, а наши пассажиры полетят на АН-2 днем.

- Ладно, вам виднее, - отступил он. - Значит, вы даете полную гарантию безопасности всей предстоящей операции?

- Стопроцентную. Можете считать, что наши беглецы уже за границей.

- Хорошо. Спасибо. Держите меня в курсе.

«Не стояли звери около двери...»

Он медленно опустил трубку на рычаг телефона. Распрявил спину и устало расслабился в кресле. Кресло было удобное, кожаное, французского производства. В прошлом году такие кресла закупили по дипломатическим каналам для кабинетов всех ответственных работников ЦК КПСС и Совета Министров. По коридорам административных зданий на Старой площади мелкие партийные клерки скалили зубы: «Первый этап мировой революции состоялся - члены ЦК теперь имеют возможность попирать своими задницами лучшие образцы продукции загнивающих империалистических фирм». Когда ему доложили об этой гуляющей шутке и предложили наказать шутников, он отмахнулся – не стоит карать за мелкие прегрешения, даже в строгой партийной иерархии для исполнителей нужна какая-то отдушина.

«Это хорошо, что Сикорски абсолютно уверен в успехе, - подумал он. - Очень хочется, чтобы вся наша операция прошла гладко, как по маслу».

Он достал из верхнего ящика письменного стола кожаную папку, в которой были подшиты все материалы по подготовке предстоящей операции. От самого первого, еще очень общего замысла полтора года назад до вчерашних рапортов агентов оперативного внешнего наблюдения. Открыл папку, полистал. Да, большая проделана работа, серьезная. Целые коллективы к исполнению подключились. И полиция госбезопасности, конечно же. Куда же в таком деле без наших рыцарей плаща и кинжала?

Так, а кстати, кого из своих сотрудников они внедрили в состав эльфовской группы? Ну-ка, ну-ка... Ага, вот оно... Гм, агент Б-812, агентурный псевдоним «Родник». Источник, так его и перетак. Кладезь честности и человеколюбия.

Интересно, как же он выглядит, наш бесстрашный тайный рыцарь? Так, это биография... Ого, опытный кадр! Четыре нелегальных внедрения и соответственно четыре раскрытых группы врагов народа. Горяч наш

«Не стояли звери около двери...»

«Родник», горяч. Прямо крутой кипяточек на вражьи головы. Ага, вот тут и его фотокарточка имеется...

Он повертел в руках фотоснимок и удивленно присвистнул.

Добрая и открытая улыбка, чуть озорные глаза. Умное и интеллигентное лицо.

«Гм, кто бы мог подумать... Посмотришь на это лицо, и ни за что не скажешь, что перед тобой секретный сотрудник ПГБ, - он довольно заулыбался. - Хорошо работает в последние годы наша безопасность, очень хорошо. Явно лучше упраздненного и разжиревшего за послесталинские годы КГБ. Надо бы после завершения операции наградить орденами всех причастных. Само собой Сикорски, потом этого полковника, тренера-боевика... Как его там? Вот же проклятый склероз! Черт с ним, пусть пока так и остается Максимом Каммерером! Ну, и, конечно же, всю сошку, что помельче. Слава Богу, в последние годы партия больше не скупится на награды верным сынам Отчизны. Вот при Антропове ордена и медальки стали придерживать, давать только за самое-самое... Ну, и что получили? Калининский бунт в Афгане! Нет, награждать нужно щедро. Раздавать широкой рукой звания и бляхи. И постепенно тащить верных людей вверх, шаг за шагом, по всем ступенечкам. Обеспечивать себе надежный тыл. Тогда и бунтов в армии не будет. И не снимут с должности втихую друзья и соратнички по партии, как когда-то сняли Никитку с поста Первого. И не угробят вместе с женой в автокатастрофе, как Горбанева в восьмидесятых...»

Он закрыл папку и снова спрятал ее в ящик стола. Запер ключиком потайной замочек. Ключик сунул в верхний карман пиджака.

Полуобернулся в кресле и снял с книжной полки шкафа, стоявшего у левой стены, томик, аккуратно обернутый в белую бумагу. Обернутый не столько для того, чтобы не повредить обложку, а чтобы не смущать глаз товарищей по партии и технических сотрудников ЦК фамилией авторов на обложке и переплете.

«Не стояли звери около двери...»

Раскрыл книгу на первой странице. Андрей и Борис Строгановы, «Земля лиловых облаков». Читано-перечитано, а вот иногда снова читать тянет...

Он бережно погладил рукой пожелтевшую от времени книжную страницу.

Когда все началось? В конце пятидесятых? Или в начале шестидесятых? Нет, все-таки в пятьдесят девятом, осенью...

Как-то ему, молодому и перспективному партийному работнику, инструктору обкома, приехавшему в столицу из провинции в командировку, попалась на глаза вот эта самая книжица. «Земля лиловых облаков». Взял он тогда ее с книжной полки распределителя в ГУМе просто от скуки - нужно было скоротать как-то вечер в гостинице: в Москве пришлось задержаться по партийным делам еще на сутки, хорошей компании, чтобы достойно провести вечер не было, и он решил удариться в чтение. Повысится, так сказать, свой культурный уровень.

Фантастику, кстати, он тогда терпеть не мог. Все эти Казаневы, Адамишины, Белякины... Тут голова и так кругом идет от хрущевских обещаний построения коммунизма через двадцать лет. А еще писательские бредни читать про это самое будущее коммунистическое общество. Нет, уж увольте, дорогие товарищи инженеры человеческих душ! Мозги даже у партработника не железные. Мозгам тоже нужно давать перекур.

Поэтому он тогда и не стал брать ни книг Адамишина, ни тяжелых томов Казанеева. Выбрал на полке спецмагазина вот эту не такую уж и толстую книжку никому тогда еще не известных братьев Строгановых. Триста пятьдесят страниц – если читать бегло, то как раз хватит, чтобы чем-то занять скучный вечер.

Он поужинал в цековской столовой, вернулся к себе в номер, устало растянулся на удобно-пружинистой кровати, раскрыл купленную книгу и...

«Не стояли звери около двери...»

Когда он перевернул последнюю страницу «Земли лиловых облаков», была уже половина третьего ночи.

Он потом долго еще не мог заснуть, лежал, устремив взгляд в лепнину из розочек на белом гостиничном потолке, и думал.

А ведь схватило за самую душу, проняло до самого сердца, да... Вот как нужно писать книги для тех, кто завтра будет строить наше светлое коммунистическое будущее! Для тех, кто через два-три года станет у жарких мартенов, поведет трактора в целинной степи, отправится к планетам и звездам на космических ракетах. Братья Строгановы! Вот на чьих книгах нужно учить молодежь коммунизму, воспитывать настоящего советского человека, патриота социалистической Родины и творца!

Потом в его жизни еще были «Дорога к Юпитеру», «Новобранцы», «Непросто стать Богом»... Каждая книга была открытием, настезь распахнутой дверью в чудесный будущий мир коммунаров. Он читал произведения Строгановых взахлеб, буквально впитывал в себя каждую букву, каждое слово. Мало-помалу, его собственная жизнь начала выверяться по героям строгановских книг. Он часто ловил себя на том, что временами пытается быть похожим на мужественного и немногословного Быкова, интеллигентного и ироничного Юрковского, веселого и улыбчивого Жилина. Нет, он не фиглярничал, не красовался сам перед собой или перед другими. Он просто действительно пытался быть коммунаром и жить по-коммунарски. Он был реальным воплощением литературных героев из книг Строгановых, их живым идейным учеником.

Но с конца шестидесятых все вдруг круто изменилось. Сломалось. Строгановы в своем творчестве начали заруливать явно не в ту степь. «Перелетные гуси», «Разрушенный город», «Утяжеленные злом»... Куда и делся светлый полуденный мир двадцать второго века! Сплошная диссидентщина и хулиительство...

«Не стояли звери около двери...»

Еще два десятилетия заблудших Строгановых мягко пытались хоть как-то вразумить и наставить на путь истинный. Любыми не силовыми методами. Годами держали в творческой опале, конфисковывали тиражи уже отпечатанных книг, методично и больно долбили в комсомольской и партийной прессе. Но все без толку. Становилось с каждой их новой книгой только хуже и хуже. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Политбюро, стал роман «Двадцать седьмая аксиома этики». Откровенно злой и антисоветский пасквиль.

Партийные старцы были готовы немедля ни секунды в клочья порвать и Строгановых, и за компанию десяток их самых талантливых учеников. Но он остановил расправу. Тогда в его голове и родился этот план с похищением приговоренных...

Ведь это очень глупо просто сослать талантливых фантастов куда-нибудь в сибирскую глушь. Нет, они должны работать. Они должны писать. На благо нашей, Советской власти, конечно. Ах, из-под их пера выходит только откровенная антисоветчина? Ну, и черт с ними. Пусть пишут свою антисоветчину. Но за границей. И чтобы эта их продукция через границу Союза - ни-ни. Здесь и сейчас - в стране, которая строит коммунизм, - эти новые романы Строгановых просто вредны. Вот когда мы построим наше светлое будущее, когда капитализм сдохнет за океаном как бешеный пес и поворот назад исторического процесса будет уже невозможен - вот тогда пожалуйста. Тогда мы откроем спецхраны и опубликуем все романы и Строгановых, и их учеников. С комментариями, конечно. Как пример идейных исканий советской интеллигенции в первые годы развитого социализма. Тогда все эти рефлектирующие и слабохарактерные Баневы, Воронины, Сельмы будут уже идеологически безопасны. Кого сейчас интересуют романы девятнадцатого века? Никого. Вот так будет и с современными писателями-фантастами. Твердой партийной рукой мы прополем

«Не стояли звери около двери...»

сегодня их писательские грядки. И выбросим весь сор за границу. На время.

А здесь мы сохраним в библиотеках «Землю лиловых облаков», «Детеныша» и «Возможность побега». И будем учить на примере Быкова и Юрковского, Комова и Каммерера, Юры Бородина и Майи Глумовой тысячи и миллионы завтрашних коммунаров, парней и девчонок, преданно и беззаветно любящих свою великую социалистическую Родину. Тех, которые потом смогут правильно разобраться в упадочническом творчестве авторов строгановской школы в советской фантастике двадцатого века. И сделать правильные идеологические выводы.

Долг учеников в том и состоит, чтобы вовремя поправить заплутавших учителей. Поправить, подправить и превзойти. И пойти вперед, используя в правильных пропорциях их идеи и творчество. Шагать все дальше и дальше к сияющим высотам коммунизма.

Он встал из-за стола, потянулся, хрустнув костями, и подошел к окну. Уже стемнело и в оконном стекле четко обозначилось его отражение. Пепельно-серые брови над глубоко посаженными небольшими карими глазами слегка приподнимались к переносице. Щеки уже давно округлились и чуть обвисли вниз. Лоб покрылся глубокими морщинами.

«Старею, - с легкой грустью отметил он. - Да и работа не из легких. Страшно подумать, судьба едва ли не третьей части Земли - в моих руках... Гм, а если разобраться, и всего земного шарика... Н-да... Тяжела она, дорожка в светлое будущее... Терниста и ухабиста... И очень важно не ошибиться, не дрогнуть на этом пути, не сбиться с курса!»

Он поправил чуть покосившуюся перевернутую пирамидку из шести геройских звездочек на своем пиджаке и снова взглянул в окно.

Над кремлевскими башнями одна за другой зажигались яркие рубиновые звезды светлого коммунистического будущего.

Закончив разговор с Генеральным секретарем партии, Вячеслав Владимирович Ведерников, он же – Рудольф Сикорски, отключил радиотелефон и удовлетворенно потер руки. Все шло в полном соответствии с разработанным им и детализированным до тончайших нюансов планом. А это означало, что все шло просто замечательно.

Он замурлыкал под нос популярную эстрадную песенку, и по-арестантски заложив руки за спину, прошелся по кабинету.

Всю эту дурацкую затею с побегом осужденных писателей-фантастов за границу задумал лично сам Лихачев. Пробило, понимаешь ли, нашего старичка на склоне лет на рискованные политические авантюры. Да, стареет Лихач, стареет... Сдает потихоньку свои позиции. Хватило духу долбануть бомбами по мятежной армии предателя Калинина, ввести войска к мятежным чехам и полякам, решительно скрутить в бараний рог всю эту гнилую интеллигенцию - эстрадных певичек, самовлюбленных актеришек, дешевеньких сатириков-юмористов. А вот на писателях-фантастах наш старичок сдох... Сломался психологически. Зубки свои партийные обломал...

Правда, Сашка Берсенев, - доктор наук, светило отечественной и мировой психиатрии, закадычный друг еще со студенческих времен, - говорит, что дело тут не только и не столько в старости. Просто у Лихача есть какой-то психологический «пунктик». Что-то там у него такое было в молодые годы, что незримой цепью намертво связало его со Строгановыми. Есть, есть в прошлом нашего дорогого товарища Лихачева какая-то психологическая связочка! Если и не цепь, то та самая ниточка незримая, которая прочнее каната.

Сначала Вячеслав Владимирович долго пытался найти эту психологическую «ниточку». Есть такие ниточки, которые, если их умело тянуть, могут вывести

«Не стояли звери около двери...»

на ой какие перспективы. Человек ведь как кукла-марионетка - весь в ниточках. Вот только правильную найти нужно – и, глядишь, он уже полностью в твоей власти, и делай с ним из-за кулис все, что пожелаешь. А пожелать можно многое, мало желаний никогда не бывает. Но потом, покопавшись в тайно собранном на Лихача досье, махнул рукой – лень, пусть само собой все идет. Все равно все под надежным контролем, под его контролем. Зачем искать одну ниточку, если однажды можно чикнуть ножничками сразу все ниточки?

Полгода назад, сразу после ареста Строгановых и всех прихвостней из их литературной банды, Лихачев вызвал Вячеслава Владимировича в свой рабочий кабинет на Старой площади, почти час говорил на самые общие темы, а затем неожиданно приказал подготовить план тайной переборски фантастов на Запад.

Вячеслав Владимирович фыркнул, вспомнив свою первую реакцию на слова престарелого генсека. Он поначалу чуть дара речи не лишился, услышав из уст генерального такое: чтобы врагов народа - и вдруг за границу? Немыслимо! Совершенно невозможно! Шутить изволите, товарищ Генеральный секретарь?

Однако Лихачев не шутил. С лихорадочным блеском в глазах, часто заикаясь и сбиваясь с речи от нервного перевозбуждения, он тут же изложил свой план будущей секретной операции. Достаточно, кстати, продуманный план, это нужно признать. Хотя во многом и откровенно дилетантский. А местами - так и просто смешной.

Ну, вот, к примеру, Лихач даже заранее дал клички-псевдонимы всем участникам предстоящей операции. И не сам их выдумал, а просто позаимствовал. Взял из книг все тех же братьев Строгановых, разумеется. Сам Лихачев сделался Леонидом Андреевичем Горбовским. Он, Вячеслав Владимирович Ведерников, первый заместитель председателя ПГБ, стал Рудольфом Карлом Людвигом Сикорски, или просто – Рудольфом Сикорски. Начальник третьего оперативного отдела Ян Генрихович

«Не стояли звери около двери...»

Лациус был переименован в некоего Максима Каммерера. И все это в целях якобы конспирации... Вот ведь старческий бред, а?

Вячеслав Владимирович из интереса набрал в спецхране книг братьев Строгановых и целых полдня убил на то, чтобы детально уяснить для себя, с кем и с чем ему и его людям предстоит иметь дело в ходе предстоящей тайной операции. И, кстати, кто такой этот Рудольф Сикорски, фамилией которого его нарек занявшийся планированием побега писателей генсек?

Оказалось, что ничего общего у книжного Сикорски с настоящим Вячеславом Владимировичем Ведерниковым нет. Книжный Сикорски был лыс, высок и худ, а реальный Вячеслав Владимирович, напротив, - седоволос, невысокого роста, с хорошо заметным, нависающим над ремнем пивным животиком. А уж о схожести характеров говорить и вовсе не приходилось...

Мысленно посмеялся Вячеслав Владимирович и над псевдонимом самого Лихачева – Леонид Андреевич Горбовский. «Правильно решение – самое доброе»... Ха-ха... И только потом до него дошло: Горбовский из книг Строгановых – член Мирового Совета, едва ли не его председатель. Гм, это куда же наш Лихач метит? Куда целит? Ну, ну...

Поначалу Вячеслав Владимирович относился ко всей этой лихачевской затее с освобождением фантастов только как к чудачествам постепенно выживающего из ума престарелого генсека. Игрища полудетские, понимаете ли... А потом, когда с помощью глубоко внедренной в полуподпольные клубы фантастов агентуры состоялся секретный слет «эльфов» в Подлипках и поначалу бредовые желания первого лица в партии и государстве начали обретать конкретную плоть тайного заговора, превращаться из любительского весьма расплывчатого замысла в реальный план грандиозной операции, новоиспеченный Рудольф Сикорски быстренько просчитал все возможные варианты развития событий и прикинул, как эту

«Не стояли звери около двери...»

лихачевскую свистопляску вокруг «фантастов-педерастов» можно организационно разрулить и использовать с ощутимой собственной выгодой.

С некоторых пор Вячеслав Владимирович стал в определенной степени тяготиться собственной должностью. По коридорам Лубянки уже несколько десятилетий гуляла злая шутка о том, что самые крупные враги народа появляются как раз из зампредов председателя ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ-ПГБ. Первый зам, мол, никогда не становится председателем. Зато шишек и тумачков перед неизбежным дембелем отгребают от партийного руководства что называется «по самое не хочу». Н-да... Карьерный тупик, короче говоря, уважаемый товарищ Ведерников-Сикорски. Тупик, из которого никак не выберешься. А выбраться так хочется! И с хорошей перспективочкой бы выбраться. Куда-нибудь, например, в Совмин, денежными потоками порулить, или - на худой конец - в МИД, по миру всласть покататься.

Понятное дело, если операция по освобождению фантастов пройдет нормально, Кузьма Егорович исполнительности и верности Вячеслава Владимировича не забудет. Тут главное шепнуть старику вовремя: дескать, засиделся очень верный партийный товарищ на посту первого зампреда ПГБ. Пора верного товарища двигать наверх. Есть, есть свои, надежные люди в окружении генсека, которые нашепчут в старческое ухо эти сладкие слова. Ну, и сам Вячеслав Владимирович, конечно, постарается не оплошать. Тоже подсуетится. И тогда можно будет сказать, что новое хорошее назначение - уже почти что в кармане.

Да... Все бы хорошо, но есть еще и Политбюро ЦК. Которое ни сном, ни духом не знает о лихачевской затее с фантастами. А в составе Политбюро есть товарищ Полозов Иван Демьянович, второй секретарь ЦК. Который, учитывая преклонный возраст нашего дорогого Лихача, если не сегодня, так завтра станет у руля партии и государства. Не в обиду, конечно, Кузьме Егоровичу

будет сказано, но Лихачев по сравнению с Полозовым - это все равно, что генсек Черненко рядом с товарищем Сталиным. Крутоват наш Иван Демьяныч, ох, крутоват! И когда через год или два сядет товарищ Полозов во главе стола на заседании Политбюро ЦК, разве ж мало найдется умников, которые побегут к новому начальству с чемоданами компромата? Гм, нужно быть очень наивным, полагая, что нынешняя лихачевская затея по тайному освобождению фантастов-диссидентов рано или поздно не будет извлечена на свет Божий. Всплывет, обязательно всплывет вся эта наша тайная операция! Шептуны помогут всплыть. Ну, и что тогда? «Как же это ты, Вячеслав Владимирович, - спросит товарищ Полозов, - скатился до того, что позволил уйти за кордон матерым врагам советского народа? Почему своевременно не дал знать об идейных ошибках товарища Лихачева нашему ленинскому Политбюро?» А как дашь знать в ЦК, если сейчас вся власть в руках у Кузьмы Егоровича? Попробуй только заикнись... Н-да, сурово сдвинутся брови Ивана Демьяновича и покатится головка Вячеслава Владимировича с плеч. И, пожалуй, просто отставкой здесь уже не обойдется. Тут явно разжалованием пахнет и хорошим сроком. Если даже не «вышаком».

Вот так, дорогой друг Рудольф Сикорски. Куда не кинь - всюду клин. Замараться в этой лихачевской возне с фантастами - плохо, а не замараться - еще хуже. Вот и думай, новоиспеченный товарищ Сикорски, шпион космических масштабов, руководитель КОМКОНа-2 и Странник-Экселенц. Думай, как спасти свою шкуру. Чтобы, значит, и рыбку поймать и ноги не промочить.

Он и думал. С первых дней операции думал. Ночами не спал, все мысленно рисовал разные варианты своих действий в сложившейся ситуации.

Решение оказалось до смешного простым. Ему нужно просто постараться угодить всем - и нынешнему генсеку Лихачеву, и будущему партийному вождю Полозову.

«Не стояли звери около двери...»

Хотите вы, уважаемый Кузьма Егорович, освободить фантастов? Нет вопросов, освобождаем. Имитируем нападение на конвой, сажаем Строгановых и всю компанию в туристический автобус и везем к финской границе. Там пересаживаем в АН-2 на полевом аэродроме и машем им вслед белым платочком. Встречай, мол, Европа борцов с коммунистическим режимом.

А вы, любимый народный вождь Иван Демьянович, хотите, чтобы преступники, растлевающие народные души своей псевдолитературной стряпней, понесли заслуженное наказание? Чего уж проще! Мы заранее вводим в состав группы «эльфов» своего человечка. Чтобы, значит, контролировать всю операцию изнутри. И даем ему маленький такой приборчик размером с половину спичечной коробочки. Радиомаячок, значит. Чтобы АН-2 в воздушном пространстве Финляндии не потерялся и все время был под дистанционным контролем наших служб радионаблюдения. И агент наш по инструкции должен включить маячок сразу же, как только самолет пересечет финскую границу. Нет никаких сомнений, что товарищ «Родник», - наш агент то есть, - выполнит это простенькое задание и запустит радиомаячок. Потому что очень верный товарищ. Очень надежный и многократно проверенный агент. Одни словом, лучший из лучших агент.

Правда, не знает товарищ агент, что не только маяк запустит нажатая его пальцем черная кнопочка на приборчике. Сигнальчик придет и на смонтированный прямо под кабиной пилота радиодетонатор специально изготовленной и заложенной в самолет мины...

Кузьма Егорович будет, конечно, очень недоволен тем, что его любимые фантасты так и не добрались до свободной Европы. Кузьма Егорович будет хмурить брови, раздраженно кричать и топтать ногами. Но мы-то тут причем, дорогой Кузьма Егорович? Мы со своей стороны сделали все так, что комар носа не подточит. А

«Не стояли звери около двери...»

катастрофа в небе над Финляндией... Просто летчик Жилин не справился с управлением самолетом. Летчик Жилин на радостях после взлета принял на грудь целый стаканчик водочки. И даже закусывать не стал, дурашка. Ну и по пьяни не удержал самолет на сверхнизкой высоте... Вот и «черный ящик» это подтверждает. Тот самый, который финны нашли на месте катастрофы случайно сбившегося с курса советского грузопассажирского самолета. И поверьте, дорогой Кузьма Егорович, мне искренне жаль, что так все произошло. Но надо жить дальше. Вот тут у меня в папочке несколько интересных задумок, которые можно реализовать, если в Совмине или в МИДе окажется доказавший вам свою преданность человек...

Ну, а вам, уважаемый Иван Демьянович, можно сказать и всю правду. Как на духу. Да, ваш предшественник Лихачев явно выжил из ума. Да, он хотел сохранить от народного возмездия выкормышей западных подрывных центров. Но долг коммуниста, верного ученика ленинской партии, конечно же, выше лояльности к спятившему на старости лет генсеку. Приговор приведен в исполнение. Так сказать, при попытке к бегству.

«Вот так и будет, - подумал Вячеслав Владимирович, остановившись перед висевшим в кабинете зеркалом и стряхнув едва заметную пылинку с рукава мундира. - Вот так все и произойдет. Будут и новая должность, и новые перспективы»...

И новые большие звезды на погонах.

4

- Четыре «десятки», три «девятки» и «восьмерка», - сообщил инструктор, оторвав взгляд от окуляра. - Неплохо, товарищ полковник!

- Угу! - Ян Генрихович довольно кивнул и принялся перезаряжать пистолет.

«Не стояли звери около двери...»

В последние годы у него выработалась привычка: перед каждой операцией приезжать сюда, в тир управления ПГБ на юго-западе столицы, и тренироваться в стрельбе. Стрельба давала ему возможность немного успокоить нервы и сосредоточиться. Всаживая пуля за пулей в появляющиеся в дальней части стрелкового зала мишени, Ян Генрихович приводил в порядок мысли и выстраивал планы предстоявшей в ближайшем будущем работы.

Вот и сейчас дело намечалось весьма и весьма серьезное.

Завтра он выезжает на дачу, где четверо суток ему придется тренировать и натаскивать банду молодых «кдюфистов». Конечно, при ином раскладе он бы перепоручил должность инструктора кому-нибудь из своих подчиненных. Кому-нибудь из десятков вертящихся под ногами майоров, капитанов или старлеев с минимальным оперативным опытом. Но в данном случае... В данном случае ставки в будущей игре слишком высоки, чтобы рискнуть передоверить непосредственное исполнение операции кому-нибудь постороннему.

К операции с этим «кдюфистским» отребьем Лациуса привлек первый зампред ПГБ Вячеслав Владимирович Ведерников. Сначала Ян Генрихович воспринял предложение организовать побег этих писателишек как одну из стандартных проверок, которые периодически проводились среди сотрудников ПГБ: тебе в любое время от кого угодно могло поступить самое заманчивое предложение, на которое нужно было всего лишь правильно среагировать. Так, как надо среагировать. По велению партийной совести, то есть.

Поэтому полковник и не удивился неожиданному предложению своего непосредственного начальника поучаствовать в явно антиправительственной операции. Значит, таковы условия задачи. Условия предстоящей оперативной проверки. Проверки, которую проводят,

«Не стояли звери около двери...»

быть может, перед выдвижением его, Лациуса, на более высокую должность.

Но следующий разговор о побеге из тюрьмы группки зарвавшихся бумагомарателей состоялся в месте, которое даже теоретически не могло предназначаться для проведения стандартных операций по проверке сотрудников ПГБ, - прямо в рабочем кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Лихачева. И когда престарелый генсек впервые назвал Лациуса нелепой фамилией-псевдонимом «Каммерер», Ян Генрихович понял, что дело затевается очень серьезное. С хорошей внутренней интригой дело. Которое, - если только не пороть горячку и тупо не следовать в показной верности планам Лихача, а поступить с умом, - сулит неплохие личные перспективы. И прежде всего, карьерные.

Откровенно говоря, начальник третьего оперативного отдела ПГБ полковник Лациус терпеть не мог генсека Лихачева. Страна на пороге третьего тысячелетия - особенно после афганского мятежа армии Калинина - несмотря на все усилия партии и ПГБ стремительно катится в пропасть. Трещит по всем швам социалистическая экономика, явно не выдерживая навязанной СССР еще во времена американского президента Рональда Рейгана гонки ракетно-космических вооружений. Энтузиазм строителей коммунизма, присущий советскому обществу в первые годы Советской власти, на девятом десятке лет существования страны победившего социализма бесследно выветрился и сменился полной апатией и пессимизмом населения. Чтобы конкурировать на равном уровне с Америкой, НАТО и их прихлебателями по всему миру, сегодня нужна не просто политика сдерживания империализма, а самое решительное наступление по всему фронту. Точнее по всем фронтам: экономическому, идеологическому, пропагандистскому. А главное – надо отказаться от того половинчатого курса обновления страны, который вел Лихачев в течение

«Не стояли звери около двери...»

всего срока своего правления. Страну нужно не тащить в будущее за уши, а менять резко и радикально. Пусть с большой кровью, но менять. Не жалея летящих в стороны сухих щепок и срубленных голов.

Время Брежневых, Черненко и Лихачевых уходит безвозвратно. Сегодня первой мировой социалистической державе нужен уже другой руководитель. Жесткий и решительный. Такой, каким в свое время был товарищ Сталин. Лидер, который будет не спасать клюфистскую плесень, а просто и без лишних слов поставит к стенке и самих Строгановых, и всю их писательскую шатию-братию. А всех участников подпольных клюфистских клубов распорядится немедленно выловить и отправить в исправительно-трудовые лагеря. Творческий труд где-нибудь на урановых рудниках кого угодно быстро излечит от избытка фантазий и лишних мыслей в голове.

К счастью, такой решительный и жесткий человек, способный повести за собой страну к новым высотам и победам, в Политбюро ЦК партии есть. Иван Демьянович Полозов уже давно готов взять всю полноту власти в свои руки. Взять и очистить страну от накопившейся скверны и разжиревших номенклатурных перерожденцев. Таких, например, как шеф полковника Лациуса Вячеслав Владимирович Ведерников. Время мягкотелых и вальяжных «Рудольфов Сикорски» прошло так же, как и время Лихачевых. Настало время настоящих учеников товарищей Ленина и Сталина - людей, точно знающих, чего они хотят и лично для себя, и для державы в целом.

А Лихачевым и всем прочим «Сикорски» нужно просто помочь вовремя уйти. Для этого крайне необходимо, чтобы сторонники решительных перемен объединились в единую силу. В единый разящий кулак. И чем скорее такое объединение свершится, тем будет лучше для всех. И для огромной страны тоже.

«Не стояли звери около двери...»

После разговора в кабинете у Лихачева на Старой площади Ян Генрихович провел бессонную ночь. А утром был уже в приемной у Полозова.

Второй секретарь принял полковника Лациуса и очень внимательно его выслушал. Потом снял очки и принялся неторопливо протирать стекла носовым платком. Закончив процедуру, вернул очки на нос и только после этого осведомился:

- Ну, и чего же вы хотите, товарищ полковник?

- Решительных действий, - Лациус чуть наклонил свою бритую налысо голову.

- Вы и в самом деле намерены встать на пути у Кузьмы Егоровича Лихачева, полковник? - На лице Ивана Демьяновича появилась снисходительная улыбка. Он смерил Лациуса скептическим взглядом серо-стальных глаз. - Можете не сомневаться, даже если вы вдруг доберетесь до уровня Политбюро с вашей информацией о готовящемся с ведома Лихачева побеге клюфистов из тюрьмы, члены ЦК партии единодушно примут сторону Кузьмы Егоровича. Таковы уж принципы политической власти в нашей стране, товарищ полковник. Начальник не может ошибаться, пока он начальник.

- Я знаю, - Лациус чуть прищурил глаза, изучая выражение лица собеседника. - Я не настолько наивен, чтобы идти с сообщением об измене Лихачева к вашим товарищам, Иван Демьянович. Лихачев сейчас неуязвим.

- Гм... Тогда я не понимаю цель вашего прихода ко мне, полковник, - около рта Полозова залегли жесткие складки.

- При теперешнем политическом раскладе Лихачева нельзя свалить изнутри Политбюро, - с готовностью пояснил Лациус. - Однако он весьма уязвим для внешнего воздействия.

- То есть? - левая бровь Полозова вопросительно изогнулась.

- Я думаю, что в наших интересах дать возможность событиям развиваться естественным образом. Мы подготовим и проведем всю операцию

«Не стояли звери около двери...»

строго по планам Лихачева и Ведерникова. И действительно выпустим всех этих писак за рубеж.

- Не понимаю, - Полозов тряхнул головой. - Я что-то пока не улавливаю суть вашего замысла, полковник. Выражайтесь конкретнее и яснее!

- После побега фантастов в Финляндию, мы переправим на Запад аудио- и видеозаписи всей подготовительной части операции. Съёмки тренировок клюфистов на секретной базе ПГБ в Подмосковье, задушевные беседы Лихачева и моего шефа о ходе подготовки всей этой акции, видеоотчет о разыгранном нападении на тюремный конвой... Все это непременно попадет в буржуазные средства массовой информации. С нашими комментариями, конечно. Лихачев будет представлен как тайный либерал в Политбюро. Как сторонник самого тесного сотрудничества с капиталистическими странами. И одновременно, как политический интриган самого низкого и дешевого пошиба. Это будет грандиозный публичный скандал, Иван Демьянович. Скандал, который обязательно бумерангом вернется обратно в нашу страну – такую информацию невозможно скрыть...

- Да, это будет хороший скандал... - Полозов отвел взгляд от лица собеседника и задумался. - И, конечно, после такого скандала позиции Лихачева в партии и государстве существенно пошатнутся...

- Разумеется, - Лациус энергично кивнул. - Даже те ваши товарищи по ЦК и Политбюро, которые сегодня стоят на позициях Лихачева, неминуемо придут к выводу, что выживший из ума человек, грязный интриган и наполовину уже изменник Родины не может руководить крупнейшей в мире ядерной державой. Вам, Иван Демьянович, – или людям, уполномоченным вами, - останется только выступить с инициативой кадровых перемен.

- Занятно, занятно... - Полозов нервно постучал пальцами по поверхности стола и снова поднял на Лациуса холодный и колючий взгляд. - Ну, а что вы

«Не стояли звери около двери...»

хотите для себя, полковник? Что-то мне не очень верится, в то, что вы числитесь по разряду бескорыстных служителей наших партийных идеалов. Или я не прав?

- Я хочу приложить все свои силы, чтобы работать под вашим непосредственным руководством, Иван Демьянович, - Лациус снова склонил голову в легком поклоне. - Нашей стране нужен новый порядок.

- Да, стране нужно обновление, - Полозов широко улыбнулся. - Но обновление невозможно без новых и хорошо проверенных в деле кадров. Не так ли, товарищ Лациус? В частности, без нового, решительного и умного человека на посту руководителя ПГБ...

Колесо подготовки операции стремительно завертелось. «Каммерер» - Лациус прилагал теперь все силы, чтобы оказать и Лихачеву, и Ведерникову-Сикорски максимальную помощь в предстоящем деле. Буквально из кожи лез, стараясь предусмотреть и спланировать малейшие детали операции.

Учесть нужно было все возможные факторы воздействия. В том числе и личные, человеческие качества. Каммерер самым внимательным образом изучил агентурные досье и персональные дела всех участников операции. Чуть ли не на месяц зарылся в подробное чтение уголовных дел сидящих в камерах на Лубянке фантастов. Потом взялся за чтение их книг. Но в отличие от Ведерникова, потратил на них не половину дня, а почти целых две недели. И к своему удивлению, обнаружил в этих книгах кое-что весьма и весьма любопытное. То, что вполне могло быть перенесено на почву реальной советской действительности и стать серьезным подспорьем в политической модернизации страны.

Вот, например, придуманный Строгановыми КОМКОН-2. Комитет по контролю за развитием науки и технического прогресса. А ведь какая богатая идея, если распорядиться ею с толком! Следить за перспективным развитием науки не только в нашей стране, но и во всем

«Не стояли звери около двери...»

мире. Следить, чтобы вовремя отсекать все то, что не нужно, все то, что сегодня или завтра может оказаться вредным. Так, а если пойти чуть дальше в наших мечтах и планах и следить не только за наукой? А литература? А музыка? А изобразительное искусство? Поклонников разных «попов-артов» и «рэпов-роков» в стране просто не возникнет, если они не возникнут и на самом Западе. Это будет уже даже не идеологическая оборона. Это будет наше развернутое идеологическое наступление. Наш идейный триумф во всем мире.

А башни - психоизлучатели из «Островной обители»? «Противобаллистическая защита», ха-ха... Разве не прелесть сам замысел такого дистанционного воздействия на население? Да, пока нет еще в нашем распоряжении таких вот башенок, чтобы за один присест выворачивать наизнанку мозги разных там идеологических выродков. Но есть ведь обычные радио и телевидение, кино и пресса. Разве важно, чем промывать головы человеческому быдлу? Главное - это результат. А он будет одинаков в обоих случаях.

Или вот идея использования «Бойцовых котят» из «Адского парнишки»... Гм, а почему бы и вправду не посылать наших курсантов из военных училищ в Афганистан? Для стажировки в условиях реальных боевых действий. Польза для дела укрепления армии будет несомненная. Молодежь возмужает, поднаберется жизненного опыта.

Так что у этих Строгановых и их учеников можно даже кое-чему подучиться. Кое-что перенять и творчески домыслить, а затем воплотить. С учетом наших советских реалий, конечно.

- ...Приготовьтесь к стрельбе, товарищ полковник, - напомнил о себе инструктор.

Мишени в конце стрелкового зала уже сменились. Ян Генрихович закрыл левый глаз, прицелился и начал стрелять.

«Не стояли звери около двери...»

Ему показалось, что вспышки выстрелов, которые отражались в боковых зеркальных витражах, чем-то напоминают вспыхивающие звезды.

Вспыхивающие звезды его счастливой судьбы.

5

...Эх, пожрать бы чего-нибудь!

Нет, все-таки Петрович скотина. «Особый режим содержания, особый режим содержания»... Какой там, к хренам собачим, он особый, если кормят по-прежнему три раза в день? И пайки... Гм, ну, пайки, конечно, все-таки стали чуть больше. Тут кто бы и спорил. Но все как-то пресно. Слишком уж обычно, что ли... Могли бы и расстараться для своего агента, козлы пэгэбэшные. Нет, экзотики, пожалуй, не надо. Зачем, например, омары в винном соусе в тюремной камере? Глупость... Но вот обычную еду из ресторана, салатика там всякие, витаминчики... Вот этого ассортимента могли бы и подкинуть, сволочи. А так... Двойная порция еды с тюремной кухни. Большое спасибо, дорогой Павел Петрович за вашу заботу о своих новоиспеченных кадрах!

И с выпивкой, кстати, тоже могли бы подействовать. Коньячок там какой-нибудь... Ну, ладно, пусть импортные – это шик, да еще по нынешним безалкогольным временам. Но хотя бы обычный армянский... Или винца бы бутылочку подкинули... Да любой алкоголь пошел бы за милую душу после почти полугодового воздержания в этом каземате! Так нет же. Зажилили. Экономят. Козлы они и есть козлы. Шкуры! «Особый режим содержания», твою мать!

Нет, но с другой стороны, конечно, лучше все-таки стало. Тут Павел Петрович свое слово сдержал. Вот в одиночную камеру перевели... Гм, хотя когда я об этом попросил, у бедняги Петровича прямо глаза на лоб полезли. Сидит, воззрился на меня немигающим

«Не стояли звери около двери...»

совиным взглядом и похохатывает тихонько. Будто сдвинулся маленько.

- В чем дело? - недовольным тоном осведомился я.

Что приятного в том, когда над тобой смеются? Да и Пал Петрович просто так хихикать не станет. Это я уже успел прочно усвоить за время нашего общения.

- Ах, Николай Львович, рассмешили, - Петрович взмахнул рукой, тряхнул головой. - У нас в тюрьме зэки наоборот в общие камеры просятся. В одиночке сидеть ой как не сладко. И не поговоришь ведь ни с кем...

Ха, не поговоришь... А шесть месяцев подряд видеть перед собой только щекастую перельгинскую рожу - это как? Слушать его высокоумные рассуждения на политические темы. Ах, этот злодей Лихачев! Ах, этот тоталитарный режим! Свихнуться же можно!

- Ну, да ладно, - Павел Петрович улыбнулся, пожал плечами. - Распоряжусь, вас переселят на оставшееся до начала операции время в камеру-одиночку. Это же, слава Богу, не надолго. Дней через десять вас уже отправят на поселение.

- А куда отправят? - я сразу насторожился. Как-то не хотелось мне оказаться где-нибудь на ледяных ветрах Колымы или в жарких казахстанских степях.

- Не волнуйтесь, - Павел Петрович усмехнулся. - Как я вам и обещал, поедете очень недалеко от Москвы. Владимирская область. Места там - почти курортные. Зона, конечно, но вы будете совершенно на особом положении. Жить и работать вам предстоит в библиотеке войсковой части, которая охраняет заключенных. Режим передвижения у вас будет свободным, но в границах зоны, естественно. Как мы с вами и договаривались, годик подышите свежим воздухом, а там и амнистия подоспеет.

- Амнистия точно будет? - Мне страшно не хотелось оказаться лохом. За чистосердечное признание и все свои заслуги перед следствием трубить потом полный срок - это, знаете ли, не входило в мои планы...

«Не стояли звери около двери...»

- Будет, будет, - Павел Петрович уверенно закивал.
- Какой бы был смысл затевать нашу с вами игру, если бы вы тянули экзовскую лямку на всю катушку? Вы мне уже сейчас нужны, Николай Львович. Ну, в крайнем случае, через годик. Писатель, вернувшийся из зоны... Непримиимый борец с коммунистическим режимом... Ореол мученика и большие тиражи ваших книг на Западе будут обеспечены.

- Ну, книги еще написать нужно, - осторожно напомнил я. - Хотя, конечно, и некоторые прежние мои работы подойдут...

- И прежние работы пойдут в дело, и будущие, - в голосе Павла Петровича сквозила железная уверенность.
- В течение ближайшего года вы столько напишите! Куда там Александру Сергеевичу с его Болдинской осенью! Книги, рожденные в советских застенках, тайно вывезенные с риском разоблачения на границе... Разве это не то, что будет воспринято там, на Западе, на «ура»? Пойдет, Николай Львович, пойдет. Даже и не пытайтесь спорить. Можете полностью довериться моему опыту и знанию психологии западных политиков и обывателей! Они будут глотать ваши книги так, как голодные рыбки в пруду глотают жирненьких червячков!

Да, психолог Петрович действительно неплохой... Знарок человеческих душ... Тут перед ним нужно снять шляпу. Меня, например, он перетащил в свои союзники в течение всего лишь одной беседы. Полтора часов обычного разговора наедине с ним хватило, чтобы подающий надежды молодой писатель-диссидент сделался преданным сторонником существующего строя. Более того - глубоко внедренным агентом госбезопасности. Так сказать, тайным столпом коммунистического режима.

Появился Петрович на моем горизонте внезапно. Выпрыгнул откуда-то из недр ПГБ, как чертик из коробочки. В тот день шел обычный, рутинный допрос, к которым я уже за три месяца после ареста успел привыкнуть. Следовательно, старший лейтенант

«Не стояли звери около двери...»

госбезопасности Свиридов, из кожи вон лез, чтобы выведать у меня адреса каких-то несуществующих явочных квартир, на которых якобы происходила передача моих рукописей эмиссарам зарубежных подрывных центров. В обмен на толстые пачки советских рублей, естественно. Я ничем товарищу Свиридову помочь не мог, поскольку все эти явочные квартиры существовали только в его богатом, но, увы, больном воображении.

Вспотевший от усердия бедняга старлей что-то бубнил себе под нос о моей гражданской ответственности, о чувстве советского патриотизма и прочей белиберде, когда входная дверь чуть скрипнула и в кабинет вошел стройный, высокий мужчина среднего возраста.

- Товарищ полковник, разрешите доложить... - Свиридов вскочил на ноги, собираясь отрапортовать, но вошедший отмахнулся от него, как от назойливого насекомого, и распорядился:

- Оставьте нас вдвоем, товарищ старший лейтенант.

Свиридова словно корова языком слизала. Мухой вылетел в коридор и даже не пикнул.

Мужчина присел на краешек письменного стола прямо напротив моего стула и воззрился на меня своими темно-карими глазами. Взгляд у него был пронзительный, острый и чуть ироничный. Честное слово, у меня даже побежали мурашки по спине от этого его взгляда. Наверное, именно так чувствует себя кролик, на которого в упор смотрит удав. Я беспокойно заерзал на стуле.

- Не волнуйтесь, Николай Львович, - голос незнакомца прозвучал мягко и успокаивающе. Он явно заметил мои телодвижения. - Нам с вами предстоит еще множество бесед. Надеюсь, что очень приятных бесед. И на интересные нам обоим темы.

- А я и не волнуюсь, - я пожал плечами с деланным безразличием, хотя у самого мурашки строем

«Не стояли звери около двери...»

замаршировали вдоль позвоночника. По сравнению с кутенком Свиридовым в моем новом собеседнике чувствовался матерый волкодав. Просто гигантских размеров волкодавище с огромными стальными челюстями. - Что же касается бесед, то я все, что знал уже рассказал следователю старшему лейтенанту Свиридову...

- Знаю, знаю, - закивал он. - Я читал ваши показания. Вы очень подробно все изложили. И честно. Будь я судьей, я бы освободил вас прямо в зале суда. Вы абсолютно невиновны с точки зрения буквы закона.

Я наострил уши. Это было что-то новое в скрипучем и неторопливом механизме следствия по моему делу. Следователь Свиридов, напротив, изо всех сил пытался уверить меня в том, что я конченный прожженный антисоветчик и отщепенец.

- Простите, а вы кто? - поинтересовался я. После тупого и ограниченного Свиридова новый собеседник – хоть и волкодав по своей сути - явно располагал к себе. Даже внешне.

- Ах, да! Я забыл представиться, - он поднялся с краешка стола, прошелся по комнате и остановился у зашторенного окна. - Я - полковник ПГБ Синицкий. Но для вас я - Павел Петрович.

Костюм на нем был темно-синий, дорогой. Брюки отглажены, без единой складочки. Безукоризненно белая рубашка. Модный галстук в широкую полоску с золотой заколкой.

- Очень приятно, - фыркнул в ответ я. Представил, каким убожеством выгляжу сейчас я в засаленном свитере и мятых спортивных штанах по сравнению с этим джентльменом из органов. - Не считаете ли, гражданин полковник, что заявление о моей невиновности из ваших уст звучит, мягко говоря, странно? Хотя бы на фоне того дела, которое упорно шьет мне ваш подчиненный Свиридов?

- Не считаю. - Он уселся на один из стоявших в ряд около окна стульев и вытянул ноги. Туфли у него были

«Не стояли звери около двери...»

тоже не из дешевых, да еще и начищены до зеркального блеска. - Повторяю еще раз: с точки зрения советского законодательства, Николай Львович, вы абсолютно невиновны.

Синицкий сделал паузу и продолжал:

- Но есть еще то, что выше закона. Партийная целесообразность. Государственная необходимость. Политические реалии. Слыхали о таких зверях?

Я горько усмехнулся в ответ и кивнул. Виновен человек или не виновен, в нашей стране давно уже решали не судьи, а партийные органы. Точнее, высшая партийная номенклатура – аппарат ЦК партии и Политбюро.

- А посему свой срок тюремного заключения вы неминуемо получите. Моя же задача - сделать так, чтобы этот срок оказался минимальным. И почти для вас неощутимым.

- Понятно, - я поморщился. Да, товарищ полковник мягко стелет, да жестко спат. - И за эту услугу с вашей стороны я, конечно, должен сдать все наши пароли и явки...

- Какая чепуха! - он расхохотался. - Мне совершенно не нужны ваши пароли и явки, Николай Львович! Тем более, что никаких паролей и явок в вашем писательском кругу вовсе и не было!

- Ваш подчиненный Свиридов придерживается иного мнения, - осторожно заметил я.

- Свиридов туп от рождения, - на лице Павла Петровича обозначилась брезгливая гримаса. - Мне не нужны ваши пароли и явки. Ни настоящие, ни выдуманные. Мне нужны лично вы, Николай Львович. Точнее говоря, мне нужны ваши книги, ваши романы, рассказы и повести.

- Никогда не думал, что в ПГБ найдутся почитатели моего творчества. – Я скептически хмыкнул и покачал головой.

- Тем не менее, таковые нашлись. - Он снова устремил на меня свой пронзительный взгляд. - Я

«Не стояли звери около двери...»

полагаю, что ваше творчество, ваши книги очень полезны для нашей страны, Николай Львович.

«Играет, сукин сын, - подумал я. – Решил со мной поиграть, как кот с пойманной мышкой! Только зачем? Не мытьем так катаньем заставить меня развязать язык? Гм, а что мне ему сказать, если я ничего не могу сказать? Если я ничего не знаю? Я просто пишу книги... А если попробовать ему чуть-чуть подыграть? Потянуть время?»

- Опомнитесь, Павел Петрович! - Я впервые решился назвать его по имени и отчеству. - Если руководство ПГБ узнает о ваших литературных вкусах, не сносить вам головы! Боюсь, что ваша служба на Лубянке окончится очень быстро!

- Поверьте, мне увольнение не грозит, - Синицкий пренебрежительно взмахнул рукой. – И карьерному росту увлечение вашими книгами тоже нисколько не мешает. Я готов доказать любому замшелому партийному чиновнику, что ваше литературное творчество работает на общее дело. На построение коммунистического общества в нашей стране.

- Вот как? Интересно... – Я изобразил на лице заинтересованность. - Ну, а мне самому вы не могли бы это доказать? А то после бесед с вашим младшим коллегой Свиридовым я уже как-то привык относить себя к тем, кто стоит по другую сторону идеологических баррикад...

- И совершенно напрасно. - Он откинулся на спинку стула, явно готовясь к длительному разговору, и проникновенно начал:

- Ваше творчество очень ценно для нашей идеологической партийной работы в массах, Николай Львович. И особенно, в молодежной среде. Нет, ваши повести и рассказы, конечно, не являются переложением на литературный язык материалов съездов и пленумов ЦК КПСС, - как у некоторых ваших обласканных Советской властью коллег. Да, ваши произведения достаточно ершисты. Да, многие из них даже остро

«Не стояли звери около двери...»

критичны по отношению к нашим нынешним реалиям. Но...

Он сделал паузу, словно мысленно пытался тщательно подобрать и выстроить слова, а потом продолжил:

- Знаете, а ведь вас совершенно напрасно причисляют к литературной школе братьев Строгановых, Николай Львович. Нет, формально вы, конечно, с ними. Участник литературных семинаров. Всех этих подпольных «Аэлит» и «Звездных мостов», семинаров и конкурсов. Ученик, одним словом. И даже очень талантливый ученик. Но если копнуть глубже... Если взглянуть на вас с другой стороны... Вы ведь совсем другой, Николай Львович. Вы наш. Вы глубоко советский человек.

- Ну-ка, ну-ка, - он и впрямь меня заинтриговал. - И что же такого просоветского вы обнаружили в моих опусах?

- Я просто очень внимательно прочитал все ваши произведения. - Павел Петрович прищурился, отчего взгляд его, казалось, сделался еще острее. - Все, даже те, которые вы так и не успели напечатать ни в здешнем самиздате, ни за границей и которые мои сотрудники изъяли у вас дома во время обыска. Прочитал и пришел к очень любопытному выводу... Ваши книги воспевают простого человека. Маленького человека, Николай Львович. Человека общей системы. Человека единой команды. Обычного рядового человека в выдуманных вами фантастических мирах.

- Мещанина будущего, иными словами, - в ответ ухмыльнулся я. - Винтика в механизме... Гм, никогда еще не встречал такой оценки героев моих книг...

- Можно выразиться и так, - согласился он. - Хотя это ваше определение мне не совсем нравится. Выражение «простой человек» звучит все-таки приятнее и точнее отражает суть вещей, чем «мещанин» или «винтик». Да, так вот... В той системе ценностей, в том мире, который конструируют братья Строгановы и их

«Не стояли звери около двери...»

ученики, вы занялись разработкой темы простого человека. Человека, встроенного в систему и покорного этой системе. Человека, который по духу своему не является бунтарем, носителем идей радикального свойства. Человека, который получает удовольствие от того, что живет в стабильном обществе. В обществе, где все размеренно, своевременно и четко спланировано. А ведь партии и правительству как раз и нужны именно такие люди.

- Все-таки винтики! - фыркнул в ответ я. - Ошибаетесь, уважаемый Павел Петрович! Да, я пишу о простых людях. Но это люди будущего. В котором вашему сегодняшнему миру места нет!

- Ну, это как сказать! - Павел Петрович широко улыбнулся. - Мы ведь как раз и строим это светлое будущее. И моя задача, Николай Львович, просто убедить ваших читателей в том, что светлое будущее начинается уже сегодня. Убедить в том, что шагать в общем строю, в ногу со всеми, - это единственно верный путь. А для этого нужно просто перебросить мостик между простым человеком из вашего светлого будущего к рядовому советскому труженику. Если братья Строгановы строят миры будущего, то в ваших книгах люди, простые человеки коммунистического завтра, заняты тем, что устраивают свою собственную судьбу. Почувствуйте разницу: миростроители и мироустроители. Как вам такой тезис?

- Что ж тут сказать... Оригинальный подход... Использовать мои опусы о будущем, чтобы фактически укрепить ваш нынешний режим...

- Наш общественный и государственный строй, - поправил он. - Привыкайте к правильной терминологии, Николай Львович. Как будущий наш сотрудник.

- У вас богатая фантазия. - Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться. - Писатель-фантаст на службе у ПГБ! Павел Петрович, а вы сами фантастику писать не пробовали? На бытовые темы, так сказать, ближнего прицела?

«Не стояли звери около двери...»

- Увы, я реалист от рождения и по воспитанию. И твердый прагматик. Но с хорошо развитой интуицией. – Он заулыбался. – Говорю это без ложной скромности.

- И что же, эта ваша интуиция подсказывает вам, что я начну работать на госбезопасность?

- Непременно начнете, - в голосе его прозвучала абсолютная убежденность в сказанном. - И чем скорее начнете, тем будет лучше. И для вас, и для нас.

- Гм... Откуда такая уверенность? – Я и в самом деле был слегка обескуражен.

- Я уже довольно долго изучаю вас, Николай Львович. Заочно, конечно. Вы не созданы для борьбы с Советской властью. Легкая фронда - это да. Это для вас. На кухне пошептаться, фигуру из трех пальцев в кармане показать, пару рассказиков с антисоветским подтекстом в каком-нибудь подпольном литературном альманахе тиснуть... Вот, по сути, и вся ваша оппозиционность.

- А вот посмотрим, - попытался задиристо возразить я. Собственный голос почему-то показался мне совершенно чужим. - Жизнь не заканчивается сегодняшним днем!

- Тюрьма, суд, колония, ссылка... - Павел Петрович продолжал, словно и не слышал моей реплики. – А потом – общественная опала и безвестность. Николай Львович, разве вы о таком будущем мечтали, когда посылали ваш первый рассказ в редакцию «Техники – молодежи»? Да, да, тот самый, который тайком писали во время лекций по научному коммунизму на пятом курсе в институте.

Я чуть воздухом не подавился. Это-то откуда ему известно? Кто-то из сокурсников стукнул? Не иначе... Гм, староста нашей группы Валька Мартиросян, говорили, в первый отдел постукивал...

Синицкий тем временем продолжал:

- Долгие годы за решеткой, потом несколько десятилетий в какой-нибудь деревне Мухоморова в восточносибирской глуши. Там, где из произведений литературы в местной клубной библиотеке есть только

«Не стояли звери около двери...»

сборник постановлений пленумов нашего ЦК за прошлую пятилетку. А черно-белый телевизор - только в кабинете председателя местного леспромхоза. Хамство, бескультурье, всеобщее пьянство... И, разумеется, полная невозможность писать. Поверьте, уж об этом тамошние кураторы позаботятся в первую очередь. Ведь намного проще лишить вас возможности кропать ваши чудные опусы, чем потом перехватывать на пути за рубеж ваши рукописи. Перефразируя Козьму Пруткову, руби под корень!

Он замолчал. Некоторое время буквально буравил мое лицо цепким взглядом. Потом его губы тронула едва заметная улыбка:

- А вы даже слегка побледнели, Николай Львович. Что, слишком мрачную картину вашего ближайшего будущего я вам нарисовал?

- Да, мрачновато, - согласился я и закашлялся. В горле совершенно пересохло.

- Поверьте, в реальности все будет еще хуже. Не факт, что во время отсидки в колонии вам не навесят дополнительный срок. Ничего не стоит подвести человека под статью, если он уже за решеткой.

Я оцепенел. На меня словно обрушился ледяной шквал из моего собственного и весьма вероятного завтра.

- Но альтернатива этому мрачному будущему все-таки есть! - Павел Петрович угадал мои мысли. Он щелкнул пальцами – совсем, как фокусник, который собирается достать из перевернутой шляпы белоснежного крольчонка и предъявить его зрительному залу. - Тюрьма или свобода, забвение или слава... Выбор теперь будет зависеть только от вас, Николай Львович!

- И в чем конкретно состоит эта ваша альтернатива? – Я сглотнул сухой ком в горле. - Что я должен сделать, чтобы выйти из этих стен?

- Как я уже говорил, мне вовсе не интересны мелкие секреты вашей писательской тусовки, Николай Львович. – Он обошел письменный стол и уселся

«Не стояли звери около двери...»

напротив меня. - Мне нужно только одно: чтобы вы – негласно, разумеется, - дали свое согласие и в дальнейшем писать так, как пишете сейчас. Мне нужно ваше согласие и в будущих книгах развивать тему маленького человеке из нашего светлого завтра.

- И это все? – не поверил я. - И я могу быть свободен?

- Да, но не сразу, - брови его слегка сдвинулись к переносице. - Правила игры есть правила игры. Их не может нарушить никто. Ни я, ни вы. Вам предстоит пройти через суд, и вы получите свой срок. Стандартный срок. Лет пять-шесть, не больше.

- Тогда какой смысл... - начал было я, но Павел Петрович резко прервал меня:

- Не спешите с выводами, Николай Львович! Ваш суд и тюремный срок уже давно predeterminedены. Как всегда будет шум в западной прессе о репрессиях интеллигенции в нашей стране, слегка пошумят в подполье ваши фаны, всплакнет в подушку о загубленной жизни молодого и интересного писателя парочка-троечка девиц, из числа ваших почитательниц... Но это все для публики. Как сцена в пьесе с плохим сюжетом – предсказуемо и банально.

Он сделал паузу, потом продолжил:

- А на самом деле ваша новая жизнь начнется сразу после выхода из зала суда. Вместо лесоповала вы попадете в относительно комфортные условия. Поверьте, что там, куда в скорости отправятся остальные ваши коллеги по писательскому цеху о должности скромного библиотекаря в войсковой части внутренних войск можно только мечтать в самых сладких снах! И это если дадут спать отпетые уголовники и рецидивисты. А у вас еще будет и возможность писать. Более того, я берусь организовать своевременную и оперативную доставку ваших новых произведений в зарубежье. Фантастика из-за колючей проволоки... Да издатели на Западе набросятся на ваши книги стаей! Ну, а я через подставных лиц перекуплю большую часть

«Не стояли звери около двери...»

тиражей и по нелегальным каналам верну ваши повести и рассказы нашему советскому читателю. Самиздат от Бреста до Владивостока будет буквально завален вашими произведениями, можете в этом даже не сомневаться. Ваши книги будут читать, Николай Львович. И не просто читать, но и любить, – как любят у нас все полузапретное и запретное. Будут любить созданный вами фантастический мир, будут любить придуманных вами персонажей... И, конечно же, многие читатели – особенно молодые - захотят быть похожими на своих любимых героев. Быть похожими на простых парней и девчат из нашего прекрасного светлого далека...

- Ну, а если я не соглашусь на ваше предложение? Или начну писать иначе? Будущее ведь можно нарисовать и без этих самых маленьких людей. Какой-нибудь мир сплошных героев...

- Ну, именно так и пишут большинство наших советских фантастов – из тех, кого в охотку печатают и в «Советском писателе», и в «Молодой гвардии». И что, их книги пользуются бешеным спросом у читателей? Их произведения обсуждают на полуподпольных литературных тусовках? Нет. Я не думаю, что вы пожелаете примкнуть к когорте безликих борзописцев, Николай Львович.

- Я вообще могу оставить писательство.

- Не можете, - Павел Петрович покачал головой. - Вы достаточно амбициозный человек. А реализовать свои таланты можете только на литературной стезе. Поэтому выбор у вас очень ограниченный: либо вы остаетесь писателем и продолжаете идти по уже проторенной дорожке воспевания маленького человека из будущего на страницах ваших повестей и романов, либо вы навсегда сгинете в таежной глуши очень далеко за Уралом. Третьего, увы, не дано.

Он произнес это таким ледяным тоном, что у меня по спине снова замаршировали колонны мурашек. Я проглотил ком в горле и сказал:

«Не стояли звери около двери...»

- Значит, я должен стать вашим литературным орудием... Фактически идеологической бомбой, которую вы подкладываете под мир будущего...

- Идеологической бомбой? - Павел Петрович расхохотался, вытащил из кармана белоснежный носовой платок и слегка коснулся им глаз. - Ну, вы юморист, Николай Львович... Смешно до слез, честное слово. Это ж надо придумать – «идеологическая бомба»! Талант, вы несомненный талант...

Он еще раз промокнул платком выступившую на глазах влагу и продолжал:

- Нет, друг мой. Вы - не «идеологическая бомба». Вы - мой рычажок влияния на тот самый светлый и счастливый мир, который непременно когда-нибудь будет построен. Мой маленький сюрприз для никому не нужного мира великих героев. У ваших учителей Строгановых есть в книгах такое понятие как прогрессорство. Мир великих героев будущего столетия берется подправлять соседние слаборазвитые цивилизации. Фактически будущее правит прошлое – правда, не свое, чужое. Вот и вы, Николай Львович, будете моим прогрессором. Моим личным прогрессором в мире будущего. Человеком, который сделает слишком холодный и неудобный мир героических творцов и умничающих героев более мягким и более удобным для нормальной человеческой жизни. И самое главное - более управляемым для тех, кому и надлежит принимать настоящие решения. Ведь в любом мире, дорогой мой писатель, есть и будет элита, сливки общества. И всегда будут низы, те самые простые люди, которыми нужно уметь управлять. А вы... Вы смертельно опасны для мира возвышенных творцов и бескомпромиссных героев, Николай Львович. Если бы вы даже сами оказались в таком мире, вы бы просто постепенно стали бы разрушать его изнутри. Самим фактом вашего творчества. Ведь в любое время и для любого общества очень соблазнительна та альтернатива, которую вы предлагаете. Стабильный, предсказуемый и

«Не стояли звери около двери...»

управляемый мир. Мир простых людей, которыми можно – и нужно! - умело и незаметно манипулировать.

- Только это уже получается не прогрессорство, а... Гм, какое-то регрессорство, что ли... Банальное приземление великих целей и замыслов...

- Ну, само название зависит от точки зрения. От системы координат, если хотите, - заметил Павел Петрович. - Вы хоть и ученик Строгановых, а в своих произведениях фактически выдвинули альтернативу их миру. Альтернативу полдням будущего столетия. Мир стабильности и порядка, основанный на общих интересах множества простых людей. Очень приятный и хороший мир. Мир, в котором хочется жить. Мир, который большинство ваших читателей захотят строить уже сегодня. Точнее, обустроить.

- Ага, а мне уготована роль прораба... – с иронией заметил я.

- Проектанта, - поправил Павел Петрович. - Прорабами пусть будут другие, Николай Львович. Я и мои коллеги, например.

- Логично, - кивнул я. - В любом проекте могут быть недоделки...

- Могут, - согласился Павел Петрович. - Да и мусор нужно периодически убирать. Те самые щепки, которые летят при рубке леса... Итак, как я понимаю, вы согласны с моим предложением слегка подкорректировать будущее, Николай Львович?

Его лицо озарилось лукавой улыбкой.

...А что я мог ему ответить? Сказать «нет» и сгинуть безвестно в какой-нибудь сибирской глуши? Или все-таки продолжать творить? Творить, чтобы постепенно создавать мой собственный мир, мое собственное будущее?

...Эх, коньячка бы сейчас! Честное слово, полжизни отдал бы сейчас за маленькую рюмашку коньячка! Какое-то наваждение... Закрываю глаза и вижу бутылку коньяка. И пять звездочек на этикетке!

Мне не спалось.

Ребята давно разошлись по своим комнатам и, наверное, уже видели десятый сон. А в мою голову все лезли и лезли мысли, совершенно не дававшие возможности сомкнуть глаза. Нервишки шалят. Подготовились мы очень хорошо, но я все-таки волнуюсь...

Тихонечко выбираюсь на балкон, прислоняюсь спиной и затылком к косяку двери, и взглядом шарю по небу. Ближе к ночи ветер разогнал облака, и теперь над Москвой почти чистое небо. Правда, засветка от городских улиц мешает увидеть звездную высь в ее полном великолепии, но кое-какие самые яркие небесные огоньки все-таки видно.

Операция, в которой мне предстояло принять участие, была задумана давно. При выполнении анализа этой ветви временного континуума нашим историкам удалось выяснить, что на рубеже второго и третьего тысячелетий группа очень талантливых писателей-фантастов и несколько их самых горячих почитателей - в этом мире их называли «эльфами» - погибли при попытке угнать пассажирско-грузовой самолет в зарубежье. Сотрудники Института путешествий во времени зарылись в местные архивы и обнаружили, что гибель литераторов и их товарищей была далеко не случайной. Если партийное руководство рассчитывало просто сплавить фантастов и «эльфов» за границу, то верхушка государственной полиции и часть членов Политбюро вовсе не горела желанием плодить будущих диссидентов. Затесавшийся в группу ребят-«эльфов» агент ПГБ после пересечения самолетом финской границы простым нажатием кнопки привел в действие портативную мину. Агент, впрочем, не знал, что в его руках взрывное устройство. Он до самой смерти был уверен, что должен просто включить радиомаяк, который

«Не стояли звери около двери...»

позволит более точно следить за передвижением в небе небольшого грузопассажирского самолетика...

Все это и предопределило мое появление в этой реальности – за полгода до драматических событий. Было бы очень расточительно с точки зрения принятых в нашем обществе моральных критериев и воззрений на историю человеческой цивилизации дать погибнуть целой плеяде талантливейших людей, умеющих создавать настоящие Миры. Тех людей, по книгам которых мы когда-то строили и наш собственный мир.

Проникнуть в группу готовящих покушение «эльфов» было не так уж и сложно. Ребята имели весьма поверхностное представление о том, что такое настоящая конспирация.

Сложнее оказалось внедриться в структуру здешней секретной службы - ПГБ, чтобы оказаться тем самым агентом, который и должен будет через несколько дней привести в действие адскую машинку на борту летящего самолета. Вспоминать тошно, сколько всяких мерзостей пришлось учинить, чтобы втереться в доверие к «пэгэбэшникам» - кураторам этой тайной операции. Зато теперь у нас есть полная уверенность, что события будут развиваться не по их, а по нашему сценарию.

Через неделю в карельских лесах действительно найдут обломки АН-2, угнанного с маленького аэродрома «группой неустановленных лиц» и вылетевшего в Финляндию. Отыщут даже части тел его пассажиров. Наши спецы из отдела имитации поработают на славу. И партийное руководство, и «гэбэшники» на все сто процентов будут уверены, что беглецы погибли в авиационной катастрофе.

Конечно, перед самым вылетом самолета в зарубежье я открою писателям и «эльфам» всю правду. И у каждого из них будет возможность выбора.

Можно остаться здесь, в стране. Изменить фамилию и внешность, жить на нелегальном положении. Писать под псевдонимами и распространять в самиздате

«Не стояли звери около двери...»

свои книги. Борются и словом, и делом с этим дурацким режимом, который, несмотря на все попытки реанимировать его, все-таки исторически обречен.

Можно перебраться на сытый и самодовольный Запад. Жить в эмиграции, скрываться от агентов ПГБ и тайком переправлять в Советский Союз свои новые книги – конечно, тоже под псевдонимами... Верить и надеяться, что когда-нибудь вернешься в обновленную и восставшую из пепла страну.

И можно отправиться в наше время, в наш мир. В тот мир, где любят и умеют создавать настоящие Миры. Где всегда найдется работа и для Учителей, и для их Учеников. Где можно жить свободно и творить.

Я не знаю, какой выбор сделает каждый из тех, кто сейчас томится в тюремных камерах или спит в соседних комнатах. Но что бы каждый из них не выбрал, и наш, и этот мир уже не будут прежними.

И зажгутся во Вселенной новые звезды...

7

Фигура на балконе замерла, опершись спиной на косяк двери. Голова чуть запрокинута, взгляд устремлен в вечернее небо. Наверное, рассматривает звезды, искорками постепенно проступающие в густеющей черноте.

«Галеон» завис в режиме невидимости метрах в сорока перед балконом, почти над самой крышей школы напротив дома, в котором собрались «эльфы»-заговорщики.

- Это один из них? – Милентьев кивает подбородком в стороне застывшей фигуры.

- И не просто один из, - ухмыляюсь я. – Это сам пан резидент. Внедренный в операцию агент с другой Земли. Так сказать, собственной персоной и во всей красе.

«Не стояли звери около двери...»

- О, вот даже как! – Белесые Жоркины брови удивленно взлетают вверх. – Ну, а в чем состоит моя задача?

Жора Милентьев – мой постоянный напарник. В разных операциях мы меняемся с ним местами: то он куратор, а я – резидент, то наоборот. Куратор Чеслав Волянецкий – резидент Георгий Милентьев. Куратор Милентьев – резидент Волянецкий. В нынешнем деле моя очередь командовать.

- Нужно будет обеспечить плотный контроль над операцией, которую затеяли вот этот субъект на балконе и его руководители, - говорю я. – Вся их затея должна осуществиться успешно – от «а» до «я».

На лице Жорки проявляется такой коктейль брезгливости и отвращения, словно он только что сунул себе под язык горькую пилюлю. Понятно, миростроителя со стажем оторвали от славных дел для участия в пустяковой затее, с которой может справиться даже новоиспеченный стажер с подготовительных курсов. Сейчас я услышу проникновенную речь о том, что нельзя заколачивать гвозди микроскопом. В финале этого пламенного спича будет констатация того очевидного факта, что некоторые кураторы совершенно разучились отстаивать интересы подчиненных им резидентов в Штабном Коллегиуме.

- Извини, дружище, что пришлось выдернуть тебя для этой операции, - превентивно смягчаю ситуацию я. – На мне сейчас плотно завязано сразу три проекта, причем два – в критической стадии. А у тебя только меркурианская экспедиция, да и то в относительно спокойной фазе...

Жорка действительно сейчас ведет только полет «Гермеса» к первой по счету от Солнца планете в одном из создаваемых нами миров. И тому кораблю махать солнечными батареями по орбите до встречи с целью еще почти три недели. Как раз успеем здесь разделаться со всеми делишками и «подчистить хвосты».

«Не стояли звери около двери...»

- Ну, не разорваться же мне, в самом-то деле? – слегка подбавляю в голос горечи и трагизма. – Коллегиум решил, что я могу здесь что-то прошляпить. Вот и решили тебя сюда на недельку-другую выдернуть...

- Ладно, - Милентьев обречено вздыхает. – Так – значит, так. От судьбы и руководства не уйдешь. Давай, излагай суть.

- В мире, из которого сюда забрался этот товарищ, - я киваю в сторону фигуры на балконе, - построено коммунистическое общество...

Жорка выкатывает глаза, а его брови вновь совершают взлетное движение:

- Э... Это в каком же смысле?

- В самом прямом. Там имеет место быть коммунизмус обыкновенус. Во всей своей полноте.

- Ух ты! Вот бы хоть одним глазком...

Я понимаю Жоркины удивление и восторг. Если бы мне предложили показать действующий вечный двигатель, я бы тоже не отказался. А коммунизм давно уже считается совершенно недостижимым общественным идеалом. Проще говоря, утопизмом чистой воды.

- По крайней мере, эти товарищи там так считают. - Я чуть смягчаю Жоркин информационный шок.

На лице Милентьева начинает проявляться выражение, какое бывает у ребенка, которому пообещали купить пирожное, но так ничего и не купили:

- А, то есть на самом деле...

- На самом деле, - я с корнем вырываю первые ростки Жоркиного разочарования, - они построили свой мир строго по заветам Маркса, Ленина, Энгельса и еще целой кучи коммунистических теоретиков и вождей.

- Э... Ну, насколько я знаю, коммунистические теоретики... - начинает Милентьев, но я ловлю его мысль на лету и вырываюсь вперед:

- ...Не оставили точных рецептов построения светлого будущего для всего прогрессивного

«Не стояли звери около двери...»

человечества. «От каждого по способностям и каждому по потребностям», «Все во имя человека, все для блага человека»... Ну, и прочие «бла-бла-бла» и «трам-пам-пам».

- Тогда как...?

- Эти ребята просто передрали в план строительства собственного будущего видение коммунизма из книг тамошних фантастов. Там у них были свои братья Строгановы, Ефремин, Мартыненко и прочие, и прочие. По этому интегральному миксу и начали преобразовывать социум. Чтобы получился «мир, в котором хотелось бы жить». Два или три переходных поколения, чуть-чуть крови и репрессий – как же без этого при строительстве Светлого Будущего? – и вот вам опаньки: мир победившего коммунизма под ключ. Строго по калькам товарищей писателей.

- О-бал-деть! – Мне не часто приходится видеть Милентьева с отвисшей от удивления челюстью. По крайней мере, в последние четыреста-пятьсот лет точно не видел. – А мы куда смотрели?

- Коллегиум решил умыть руки. Поэкспериментировать. Если мы строим разные миры, то почему же хотя бы в одном из них не дать людям построить настоящий коммунизм? По хотелкам авторов и рецептам из фантастических книжек.

- И у них все получилось?

- Представь себе, да. В том мире объединенный союз социалистической Германии, народного Китая и индустриализированного СССР на рубеже пятидесятых-шестидесятых годов двадцатого века быстро и без крови сломил сопротивление англо-американской буржуазной коалиции – и пошло-поехало! Через два века, к середине двадцать второго столетия мир было не узнать. Честное слово, шикарный мир получился. Свежий торт, а не мир. Ухоженный, чистенький, безопасный... Живи – не хочу!

- И все-таки что-то там пошло не так, - Милентьев старается проявить способности экстрасенса, улавливая

«Не стояли звери около двери...»

малейшие перемены в моем голосе. – Что-то у них там застопорилось, да?

- Примерно полвека все было и в самом деле как в сказке. Общество без социальных конфликтов и почти без личных конфликтов. Жизнь пристойна, благодушна и жизнерадостна. Правда, были и отступления от «писательских калек». Они так и не открыли возможностей перемещения за пределы Солнечной системы – ну вообще никакой там сигма-деритринитации или квантовой терьямпампации. Поэтому завязли на околосолнечных планетах. Хотя и там работы было выше крыши... Почему-то никак не начинались ни «вертикальный прогресс», ни информационно-технологическая сингулярность, описанные в книгах учителями-фантастами. И никак не отыскивался какой-нибудь «Т-зубец в ментограммах».

- Счастливая рутина, - прокомментировал Жорка. – Счастье для всех... Только нудное!

- Вот-вот! – киваю я. – И примерно через полвека всеобщей радости вдруг начались проблемы. Рост количества людей, которые, несмотря ни на какие «теории воспитания», вообще ничего не хотели делать. Только получать удовольствия: есть, играть в несложные игры, нежиться на пляжах... Резкий спад рождаемости. Сокращение населения уже через два десятка лет привело к торможению научно-технической активности, динамика развития общества стала стремительно угасать. Свертывание работ в космосе. Целые научные направления стали пробуксовывать – не хватало исследователей. В казалось бы нерушимо стабильном обществе стали происходить весьма странные вещи... Какие-то беспричинные неконтролируемые вспышки агрессии. Массовые фобии. Поднялась волна самоубийств. Конечно, они поняли, что что-то идет не так... Их Мировой Совет ищет выход, над проблемой корректировки работают академии и институты, но пока зримых результатов нет. А тут в результате экспериментов с проникновением в иные

«Не стояли звери около двери...»

измерения они наткнулись на здешний мир. Очень похожий на их собственный, но пошедший в своем развитии другим путем. С необъяснимым опозданием во времени примерно на два века. И в этом чужом мире есть свои строители миров, которых можно тайно изъять и пригласить в свой мир. Авось чего-нибудь дельного и подсоветуют...

- Ясно, - машет рукой Милентьев. – Итак, моя роль – это контроль?

- Чтобы не было случайностей. Пусть у этих ребят из другого мира все получится.

- Странный способ решать проблемы, - скептически фыркает Жорка, - тащить к себе экспертов из другого мира!

- Учителей, - поправляю я. – Не экспертов, а настоящих создателей миров. И вообще они уверены, что здесь - одно из ответвлений их собственного мира.

- Как это?! Раздвоение мира?

- Да, в некоей точке бифуркации.

- И мы не собираемся им открыть глаза? Не скажем правду?

- А зачем? Для нас это, в некоторой степени, тоже эксперимент. Ведь еще не было случая, чтобы два созданных нами мира самостоятельно вышли на прямой контакт друг с другом...

- Ну, это с большим допущением можно полагать, что вышли, - кривится Жорка. – Один мир на контакт вышел, но так и не понял, что перед ним совершенно иной мир, а не какая-то его собственная параллельная реальность. А второй мир вообще ничего не знает: ни о том, что где-то есть первый мир, ни о том, что тот мир идет на контакт.

- Вот и хорошо. Рано им еще официально контактировать. Вот когда мы выведем в общее пространство все созданные нами миры и создадим во Вселенной Великое Кольцо человеческих миров...

- Чеслав, а ты веришь, что оно будет? – Милентьев щурит глаза. – Что наши миры, когда мы откроем им все

«Не стояли звери около двери...»

карты, пожелают объединяться? Что не расплзутся по каким-то своим норам?

- Все не расплзутся, Жорик, - улыбаюсь в ответ. – Хотя бы часть захочет жить в объединенной человеческой Вселенной. А те, которые уйдут в «самостоятельное плавание», рано или поздно вернуться. Потому что вместе осваивать Большой Космос все-таки лучше, чем торить пути к другим галактикам в гордом одиночестве.

- Ладно, пан куратор, - смеется Жорка. – Будем считать, что ты наставил на путь истинный заплутавшее в высоких материях подмастерье. Когда мне приступать?

- Вчера.

- Даже так?

- Именно так. Я скину тебе на коммуникатор информфайлы. К завтрашнему утру ты должен быть во всеоружии.

- Садист ты, Волянецкий, - кричит Милентьев. – Эксплуататор!

- Рабочая группа – четырнадцать человек с Тань Жи Лин во главе – ждет нас на Антарктической базе.

- А, так Тань тоже будет при деле? – Жорка сразу забывает о бессонной ночи, которая его ждет. С Жи Лин у них давняя взаимная симпатия.

Я трогаю «Галеон». Мы за пару секунд поднимаемся на высоту около ста километров и берем курс на юг. Выключаю невидимый режим, и мы звездочкой плывем под далекими настоящими звездами.

Теми самими, на которые завтра шагнет объединенное человечество из созданных нами миров.

1999 год

«Не стояли звери около двери...»

Владислав Власеч

«Не стояли звери около двери...»

(о влиянии июльского (1963 года)

Пленума ЦК КПСС

на развитие научной фантастики и фэнтези
в Советском Союзе)

«Не стояли звери
Около двери,
В них не стреляли,
Они не умирали...

(Стишок очень маленькой
девочки)

В июле нынешнего, 2013 года исполняется пятьдесят лет со дня проведения Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «О неотложных вопросах идеологического и пропагандистско-агитационного значения в советской культуре», оказавшего огромное влияние на развитие фантастики и фэнтези как в литературе СССР, так и - косвенно - в литературе русского зарубежья.

По мнению исследователей советской культуры, проживающих за границами СССР, вся «послесталинская» (т.е. после смерти И.В.Сталина 5 марта 1953 года) эпоха развития советской литературы может быть разбита на несколько периодов. По крайней мере, два из них предшествовали Июльскому (1963 года) Пленуму ЦК КПСС, и по существу являются теми «начальными условиями», которые необходимо рассмотреть для объективной оценки влияния принятых решений на развитие фантастики в Советском Союзе.

Среди историков-советологов, живущих за пределами СССР, период с марта 1953 года по июнь 1957 года принято называть «временем управленческой смуты». В эти годы в Советском Союзе реальная политическая власть поочередно перетекала от Л.П.Берия к Г.В.Маленкову, а затем к Н.С.Хрущеву.

Большая часть книг советской фантастики этого периода - это произведения зачастую ограниченные лишь техническими подробностями раскрытия темы: книга «о мосте через Арктику», роман «о стратосферной станции», повесть «о самосажаящихся деревьях», рассказ «о тракторе с атомным двигателем». С точки зрения идейного содержания эти произведения являются прямым или косвенным воспеванием преимуществ социалистического строя. Для большинства фантастических романов, повестей и рассказов тех лет характерен искусственно выпячиваемый казенный и показной патриотизм. За редким исключением, сюжеты произведений примитивны и скучны, часто являются коктейлем, приготовленным из простейшего фантастического допущения и незатейливого детективного действия или шпионского романа. Полное отсутствие собственного стиля изложения у авторов, дубовый язык книг, стертость личностей героев рассказов, повестей и романов – вот характерные черты советского фантастического произведения периода 1953 – 1957 годов.

Следует подчеркнуть, что советским писателям-фантастам не везло изначально. Ситуация «довлеющей серости» в середине 50-х годов сложилась не в одночасье. К этому постепенно подводило все предшествующее развитие советской литературы. Корней Чуковский еще в двадцатые годы XX века пенял Алексею Толстому по поводу фантастического романа «Аэлита»: «Куда нам, писателям технически отсталого народа, сочинять романы о машинах и полетах на другие

«Не стояли звери около двери...»

планеты?» А известный писатель Константин Федин в 1934 году на Первом съезде советских писателей вообще констатировал: «Фантастический роман у нас умер и закопан в могилу».

На этом общем мрачноватом фоне яркой звездой вспыхнул талант писателя Александра Беляева. В 1938 году в одной из своих немногочисленных статей Беляев призвал: «Создадим советскую научную фантастику!» Возможно, что становление научной фантастики в СССР действительно сдвинулось бы в сторону большего динамизма – хотя этот процесс, несомненно, все равно бы остался под бдительным присмотром идеологических церберов из Коммунистической партии. Однако война, а затем и безвременная смерть самого Беляева в 1942 году помешали произрасти даже тем робким цветам, которые могли бы появиться на «клумбе» советской фантастики.

Нового «создателя научной фантастики» в среде советских литераторов в послевоенные годы не нашлось - да и политические процессы в СССР тогда такой активности не слишком благоприятствовали. Хотя партийные установки для создателей советских фантастических произведений и не были озвучены, но в целом политика КПСС «в сфере научно-фантастической литературы» в те годы сводилась к известному высказыванию Константина Эдуардовича Циолковского: «Фантастические рассказы на темы развития науки и техники несут новую мысль в массы. Кто этим занимается, тот делает полезное дело: вызывает интерес, побуждает к деятельности мозг, рождает сочувствующих и будущих работников великих намерений». Соответственно и от произведений советских фантастов требовалось - «вызывать интерес», «побуждать к деятельности» и «рождать работников».

Все эти уже сложившиеся к весне 1953 года особенности развития советской фантастики сохранились и во времена «управленческой смуты». Автор одного из обзоров советской фантастики в те годы

«Не стояли звери около двери...»

умилялся: «Отечественным фантастам чуждо стремление уйти в космические дали или заняться сверхъестественными изобретениями. Для большинства советских писателей-фантастов местом действия служит простая исследовательская лаборатория, мысли и действия героев книг наших авторов направлены на изобретение практических и нужных в народном хозяйстве вещей, которые уже завтра войдут во всеобщий обиход».

В эти годы выходят произведения таких известных авторов фантастики, как Виктор Сютин (1955, роман «Покорители вечных бурь», в котором герои создают проект ветросиловой электростанции на аэростате), Владимир Немцов (1955, повесть «Осколок солнца» - о получении солнечной энергии с помощью фотоэлементов, роман «Альтаир»-«Счастливая звезда» - об использовании телепередатчика во время путешествия главного героя книги по Волге и Казахстану), Георгий Гуревич (1956, повесть «Подземная непогода» - о предсказании и предотвращении землетрясений, об использовании энергии вулканов) и др.

Кроме того, целая плеяда известных советских фантастов «перелицовывает» и «обновляет» свои ранее изданные фантастические произведения: Владимир Владко (1957, роман «Аргонавты Вселенной»), Александр Казанцев (1956, роман «Мол «Северный» стал «Полярной мечтой»), Григорий Гребнев (1955, «Арктания» превращается в «Тайну подводной скалы») и др.

Несмотря на то, что произведения советских фантастов того периода «сероваты» по своему содержанию, а некоторые уже хорошо известны читателю еще с довоенных времен, фантастика на полках в книжных магазинах не залеживается. Спрос на фантастическую литературу в СССР имеется и явно не удовлетворяется полностью.

Ситуация еще более обостряется, когда в свет выходит действительно хорошая книга – интересно

«Не стояли звери около двери...»

написанная, с крепким сюжетом и тщательно продуманной автором внутренней интригой. Так, например, книга Георгия Мартынова «220 дней в звездолете» о путешествии советских космонавтов на Марс, появившаяся в 1955 году, была раскуплена в московских магазинах в течение всего лишь нескольких часов.

Несмотря на то, что уже состоялся XX съезд КПСС и был дан старт преодолению культа личности Сталина, советские литераторы периода 1953-1957 годов еще не рискуют поднимать достаточно масштабные темы и заглядывать в будущее более чем на пять-десять лет. Как же иначе, если в «толстых» литературных журналах и партийной прессе известный советский критик Сергей Иванов призывал изображать в советской фантастике лишь день завтрашний - «именно завтрашний, отделенный от наших дней одним-двумя десятками лет, а может быть, даже просто годами»?

Поэтому громом среди ясного неба стало начало публикации в журнале «Техника-молодежи» с первого номера 1957 года романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» - многопланового фантастического произведения, описывающего будущее, отстоящее от сегодняшнего дня на несколько тысяч лет. Стоит ли говорить, что изданная по завершении журнальной публикации книга с полным текстом романа также стала настоящим бестселлером в Советском Союзе, а затем и в зарубежных странах?

2

Трудно предположить, как бы развивалась фантастика в Советском Союзе, если бы сохранились тенденции десталинизации общественной жизни, начатые еще Лаврентием Берия в первом полугодии 1953 года и продолженные Никитой Хрущевым после его знаменитого доклада «О культе личности И.В.Сталина»

«Не стояли звери около двери...»

на XX съезде КПСС. Увы, история не имеет сослагательного наклонения.

Июньский (1957 года) Пленум ЦК КПСС завершился разгромом «антипартийной волюнтаристско-бонапартистской группы Хрущева и Жукова». Первым секретарем ЦК КПСС стал Вячеслав Молотов - давний соратник Иосифа Сталина, Советское правительство возглавил Анастас Микоян, а Верховный Совет СССР - Климент Ворошилов.

Казалось бы, состоялся полный реванш «сталинской группы». Но реабилитации жертв политических репрессий не был дан задний ход - впрочем, это и не удивительно, поскольку даже жена самого Молотова была в годы правления Сталина осуждена как «враг народа». Просто процесс реабилитации и так не слишком афишируемый, полностью ушел в тень. В передовой статье газеты «Правда» (печатного органа ЦК КПСС) через две недели после отстранения от власти Никиты Хрущева было констатировано, что «у Сталина были ошибки, но в целом курс страны на построения социализма в 30-50-е годы был правильным». Критика «культа личности» полностью сошла на нет. Советское общество перестали «будоражить» антисталинскими разоблачениями.

Правда, такая политика «теневизации» критики культа личности Сталина имела и негативные последствия. На уровне Политбюро ЦК КПСС было принято негласное решение о том, что бывшие «враги народа» - несмотря на политическую реабилитацию! – не имеют права занимать руководящие посты в советских учреждениях и на производстве. Именно по этой причине в начале 1958 года были уволены или переведены на должности «советников» известный авиаконструктор А.Н.Туполев, разработчик первых советских боевых и космических ракет С.П.Королев, конструктор ракетных двигателей В.П.Глушко и многие другие. Это решение не могло не сказаться самым негативным образом на развитии авиации и ракетно-космической техники в

«Не стояли звери около двери...»

Советском Союзе. Как свидетельствовал перебежчик из СССР на Запад Леонид Владимиров в книге «Советский космический блеф» (издана в 1966 году в Мюнхене издательством «Посев»), в конце 50-х годов «у Сергея Королева, осуществившего триумфальные запуски первого и второго советских искусственных спутников Земли (4 октября и 1 декабря 1957 года), были планы не только запуска в космос человека, но и полетов на Луну, Венеру и Марс автоматических, а затем и пилотируемых космических аппаратов».

Смена руководства в СССР и отказ от курса на активную десталинизацию не привели к каким-либо резким переменам в развитии литературного процесса в СССР вплоть до июльского Пленума ЦК КПСС 1963 года. Именно поэтому время с июня 1957 года по июль 1963 года у советологов-литературоведов принято называть «периодом политической инерции».

Несмотря на «политическую инерцию», советская фантастическая литература в период 1957-1963 годов демонстрирует бурный количественный и качественный рост.

Именно в те годы начинают публиковать свои фантастические произведения тогда еще совсем молодые авторы братья Аркадий и Борис Стругацкие (1958 год – рассказ «Извне», 1959 – роман «Страна багровых туч»), Анатолий Днепро-Мицкевич (1958 - повесть «Суэма», рассказы «Крабы идут по острову» и «Кораблекрушение»), Павел Амнуэль (1959 - рассказ «Икария Альфа»), Владимир Савченко (1960 – «Черные звезды») и многие другие.

«Карающий меч партии» еще не дотягивается до советских фантастов, и фантастика в СССР переживает период бурного роста. Хотя цензура и «идеологические кураторы» порой выдвигают самые нелепые требования как к авторам, так и к их произведениям.

Например, Георгий Мартынов в 1957 году опубликовал роман «Планетный гость» - о визите на Землю инопланетного космического корабля. Но автору

«Не стояли звери около двери...»

не удалось опубликовать вторую книгу романа – «Каллистяне», в которой рассказывалось о коммунистическом обществе на планете Каллисто в системе звезды Сириус. Из «высоких инстанций» Мартынову было рекомендовано «не возбуждать общественное мнение перспективами скорого построения коммунистического общества». Более того, партийные рецензенты утверждали, что роман «Каллистяне» подрывает «веру советских людей в возможность самостоятельного построения коммунизма и плодит надежды, что все общественные проблемы будут решены пришельцами из иных миров». Роман «Каллистяне» увидел свет только уже после смерти автора - в 1985 году книга была издана во Франции небольшим тиражом на русском языке.

В конце 50-х - начале 60-х годов XX века заметен настоящий «бум» фантастики в советских журналах: «Техника-молодежи», «Знание-сила», «Изобретатель и рационализатор» и «Юный техник» практически в каждом номере печатают рассказы или более крупные произведения с продолжением. В 1960 году в качестве приложения к журналу Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодежи «Вокруг света» начал выходить журнал фантастики и приключений «Искатель». Появляются первые рассказы Генриха Альтова (1958 год – «Икар и Дедал»), Дмитрия Биленкина (1959 – «Откуда он?»), Валентины Журавлевой (1958 – «Сквозь время»), Игоря Росоховатского (1959 – «Чудовища лунных пещер»), Анатолия Синельникова (1959 – «Обнимаю Землю») и многих других.

Пожалуй, самыми публикуемыми – и читаемыми! - авторами периода 1957 – 1963 годов стали Аркадий и Борис Стругацкие. Каждая их книга принималась советскими читателями «на ура». Однако в литературно-критической атмосфере того периода уже были слышны и первые залпы по творчеству этих выдающихся писателей. Так, первый роман Стругацких «Страна

«Не стояли звери около двери...»

багровых туч» подвергся критике за «несоответствие облика героев произведения образу человека социалистического будущего». Дескать, герои Стругацких не умеют сдерживаться в критических ситуациях, сквернословят и дерутся. Относительно повести «Путь на Амальтею» (публикация 1960 года) утверждалось, что она «далека от истинных реалий завтрашнего дня», поскольку «при системе социалистического планирования не может быть голода на научной станции». По поводу третьей книги трилогии - «Стажеры» - было высказано мнение, что это вообще «антисоветская книга», поскольку «загнивающий капитализм не дотянется своими грязными клешнями не только до Марса и Юпитера, но даже до Луны».

Несмотря на легкое «жужжание» советской критики в адрес молодых авторов, практически все их произведения периода 1957-1963 годов увидели свет в СССР и были весьма благожелательно приняты читателями.

Продолжают выходить и книги таких «мэтров» советской фантастики как Владимир Немцов (1959 год – «Последний полустанок» - роман о стратосферно-космической станции) и Александр Казанцев (1959 – роман «Внуки Марса» - о межпланетном полете советских космонавтов). Произведения этих авторов критика воспринимает с восторгом и часто ставит их в пример «молодым да ранним». Именно о них в июльском номере за 1961 год журнала «Октябрь» известный советский критик Иван Цедюльников напишет: «Научно-фантастические произведения Владимира Немцова и Александра Казанцева накрепко связаны с лучшими традициями русской и советской литературы. Они полны бьющей ключом жизнью советского народа - строителя коммунизма. Они рассказывают молодым читателям о светлом будущем нашей страны, о прекрасных и величественных перспективах всего прогрессивного человечества».

Этот в целом благоприятный для советской фантастики период длился вплоть до декабря 1962 года, когда очередной Пленум ЦК КПСС избрал секретарем по идеологическим вопросам совершенно неприметного и толком никому до того не известного партийного чиновника Тихона Прохоровича Сусликова.

Многих литературоведов в советском зарубежье и сегодня - через тридцать лет после ухода товарища Сусликова в мир иной - занимает вопрос: где, когда и на какой мозоль наступила нарождающаяся советская фантастика Тихону Прохоровичу? Видимо, ответ на этот вопрос мог бы дать только сам бывший секретарь ЦК КПСС по идеологии, но он уже три десятилетия пребывает в пространствах, связь с которыми, мягко говоря, сильно затруднена.

Сразу после окончания новогодних праздников 1963 года, в советской фантастике подули ледяные ветры.

По указанию «из ЦК партии» уже с мартовских номеров была прекращена публикация фантастических произведений во всех советских научно-популярных журналах. В журналах «Техника-молодежи» и «Знание-сила» сменились главные редактора. Первый номер «Искателя» за 1963 год оказался последним.

Наиболее яростной атаке товарища Сусликова и подручных ему литературных критиков подверглось творчество братьев Стругацких.

Повести «Возвращение», которая вышла в 1962 году и состояла из отдельных новелл, учинили разнос на страницах журнала «Коммунист» не только за «бессюжетность», но и за «утрированное изображение коммунистического будущего» и за «забегание вперед в вопросах воспитания нового человека, которые партия еще не только не решила, но даже не поставила».

Уничтожающему разгрому подверглась и повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Попытка к бегству» (1962

«Не стояли звери около двери...»

год). Наибольшее количество «стрел» было выпущено в образ «пришельца из прошлого» Саула Репнина. «Как может советский патриот, настоящий сын нашей Родины, - писал анонимный критик в редакционной статье в газете «Правда» в мае 1963 года (некоторые исследователи творчества братьев Стругацких полагают, что текст статьи был либо лично написан Т.П.Сусликовым, либо прошел его редакторскую правку), - совершить двойное малодушие: сначала оказаться в фашистском плену, а потом трусливо сбежать в будущее? Слабо верится, что этот «дезертир во времени» устыдился бы собственных поступков и вернулся обратно в годы Великой Отечественной войны для продолжения борьбы с фашизмом».

В 1963 году еще «по инерции» была издана повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Далекая Радуга». Конечно же, советские читатели буквально за один день смели книгу с прилавков магазинов. И это спасло «Далекую Радугу» от забвения. Уже на следующий день после появления книги в Москве и Ленинграде сотрудниками Комитета государственной безопасности были конфискованы в типографии остатки тиража. Немедленно последовала гневная статья в «Правде» «Отсвет не наших зарниц». Некто Петр Сидоров кипел от возмущения: «При коммунизме не может быть катастроф и аварий ни на Земле, ни на дальних планетах. Коммунизм - это общество, в котором на основе марксистско-ленинского мировоззрения глубоко продумываются все научные теории. А значит, и физические эксперименты не ставятся бездумно, авантюристично, без твердого партийного подхода».

По указанию «со Старой площади» издательские планы всех центральных советских издательств были серьезно скорректированы. На весь 1963 год из них были исключены произведения, содержавшие хоть малую толику фантастики - в том числе и романы вполне «правверных» Немцова, Охотникова, Казанцева и Сытина.

«Не стояли звери около двери...»

А потом настал солнечный день 2 июля 1963 года и в Кремле открылся Пленум ЦК КПСС, посвященный вопросам развития советской культуры...

4

Хотя Пленум формально и был посвящен вопросам развития советской культуры в целом, но львиную долю критики выступавшие на нем партийные и государственные деятели направили против литературы и в частности - против находившейся еще в глубоком младенчестве советской фантастики.

Заглавным на партийном форуме КПСС стало выступление самого Вячеслава Молотова. Первый секретарь ЦК партии, как и было принято в те годы, начал издавека, с теоретического обоснования «генерального наступления» на фантастику в СССР.

«В прошлом наука не могла еще достаточно точно прогнозировать конкретные явления развития человеческого общества, - сказал Молотов. - Капитализм не способен сделать это и сегодня. Но после великих работ Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина возникло стройное марксистско-ленинское учение, которому по плечу дать ответ на самые насущные вопросы развития цивилизации, приоткрыть завесу времени над будущим человечества».

Из этого тезиса немедленно последовал вывод:

«Значит, составление высосанных из пальца «теорий развития» и «литературное прогнозирование» - это удел загнивающего капиталистического общества. Социализм не нуждается в выдуманных «моделях» прогресса, поскольку у нас есть на вооружении учение Маркса и Ленина, есть наша Коммунистическая партия, четко ведущая генеральную линию от социализма к коммунизму».

«Не стояли звери около двери...»

Поскольку, по мнению партийных идеологов, фантастика полностью как раз и сводилась к «литературному прогнозированию», казалось, что судьба этого жанра в Советском Союзе предрешена. Но Молотов милостиво все же разрешил ей существовать:

«Но мы считаем, что создание научно-фантастических произведений на этапе перехода от социализма к коммунизму все же допустимо. Первопричина нынешнего расцвета научной фантастики СССР в том, что научно-технический прогресс в Советском Союзе стал оказывать на жизнь социалистического общества масштабное воздействие. Поэтому и возникла необходимость в опережающем его осмыслении. Однако это осмысление должно вестись лишь в рамках марксистско-ленинского учения».

На что же должен быть направлен талант советских фантастов? Какие темы им позволительно раскрыть в своих произведениях? Советский лидер и на эти вопросы дал однозначно четкий ответ:

«Осуществление практики коммунистического строительства, великих ленинско-сталинских планов электрификации и мелиорации, борьбы с засухой и природной стихией, перемещение в северные районы южных теплолюбивых культур и поворот на юг многоводных рек севера, освоение космического пространства, Крайнего Заполярья, пустынных и залежных земель, высокогорных зон и многое другое, приводящее к преобразованию лика земли на огромных территориях нашей Родины, к реализации грандиозных проектов развития народного хозяйства СССР и советской науки – вот то, широкое поле деятельности, которое достойно внимания отечественных фантастов».

Была поставлена и совершенно конкретная цель, на которую впредь должны работать все фантастические произведения, написанные и изданные в Советском Союзе:

«Нам не нужны ни досужие мечтатели, лежащие на мягких диванах, ни бездумные потребители выдумок и

«Не стояли звери около двери...»

различного рода сказок. Нам нужны воспитанные и образованные рабочие, служащие, ученые, инженеры, понимающие перспективы человеческого развития, перспективу окончательной победы социализма, а затем и коммунизма».

Разумеется, и все остальные выступления на Пленуме были выдержаны в тональности, заданной Вячеславом Молотовым.

Из решений июльского (1963 года) Пленума ЦК КПСС немедленно последовали практические выводы.

Поскольку «идеологический враг не дремлет» и «имеют место постоянные попытки проникновения в СССР буржуазной идеологии», публикация любых переводных произведений зарубежных фантастов в Советском Союзе стала невозможна в принципе. Такой плотный «железный занавес» не окружал советского читателя даже в годы правления И.В.Сталина.

Уже с августа 1963 года стал выходить ежемесячный «толстый» литературный журнал «Советская фантастическая проза», который лично возглавил заведующий отделом ЦК КПСС по агитации и пропаганде Федор Дзюндзюк. Впрочем, ввиду занятости партийного чиновника собственно агитацией и пропагандой, это его главенство в журнале было весьма условным. Практические вопросы решал заместитель Дзюндзюка – член партии с 1906 года, член Союза писателей СССР с 1937 года, бывший генерал НКВД Николай Старожук. В каждом номере «Советской фантастической прозы» публиковались, как правило, один небольшой научно-фантастический роман или две средних размеров повести, три или четыре рассказа или очерка. Более пятидесяти процентов объема журнала отводилось критике жанровых произведений зарубежных авторов. Пожалуй, это был единственный раздел журнала, который стоило читать: именно из гневных филиппиков партийных критиков советский читатель мог узнать, что на Западе существуют и активно публикуют свои фантастические произведения такие

«Не стояли звери около двери...»

писатели, как «милитарист Хайнлайн», «сексуально-озабоченный Фармер», «легковесный Шекли», «борзописец Азимов» и многие другие.

По решению июльского Пленума при всех областных и городских организациях Союза писателей СССР были созданы секции литературы для молодежи, в которых имелся обязательный «сектор приключенческой и научно-фантастической литературы». Сектор в обязательном порядке возглавлял писатель из «большой» литературы. Секции и сектора работали «с талантливой молодежью». В рядах же «талантливой молодежи» особое внимание уделялось работе с выходцами из рабочих и из колхозного крестьянства. Участие в «литературных студиях» молодых ученых, инженеров и служащих формально не запрещалось, но особенно и не приветствовалось. Считалось, что молодые люди должны полностью себя реализовывать в рамках полученного средне-специального или высшего образования.

Непосредственно право на публикацию литературных произведений после июльского Пленума ЦК партии стали давать созданные при райкомах, горкомах, обкомах и республиканских комитетах литературные комиссии. Как правило, комиссии возглавляли секретари по идеологии соответствующего партийного комитета. В состав комиссий входили обычно три-четыре писателя – члена Союза писателей СССР, представители партийных комитетов заводов и колхозов, заслуженные рабочие, ветераны войны и труда. Без заключения литературной комиссии в Советском Союзе теперь не могло быть опубликовано ни одно литературное произведение – ни на страницах журналов, ни в книжном варианте.

5

Кроме организационных мер, последовавших из решений июльского Пленума ЦК КПСС, были

«Не стояли звери около двери...»

сформулированы и основные методологические подходы, которыми должны были теперь руководствоваться советские фантасты при написании научно-фантастической прозы. Статья, дававшая исчерпывавшие разъяснения на этот счет, была опубликована за подписью самого Т.П.Сусликова в августовском номере журнала «Коммунист» за 1963 год.

В начале статьи Сусликов еще раз сформулировал главную задачу советских фантастов. Причем сделано это было умелым цитированием. В данном случае подошло высказывание известного ученого и писателя Владимира Обручева:

«Задача фантаста - облечь знания в интересную форму, чтобы юношество усваивало без труда много нового. Хороший научно-фантастический роман дает большее или меньшее количество знаний в увлекательной форме, и тем самым побуждает к знакомству с научной литературой».

А раз научная фантастика - это всего лишь некая «увертюра» к научному поиску, то и методология у нее должна быть более или менее наукообразной. Т.П.Сусликов оставляет советским фантастам три методологических подхода для написания «настоящих научно-фантастических произведений».

Первый метод - это интуиция. Однако, по Сусликову, это не «стихийная догадка», а «взвешенный и обоснованный внутренний прогноз автора, опирающегося на марксистско-ленинское учение».

Второй в перечне методов значилась экстраполяция - «осмысленное продолжение какой-либо общественной или научно-технической тенденции в будущее в соответствии с ее внутренней логикой и закономерностями общественного развития».

Третий метод - это аналогия. «Прогнозирование, - писал Сусликов, должно вестись на основе зримых и ясных исторических параллелей, базирующихся на законах общественного развития, гениально сформулированных Карлом Марксом и Фридрихом

«Не стояли звери около двери...»

Энгельсом и развитых до современного уровня в работах Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина».

Вот эти три метода - интуицию, экстраполяцию и аналогию «на марксистско-ленинской платформе» и должны были теперь использовать советские фантасты при написании своих произведений. И конечно же, фантасты СССР не должны забывать «придавать проснувшейся любознательности советской молодежи исследовательскую окраску, решая тем самым не только просветительную, но, в конечном счете, и идеологическую, и политическую задачу воспитания нового человека».

Написать научно-фантастический роман по методологии, сформулированной секретарем ЦК КПСС по идеологии, оказалось не так уж просто даже для хорошо вымуштрованных партийной дисциплиной советских авторов. Поэтому первыми «в рост» пошли совсем небольшие произведения - научно-фантастические очерки. В конце 1963 - начале 1964 года они заполнили страницы научно-популярных журналов «Техника-молодежи», «Знание-сила», «Юный техник» и многих других. В основном их литературный уровень был крайне низок. Однако и среди откровенного мусора встречались интересные работы. Стоит отметить публикации Василия Захарченко «Путешествие в завтра» (второе, исправленное издание), Бориса Ляпунова «Мечта дерзновенная», Михаила Васильева «Репортаж из двадцать второго века», Игоря Лада и Олега Писаржевского «Контурь грядущего». Хотя по форме такая фантастика и была художественной, но по своей методологии и методу описания скорее относилась к футурологии и конкретной прогностике.

Кроме этих работ на страницы советских научно-популярных журналов хлынул поток откровенной халтуры. Эти произведения представляли собой фактически расписанные в виде диалогов научно-популярные лекции. А разве могло быть иначе, если,

«Не стояли звери около двери...»

например, тогдашний редактор «Техники-молодежи» Евгений Поклонов сформулировал главный критерий для подобного рода публикаций:

«Герои научно-фантастического произведения должны неукоснительно исполнять свои прямые служебные обязанности руководителей, просветителей и лекторов в мире современной науки и техники. Всякие личные черты, эмоционально окрашенные поступки не нужны и даже вредны, поскольку отвлекают от основной задачи - разъяснения сути рассматриваемого в произведении научно-технического изобретения или явления».

В начале 1964 года подоспели и новые советские романы, написанные уже по канонам, сформулированным на июльском Пленуме. «Первыми ласточками» стали эпопея в трех книгах «Большая река», «Бурный поток» и «Великий канал» Григория Пустоцветова (о повороте на юг, в Узбекистан, рек Сибири) и почти 900-страничный роман Викентия Задумчивого «Лунный проект» (о разработке советскими учеными ракеты для полета на Луну). В обоих романах положительным героям противодействуют отечественные бюрократы, скрытые недоброжелатели и откровенные «враги народа». В конце произведений выясняется, что за спинами вредителей постоянно маячили тени сотрудников разведывательных служб «одной заокеанской державы».

6

В свете решений июльского Пленума ЦК КПСС кардинально изменилась и сама «карта» советской фантастики.

Прежде всего, весь массив произведений фантастического жанра стал делиться советскими идеологами и литературоведами на научную и ненаучную фантастику. И если первая в канолах,

«Не стояли звери около двери...»

определенных в речи Вячеслава Молотова на Пленуме, еще имела право на какое-то существование, то для второго - «ненаучного» - направления фантастики путь к советскому читателю был закрыт напрочь.

Довольно точное определение терминов «научная фантастика» и «ненаучная фантастика» приведено, например, в работе писателя Георгия Гуревича «Путешествие по стране фантазий»:

«Фантастикой назовем литературу, где существенную роль играют фантастические образы и фантастические допущения. Научной фантастикой будем считать ту фантастику, где фантастическое допущение создается материальными силами: природой или человеком с помощью науки и техники. Фантастику, где необыкновенное создается сверхъестественными силами, не существующими в реальной природе, будем называть ненаучной фантастикой».

К «ненаучной» фантастике в СССР, прежде всего, была отнесена фэнтези в полном объеме. За «идеологическим просачиванием буржуазной фэнтезины» литературные комиссии при парткомах и редактора издательств следили с бдительностью охранников, ведущих колонну заключенных-рецидивистов. Малейшая мимикрия фэнтези под научную фантастику выявлялась немедленно и безжалостно вымарывалась из текста произведений.

Было сказано решительное партийно-редакторское «нет» и «новым сказкам для детей и взрослых» - произведениям, в которых сюжеты строились с использованием персонажей из отечественного фольклора. На этот счет известный советский публицист Юрий Плещеев воинственно заявлял в статье, опубликованной «Литературной газетой» в ноябре 1967 года:

«Использование народных сказок для сюжетов литературных произведений недопустимо. Мы не дадим возможности всяким графоманам и борзописцам глумиться над культурным наследием нашего народа,

дописывать и переписывать народное творчество на свой лад».

Что же касается собственно научной фантастики, то и она в литературе СССР периода 1963-1986 годов была жестко систематизирована. В этой связи интересна классификация, сделанная писателем Михаилом Бормотовым в журнале «Вопросы литературы» (№ 4 за 1969 год). Весь массив советской научной фантастики разделяется автором на четыре направления: просветительская, приключенческая, социальная и детско-юношеская фантастика.

1. Просветительская фантастика в свою очередь делится на научно-производственную, антирелигиозную и историческую.

1А. Научно-производственная фантастика - к ней относятся произведения (романы, повести, рассказы, эссе), в которых речь идет либо о каких-то научных открытиях или изобретениях, либо о самом процессе конструирования и создания новой техники. По мнению советского исследователя Анатолия Бритикова, высказанному в книге «Советский научно-фантастический роман», научно-производственная фантастика обращается к чему-нибудь «более или менее известному, заманчивому разве что своей осуществимостью. Изредка в ней на самом деле используются фантастические допущения, но чаще преобладают идеи на грани возможного, а то и вовсе реальные, только еще не осуществленные на практике».

Примерами научно-производственных произведений являются романы Максима Петлякова «Лифт на орбиту» (1965 год, о создании в СССР тросовой системы для доставки грузов в космос), Петра Шевчука «Подарю тебе сердце» (1966, о работах советских ученых по пересадке сердца), Елены Маковец «Золотые колосья Родины» (1965, о выращивании новых сортов пшеницы селекционерами и колхозниками).

Научно-производственная фантастика по своему содержанию настолько напоминала обычный

«Не стояли звери около двери...»

«производственный» роман из «большой литературы», что постепенно появился целый класс «пограничных» произведений, которые формально вписывались в классификацию «по Бормотову», но авторы которых категорически отрицали «фантастичность» своих творений. К таким романам следует, прежде всего, отнести диологию Геннадия Семенихина «Космонавты живут на Земле» (1967 и 1976, о подготовке советских космонавтов; единственное фантастическое допущение – во второй книге космонавт Алексей Горелов совершает облет Луны на космическом корабле «Заря») и второе издание романа Семена Купера «Последнее слово» (1968, о подготовке ракетно-космической техники для полета на Марс).

Позднее - уже в середине 70-х годов появились так называемые «коктейль-романы», авторы которых намеренно сводили в одной книге фантастическую и вполне реалистическую линии. Так, к примеру, поступил писатель Ярослав Голованов в романе «Марсианин» (1976, одна линия в произведении – это беллетризованная биография пионера космонавтики Фридриха Цандера, а вторая – описания будней колонии советских космонавтов на Марсе).

1Б. В антирелигиозной фантастике речь идет о противопоставлении достижений научно-технического прогресса различным суевериям и религиозным верованиям. Как правило, в такой фантастике в острой и конфликтной форме разоблачается истинная подоплека религиозных «чудес». Очень часто антирелигиозная фантастика направлена против мистики.

Некоторые исследователи - в частности, Эжен Бартолье в работе «Противостояние государства и церкви в Советском Союзе», - полагают, что обращение советских авторов к антирелигиозной фантастике зачастую обусловлено их интересом и скрытой тягой к произведениям фэнтези, мистики и хоррора. Изначально пишутся «ненаучные» главы соответствующего содержания с использованием литературных

«Не стояли звери около двери...»

«технологий» фэнтези, мистики и хоррора, а во второй части произведения «козни потусторонних сил» разоблачаются или преодолеваются советскими учеными и инженерами. Разумеется, в итоге оказывается, что причина «чудес» была до смешного банальной и полностью объяснимой с точки зрения науки.

Примерами такого рода произведений являются роман Алексея Плещнева «Дракон» из Медвежьего озера», повесть Ольги Тулуповой «Тень праотца», рассказ Павла Зелютина «Голос из подвала».

1В. Историческая фантастика в Советском Союзе описывает, как правило, скрытые стороны известных исторических событий и часто еще именуется «криптоисторией». К криптоисторическим в СССР отнесен, например, роман Алексея Петрищева «Искушение Петра Великого» (1967, о перипетиях строительства Санкт-Петербурга и народном творчестве крепостных крестьян) и роман Маргариты Сироткиной «Вперед, гардемарины!» (1968, о веселых приключениях тройки друзей-гардемарин, разоблачивших заговор против императрицы Елизаветы).

К исторической фантастике могли бы быть отнесены и произведения из жанра альтернативной истории. В середине 1967 года молодой писатель Валерий Ильин опубликовал в Средне-Волжском литературном журнале «Паром» роман-альтернативу «Июльский прорыв» – о том, как уже в июле 1917 года большевики во главе с В.И. Лениным досрочно взяли власть в России. Однако даже этот роман с совершенно примитивным сюжетом был жестко раскритикован в газете «Правда» в статье «Дурацкий нарыв» за «грязные игры вокруг уже свершившихся великих исторических событий». Редактор журнала «Паром» был уволен, о судьбе самого Валерия Ильина ничего не известно.

Еще одним направлением исторической фантастики, хорошо известном у нас на Западе, мог бы стать «попаданческий» роман – произведение о путешествиях наших современников в прошлое и о

«Не стояли звери около двери...»

попытках это прошлое изменить. В 1967 году - к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции - советский писатель Лазарь Лагин (известный читателям по замечательной сказке «Старик Хоттабыч» и блистательной повести «Майор Велл Эндью» - по «мотивам» «Войны миров» Герберта Уэллса) опубликовал роман «Голубой человек», герой которого совершает путешествие в дореволюционную Россию, где лично встречается с В.И.Лениным и ведет революционную борьбу. Роман подвергся остракизму за «искажение образа вождя мирового пролетариата и намерение переписать историю». Видимо, Лазарю Лагину было надолго отказано в праве публиковаться. Только в 1972 году ему удалось издать книгу «Трагический астероид» - исправленный и дополненный вариант его ранней работы «Атавия Проксима».

Разумеется, после публичного разгрома произведений Валерия Ильина и Лазаря Лагина уже не могло быть и речи об издании в Советском Союзе «альтернативных» и «попаданческих» научно-фантастических произведений.

2. Приключенческая фантастика делится на шпионско-детективную фантастику, боевую фантастику и космическую фантастику.

2А. Шпионско-детективная фантастика строится на хорошо известных «законах» написания произведений шпионско-детективного жанра с введением в них любого фантастического допущения.

Примером, такого рода произведений является роман Галины Волковой «Не уйти от возмездия!» (1968, об использовании прибора, позволяющего заглядывать в прошлое, для поиска предателей Родины, сотрудничавших с фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны).

2Б. Боевая фантастика в СССР содержит в себе два достаточно развитых направления: описания будущих войн Советского Союза с земными

«Не стояли звери около двери...»

государствами-агрессорами и войн в околосолнечном космическом пространстве с инопланетянами-захватчиками из глубин Галактики.

Первое направление строится по канонам, хорошо известным еще с середины 30-х годов, например, по романам «Первый удар» и «Ураган» Николая Шпанова: на СССР нападает агрессор, и Советская Армия наносит ответный удар, громя противника на его территории за короткие сроки и с малыми потерями.

Примерами такого рода романов являются произведения Гарика Акопяна «Заокеанский рейд» (1968, о разгроме США советскими атомными подводными лодками), и Георгия Савинова «Место битвы – Оттава» (1969, о войне в Арктике и высадке советского десанта в Канаде).

Второе направление – о космических войнах – фактически сводится к переложению событий Великой Отечественной войны в заатмосферное пространство. В Солнечную систему нежданно-негаданно вторгаются звездные корабли враждебной инопланетной цивилизации. Захвачены Юпитер и Сатурн, из последних сил обороняется блокированный агрессорами Марс, разгромлены и в панике отступают боевые космические эскадры капиталистических стран. Ценой невероятных усилий советского народа и его союзников из стран социалистического лагеря, звездный флот СССР успешно громит врага. Такого рода военные действия хорошо описаны в книге Сергея Снегина «Выше богов» (1970).

2В. Космическая фантастика – произведения о межпланетных полетах советских космонавтов (к примеру, Виталий Дальнозоров, «Первые на Луне» (1965)). Как правило, - в отличие от боевой, - в космической фантастике масштабные военные действия в космосе не ведутся, однако парочка-троечка «врагов народа» или «зарубежных шпионов» вполне может быть разоблачена по ходу сюжета, что роднит эти произведения с романами шпионско-детективного жанра.

«Не стояли звери около двери...»

3. Социальную фантастику в Советском Союзе принято делить на утопию, антиутопию, сатирическую и юмористическую фантастику.

3А. Увы, утопии не в чести в СССР. Казалось бы, литераторам Советского Союза должен быть открыт широкий простор для описания «светлого коммунистического будущего», но... Еще в марте 1967 года Т.П.Сусликов в статье, опубликованной в журнале «Коммунист», предостерег советских писателей:

«Начавшаяся эпоха развития научного социализма и пролетарских революций во всем мире обратила утопический роман к реальной действительности как первоисточнику социальной фантастики. Облик далекого будущего должен быть навсегда выведен из области литературных спекуляций».

Поэтому единственными и многократно переиздаваемыми коммунистическими утопиями в СССР на многие годы оставались романы Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» и Георгия Мартынова «Гость из бездны», увидевшие свет еще до решений Пленума ЦК партии в 1963 году.

3Б. Антиутопии, издаваемые в Советском Союзе, построены на острой критике капитализма (например, роман Вадима Гуселетова «Проклятая страна» (1971)). Сюда же относятся и так называемые «посткатастрофические» произведения - о масштабных авариях и катастрофах в странах Запада, которые волшебным образом не касаются самого СССР - словно он расположен на другой планете. Напротив, страны социализма всегда приходят на помощь «капиталистическим заблудшим овечкам» (повесть Валентины Ошейниковой «Цена авантюры» (1967)).

К антиутопиям относятся и романы о глобальных ядерных конфликтах. Правда, в них - чтобы последствия обмена ядерными ударами не коснулись территории СССР! - действие переносится в иные миры, на другие планеты. Конечно же, силы коммунизма берут верх над гнивающим империализмом и под светом иных солнц.

«Не стояли звери около двери...»

По такой схеме построен роман Николая Дашкиева «Гибель Урании» (1972).

3В. Еще одно направление социальной фантастики в Советском Союзе – сатирическая фантастика, представленная, в основном, небольшими рассказами и фельетонами, которые публикуют всесоюзный журнал «Крокодил» и республиканские издания «Перец», «Шмель» и др.

Фактически разновидностью сатирической фантастики сегодня в СССР является также политический памфлет - естественно, содержательно направленный исключительно против стран капитализма. Сюда же примыкает и так называемая «антиалкогольная и антибюрократическая фантастика», критикующая «отдельные» недостатки советского общественного строя с использованием фантастических элементов в тексте произведений.

3Г. Юмористическая фантастика в Советском Союзе развита очень слабо. Долгие годы - вплоть до конца 80-х - единственной заметной работой в этом направлении оставался состоящий из отдельных новелл роман «Звездные приключения капитана Небрехина» Юрия Ячейкова (1972). Также известно, что в рукописном и машинописном вариантах в СССР имели хождение юмористические произведения Ильи Варшавского и Вадима Шефнера - авторов, которых по неизвестной причине перестали публиковать после 1963 года.

4. Детско-юношеская фантастика в СССР разделяется на две категории - романтическую фантастику и фантастику для детей.

4А. Увы, романтическая фантастика не в чести в Советском Союзе. Единственным произведением этого направления до сих пор остается книга Александра Грина «Бегущая по волнам» и несколько небольших рассказов, опубликованных в 70-х годах в журнале «Работница» (например, Жанна Светлова «Любовь марсианки» (1973)).

«Не стояли звери около двери...»

4Б. Детская фантастика, напротив, широко представлена в советской литературе. Доботно и хорошо исполнены произведения Кира Булычева «Девочка с Земли», Николая Билкуна «Питомцы Солнца», Виктора Колупаева «Билет в детство», Владислава Крапивина «Голубятня на Желтой поляне».

На этом перечень дозволенных к публикации в советских газетах и журналах разновидностей научно-фантастических произведений исчерпывается.

7

Любопытно проследить, как сказались решения июльского (1963 года) Пленума ЦК КПСС на судьбах конкретных писателей. В этом отношении наиболее ярким примером является творческая судьба братьев Аркадия и Бориса Стругацких.

Уже много позже Аркадий Стругацкий в одном из своих интервью назовет время после июля 1963 года «черной семилеткой» - за этот период в СССР не было опубликовано ни одного произведения Стругацких.

Было отказано в публикации роману «Трудно быть богом» (1964) - как значилось в решении литературной комиссии при Ленинградском горкоме КПСС «за неверное толкование роли Советского Союза в оказании помощи бывшим колониальным странам».

Только много позже за рубежом увидела свет повесть «Хищные вещи века» (1965). В ней Стругацкие нарисовали «гротескную модель будущего общества потребления, которое и теперь представляется наиболее вероятной экстраполяцией развития сегодняшнего мира» (Джим Олянеcki, «О творчестве братьев Стругацких», 1999 год). Однако партийно-литературный вердикт образца 1966 года, отданный на руки Борису Стругацкому после заседания литкомиссии, констатировал:

«Не стояли звери около двери...»

«У мецанства нет будущего. Никогда при развитом социализме, - а тем более при коммунизме, - не будет создан «оазис капиталистического загнивания».

В середине шестидесятых годов Стругацкие пишут искрящуюся юмором и оптимизмом «сказку для научных сотрудников младшего возраста» «Понедельник начинается в субботу» (1965). В СССР произведение было расценено как «клевета на советскую науку».

В 1967 году за рубежом без согласия авторов вышла повесть «Гадкие лебеди». От Стругацких потребовали публично отречься от собственной книги.

В 1968 году «не дали хода» «Сказке о тройке» - «за поклеп на советскую систему управления».

Подобная участь ожидала и повесть «Улитка на склоне» (1966). Она оказалась «клеветой на систему партийного управления» и «искаженным представлением процесса освоения целинных и залежных земель».

Сатирическая повесть «Второе нашествие марсиан: Записки здравомыслящего» (1967) была расценена как «плевок в лицо ветеранам Великой Отечественной войны» и «оскотинивание всего человечества до уровня дойных коров».

Только после встречи Первого секретаря ЦК КПСС Вячеслава Молотова с тридцать шестым президентом США Робертом Кеннеди в 1970 году начался процесс разрядки международных отношений, и наметилась кратковременная двухгодичная «вторая оттепель» в СССР. В этот период братья Стругацкие публикуют в журнале «Аврора» фантастический детектив «Отель «У погибшего альпиниста» и в журнале «Нева» научно-фантастический роман «Обитаемый остров», выдержанный в канонах приключенческого романа с социальной подоплекой. «Оттепель» - «оттепелью», но уже через неделю после выхода в свет журнала «Аврора» с фантастическим детективом Стругацких некий «рабочий Владимир Назаров» в ответ на «Отель...» разразился многословной и путанной критической статьей в «Правде», озаглавленной «Дефективная

«Не стояли звери около двери...»

бессодержательность». На «Обитаемый остров» последовала еще более острая реакция на страницах журнала «Коммунист» – «оплевывание партийных принципов агитации и пропаганды туманными намеками на излучения баллистических башен» и «скрытое глумление над героической работой органов государственной безопасности».

Стругацких снова перестают издавать. С резолюцией «покушение на будущее советских детей: найденного мальчика - космического беспризорника, по сути, - не могли снова оставить на планете среди враждебной цивилизации» авторам в 1971 году возвращается рукопись повести «Малыш». В январе 1974 года «Парень из преисподней» расценен литературной комиссией Ленинградского горкома КПСС как «превознесение и героизация фашистского выкормыша».

Как известно, в феврале 1974 года братья Аркадий и Борис Стругацкие вместе с писателем Александром Солженицыным были принудительно высланы из СССР и лишены советского гражданства.

К тому времени классик современной советской фантастики Иван Ефремов уже умер и был «канонизирован» партийными идеологами КПСС в качестве едва ли не основателя всего жанра фантастического романа в Советском Союзе. На этот счет в литературных кругах СССР тех лет в шуточной форме часто звучала детская считалочка: «А и Б сидели на трубе. А - упало, Б - пропало... Что осталось не трубе?». В ней под «пропавшим А» понимался Аркадий Стругацкий, под «упавшим Б» - Борис Стругацкий, а под буквой «И» - идеологически «канонизированный» Иван Ефремов.

(Отметим, что с идеологической «канонизацией» Ивана Ефремова не все так просто, ясно и однозначно. После смерти писателя у него дома «компетентные органы» устроили обыск. Поползли слухи, что Ефремов был глубоко законспирированным «английским шпионом». Кроме того, в 1974 году в Федеративной

«Не стояли звери около двери...»

Республике Германии был опубликован остро-политический фантастический роман «Час Быка», авторство которого также приписывается Ивану Ефремову. В советской прессе этот роман был назван «грязной псевдолитературной поделкой, направленной на то, чтобы опорочить имя великого советского фантаста»).

Уже в зарубежье Аркадий и Борис Стругацкие публикуют романы «Пикник на обочине» (1974), «Град обреченный» (1975), «За миллиард лет до конца света» (1976), «Жизнь и смерть Никиты Воронцова» (1978), «Проект «Зеркало» (1980), «Хромая судьба» (1982), «Волны гасят ветер» (1985), «Белый ферзь, или операция «Вирус» (1987), «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя» (1988), «Загадочный континент Лу» (1989). В зарубежье увидели свет и все остальные произведения писателей, которые в 60-70-е годы так и не удалось издать в СССР.

Любопытно, что, несмотря на «непростые» отношения с Советской властью, в творчестве братьев Стругацких в «зарубежный период» нет произведений, в которых бы открыто критиковался существующий в СССР режим. Многие из писателей, которых Москва «выдавила» за границу, на Западе создали романы с антисоветской направленностью: Владимир Войнович – «Москву 2042», Василий Аксенов – «Остров Крым», Анатолий Гладилин – «Французскую ССР», Виктор Пелевин – «Омон Ра». У Стругацких же только небольшой роман «Питерские космополиты» (1990) с очень большой натяжкой можно посчитать направленным против советского режима.

После безвременного ухода из жизни Аркадия Стругацкого 12 октября 1991 года Борис Стругацкий под псевдонимом С. Витицкий написал книги «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» (1994), «Замкнутый круг» (1997) и «Бессильные мира сего» (2003). Под собственной фамилией опубликованы

«Комментарии к пройденному» (2009) и эссе «Утро вашего персонажа» (2012 – за полгода до смерти автора).

8

Период правления Вячеслава Молотова (с июньского Пленума ЦК партии в 1957 году и по март 1986 года, когда Первый секретарь ЦК КПСС скончался) в зарубежной советологии принято называть «периодом застоя». Впрочем, для культуры СССР в целом и для литературы в частности, - и особенно для советской фантастики, - эти времена следовало бы называть «эпохой идеологической реакции». Решения пресловутого июльского (1963 года) Пленума ЦК КПСС продолжали действовать на протяжении всего этого времени в полную силу.

Более того, в 1981 году ситуация еще более усугубилась. Выступая с отчетным докладом на 25-м съезде КПСС, Вячеслав Молотов сказал:

«Писатель - это не только инженер человеческих душ, но еще и партийный пропагандист, и агитатор. Думается, что эту работу должны вести только идейно подкованные, профессионально обученные люди».

Из этого тезиса Первого секретаря ЦК партии немедленно последовал практический вывод: теперь писать и публиковать книги в СССР могли только члены КПСС, закончившие либо единственный в Советском Союзе Литературный институт имени Максима Горького в Москве, либо на худой конец Высшие литературные курсы, которые были спешно организованы при всех ЦК партийных организаций союзных республик. Впрочем, на ранее проверенных и «старопишущих» литераторов новшество не распространялось. Так, «мэтр» научно-производственного фантастического романа Владимир Немцов, не имевший литературного образования, вполне успешно кропал романы и после решения 25-го съезда

«Не стояли звери около двери...»

КПСС «по литературному вопросу», а в 1982 году даже издал полное собрание своих произведений.

Продолжал успешную литературную деятельность и такой маститый автор советской научной фантастики, как Александр Казанцев. Правда, его роман «Фазты» (о влиянии разрушенной ядерной войной планеты Фазны на судьбы цивилизаций в Солнечной системе) подвергся критике «за кровосмесительную зоофилию»: по ходу сюжета один из героев-инопланетян «лично возглавил обезьяно-питекантропское стадо, чтобы в качестве «альфа-самца» деятельно содействовать становлению человеческой расы на Земле».

На волне откровенной серости и халтуры к советскому читателю иногда прорывались и весьма достойные по своему качеству и содержанию литературные произведения. Прежде всего, стоит в этой связи отметить книги Сергея Павлова «Лунная радуга», Георгия Браницкого «Уходящие в бездну», Сергея Жемайтиса «Багряная планета», Игоря Росоховатского «Под созвездием Близнецов», Владимира Савченко «Открытие себя», Александра Мирера «Главный полдень».

Постыдным пятном в истории советской фантастики навсегда останутся политические судебные процессы 1981 и 1982 годов над участниками нелегальных молодежных литературных объединений «ЭльФ» («Любители Фэнтези»), «КЛФ» («Клуб любителей фантастики»), «ВОЛФ» («Всесоюзное общество любителей фантастики»). Несмотря на существовавший «железный занавес» в части публикации произведений зарубежных фантастов в СССР, их книги все-таки «просачивались» в Советский Союз. Они тайно привозились дипломатами, работниками Внешторга, моряками дальнего плавания. Произведения зарубежных писателей переводились в СССР, перепечатывались на пишущих машинках, а позднее - в 70-80-х годах - даже с использованием возможностей электронно-вычислительных машин, читались и активно

«Не стояли звери около двери...»

обсуждались, особенно в студенческой и гуманитарно-инженерной среде. Стали возникать литературные «клубы по интересам», в которых молодые и не очень люди пробовали сами писать советскую фэнтези и научную фантастику, выходящую за установленные в стране идеологические каноны. В мае 1981 года эти структуры были «вскрыты» Комитетом государственной безопасности СССР. В 1981-1982 годах участники нелегального «движения фантастов» получили от пяти до семи лет лишения свободы «за антисоветскую подрывную идеологическую деятельность».

Осенью 1982 года «советский народ понес тяжелую утрату». Внезапно скончался секретарь ЦК КПСС по идеологии Тихон Прохорович Сусликов. Смерть настигла «выдающегося сына Коммунистической партии» на 85-м году жизни. По непроверенным данным, кончина «главного идеолога страны» наступила в результате острого сердечного приступа после того, как Сусликов получил известие о присуждении Нобелевским комитетом премии по литературе за 1982 год Аркадию и Борису Стругацким за роман «Град обреченный».

Впрочем, на идеологическом режиме в СССР смерть Т.П.Сусликова никак не сказалась. Холодные ветры по-прежнему дули в советской фантастике, сдувая в бездну любые ростки нового, необычного, скольконибудь не совпадавшего с существующей «партийной линией».

9

Перемены начались только в 1986 году. После смерти В.М.Молотова Первым секретарем ЦК КПСС был избран относительно молодой 66-летний партийный функционер Егор Кузьмич Лихачев. СССР взял курс на «модернизацию и ускорение экономики, на постепенное построение советского социалистического рыночного хозяйства».

«Не стояли звери около двери...»

Совершенно неожиданно в 1987 году в Советском Союзе - даже без уведомления авторов! - была переиздана массовым тиражом в сто тысяч экземпляров трилогия братьев Стругацких «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею» и «Стажеры». В редакционной статье в газете «Правда», последовавшей всего через несколько дней после сенсационного появления трилогии на полках книжных магазинов, советскому читателю сообщалось:

«Ранние книги Стругацких вполне могут быть использованы в воспитании настоящих строителей коммунистического общества. Что же касается пресловутого «авторского права», то поскольку книги были написаны в период, когда Стругацкие еще были гражданами СССР и проживали на территории Советского Союза, наш народ имеет полное право использовать эти литературные произведения по своему усмотрению».

Идеологическое давление на фантастику в СССР постепенно слабело с вовлечением Советского Союза в систему рыночных отношений. В 1989 году гражданам СССР было разрешено свободное посещение других стран. В Советском Союзе появляется множество зарубежных фильмов и книг. В 1990 году было отменено решение 25-го съезда о наличии у писателей обязательного профессионального образования и ликвидирована система литературных комиссий при партийных комитетах. Издательства получили право самим определять, что именно публиковать. Впервые за последние более чем четверть века появились публикации переводных произведений иностранных авторов.

Пожалуй, последним рецидивом «сусликовщины» можно считать политический процесс по делу писателей Сергея Перелыгина (эссе «Хронология мира Стругацких»), Андрея Лазарука (роман «Все, кто сможет взять оружие»), Алексея Евтуленко (трилогия «Объединенный отряд») и Александра Достовалина

«Не стояли звери около двери...»

(роман «По другую сторону»), в произведениях которых допускалась победа фашистской Германии над СССР во время Второй мировой войны. Процесс состоялся в марте-апреле 1995 года – накануне празднования пятидесятилетия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Рукой анонимного автора статьи, напечатанной в «Правде», словно водила с того света тень самого товарища Сусликова:

«Особенно далеко в своей антисоветской деятельности зашли молодые выкоремыши зарубежных подрывных центров Перелыгин, Лазарук, Евтуленко и Доставалин. Эти с позволения сказать писатели дописались в своих антисоветских пасквилях до того, что задним числом отдали победу в Великой Отечественной войне фашистской Германии. Произошло то, о чем партия не раз предупреждала советский народ: за идейной размытостью и расхлябанностью обязательно следует переход на позиции классового врага. Так называемые «фантасты» окончательно сбросили свои маски литераторов и на поверку оказались обыкновенными фашистами».

Однако времена в Советском Союзе уже были другие. Перелыгин, Лазарук, Евтуленко и Доставалин получили «всего лишь» по два года общего режима и запрет на литературные публикации в течение пяти лет.

В целом же период 90-х годов стал настоящим взрывом в развитии фантастики и фэнтези в СССР. Сначала, в 1990-1997 годах, в стране достаточно большими тиражами были изданы многие произведения зарубежных авторов (кроме тех, которых советская цензура по-прежнему считала «антисоветскими»). А с конца 90-х годов и по настоящее время в полный рост поднялась «новая волна» - молодые писатели, которые теперь успешно осваивают «целинные земли» не только научной фантастики в рамках старой партийной классификации, но и смело бороздят моря, ранее полностью или частично находившиеся под

«Не стояли звери около двери...»

идеологическим запретным колпаком - Фэнтези, Утопию, Сказку, Юмор и Сатиру.

Этот процесс продолжается и сегодня. Советский Союз под руководством 93-летнего патриарха Егора Лихачева все дальше уходит от жестких времен идеологического диктата Вячеслава Молотова и Тихона Сусликова. В 2011 году на 31-м съезде КПСС официально назван политический преемник Егора Лихачева – пятидесятилетний секретарь по идеологии Борис Акунинов, известный своими умеренными «имперско-либеральными» взглядами. Нет никаких оснований считать, что когда он заменит почившего Егора Лихачева, произойдет возврат к мрачным временам, которые даже в официальной советской истории теперь все чаще именуют «сусликовщиной». А значит нас - и советских читателей - ждет еще масса открытий в «стране фантастики»: новых книг, имен, тем и сюжетов.

10

В последние годы на Западе появилось достаточно много публикаций собственно о Тихоне Прохоровиче Сусликове и о той зловещей роли, которую он сыграл в развитии советской фантастики.

С наиболее неординарной версией в июне нынешнего года выступил профессор Кембриджского университета, известный общественный деятель Чеслав Сэмюэль Волянецкий. По его мнению, Сусликов некогда был молодым литератором-графоманом в одной из параллельных реальностей. Поскольку его произведения ввиду полного отсутствия хотя бы какого-то литературного таланта упорно не публиковались, Сусликов, каким-то образом получив доступ к технологиям путешествия во времени, отправился в прошлое, чтобы перекроить историю на свой лад. В 1917 году стал помогать большевикам и в течение следующих сорока лет сделал партийную карьеру. С июня 1957 года

«Не стояли звери около двери...»

Сусликов становится членом ЦК КПСС, а с 1962 года - секретарем ЦК КПСС по идеологии. Сосредоточив в своих руках почти необъятную власть в культурной сфере социалистического государства, Сусликов начал в буквальном смысле мстить тем, кто самим наличием своих качественных литературных произведений помешал в параллельной реальности публикации опусов молодого графомана...

Конечно, имеют право на существование самые необычные версии, но пока нет никаких доказательств того, что версия о «попаданчестве» Тихона Прохоровича Сусликова является достоверной.

Лев Лунников, советолог-литературовед
(Статья опубликована в седьмом номере общественно-политического журнала «Континент», Берн, Швейцария, июль 2013 года)

2013 год

«Не стояли звери около двери...»

Сергей Чебаненко

Над Саракшем звездное небо

«...Но почему мне иногда кажется, что этот - или очень похожий на него - роман будет все-таки со временем написан? Не братьями Стругацкими, разумеется. И не С. Витицким. Но кем?»

Б.Н.Стругацкий,
«Комментарий к пройденному»

История появления текста под названием «Над Саракшем звездное небо» и загадочна, и скандальна.

Началась она поздней осенью 2013 года, когда в одно из крупнейших в Москве издательств обратился фантаст Алексей Голубев - писатель, хорошо известный читателям еще с последней четверти минувшего века. Был участником семинаров в Малеевке и в Дубултах. В постперестроечное время перебрался в Канаду. Иногда - раз примерно в два года - Голубев наезжал в Россию. Официально - поучаствовать в каком-нибудь из конвентов, а неофициально - попить водочки с приятелями из «фантастического цеха». Обычно в эти редкие визиты на Родину Алексей приезжал не с пустыми руками: два, а то и три новых романа появлялись на редакторских столах.

Однако осенью 2013 года Алексей Голубев принес в издательство не только текст своей очередной «нетленки», но и толстый заклеенный пакет из плотной коричневатато-желтой бумаги. На склейке имелись нанесенные чернилами подписи Аркадия и Бориса Стругацких и дата, когда конверт, видимо, был запечатан - 27 марта 1983 года.

«Не стояли звери около двери...»

Редактор издательства, которому был вручен пакет, - сам, кстати, писатель, - на своем веку видел немало самых необычных текстов. Но даже он испытал шок, когда конверт был вскрыт: внутри обнаружился аккуратно напечатанный машинописным способом на слегка пожелтевших от времени листах бумаги текст неизвестного романа братьев Стругацких «Над Саракшем звездное небо».

Припертый «к стенке», писатель Голубев, потя от волнения и сбиваясь, рассказал, при каких обстоятельствах к нему попала запечатанная в конверт рукопись. Три десятилетия назад, в ноябре 1983 года, сам Аркадий Натанович попросил Алексея Голубева принять на хранение и ровно через тридцать лет отдать в издательство текст этого романа. Голубев боготворил Стругацкого-старшего и безропотно взял пакет. Конечно же, рукопись пропутешествовала с Алексеем в зарубежье, а обратный перелет на Родину совершила только через тридцать лет.

Правда, в сентябре 1991, сразу же после безвременного ухода из жизни Аркадия Стругацкого, Алексей позвонил из заграницы Борису Натановичу, выразил соболезнования и поинтересовался, как быть с рукописью, отданной ему на хранение? Последовала пауза, а потом Стругацкий-младший сказал:

- А вот так и поступите... Отдайте в издательство, как и было задумано Аркадием Натановичем.

И, помолчав, добавил едва слышно:

- Наверное, так и в самом деле будет лучше...

Сказать, что появление текста «Над Саракшем звездное небо» вызвало сенсацию - это значит не сказать ничего. Новость распространилась мгновенно. Фэндом и писательское сообщество бурлили, расколовшись на два непримиримых лагеря.

Первые - к ним относились и члены группы «Людены», и публикатор текстов Стругацких Светлана Бондаренко, и исследователи творчества крупнейших российских писателей-фантастов, - в один голос

«Не стояли звери около двери...»

утверждали, что им ничего не известно о неожиданно объявившемся романе. Мол, ни в одном из писем братьев друг другу о нем нет ни строчки. Ни разу ни Аркадий, ни Борис и словом не обмолвились среди родственников и друзей о том, что за океаном хранится их неопубликованное произведение. В «Комментариях к пройденному» Бориса Стругацкого нет ни малейшего упоминания о том, что где-то существует текст под названием «Над Саракшем звездное небо».

Вторая группа - в основном, читатели-фанаты и молодые фантасты, - бурно приветствовали появление «посмертного» романа братьев Стругацких и горели желанием поскорее увидеть книгу на книжных полках.

Алексей Голубев клялся и божился, что получил рукопись из рук самого Аркадия Натановича тридцать лет назад. Были назначены несколько очень серьезных экспертиз. Исследование бумаги, на которой напечатан текст романа, подтвердило, что она изготовлена три десятилетия назад. Машинописная печать выполнена в те же годы - это стало ясно из анализа оттиска красящей ленты. Более того, эксперты убедительно доказали, что текст романа отпечатан именно на той пишущей машинке, которой пользовались Аркадий и Борис Стругацкие в далеком уже 1983 году. Привлеченные к процессу опознания, десять литературоведов единодушно подтвердили, что произведение «стилистически исполнено в характерной для А.Н. и Б.Н. Стругацких манере». То же самое - с вероятностью 98,7 процентов - «выдала на-гора» и компьютерная программа-лингвоанализатор.

Казалось бы, все стало на свои места. Но... Одновременно все эксперты предостерегли: сегодня уже существуют настолько искусные технологии подделки, что все же остается вероятность появления ловко сработанной фальшивки.

Поэтому публиковать полученный от писателя Голубева текст под именем Аркадия и Бориса Стругацких издатели не решились. В итоге книга была издана летом

«Не стояли звери около двери...»

2015 года в рамках проекта «Обитаемый остров» под авторским названием «Над Саракшем звездное небо», но под псевдонимом Дмитрий Строгов. В некоторых книгах братьев Стругацких под этой фамилией значился некий «признанный писатель», «Толстой двадцать первого века».

Стоит ли говорить, что роман был едва ли не в мгновение ока раскуплен и в обычных, и интернет-магазинах? Во всемирной сети появились пиратские копии текста, которые скачивались миллионами читателей по всему миру.

Увы, прошло уже более полугода после выхода в свет книги «Над Саракшем звездное небо», но качественных отзывов на опубликованный роман пока не появилось. Споры по поводу авторства текста по-прежнему кипят на литературных форумах в интернете, периодически выплескиваясь на страницы газет и журналов в виде желчных обвинений спорящих сторон и взаимных скандальных разоблачений. Возможно, поэтому наши ведущие критики и литературоведы, обычно равнодушные к книгам фантастического жанра, не спешат дать оценку произведению Дмитрия Строгова. Постараемся восполнить пробел и выскажем некоторые соображения относительно романа, всколыхнувшего как сообщество фантастов, так и пестрый конгломерат любителей фантастики.

1

По объему роман «Над Саракшем звездное небо» относительно невелик - всего чуть более одиннадцати печатных листов. Если не принимать во внимание фантастические допущения - инопланетный мир и технологические диковинки землян и саракшанцев, - текст написан в классических канонах детектива и шпионского романа.

«Не стояли звери около двери...»

Роман полифоничен. Повествование ведется попеременно по двум сюжетобразующим линиям - от имени Максима Каммерера, уже знакомого читателю по трилогии «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер», и от имени саракшанца Эрладо Штертака. В свою очередь в каждой из линий повествование идет как от первого, так и от третьего лица. В тех случаях, когда нужно дать общую панораму событий и показать динамичность происходящего, Дмитрий Строгов использует повествование от третьего лица. Когда же в тексте подчеркиваются чувства и переживания героев, рассказ ведется от первого лица. Такой переход позволяет автору не только полнее показать внутренний мир героев, но и создает эффект выпуклости и объемности текста в целом.

В полной мере используется Дмитрием Строговым и принцип многоязычия. Максим Каммерер, Эрладо Штертак и другие персонажи романа говорят и думают каждый на своем языке, характерном только для этого персонажа. Речь персонажей узнаваема, диалоги выглядят живо и в полной мере отражают речевые особенности героев произведения.

Текст романа не является линейным. Автор усложняет фактуру повествования, периодически делая пейзажные, лирические, исторические отступления. Размышляет о конфликте цивилизаций Максим Каммерер, с теплотой вспоминает наставников по летно-курсантской школе Эрладо Штертак, с позиций собственных жизненных интересов оценивают окружающий мир прочие персонажи романа. Как результат, произведение становится многогранным, панорама мира видится яснее и четче, персонажи обретают черты чувствующих и действительно живущих людей. В романе в изобилии ассоциативные цепочки, иносказания, аллюзии, косвенные высказывания, вложенные автором в уста персонажей.

Благодаря фантазии Дмитрия Строгова, появляются в романе и совершенно новые для читателя

«Не стояли звери около двери...»

обитатели Саракша: огромные, в половину человеческого роста представители семейства кошачьих – почти разумные махкоты, домашние любимцы пандейцев.

2

Экспозиция в романе разделена на две части.

Внешняя экспозиция, выполненная в виде пролога под названием «Встреча над планетой», определяет не только время и место действия, но и схематично намечает будущие конфликты романа. В апреле 2188 года на орбитальной станции над Саракшем случайно встречаются земной резидент в Пандее Клавдий Луговинов и куратор проекта «Белый ферзь - 2» Григорий Серосовин. Из беседы старых знакомых (оба персонажа упоминались в «Жуке в муравейнике» как работники КОМКОНа-2) читателю становится известно, что предстоит осуществление проекта «Саракшанец в космосе» и эвакуация Максима Каммерера из Островной Империи, где он уже более десяти лет успешно работает под именем советника Адмиралтейства Иллиу Капсука.

Внутренняя экспозиция включает в себя первые три главы романа. В Иерархате Пандея группа ученых под руководством доктора Аегудо Гартука осуществляет амбициозный проект «Мировой Свет» - разрабатывает ракету с отделяемым пилотским отсеком, который сможет долететь в любую точку на поверхности Саракша, обогнув Мировой Свет. Мировой Свет - это некий заоблачный источник света над планетой, небо которой постоянно затянуто облаками, а сама планета из-за рефракции видится ее жителям огромным вогнутым шаром внутри бесконечного каменного пространства.

Дмитрий Строгов не злоупотребляет географическими, социальными и политологическими описаниями Пандеи, но из текста и речи персонажей романа становится в общих чертах ясно авторитарное

«Не стояли звери около двери...»

устройство этого саракшанского государства. Религия жителей страны основана на культе Святого Дракона. Наместником божества на Саракше является Дракон-Генералиссимус Тупир Линстак. Ниже в управленческой пирамиде располагаются многочисленные чиновники: Величайшие, Трех и Двуглавые драконы (генералитет), Большие драконы, старшие и младшие змеи (старшие офицеры), полу- и четвертьзмеи (младший командный состав) и рядовые-змееносцы.

Разработка ракеты «Мировой Свет» оказывается в центре интриг трех группировок. Руководитель Военного ведомства Величайший дракон Гекта Трабарук и глава тайной полиции Великий дракон Санга Баларок намереваются использовать ракету для прямого ядерного удара по столицам сопредельных и заокеанских стран. Главный дипломат Пандеи Величайший дракон Хенга Рамирек и начальник внешней разведки Трехглавый дракон Геранга Севадлюк хотят запустить множество ракет в заоблачную «зону равновесия» - круговой участок в пространстве между твердью вогнутого Саракша и Мировым Светом, на котором силы гравитации уравновешены, - и оттуда шантажировать бомбардировкой противников Иерархата Пандея. Третья группировка представлена мечтающим не столько о создании военной техники, сколько об исследованиях заоблачных высот вблизи Мирового Света разработчиком ракеты Аегудо Гартуком и поддерживающей его Главой Научного ведомства академессой Рагией Магаллук.

Хотя в целом разработка ракеты «Мировой Свет» ведется под патронатом Военного ведомства, Главному дипломату и начальнику внешней разведки удастся внедрить в группу «светосмертников» (пилотов-камикадзе, которые должны пилотировать начиненную ядерными бомбами ракету, наводя ее на цели) своего человека - Большого дракона Эрладо Штертака. Он должен не только информировать своих руководителей

«Не стояли звери около двери...»

о разработке проекта, но и сорвать планы внезапного ракетного удара по другим странам.

Дмитрий Строгов скуп в описании внешности Большого дракона Штертака. Читателю сообщается лишь минимум информации: Эрладо довольно молод - около тридцати лет, спортивно сложен, темноволос и кареглаз. Он один из лучших разведчиков Пандеи – более трех лет резидентствовал в Островной Империи. Целостный образ главного героя формируется уже по мере чтения романа - и как следствие взаимодействия его с другими персонажами, и как итог размышлений Штертака о сути происходящих событий.

Пока в Пандее кипят нешуточные политические страсти, Иллиу Капсук мирно трудится советником в Адмиралтействе во Внешнем круге Островной Империи. Параллельно он тайно создает прогрессорско-разведывательную сеть из жителей Внешнекружья. Иногда Мак Сим посещает внутренний Солнечный круг для бесед с Высоколобыми на интеллектуально-просветительские и мировоззренческие темы. На фоне интриг на материке полусонное существование «умиротворенной еще Карлом-Людвигом» Островной Империи кажется несколько скучноватым, сбивая напряженный ритм, заданный повествованию в «пандейских» главах. Но в целом Строгову удалось показать, что Саракш - это очень сложный и многоплановый мир, в котором есть место и спокойной жизни, и напряженному действию. И опять же, без излишней детализации и ненужных подробностей, глядя на окружающий мир глазами Капсука-Каммерера, читатель получает общие представления об устройстве Островной Империи и людях, которые ее населяют.

3

Завязка «пандейской» линии романа начинается с того момента, когда Эрладо Штертак и другие

«Не стояли звери около двери...»

«светосмертники» пребывают для подготовки к испытательным пускам на скрытый среди лесов секретный ракетный полигон Зуррея на юге Пандеи. Следом за ними из столицы страны тянутся и нити интриг.

Действие романа развивается очень динамично. Без излишних технических подробностей Дмитрий Строгов описывает процесс подготовки пилотов. Читатель вместе с Эрладо Штертаком погружается в напряженный ритм испытаний на вибростендах, центрифугах, в термо- и барокамерах, участвует в тренировочных полетах на самолетах и изучении устройства пилотского отсека «Мировой Свет». Все эти перипетии подготовки преподносятся с юмором, чередой занятых случаев и историй.

Тем временем тайная полиция через своего информатора во внешней разведке узнает, что Эрладо Штертак - «человек со стороны». «Тайполы» и не подозревают, что эту информацию разведчики «слили» им намерено. Шеф тайной полиции Великий дракон Санга Баларок дает указание готовить к первому испытанию ракеты «Мировой Свет» именно Штертака - как основного пилота. Во время испытательного пуска в акваторию Мирового океана пилот-«светосмертник» непременно погибнет, и военная разведка не только потеряет своего агента, но и не получит никаких полных данных о проекте.

Такое решение Санга Баларока как раз и требовалось и начальнику внешней разведки Трехглавому дракону Геранга Севадлюку, и руководителю ракетной программы доктору Аегудо Гартуку. Первому нужен выход «Мирового Света» в заоблачную «зону гравитационного равновесия», чтобы получить подтверждение, что там можно разместить несколько ракет и постоянно шантажировать им другие государства на планете. А второй мечтает не только о полете «за облака», но и о возвращении пилота на

«Не стояли звери около двери...»

Саракш, чтобы доказать, что человек может исследовать большие высоты.

Пока Эрладо Штертак «грызет гранит науки» на полигоне Зуррея, Максим Каммерер успешно завершает операцию «Белый ферзь». Во время одного из вояжей по островам Внешнего круга Островной Империи советника Иллиу Капсука прямо на глазах у растерявшейся охраны похищает и увозит на винтокрыле специальная эвакуационная группа землян, переодетая в форму десантников княжества Ондол - это событие по существу и становится завязкой в романе по «линии Каммерера». Поскольку Максим по легенде является гражданином Иерархата Пандея, он появляется в Столице этого государства. Дракон-Генералиссимус Тупир Линстак вручает «лучшему разведчику страны» высшую награду - Золотые Уши Дракона. Через шпиона Островной Империи в тайной полиции Пандеи земляне-прогрессоры сбрасывают информацию о награждении Капсука в Адмиралтейство Островной Империи. В результате скандала в разведывательном сообществе островитян, часть его руководителей уходит в отставку.

Главы, посвященные разведывательным интригам в Пандее и в Островной Империи, написаны Строговым живо и очень динамично. Отслеживая хитросплетения замыслов земных прогрессоров и пандейских шпионов, читатель буквально погружается в текст, степень вовлеченности в процесс чтения оказывается настолько высокой, что от романа трудно оторваться.

Казалось бы, автор мог бы и дальше ехать по наезженной колее, развивая действие в изначально избранном направлении и наворачивая одну интригу на другую вплоть до самого финала романа. Но Строгов снова отдает нить рассказа Эрладо Штертаку. Ведь по сюжету Большой дракон Штертак - не просто пилот, но и секретный сотрудник внешней разведки Пандеи. Эрладо анализирует происходящие события, внимательно присматривается к людям, которые окружают его на

«Не стояли звери около двери...»

секретном ракетном полигоне Зуррея. И приходит к ошеломляющим выводам.

С помощью простейшей слежки Эрладо выясняет, что начальник службы безопасности полигона старший змей Реджар Тапурака связан с хонтийской разведывательной группой, обосновавшейся неподалеку от ракетных комплексов. Во время дружеской попойки в офицерском казино инструктор по пилотированию малый дракон Геноор Шасайюк проговаривается, что когда-то был пилотом в Стране Отцов, хотя по документам он коренной пандеец. Симпатичная девица из штаба полигона младший четвертьзмей Сиринда Нетелмек заводит любовную интрижку с Эрладо и пытается завербовать Штертака в качестве агента Островной Империи. Главный конструктор ракетных двигателей Уйгильдо Щуртиук, увлеченный математическими расчетами, начинает тихонько напевать песенку на языке аборигенов острова Хаззлаг.

Открытия шокируют Эрладо: «Либо система безопасности на полигоне Зуррея работает из рук вон плохо, либо все происходящее - какой-то фарс. Ничем иным я не мог объяснить тот факт, что на секретном объекте вдруг обнаружилось скопище агентов разведок едва ли не из всех стран мира. Хонтиец, «папаша», островитянка, хаззлаговский ученый... Если копнуть глубже, среди персонала ракетной базы наверняка обнаружится подполье княжества Ондол, шпион с горных вершин Зартака и даже тайный посланец мутантов-южан. Я пришел к выводу, что кто-то намерено свел в одном месте интересы всех спецслужб планеты. Но кто? И зачем? Я не нашел ответа».

Понимая, что стал пешкой в какой-то сложной игре разведок, Эрладо решает пока не сообщать о выявленных им агентах шефу разведки Геранга Севадлюку.

Тем временем разведка островитян устраивает настоящую охоту на «предателя Иллиу Капсука». Угроза настолько серьезна, что Максима Каммерера по

«Не стояли звери около двери...»

распоряжению главы КОМКОНа-2 временно перемещают на орбитальную станцию землян над Саракшем.

Соотношение темпа и ритма романа создает композиционную динамику текста. Строгову удалось практически на всем протяжении произведения задать высокий ритм - «экшн», внешнее действие в каждой из глав буквально бурлит. В тех же главах, где ритм все же несколько спадает, возрастает темп - динамика внутреннего напряжения. Так контакты Эрладо Штертака с персоналом полигона Зуррея приходится на достаточно спокойные с точки зрения внешнего действия главы, однако внутренне напряжение, динамика развития взаимоотношений персонажей, изменение характера главного героя, его мыслей постоянно держит «в тонусе» читателя романа.

4

Как и любой роман, «Над Саракшем звездное небо» неумолимо приближается к кульминации. Дмитрий Строгов подводит к кульминации и линию повествования, связанную с Эрладо Штертаком, и линию Каммерера. Сначала в каждой линии происходит собственная кульминация, в которой конфликт соответствующей линии повествования достигает наибольшей остроты. Затем следует общая кульминация романа.

Вне сомнения, кульминацией «линии Штертака» является полет главного героя в заоблачные выси. Доктор Гартук заводит с будущим пилотом «Мирового Света» откровенный разговор и сообщает Эрладо, что есть возможность не только полететь за облака, но и вернуться живым обратно. Для этого Гартук собирается за несколько минут до старта перепрограммировать управляющее устройство в пилотском отсеке. Ракета не станет падать на другую сторону вогнутого мира, а выйдет на орбиту «гравитационного равновесия».

«Не стояли звери около двери...»

Совершив три оборота вдоль внутренней поверхности шарообразного мира, пилотский отсек включит тормозные двигатели и вернется в атмосферу планеты. На конечном участке траектории пилот будет катапультирован и спущен на парашюте вместе с материалами научных исследований в заоблачных пространствах. Эрладо соглашается принять участие в тайном проекте.

Предстартовые эмоции главного героя, его ощущения после старта, когда сначала начались вибрация ракеты и перегрузки, а потом наступила невесомость, выписаны Строговым очень тщательно и подробно. Автору удалось в полной мере заставить читателя сопереживать главному герою, покинувшему Саракш и несущемуся в неведомые заоблачные высоты в тесном пространстве пилотского отсека. Конечно же, венчают цепочку событий яркие ощущения Эрладо, когда он первым из саракшанцев оказывается на космической орбите:

«Огненный ослепительный шар, на который невозможно было взглянуть, чтобы не ослепнуть, висел в пространстве где-то слева и вверху от меня. Еще одно шарообразное тело - меньших размеров, серо-желтое, с синеватыми разводами и пятнами на поверхности, - плыло в черной бездне впереди пилотского отсека. А под ногами, под днищем летательного аппарата, находилось нечто громадное, бело-серое, выпуклое. Несколько секунд я вглядывался в это нечто, силясь понять, что все-таки вижу. Потом сообразил: единственное, что я сейчас могу видеть в таком ракурсе - это наш мир, мой родной Саракш. Он просто вывернулся наизнанку, и из вогнутой сферы сделался похожим на огромный мяч, окутанный пеленой туч и облаков.

Пилотский отсек летел над гигантской сферой, огибая ее по замкнутой траектории. Огненный ослепительный шар - настоящий Мировой Свет, что же еще? - постепенно уходил за спину, опускался, словно постепенно погружаясь в бело-серое тело Саракша.

«Не стояли звери около двери...»

Наступил миг, когда летательный аппарат нырнул в темноту и окончательно ушел от лучей заоблачного светила. И тогда в темноте миллионами и миллиардами разноцветных глаз зажглись крупные и совсем маленькие, бело-желтые и оранжево-красноватые точки - нечто очень далекое, светящееся, для названия чего и слова-то подходящего не было ни в одном из языков на Саракше.

Я смотрел на все это во все глаза, делал беглые зарисовки в пилотском журнале, фотографировал, и, как заведенный, горячим шепотом повторял одно и то же слово:

- Массаракш, массаракш, массаракш!»

5

Одновременно с «пандейской» цепочкой событий назревает кульминация и по «линии Каммерера». Оказывается, что пространство вокруг Саракша контролируется не только землянами, но и «странниками» - цивилизацией галактического уровня, следы которой жители Земли находят едва ли не во всех достигнутых ими мирах. В безвоздушном пространстве - «прямо из ничего» - формируется корабль «странников» и начинает движение к летящему вокруг Саракша пилотскому отсеку с Эрладо Штертаком.

«Здесь уже не просто запахло серой, - размышляет Максим Каммерер. - Лукавый собственной персоной, поблескивая в лучах Мирового Света округлыми боками из янтарина, несся по вытянутой орбите к маленькому космическому кораблику саракшанцев».

Землянами за всю историю космических полетов был зафиксирован только один случай «контакта» с кораблем «странников». В середине двадцать второго века «янтаринный страж» атаковал и уничтожил звездолет «Пилигрим» над планетой Ковчег. Тогда погибли супруги Семеновы и чудом выжил их сын Пьер

«Не стояли звери около двери...»

(подробности описаны Аркадием и Борисом Стругацкими в повести «Малыш»). Каммерер опасается, что и корабль саракшанцев постигнет та же участь.

Максим пытается предотвратить возможную трагедию. Вместе со своим сотрудником Клавдием Луговиновым и кибертехником Стасем Поповым он на десантном космокатере летит наперерез «янтариновому стражу», сигналижая всеми возможными способами и на всех возможных каналах. Каммерер вовсе не собирается устраивать «звездные войны» над Саракшем. Рискуя, он всего лишь хочет дать понять «странникам», что полет саракшанского кораблика патронируется землянами. И «старшие братья» его поняли:

«Кто-то мельком взглянул на меня [повествование в этой главе ведется от имени Максима Каммерера – прим. Автора] из звездной бездны - огромный, всепроникающий и могущественный. Я почувствовал себя микроскопической букашкой на невидимой гигантской ладони.

Ощущение длилось какое-то мгновение - наверное, даже меньше секунды. А потом некто великий снова растаял в черноте космоса. Остался только застывший в пространстве янтариновый шар - теперь уже совершенно безжизненный и, кажется, пустой».

Но вот вопрос: хотели ли «странники» атаковать кораблик саракшанцев? Или ими двигало обычное любопытство, а Каммерер пал жертвой «синдрома Сикорски» – стал видеть во всем злую волю пришельцев? В лучших традициях братьев Стругацких, Дмитрий Строгов не дает прямого ответа на этот вопрос, оставляя его решение читателям.

6

Казалось бы, суть конфликта исчерпана, ситуация нежданно возникшего противостояния двух цивилизаций успешно разрешена автором романа. Но Дмитрий

«Не стояли звери около двери...»

Строгов талантливо переводит конфликт в романе на совершенно иные рельсы. Во время полета корабля «странников» земная орбитальная станция зафиксировала над Саракшем колебания различных полей. Анализируя полученные данные, земляне приходят к неожиданному выводу:

«Над Саракшем, с высоты примерно пяти и до ста километров, существовала причудливая смесь магнитного, электрического, гравитационного полей и еще чего-то совсем уж фантастического, - такого, что даже наши сканеры и приборы не смогли толком отследить. Это невидимое глазу комбинированное поле висело над планетой как минимум последний десяток тысяч лет. Оно совершало нечто невероятное: ловило чаяния и желания людей, населявших планету, интегрировало их и материализовало суммарно полученный результат. Всепроницающее поле было причиной и существования вокруг планеты постоянного облачного слоя, и «закукливания» горизонта на Саракше.

Кто создал поле? Возможно, пресловутые «странники» или кто-то еще из всемогущих цивилизаций галактического уровня. Как поле работало? Мы так толком и не смогли разобраться.

Но эта парочка вопросов была лишь мелкими семечками по сравнению с обнаружившейся проблемой глобального характера. Какое событие космических масштабов могло так напугать саракшанцев, что они навеки вечные в едином всепланетном порыве закрыли небо над головами тучами и свернули свой мир в замкнутое пространство? Пролетавшая мимо хвостатая комета? Гигантский блуждающий астероид? Или нечто иное, невообразимое, однажды явившееся из глубин Вселенной, а потом снова канувшее в бесконечность? Ответа на вопрос, что же заставило цивилизацию целого мира, подобно земным страусам, «сунуть голову в песок», мы тоже не нашли».

Вот тут, на гребне основного конфликта романа, вырисовывается и главная идея произведения: способно

«Не стояли звери около двери...»

ли человечество - без разницы: землян или саракшанцев, - преодолеть собственный конформизм? Может ли человек сбросить с плеч давящий на него тысячелетний груз страхов, ложных убеждений, нелепых верований? Чего в нас, людях, больше: желания загородиться от всего, «закуклиться» в собственном более или менее благоустроенном мирке, заикнуться на собственных проблемах, или же стремления к познанию, к преодолению преград, к социальному и мировоззренческому развитию?

Строгов дает оптимистические ответы на эти вопросы. В «мире Полдня» землянами уже давно решены вопросы соотношения личного и коллективного, развития и сохранения идейных ценностей цивилизации. В критических ситуациях любой землянин способен «перешагнуть» собственные страхи и желание упрятаться в своей «хате с краю». Что очень убедительно демонстрируют в романе «Над Саракшем звездное небо» Максим Каммерер и его товарищи, фактически прикрывшие собой корабль саракшанца Эрладо Штертака от «янтарного стража» цивилизации «странников».

С землянами - все ясно: они хоть и «почти такие же», но все же «идеальные» люди. А вот сможет ли преодолеть собственные глобальные психологические проблемы цивилизация Саракша? Ответ Строгов дает тоже положительный. Символом такого преодоления тысячелетних страхов и извечных нелепых верований становится заатмосферный полет Эрладо Штертака - первый космический полет саракшанца.

7

Конечно же, в финале романа читателя ждет развязка. Именно здесь автор сплетает воедино событийную, идейную и тематическую линии произведения. Дмитрий Строгов изменил бы

«Не стояли звери около двери...»

собственному писательскому реноме, если бы обошелся в ней без сюрпризов.

Вернувшись на Саракш и получив всемирную известность, Эрладо Штертак встречается с выгуливающим в столичном парке домашнего махкота Максимом Каммерером. И сюжет романа снова делает крутой вираж, вырисовывая перед взором читателя новую мировоззренческую проблему. Чтобы не выступать в роли «испорченного телефона», просто приведем достаточно обширную цитату из текста романа:

«- Вы соображаете, что говорите, господин Большой дракон? - советник Иллиу Капсук удивленно изогнул бровь.

- Вполне, - кивнул Эрладо, внешне оставаясь совершенно спокойным. - Я просто сопоставил кое-какие факты. Там, на полигоне Зуррея, собраны агенты практически всех государств. Это на секретном-то полигоне!

- Случайность, - советник пожал плечами. - Тайная полиция у нас работает из рук вон плохо.

- Дело не в тайной полиции, - Эрладо улыбнулся. - Шпионов собрали там с одной целью - чтобы технологии полетов за облака стали известны всем.

- И кто же это сделал? - фыркнул Капсук.

- Ваш добрый знакомый Трехглавый дракон Персиу Нумантук. Он лично формировал кадровый состав полигона, - Штертак посмотрел на Капсука в упор. Лицо советника оставалось невозмутимым. - Сделано это было загодя, еще до вашего внедрения в Островную Империю. Руководителем Персиу Нумантука тогда были вы. Следовательно, одно из двух: либо лучший разведчик Иерархата Пандея Иллиу Капсук профессионально несостоятелен, если у него под носом секретный полигон забивают агентами иностранных разведок. Либо с компетенцией советника Капсука все в порядке и он лично курирует операцию по внедрению шпионов на Зуррею. Я решил, что второе больше

«Не стояли звери около двери...»

соответствует действительности. И сразу возник вопрос: а зачем Иллиу Капсуку это нужно?

- Ну, и на кого же работает этот интриган Капсук? - советник иронично усмехнулся. – На Хонти? На Страну Отцов? Или, может быть, на Зартак?

- На Саракше нет стран, заинтересованных в широком доступе к ракетным технологиям, - Штертак по-прежнему не отрывал взгляда от лица собеседника. - Такую операцию всеобщего информирования может осуществить только внешняя сила. Пришельцы из заоблачных миров.

Советник взглянул в глаза Эрладо. Уверенность, решительность и абсолютная убежденность в своей правоте. Где-то он уже видел эти карие глаза. Мельком, но видел. Лет десять назад, на Островной Империи? Черт, никак не вспомнить!

- Ладно, - Каммерер вздохнул и провел рукой по лицу, словно снимая маску советника Капсука. - Мы недооценили вас, Эрладо. Думали, что вы обычный пилот. А вы оказывается мальчик - ушки на макушке. Глазок-смотрок! Давайте перестанем ходить вокруг да около. Чего вы хотите?

- Откровенного вашего ответа на мои вопросы, - Штертак снова заулыбался. - Я не думаю, что вы пришли сюда, чтобы причинить зло Саракшу. С вашим-то технологическим уровнем... Если бы хотели, давно бы уже поставили наш мир на колени. Тогда зачем вы здесь?

- Чтобы помочь вам встать на ноги. Вы наделали много ошибок. Ядерная война. Авторитарные диктатуры. Постоянные военные конфликты.

- И вы этому противодействуете?

- И мы этому противодействуем, - подтвердил землянин. - Усмирили Островную Империю. Избавили от тоталитарных замашек вашего Дракон- Генералисимусса. Предотвратили путч в Стране Отцов.

- Благодетели, значит? - Штертак скептически ухмыльнулся. - А вы подумали, что мы имеем право сами разобраться с проблемами в своем мире?

«Не стояли звери около двери...»

- Когда-нибудь так и будет, - согласился Каммерер.

- А пока...

- Послушайте, а там, в вашем заоблачном мире, - Эрладо зло прищурился, - вам тоже помогали старшие братья с других миров?

- Ну, насколько мне известно, нет, - Максим устало опустил плечи.

- Тогда почему вы считаете нас слабее себя? - Шертак осклабился. - Да, мы наделали глупостей. Но это все в прошлом. Старший брат помог младшему, спасибо. Но младший встал на ноги и больше не нуждается в опеке. Он сам теперь будет строить свой мир. И познавать заоблачные миры.

Каммерер задумчиво посмотрел ему в глаза. Эрладо выдержал взгляд собеседника.

- Вы понимаете, что я не принимаю таких решений в одиночку? - спросил Максим.

- Понимаю, - Шертак кивнул и взглянул на часы. - Пожалуй, вам пора идти, господин Капсук. Иначе опоздаете на совещание у Дракон-Генералиссимуса. До свидания!

- До свидания, господин Большой Дракон, - Максим усилием воли снова надел на лицо маску советника. - Любопытно было с вами побеседовать!

Эрладо не ответил, повернулся и зашагал по аллее парка.

Советник Иллиу Капсук некоторое время молча смотрел ему вслед, а потом ласково потрепал по загривку послушно просидевшего у его ног всю беседу со Штертаком махкота, и тихо произнес по-русски:

- А ведь ребенок действительно уже вырос...

- Гмур-р-р, - вздохнув, согласился махкот».

Устами своих персонажей Дмитрий Строгов еще раз задается вопросом: вправе ли «старшие братья» экспортировать «младшим» - или даже якобы «младшим», с их, «старшей», точки зрения, - революции и демократии, жизненные принципы и культурные достижения? Или же иные народы имеют право

«Не стояли звери около двери...»

самостоятельно пройти свой путь развития, пусть и учась на опыте других государств и цивилизаций, но все же сами набивая шишки и получая синяки? Вопросы, которые являются актуальными и для второго десятилетия двадцать первого века.

Строгов, как и братья Стругацкие во многих своих романах, не дает окончательного ответа, приглашая читателя подумать над проблемами, исходя из собственного видения мира.

8

Казалось бы, все точки над «і» в романе уже расставлены, но читателя в финальной части текста произведения еще ждет эпилог. Он озаглавлен автором «БАБУШКА РАДА» - именно так, большими буквами, чтобы читающий роман не сразу понял, что это за «бабушка» и чему она «рада». Советник Иллиу Капсук приезжает в офис академессы Рагии Магаллук – влиятельной чиновницы в иерархии руководителей Пандеи, Главы Научного ведомства. Эпилог настолько выбивается из общего контекста романа, что позволим себе процитировать его почти полностью:

«Ее голос показался Максиму знакомым. И глаза... Где-то и когда-то он уже видел эти черные, словно сияющие внутренним светом глаза.

- Госпожа академесса, - советник Иллиу Капсук улыбнулся, - у меня смутное ощущение, что мы уже когда-то встречались с вами, нет?

Улыбка коснулась ее губ, ресницы взволновано затрепетали.

- Ровно тридцать лет назад, - тихо ответила Рагия Магаллук, по-прежнему не отводя взгляда от лица гостя. - Тогда советника Иллиу Капсука звали просто Мак Сим...

- Рада... - у Каммерера перехватило дыхание. - Ты... Но твое лицо?...

«Не стояли звери около двери...»

- Пластическая операция, - она пожала плечами. - Я сделала ее спустя неделю после того, как ушла от тебя.

- Но почему... - в горле у Максима застрял ком. - Я же искал тебя! Я перерыл всю страну!

- Знаю, - она кивнула. - Тебе сообщили, что я пропала на курорте «Синий берег» в котле Береговой блокады Островной Империи. А я просто перебралась сюда, в Пандею... Мне предложил помощь старый друг моего отца. Очень добрый и отзывчивый человек. Мне иногда даже казалось, что он из ваших, из землян... Чеслав Волянецкий – знаешь такого?

- Нет, - хмуро буркнул Максим. – Наверняка какой-нибудь местный авантюрист.

- Другое лицо, новые документы. Я стала Рагией Магаллук, студенткой первого курса естественно-научного факультета Иерархического университета.

- Но зачем? - Каммерер шагнул к ней и замер, не решаясь подойти ближе. - Я же любил тебя!

- И я тебя любила, Максим, - лучистые морщинки обозначились у ее глаз. - Ты знаешь...

- Тогда почему?... Мы же могли быть вместе!

- И полетели бы на Землю, - с легкой иронией продолжила Рагия и вздохнула. - Сказка стала бы реальностью... Мак, а ты думал, кем бы я стала на твоей Земле? Вечным несмышленишем? Приживалкой? Я почти год была рядом с тобой, а ты так и не заметил, что я уже стала другой, совершенно другой. Та перепуганная девочка из кафе на окраине Столицы исчезла навсегда... Ты же горел внутренним огнем, понимаешь? А этот огонь имеет прекрасное свойство - зажигать другие души.

- Я мог бы остаться на Саракше...

- И мысленно все равно рвался бы на Землю... У каждого из нас есть родина. Родина, на которую мы рано или поздно возвращаемся. Я не хотела стать обузой, Мак!

Они замолчали, глядя в глаза друг другу.

- Как ты жила все это время? - Максим закашлялся.

«Не стояли звери около двери...»

- Как видишь, сделала неплохую карьеру, - Рагия Магаллук лукаво прищурилась. - Госпожа Академесса Иерархического Научного ведомства.

- Я не это имею в виду, - Каммерер, наконец, справился с комом в горле.

- Личная жизнь? - черные брови взлетели вверх. - У меня есть сын. В этом году ему исполнится тридцать. И уже четыре года, как есть внук.

- Сын, которому будет тридцать... - сердце Максима замерло. - Постой, но это значит... Десять лет назад, на Островной Империи, я видел мальчишку, которого посчитал нашим сыном. Но потом он куда-то пропал...

- Это и был твой сын, Мак, - она тихонько засмеялась. - Он вернулся домой, выполнив задание пандейской разведки. Но он до сих пор ничего не знает о своем отце... Правда, я с детства рассказывала ему сказки о прекрасной Земле за облаками и о множестве миров, которые есть во Вселенной.

- Я могу его увидеть? - Каммерер не узнал собственного голоса.

- Конечно, можешь, - Рагия Магаллук пожалла плечами, и веселые искры блеснули в ее глазах. - Да ты его уже и видел!

Она взяла с письменного стола небольшую рамку с фотографией и повернула ее изображением к Максиму.

С фото на Каммерера смотрели улыбающиеся темноволосый мужчина с чуть прищуренными карими глазами, красивая женщина и смешной лопоухий карапуз.

- Погоди-ка, - Каммерер застыл, вглядываясь в черты мужчины на семейном фото. - Но это же...

- Да, - сказала бабушка Рада, и голос ее дрогнул. - Твой сын - Эрладо Штертак, первый космонавт Саракша».

Сначала даже и не понимаешь, зачем эпилог понадобился Дмитрию Строгову. Завершить историю любви Мак Сима и Рады Гаал в канонах простенькой мелодрамы? Не секрет, что для читателей всегда

«Не стояли звери около двери...»

оставалось загадкой исчезновение девушки из «Обитаемого острова» - у АБС в «Жуке в муравейнике» и в «Волны гасят ветер» нет ни словечка о ее дальнейшей судьбе.

Но, поразмыслив, приходишь к выводу: эпилог написан не столько для того, чтобы поставить «жирную точку» в романтической истории Рады и Максима, сколько для того, чтобы обозначить еще одну грань проблемы преодоления всеобщего цивилизационного конформизма. Ведь и Эрладо Штертак, и сама Рагия Магаллук - в той или иной мере «плоды» воздействия землянина Максима Каммерера на мир Саракша. Наверное, испытал идейное влияние «бабушки-академессы» и непосредственно не контактировавший с Мак Симом «ракетный» ученый Аегудо Гуртак. Вот и спрашиваешь себя: а способна ли была цивилизация Саракша самостоятельно, без инопланетного влияния прорвать «облачную» завесу? Могут ли некоторые человеческие сообщества самостоятельно идти по пути развития - без сооруженных кем-то извне «костылей» в виде разного рода «грантоедов» и «прогрессоров»? Дмитрий Строгов снова - совершенно так же, как и братья Стругацкие во многих своих произведениях, - оставляет ответы на эти вопросы в качестве «домашнего задания» для читателя.

* * *

Роман Дмитрия Строгова издан и уже полтора года живет собственной, «книжной» жизнью. Ходят упорные слухи, что одна из отечественных кинокомпаний собирается его экранизировать, и есть вполне обоснованные опасения, что в результате мы получим очередной «розовый танк» типа бондарчуковского «Обитаемого острова» или же многолетнюю «тянучку», как было в случае с германовским «Трудно быть Богом». Читатели и писатели продолжают спорить о романе на страницах журналов и электронных фэнзинов, в социальных сетях и блогах, на конвентах и форумах,

«Не стояли звери около двери...»

находят свои ответы на заданные автором романа мировоззренческие вопросы.

Был ли роман «Над Саракшем звездное небо» действительно написан Аркадием и Борисом Стругацкими осенью 1983 года? Или же это хоть и добротная, но все таки поделка анонимных мистификаторов и окололитературных проходимцев?

Почему АБС - если авторство произведения все же принадлежит им, - отсрочили его публикацию на целых три десятилетия? Провидчески предугадали некое сходство в социально-политическом развитии СССР образца 1983 года и Российской Федерации в 2013 году и поэтому решили «придержать» роман? Или же была какая-то иная причина?

Случайно ли, что датой 27 марта 1983 года, которая была написана на клейке конверта, принесенного писателем Голубевым в издательство, в опубликованных не так давно рабочих записях братьев Стругацких обозначено и начало работы над романом «Волны гасят ветер»?

Увы, наверное, ответы на эти вопросы мы не получим никогда...

2013 год

«Не стояли звери около двери...»

Сергей Чебаненко

Холодные ветры 1984 года

(о причинах гонений
на клубы любителей фантастики
в «доперестроечное» время)

Существуют различные мнения о причинах и целях того «особого внимания», которое стали проявлять центральные, республиканские и областные структуры Коммунистической партии Советского Союза и Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи к «неформальным» клубам любителей фантастики, начиная с весны 1984 года. Одни полагают это «особое внимание» всего лишь установлением вполне естественного контроля Советской власти над зародившимся движением любителей фантастики. Другие считают, что имел место целенаправленный «погром» клубов с намерением уничтожить их на корню, а организаторов и активистов КЛФ привлечь к идеологической, дисциплинарной, а может быть, и уголовной ответственности.

Позволим себе высказать свою версию трактовки событий, которые имели место в Советском Союзе в течение весны-осени 1984 года и были теснейшим образом связаны с развитием советской фантастики – и даже в какой-то мере определили направление этого развития.

Как известно, в движении клубов любителей фантастики в СССР было три волны. Первый «всплеск» пришелся на период с 1961 по 1972 годы - образуются КЛФ в Москве, Тбилиси, Саратове, Харькове и ряде других городов. Появление клубов было связано и с политической «оттепелью» времен Никиты Сергеевича Хрущева, и с начавшейся на рубеже 50-х и 60-х годов научно-технической революцией. Тогда и родилась новая советская фантастика. К читателям пришли книги

«Не стояли звери около двери...»

Ивана Ефремова, Аркадия и Бориса Стругацких, Георгия Гуревича, Ильи Варшавского и многих других.

Вторая волна рождения КЛФ пришлось на 1975-1978 годы. Появляются клубы любителей фантастики в Перми, Ростове-на-Дону, Кемерово, Днепропетровске. К тому времени существенно расширяется и когорта авторов, пишущих произведения фантастического жанра, - Кир Булычев, Дмитрий Биленкин, Виктор Колупаев, Виктор Михайлов и многие другие. В Ленинграде начинает работать семинар молодых фантастов под руководством Бориса Натановича Стругацкого. Важную роль в становлении КЛФ сыграл журнал «Уральский следопыт», проводивший викторину по научно-фантастической литературе и ставший по существу настоящим организатором клубного движения любителей фантастики в СССР.

Третья волна создания клубов любителей фантастики началась на рубеже 70-х и 80-х годов. Появляются десятки новых КЛФ в Москве, Свердловске, Волгограде, Горловке, Владивостоке, Вильнюсе, Тбилиси, Каунасе, Калининграде...

Тем временем политическая ситуация в мире и в СССР постепенно меняется. С лета 1980 года начинаются «антисоциалистические выступления» в Польше, результатом которых становится введение в стране военного положения и обострение идеологического противостояния между «лагерем социализма» и остальными странами. В ноябре 1982 года уходит в мир иной Леонид Ильич Брежнев, пост Генерального секретаря ЦК КПСС занимает Юрий Владимирович Андропов. И практически сразу же из «верхов» пошли призывы к усилению ответственности, дисциплины, строгому соблюдению советского законодательства. По всей стране в рабочее время стали отлавливать тунеядцев и прогульщиков. На международной арене Президент США Рональд Рейган назвал СССР «империей зла» и пригрозил противостоять коммунизму на всех фронтах, включая даже космическое пространство:

«Не стояли звери около двери...»

программа стратегической оборонной инициативы, - тут же названная в прессе «звездными войнами», - была декларирована именно весной 1983 года.

На фоне этого «дисциплинарного энтузиазма» внутри страны и резкого обострения идеологического противостояния во всем мире клубы любителей фантастики казались пришельцами с другой планеты. Станным образом они продолжали не просто существовать, но и росли, крепились, объединялись в межрегиональные структуры и проводили совместные мероприятия.

Так, в Свердловске в 1981 году зародился фестиваль фантастики «Аэлита», получивший всесоюзный резонанс. Изначально учредителями мероприятия выступали редакция журнала «Уральский следопыт» и Свердловское отделение Союза писателей РСФСР. Но это вовсе не значит, что местные партийно-комсомольские органы были совсем уж в стороне от этого творческого процесса. Официальный статус журнала «Уральский следопыт» в начале 1980-х годов обозначался следующим образом: «литературно-художественный научно-популярный ежемесячный журнал для детей и юношества; орган Союза писателей РСФСР, Свердловской писательской организации и Свердловского обкома ВЛКСМ». А раз журнал числится по разряду органа прессы свердловской комсомолки – значит, и все фестивали «Аэлиты» были согласованы с местным городским и областным комитетами комсомола. Разумеется, о таком массовом мероприятии не мог не знать и Свердловский обком КПСС, который курировал «племя младое» и которым руководил в начале 80-х годов Борис Николаевич Ельцин.

Президиум Добровольного общества книголюбов РСФСР на своем заседании 17 августа 1982 года принял решение о создании научно-методического совета по пропаганде научно-фантастической литературы, в состав которого вошли известные писатели, ученые, критики и активисты-книголюбы. Председателем Совета был

«Не стояли звери около двери...»

избран Аркадий Стругацкий, заместителем председателя - Вл. Гаков (Михаил Ковальчук).

С этого момента КЛФ перестали быть только «самодеятельностью» любителей фантастики. Теперь они начали получать организационную поддержку от Добровольного общества книголюбов. По данным на начало осени 1982 года общее число КЛФ в стране превысило полсотни. В течение года состоялись четыре семинара советских клубов любителей фантастики: в Перми, Ростове-на-Дону, Свердловске, Калининграде, организованных обкомами ВЛКСМ и областными организациями Всероссийского добровольного общества любителей книги.

Жизнь в КЛФ бьет ключом. На заседаниях клубов проводятся презентации книг, звучат критические выступления, делаются библиографические обзоры, пишутся статьи по истории научной фантастики. Творчество молодых фантастов прорывается и на страницы региональных газет. Так, материалы пермского КЛФ «Рифей» публикует местная газета «Молодая гвардия», волгоградского КЛФ «Ветер времени» - газета «Молодой ленинец», хабаровского КЛФ «Фант» - газета «Молодой дальневосточник», калининградского КЛФ «Альфант» - газета «Калининградский целлюлозник» и др. Члены клубов любителей фантастики даже начинают выступать с докладами и обзорами на фабриках и заводах, в школах и библиотеках. Пожалуй, наиболее активен был в этом отношении КЛФ в Перми:

«В Пермской области об областном «Рифее» знают многие. И дело не только в интенсивности пропаганды (материалы о нем появляются в семи (!) газетах области), а в активности, так сказать, «разъездной». Школы, институты и университеты (не только свой, пермский, но даже и дальний - кемеровский), ПТУ, педучилище. Дома культуры заводов и фабрик, кинотеатры и редакции газет, даже медсанчасть! Где только не побывали «рифейцы», с гордостью называющие свой клуб областным! Существуют филиалы клуба в Березниках,

«Не стояли звери около двери...»

Чусовом, Краснокамске, Кудымкаре, Чайковском. «Рифей» выезжал в Верещагино, Лысьву, Соликамск...»

Но постепенно социалистическое государство начинает просыпаться и обращает свой взор и на фантастику в целом, и на клубы любителей фантастики.

23 февраля 1983 года коллегия Государственного Комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли принимает решение «О мерах по дальнейшему улучшению выпуска литературы по научной фантастике». Советским фантастам, в принципе, было не привыкать к критическим стрелам из партийных «верхов», но впервые предпринимается попытка «обуздать» и ввести в строгие рамки сам процесс издания произведений фантастического жанра в Советском Союзе. Главная причина этой «новой политики» - растущий разрыв между требованиями коммунистической агитации и пропаганды и реальными произведениями многих советских фантастов. В тексте решения Госкомиздата особо подчеркивается:

«Отдельные произведения не имеют четкой идейной направленности. Так, в ряде рассказов, опубликованных в сборниках «Научная фантастика» (НФ) №№ 21-25 («Знание», 1979-1981 гг.), повествуется о жизни людей на других планетах, но при этом речь идет о «человеке вообще», без какой-либо социальной его ориентации. Чрезмерная увлеченность общегуманными проблемами, когда будущее отрывается от настоящего и недооценивается глубокое различие двух социально-экономических систем, приводит авторов отдельных произведений к туманной концепции человека будущего.

Нечеткостью социальных позиций страдают произведения некоторых весьма опытных и известных писателей-фантастов. Это относится к отдельным работам А. и Б. Струтацких. В частности, в повести «Пикник на обочине» («Молодая гвардия», 1980 год) проявляется настроение социального пессимизма. Исключив из сферы противоборства Человека и Непознанного приметы социализма, подлинного творца

«Не стояли звери около двери...»

истории - передовой социальный класс, ее авторы невольно оказываются проводниками идеи некоего чуда, полной непостижимости итогов прогресса».

Раз имеется «идейный уклон», то его нужно ликвидировать на корню. Поэтому решение Госкомиздата СССР требует:

«В целях улучшения выпуска научно-фантастической литературы считать целесообразным, чтобы ее издание было сконцентрировано в центральных издательствах («Молодая гвардия», «Знание», «Радуга», «Мир»).

Установить, что решение об издании книг научно-фантастического жанра в других центральных издательствах принимается в каждом отдельном случае Госкомиздатом СССР».

Разумеется, при таком подходе «идеологически незрелой и вредной литературе» был теперь полностью перекрыт путь к советскому читателю.

Но и этот чиновничий удар по советской фантастике практически не отразился на росте численности и активности КПФ в стране. Оставались еще газетные и журнальные публикации, ходил по рукам «самиздат» и изданные в зарубежье книги. Клубы любителей фантастики продолжали активно работать. В феврале 1984 года даже достаточно «консервативный» литературоведческий журналы «Литературное обозрение» предоставил свои страницы участникам движения любителей фантастики.

Как правило, информация из областных комитетов КПСС обо всех местных идеологических мероприятиях уходила «наверх», в республиканские и всесоюзный ЦК партии. Там информация тщательно фиксировалась и изучалась отделами по агитации и пропаганде. В ЦК КПСС соответствующий отдел с 1982 по 1985 год возглавлял Борис Иванович Стукалин, который курировался секретарем ЦК КПСС Михаилом Сергеевичем Горбачевым (кроме этого идеологическими вопросами - наука, образование, культура, спорт,

«Не стояли звери около двери...»

средства массовой информации - занимался еще и секретарь ЦК КПСС Михаил Васильевич Зимянин). К весне 1984 года «отдел Стукалина» располагал уже обширной информацией о деятельности клубов любителей фантастики по всему Советскому Союзу. И пока эта деятельность не слишком тревожила партийных чиновников.

По линии Комитета государственной безопасности СССР тоже особых претензий к клубам не было – во всяком случае, по состоянию на сегодняшний день отсутствует информация по факту политических репрессий в отношении отечественных фантастов и любителей фантастики в 1980-1983 годах. Да, многие из написанных книг было невозможно издать в СССР, но открытой или скрытой травли советских фантастов не было. За чтение фантастического «самиздата» можно было нажать неприятности, пожалуй, только в случае «связки» с какой-то другой деятельностью, которая в тогдашних реалиях СССР признавалась незаконной, антисоветской и антисоциалистической.

Однако весной 1984 года ситуация резко изменилась. Советское руководство вдруг по-иному взглянуло на всю структуру КПФ, и практически открыто выступило против «клубной вольницы».

Что же случилось?

В феврале 1984 года умер Юрий Владимирович Андропов, и 13 февраля 1984 года новым Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Константин Устинович Черненко. Всем было ясно, что «новый старый генсек» долго не протянет, а это значит, что на смену ему придет более молодой товарищ по партии. В КПСС было не принято заранее называть фамилию потенциального преемника главного партийно-государственного лидера. Поэтому за кремлевскими кулисами началась тайная схватка за будущую власть: победитель получал все, проигравший навеки изгонялся с политического Олимпа.

И вот на этом фоне борьбы бульдогов под политическим ковром произошло событие, которое

«Не стояли звери около двери...»

могло бы при определенном раскладе существенно ослабить претензии на власть одной из сцепившихся в драке за «партийную папаху» группировок. Весной 1984 года в журнале «Техника-молодежи» началась публикация сокращенного варианта романа Артура Кларка «Одиссея-2010».

Казалось бы, где фантастика, а где политика и внутрипартийные интриги. Какая может быть между ними связь? Однако не будем спешить с выводами.

Еще в 1982 году Артур Кларк посетил СССР и встречался, в частности, с главным редактором журнала «Техника-молодежи» Василием Захарченко. Тогда в общих чертах и была достигнута договоренность о публикации в «Технике-молодежи» нового романа Кларка «Одиссея-2010».

Позднее Василий Захарченко писал:

«После подготовки романа к публикации в пригодном для печати варианте материал был заслан в набор и отправлен в Главлит, где текст читали А.Харламова, Н.Глазатов и П.Зорин. Нам предложили убрать эпизод с неудачным полетом китайского корабля, а также небольшую любовную сцену американского космонавта с советской космонавткой. В связи с развитием советско-американских отношений начало печатания романа было перенесено на месяц - с января на февраль 1984 года».

12 декабря 1983 года февральский номер журнала «Техника-молодежи» был сдан в набор, и 23 февраля 1984 года подписан в печать – с некоторым опозданием (так, например, № 1 за 1984 год был подписан в печать 10 января 1984 года). Опоздание возникло из-за того, что потребовалось срочно опубликовать в этом номере «эпохальное» решение Пленума ЦК КПСС об избрании нового генсека партии Константина Черненко. И – какое роковое совпадение! - в том же номере началась публикация нового произведения Артура Кларка. К публикации романа Кларка от редакции журнала даже

«Не стояли звери около двери...»

был сделан вполне благожелательный текстовый «подвод».

Как только журнал увидел свет, в адрес ЦК ВЛКСМ и, очень возможно, одновременно в ЦК КПСС отправились анонимные письма. Как видно из публикации в журнале «Техника-молодежи» № 5 за 1990 год, «в архиве ЦК ВЛКСМ имеется лишь документ-аноним». Приведем его здесь полностью:

«Тов. Мишину В.М. (Мишин Василий Максимович – первый секретарь ЦК ВЛКСМ в то время – С.Ч.).

К вопросу об ошибочной публикации в журнале «Техника - молодежи»

1. Как показывает анализ, ошибочная публикация в журнале «ТМ» стала возможной, помимо прочих причин, из-за неполного учета гл. редактором издания мнения других работников, прежде всего членов редколлегии. Роль последней была значительно снижена, руководитель журнала мало занимался воспитанием у сотрудников самостоятельности, ответственности, слишком многое замыкал на себя. В итоге нередко даже по спорным вопросам сотрудники чересчур передоверялись гл. редактору. Думается, это неправильный стиль руководства и необходимо повышать в работе наших изданий значение коллективных начал, весомость позиции редколлегии.

2. Удивляет, что ни бывшего гл. редактора журнала, ни второе лицо, имевшее доступ к полному тексту романа А.Кларка, - чл. редколлегии журнала и переводчика произведения т. М.Пухова всерьез не насторожило, что роман, помимо А.Леонова, посвящен также А.Сахарову, что в тексте встречается целая страница, посвященная последнему, явно антисоветского характера. Кроме того, в произведении есть язвительные измышления вокруг слова «товарищ», утверждается, что в СССР оно давно уже снято из употребления и вместо этого используется слово «братец» или «дружок» - по выбору. Немало и других внеклассовых, асоциальных пассажей типа: «не стал бы он посещать

«Не стояли звери около двери...»

многочисленные заводы, фабрики, тюрьмы, больницы,... ипподром, орган в Беверли Хиллс, овальный кабинет Белого Дома, Архивы Кремля, библиотеку Ватикана». Все это свидетельствует об очевидном притуплении политической бдительности у ответственных лиц, неумении дать точную оценку содержанию произведения в контексте современной идеологической борьбы. И, конечно, это прежде всего должно идти от руководителей изданий, их первых лиц.

В связи с этим есть настораживающие моменты.

Не так давно гл. редакторы изданий были проинформированы о письме Главлита, содержащем отдельные замечания по работе журналов. К сожалению, некоторые товарищи несамокритично отнеслись к замечаниям в адрес изданий, не сделали правильных выводов, вступили, несмотря на предупреждение о конфиденциальном характере разговора, в выяснение отношений с работниками Главлита.

Стало едва ли не правилом, что разговор, который ведется на Секретариате и Бюро ЦК, становится затем предметом обсуждения чуть ли не с каждым литературным сотрудником. Надо ли еще раз напоминать о том, что есть служебная тайна, есть комсомольская и партийная этика».

По некоторым нюансам, имеющимся в самом тексте анонимного обращения, можно предположить, что написавший его – член редакционной коллегии журнала, член Коммунистической партии и, возможно, работник Главлита или его близкий знакомый. Скорее всего, замышлялась некая карьерная интрига. Ведь редактору «Техники-молодежи» Василию Захарченко в 1984 году было уже 69 лет. Он занимал пост редактора журнала с 1949 года - то есть тридцать пять лет, половину своей жизни на тот момент! Видимо, кому-то из членов редколлегии очень хотелось оказаться в редакторском кресле, скомпрометировав редактора-ветерана.

«Не стояли звери около двери...»

Василий Захарченко в том же 1984 году, в апреле, писал в своей объяснительной записке в адрес ЦК ВЛКСМ:

«После публикации в № 2 выяснилось, что экипажу советских космонавтов в романе даны фамилии группы антисоветски настроенных элементов, привлеченных к уголовной ответственности за враждебные действия.

Ни я, как главный редактор, ни переводчики, ни члены редколлегии в процессе подготовки рукописи не знали о факте совпадения фамилий.

Данная публикация появилась в журнале в результате двуличия автора, который после заверений, выражения симпатии к народу и нашей стране гнусным образом ввел всех нас в заблуждение.

Встретившись на страницах романа с советскими космонавтами и безоглядно веря в «дружеские» чувства автора к советскому народу, мы не перепроверили их фамилии, нам неизвестные в негативном качестве».

С позиций сегодняшнего дня нам трудно представить размах скандала: во-первых, публикация «антисоветского» романа Артура Кларка началась в том же номере журнала, в котором было опубликовано и сообщение об избрании нового генсека Константина Черненко. Во-вторых, просочившиеся к советскому читателю фамилии «космонавтов-диссидентов» прозевали не только многоопытный редактор «Техники-молодежи» Василий Захарченко и переводчик романа писатель-фантаст Михаил Пухов, но и цензоры Главлита А.Харламова, Н.Глазатов и П.Зорин!

Впрочем, стоит ли удивляться? Разве о диссидентах часто писали на страницах советских газет, разве о них сообщали хоть какую-то информацию советские радио и центральное телевидение? В сфере профессиональных и личных интересов Василия Захарченко и Михаила Пухова никогда не было никакой политики и никаких диссидентов. А цензоры Главлита Харламов, Глазатов и Зорин были обычными

«Не стояли звери около двери...»

государственными чиновниками, которым в силу пресловутой «секретности информации» не положено было знать о чем-то, выходящем за пределы их профессиональной компетентности, - даже внутри охранительных структур советского режима информационные потоки были дозированы и нормированы. В истории с публикацией романа Артура Кларка на страницах массового и очень популярного журнала советская система секретности и государственной безопасности сама наступила на собственный длинный хвост.

Дополнительную «изюминку» в скандал добавляло то, что почти год назад - в июне 1983 года - на пленуме ЦК КПСС именно Константин Черненко выступил с докладом «Актуальные вопросы идеологической и массово-политической работы партии». В нём Константин Устинович отметил всё больший формализм идеологической работы, её всё более слабые связи с реальной ситуацией, недостаточный уровень подготовки партийно-идеологических и управленческих кадров. Эти изъяны Черненко адресовал и комсомольским, и профсоюзным структурам. Публикация романа Кларка с фамилиями «диссидентов-космонавтов» явилась яркой иллюстрацией к выводам новоизбранного генсека – «идеологический противник пробрался в журнал с тиражом более полутора миллионов экземпляров!» - и требовала немедленной реакции партийного аппарата. Виновные должны были понести строгое наказание.

Но в начале марта 1984 года редактор Василий Захарченко еще не подозревал, какие неприятности ждут его в самом ближайшем будущем. 12 марта 1984 года им был подписан в печать номер 3 за 1984 год журнала «Техника-молодежи», в котором продолжалась публикация романа Кларка.

Анонимный «сигнал» из редакции «Техники-молодежи» пошел в партийно-комсомольские «верха» в период с 23 февраля по 12 марта 1984 года. Пока в ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ на него отреагировали, к читателям

успели проскочить две публикации романа Кларка на страницах «Техники-молодежи». Видимо, о «стук» анонимного доброжелателя и разразившемся вокруг публикации в «Технике-молодежи» скандале было доложено непосредственно секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачеву, который курировал в то время в партийных верхах вопросы идеологии. Горбачев немедленно дал указание «разобраться». Колесо закрутилось, в движение пришли отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС во главе с Борисом Стукалиным и ЦК ВЛКСМ. С сотрудниками журнала «Техника-молодежи» были проведены соответствующие «беседы» и взяты их объяснительные записки по факту публикации.

А уже 19 марта 1984 года на свет появилась записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС «О серьезных недостатках в деятельности клубов любителей фантастики». Партийные чиновники дождались повода ударить по клубам любителей фантастики. Собственно об «ошибке» руководства журнала «Техника-молодежи» в самой записке говорится очень мало – буквально несколько слов. Зато по КЛФ наносится мощный идеологический удар. Прочитируем текст записки со своими комментариями:

1. «У руководства некоторых клубов стоят люди, не имеющие ни соответствующих знаний, ни правильной политико-идеологической ориентации. Многие клубы создаются стихийно и действуют бесконтрольно. В них нередко изучаются произведения фантастики американских, английских, французских и других зарубежных авторов, в которых социальные проблемы трактуются в духе воззрений буржуазных философов» (то есть КЛФ фактически уличают в распространении чуждых социалистическому обществу идей из «мира капитала» – С.Ч.).

2. «В отдельных клубах практикуется перевод зарубежных книг, не издаваемых в СССР, наблюдаются случаи размножения и перепродажи этой литературы. Участники клубов создают собственные произведения

«Не стояли звери около двери...»

фантастики, причем во многих случаях низкого идейно-художественного уровня. Часть из них публикуется в местной молодежной печати» (то есть уже есть и факт переводов, нелегального издания и распространения идеологически вредной литературы в «самиздате». Более того, уже появились и собственные пишущие «всякую антисоветчину» авторы – «ростки будущих солженицыных» - С.Ч.).

3. «В нарушение положения о любительских объединениях городские клубы фантастики организуют свои филиалы в учебных заведениях, библиотеках, направляют в другие клубы различные материалы, выпускают рукописные журналы, информационные бюллетени. Без разрешения органов культуры они проводят диспуты, тематические вечера и спектакли на фантастические темы в крупных залах, школах, пионерских лагерях. Вообще «выходу в массы», за пределы клуба, уделяется много внимания. Такая, задача сформулирована в большинстве программ и уставов клубов, об этом постоянно пишется на страницах ряда комсомольских журналов и газет. Особую активность проявляют журналы «Техника – молодежи», «Литературное обозрение» и «Уральский следопыт» (г. Свердловск)» (вот уже и до журналов добрались партийные чиновники, вот уже усмотрели в деятельности КЛФ и нарушения действующего законодательства! – С.Ч.).

4. «Имеет место попытка клубов любителей фантастики уйти из-под контроля Органов культуры, профсоюзов и комсомола, вести свою работу без их ведома. По этой причине материалы, рассылаемые в другие клубы, часто направляются на домашние адреса, перечень которых постоянно публикуется в молодежных газетах и журналах. Не случайно иногда указывается и такой адрес для переписки: «Главпочтамт. До востребования» (а вот это уже слегка завуалированное обвинение в создании некой тайной структуры вне зоны

«Не стояли звери около двери...»

контроля не только КПСС и ВЛКСМ, но и некоторых государственных органов – С.Ч.).

5. «Некоторые руководители «фэн-клубов» ведут переговоры о создании единого в стране методического центра, намереваясь сделать его самостоятельным. Так, в письме без подписи, разосланном во многие клубы, говорится: «Существует неприятная возможность навязывания съезду необходимости утвердить объединение КЛФ под лозунгами хоть и неплохими, но исходящими не от самих КЛФ, что означает подмену живого энтузиазма фэнов энтузиазмом казенным (энтузиазмом Павки, энтузиазмом нынешнего комсомольца)» (а вот это уже практически прямое обвинение КЛФ в создании некой идеологической «некоммунистической альтернативы» – С.Ч.).

Далее в записке следуют выводы:

«Рекомендовать ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам КПСС, Министерству культуры СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Минвузу СССР, Минпрому СССР, Госпрофобру СССР, Союзу писателей СССР, Всесоюзному добровольному обществу любителей книги:

- рассмотреть деятельность клубов любителей фантастики, устранить имеющиеся в их работе недостатки (то есть взять их фактически под свой контроль – С.Ч.);

- отстранить от руководства клубами людей, идейно незрелых, нарушающих Положение о клубах по интересам и любительских объединениях. Распустить те клубы любителей фантастики, деятельность которых наносит вред воспитанию молодежи (а это невозможно сделать без репрессивных мер в адрес организаторов КЛФ и насыщения клубов лояльными КПСС и ВЛКСМ функционерами – С.Ч.);

- осуществить меры, исключаящие нарушение клубами установленного порядка выпуска и распространения бюллетеней и других информационных

«Не стояли звери около двери...»

материалов (то есть взять под контроль всю «самиздатовскую» деятельность клубов - С.Ч.);

- определить, что клубы любителей фантастики могут проводить массовые мероприятия, семинары только под руководством органов культуры и профсоюзов» (фактически запрет независимых от партийно-комсомольских структур КЛФ – С.Ч.).

Фактически в «Записке» за подписью партийного чиновника Стукалина произведено смещение акцентов от частной «проблемы» - публикации «антисоветского» романа Артура Кларка в журнале «Техника-молодежи» - к глобальному идеологическому обобщению, которое чревато неприятностями для всех любителей фантастики и их клубов. На каком основании, спрашивается, сделано такое «обобщение проблемы»? А просто в «Технике-молодежи» публикация фантастики издавна шла в разделе «Клуб любителей фантастики». Тут КЛФ, там тоже КЛФ – все это одна шайка-лейка! Вот и найден повод для удара по всем КЛФ! Вот и дерзают «партийные умы»!

Роман Кларка, разумеется, к тому времени с публикации в «Технике-молодежи» уже был снят. 28 марта 1984 года подписан в печать № 4 за 1984 год журнала без очередной части романа.

Видимо, на Западе прознали о разразившемся в СССР «фантастическом скандале». И стали умело подливать масла в огонь. Так, журналист Роберт Жиллет в газете «Интернэшнл геральд трибюн» от 28 марта 1984 года публикует материал, который имеет смысл воспроизвести здесь полностью, дабы оценить всю степень его провокативности в реалиях тогдашнего Советского Союза:

«Космонавты-диссиденты благодаря цензорам совершают полет на страницах советского журнала.

Москва. Советские диссиденты, которым редко удается посмеяться в этой торжественно-формальной стране, сегодня могут похихикать над шуткой, которую

«Не стояли звери около двери...»

сыграл с правительственными цензорами известный английский писатель-фантаст Артур Кларк.

Эта кажущаяся шутка - «маленький, но элегантный троянский конь», - как ее окрестил один из диссидентов, заключена в романе А. Кларка «2010: Вторая Одиссея». Книга представляет собой продолжение известного романа Кларка и фильма, поставленного режиссером Стэнли Кубриком, «2001: Космическая Одиссея».

Русские являются одними из самых преданных почитателей научной фантастики в мире. Имея это в виду, один советский научно-популярный журнал в последнем вышедшем в свет номере начал публикацию сокращенного варианта романа Кларка в русском переводе и собирается продолжить ее в последующие месяцы.

Проделав это, журнал «Техника - молодежи» отошел от враждебной линии в отношении США, которой придерживается вся советская официальная пресса, даже освещающая вопросы литературы.

Фамилии всех вымышленных космонавтов в романе в действительности соответствуют фамилиям известных диссидентов. Шестеро из семи в настоящее время отбывают наказание в исправительно-трудовых лагерях или находятся в ссылке на поселении за свою деятельность в защиту прав человека. В соответствии с жесткими предписаниями цензуры их имена редко упоминаются в централизованно контролируемой советской прессе и то только лишь для официального осуждения.

«Несомненно, это удивительное совпадение», - заявил один из московских активистов еврейского движения за права человека. Он, а также другие отмечали, что ежемесячный тираж журнала «Техника - молодежи» составляет 1,7 миллиона экземпляров и что этот журнал окажется в затруднительном положении даже в случае, если совпадение семи фамилий было случайным.

«Не стояли звери около двери...»

Вместе с двумя американцами и индийским специалистом по компьютерам Кларк отправил в полет выдуманных героев-космонавтов с такими фамилиями, как Браиловский, Ковалев, Марченко, Орлов, Руденко, Терновский и Якунин.

Имена, а в некоторых случаях и пол персонажей в книге отличаются от имен и пола реальных правозащитников. В книге нет политических расхождений между персонажами - русскими. Тем не менее космонавты являются однофамильцами:

- Виктора Браиловского - специалиста по компьютерам, одного из ведущих еврейских активистов, который должен выйти на свободу в этом месяце после трех лет ссылки в Средней Азии;

- Ивана Ковалева - инженера и основателя распушенной в настоящее время «Хельсинкской группы по наблюдению за правами человека». Он отбывает семилетнее заключение в трудовом лагере;

- Анатолия Марченко - сорокашестилетнего рабочего, который провел 18 лет в лагерях за политические выступления, а в настоящее время отбывающего срок, который заканчивается в 1996 году;

- Юрия Орлова - еврейского активиста и одного из основателей «Хельсинкской группы». Известный физик Орлов завершил в прошлом месяце семилетний срок в трудовом лагере и отсидживает дополнительный пятилетний срок в сибирской ссылке;

- Леонида Терновского - физика, основавшего в 1976 году «Хельсинкскую группу» в Москве. Он отбыл трехлетний срок заключения в лагере;

- Миколы Руденко - одного из основателей «Хельсинкской группы» на Украине, который после семилетнего заключения в лагере должен быть освобожден в этом месяце и выслан на поселение;

- Глеба Якунина - священника Русской православной церкви, осужденного в 1980 году на пять лет лагерных работ и еще пять лет поселения по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации.

«Не стояли звери около двери...»

Все семеро, особенно Орлов и Браиловский, получили большую известность на Западе благодаря усилиям ученых и других людей, обеспокоенных нарушением прав человека в Советском Союзе. В связи с тем, что фамилии этих людей появляются в советской прессе так редко, заявил один из московских интеллектуалов, неудивительно, что редакторы журнала и официальные представители Главлита (государственного ведомства, занимающегося цензурой) не обратили внимания на эти фамилии.

В варианте романа, который вышел на Западе в прошлом году, Кларк проявил личный интерес к советским делам, касающимся прав человека. Он посвятил свою книгу советскому космонавту Алексею Леонову и физику-диссиденту Андрею Д. Сахарову - «ученому, лауреату Нобелевской премии, гуманисту».

Ну, и как при таких язвительных комментариях в зарубежной прессе, партийным чиновникам не ударить карающим мечом по всей структуре КЛФ? Какой шикарный повод! Целая всесоюзная организация с «антисоветским духом», с развитой организационной структурой! Проворонили, дорогие товарищи!

Рассмотрение записки Стукалина в партийных «верхах» состоялось 3 апреля 1984 года. Все ждали разгромного решения руководства ЦК КПСС, но неожиданно записка отдела вместе с приложенным проектом одноименного постановления Секретариата ЦК КПСС была возвращена после обсуждения на заседании Секретариата на доработку.

В чем дело, спрашивается? Почему сразу же не врезали «со всей коммунистической принципиальностью» по нарождавшемуся движению любителей фантастики?

Заседание секретариата вел Михаил Горбачев. А заведующий отделом Борис Стукалин считался человеком его конкурента в борьбе за пост Генерального секретаря ЦК КПСС - Георгия Васильевича Романова. Если бы у идеолога партии Горбачева «под носом»

«Не стояли звери около двери...»

обнаружилась массовая «неформальная» общественная организация с якобы «антисоветскими целями», - это был бы серьезный повод бросить «черный шар» в «горбачевский огород»: «Куда тебе, Миша, в генсеки, если ты на своем поле – в области идеологии и пропаганды - толком разобраться не можешь?». Видимо, Горбачев и его сторонники в высших эшелонах власти как-то учуяли этот подвох. Потом инициатор «перестройки» припомнит оппонентам и аппаратный фортель, и интригу: в марте 1985 года Горбачев станет генсеком, а уже в апреле вылетит из Политбюро ЦК КПСС его конкурент Георгий Романов и в июне Борис Стукалин отправится в почетную отставку – послом в Венгрию.

Но совсем не реагировать на «сигнал» Стукалина Горбачеву в марте 1984 года тоже было нельзя. Поэтому отмашка на репрессии в отношении независимых от партийно-комсомольских структур КЛФ все же была дана, но в смягченной форме. Параллельно, конечно, врезали и по редакции журнала «Техника-молодежи». Не сильно, но чувствительно.

И завертелось колесико!

Первыми встрепенулись комсомольцы. 9 апреля 1984 года была написана секретная «Служебная записка» отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ за подписью секретарей ЦК ВЛКСМ А.Колякина и В.Егорова. В ней констатировалось:

«Захарченко В.Д. не проявил бдительности и ответственности при решении вопроса о публикации романа. Он не придавал необходимого политического значения тому факту, что роман был посвящен автором, кроме космонавта А.Леонова, также А.Сахарову, не информировал об этом вышестоящие инстанции, не провел консультаций в компетентных органах. Обсуждение произведения не было предложено членам редколлегии. Произведение в полном объеме читали и произвели сокращения явно неприемлемого текста лишь два работника журнала: В.Д.Захарченко и член

«Не стояли звери около двери...»

редколлегии, редактор отдела научной фантастики М. Г. Пухов, осуществивший к тому же литературный перевод.

Не проявили принципиальности в оценке романа, не познакомились с его полным текстом, не поставили вопрос о дополнительных консультациях зам. гл. редактора Филатов Ю.Ф. и отв. секретарь журнала т. Евсеев Л.А.

Недостаточную компетентность проявили также ответственные работники некоторых заинтересованных ведомств. Передоверились авторитету, большому профессиональному опыту т. Захарченко В.Д., его ссылкам на проведенные консультации руководители Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ (т.т. Егоров В. К., Малютин В. А.)».

В резолютивной части секретной служебной записки предлагалось «рассмотреть вопрос об ошибочной публикации в журнале «Техника - молодежи» на заседании Секретариата ЦК ВЛКСМ с участием главных редакторов журналов ЦК ВЛКСМ».

Оперативно, уже на следующий день, 10 апреля 1984 года, состоялось заседание Секретариата ЦК ВЛКСМ с участием главных редакторов журналов ЦК ВЛКСМ. Секретарями ЦК ВЛКСМ (В.М.Мишин, А.Н.Колякин, И.И.Орджоникидзе, Д.А.Охромий, Ю.А.Дергаусов, Л.И.Швецова, В.К.Федосов) было принято постановление, в котором говорилось:

«1. Принять к сведению, что главный редактор журнала «Техника - молодежи» т. Захарченко В.Д. от занимаемой должности освобожден.

За серьезные недостатки в работе объявить СТРОГИЙ ВЫГОВОР члену редколлегии, редактору отдела научной фантастики журнала «Техника - молодежи» т. ПУХОВУ М.Г., за нарушение порядка подготовки рукописи к печати объявить ВЫГОВОР заместителю главного редактора т. ФИЛАТОВУ Ю.Ф., строго предупредить ответственного секретаря журнала т. ЕВСЕЕВА Л.А., учитывая непродолжительный срок его работы в данной должности.

«Не стояли звери около двери...»

2. Отделу пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ (т.т. Егоров В.К., Малютин В.А.) повысить ответственность главных редакторов центральных журналов за идейно-художественный уровень и качество публикаций. Давать принципиальную оценку фактам поверхностного, невзыскательного подхода к отбору материалов для печати, нарушений творческой и производственной дисциплины.

Обратить внимание главных редакторов периодических изданий ВЛКСМ, что публикация материала без предварительного обсуждения на редакционных коллегиях и, в необходимых случаях, официальных консультаций в компетентных органах является грубейшим нарушением порядка подготовки рукописей к печати.

3. Товарищам Колякину А.Н., Егорову В.К. решить вопросы укрепления редколлегии, коллектива редакции журнала «Техника - молодежи», в срок до 15 мая с. г. внести в ЦК ВЛКСМ предложения по резерву кадров руководителей центральных комсомольских изданий».

Как видим, комсомольцев вопрос о структуре КЛФ по всему Советскому Союзу вовсе не интересовал – партия еще не сказала своего «отеческого слова», чего же заранее суетиться? Да и не известно, куда еще все вывернет... А с «Техникой-молодежи» - это дело ясное. Тут нужна обычная «порка виновных» - и без особой публичности.

А в целом по клубам любителей фантастики в СССР отложенное решение по «записке Стукалина» было принято 16 апреля 1984 года:

«Выписка из протокола №148 заседания Секретариата ЦК КПСС.

Совершенно секретно

О серьезных недостатках в деятельности клубов любителей фантастики

1. ЦК КПСС отмечает, что в деятельности возникших в некоторых местах клубов любителей фантастики проявляется ряд негативных моментов.

«Не стояли звери около двери...»

Вследствие слабого контроля в них нередко пропагандируется западная фантастика, культивирующая буржуазную мораль и идеологию. Такого рода проявления недопустимы, они наносят вред воспитанию советской молодежи.

2. Поручить ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии. Министерству культуры СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ осуществить меры по упорядочению деятельности клубов любителей фантастики, нацеливая их на решение задач коммунистического воспитания молодежи, развитие интереса к науке, технике, формирование у нее непримиримости к буржуазной идеологии и морали, западному образу жизни.

3. Записку Отдела пропаганды ЦК КПСС по данному вопросу направить в ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы партии и соответствующие министерства и ведомства (прилагается)».

В тот же день, 16 апреля 1984 года, был переподписан в печать №4 за 1984 год журнал «Техника-молодежи» - уже тщательно идеологически выверенный и прилизанный.

26 апреля 1984 года подписан в печать №5 «Техники-молодежи» за 1984 год, из журнала исчезла фамилия главного редактора Василия Захарченко – он уже снят с должности, а новый редактор еще не назначен.

К читателям пришли четвертый, а потом и пятый номера журнала. Но романа Артура Кларка в нем нет! Исчезновение со страниц «Техники - молодежи» романа вызвало недоумение и возмущение тысяч почитателей фантастики.

Чтобы как-то «свести на нет» эту проблему, в №5 «Техники-молодежи» делается следующее разъяснение по роману Кларка:

«К сведению читателей.

В предыдущих номерах журнала публиковались отрывки из научно-фантастического романа А. Кларка «2010: Одиссея-2».

«Не стояли звери около двери...»

Для читателей, интересующихся дальнейшим развитием сюжета, сообщаем, что космический корабль «Космонавт Алексей Леонов» благополучно сближается с Ио - одним из крупных спутников планеты-гиганта, самым вулканически активным телом в Солнечной системе.

Участники экспедиции высаживаются на «Дискавери», восстанавливают его бортовые системы и отводят корабль на безопасное расстояние от Ио. Наконец они приступают к изучению оставленного внеземной цивилизацией между Ио и Юпитером загадочного «монолита». Внезапно тот опять на мгновение «приоткрывается», и из него вылетает какой-то светящийся объект. Это возвращается в Солнечную систему Дэвид Боумен, бывший командир «Дискавери», а ныне - посланец иной цивилизации, получивший от нее ряд новых способностей.

Боумен производит осмотр системы Юпитера, затем связывается с участниками экспедиции через бортовой компьютер «Дискавери» и, ничего не объясняя, передает предупреждение: они должны стартовать к Земле не позже чем через две недели.

В указанный срок необходимость этой поспешности перестает быть тайной. Юпитер превращается в новую звезду, во второе солнце нашей планетной системы и центр собственной семьи - спутников».

И это все!

Разумеется, такое «объяснение», напечатанное на одной из последних страниц журнала не устроило читателей. В редакцию стали поступать сотни писем с требованием возобновить публикацию романа, объяснить, почему ее прервали. Внятного ответа редакция так и не дала – не могла же «Техника-молодежи» публично признать, что космонавты в романе носят фамилии диссидентов?

«Не стояли звери около двери...»

Конечно, фактический запрет романа к публикации в СССР в 1984 году послужил для Артура Кларка и его «Одиссеи» даже некоторой дополнительной рекламой.

А в «Технике-молодежи» теперь принялись из осторожности дуть даже на холодную воду. Так, в №6 журнала за 1984 год уже имелась некая «идеологическая подводка» к юмореске фантастического содержания о западных недостатках и нравах – просто так, на всякий случай, чтобы партийно-комсомольские идеологи даже к этой публикации не придрались.

Что же касается самого Василия Захарченко, то к нему отнеслись достаточно мягко. В 1989 году С.В.Чумаков, который пришел в журнал на смену Захарченко из «Юного техника», писал:

«Даже в 1984 году это постановление было выполнено, к чести ряда членов Бюро ЦК, не полностью. В.Д.Захарченко не был «от занимаемой должности освобожден». Я лично после моего назначения в журнал в течение двух месяцев руководил «Техникой - молодежи», получая зарплату в «Юном технике». ЦК пошло на задержку назначения главного редактора в «Юный техник» ради того, чтобы иметь время на оформление персональной пенсии В.Д.Захарченко. Он с почетом ушел на заслуженный отдых. Василий Дмитриевич, как известно, со свойственными ему инициативой и энтузиазмом продолжает активно работать в комсомоле как организатор международных экспедиций аквалангистов».

Сам Василий Захарченко в том же 1989 году уточнил, какие именно репрессивные меры были к нему приняты:

«Я был немедленно освобожден от всех общественных должностей: председателя комиссии по международным культурным связям Советского комитета защиты мира, заместителя президента международного клуба журналистов, члена редсовета издательства «Молодая гвардия», члена редсовета

«Не стояли звери около двери...»

«Детгиза», члена редколлегии газеты «Московские новости» и др.

Было мгновенно остановлено «из-за утери бдительности» печатание моих книг, журнальных статей, выступлений по радио и телевидению.

Сейчас мне трудно передать все, что я пережил в результате беспрецедентной расправы и травли за «ошибки», которые кажутся сегодня смехотворными».

О публикации романа Артура Кларка в «Технике-молодежи» пытались забыть. В декабрьском номере за 1984 год журнала в перечень публикаций «Клуба любителей фантастики» за год роман вообще включен не был – чтобы лишний раз не мозолить глаза читателям, недовольным прерванной публикацией.

Только в августе 1989 года, уже с началом «перестройки», редакция «Техники – молодежи» и лично Василий Захарченко обратились в ЦК ВЛКСМ с просьбой отменить решение 1984 года по «антисоветской» публикации романа Артура Кларка. Постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ было отменено 9 января 1990 года.

Василий Захарченко отделался достаточно мягким наказанием. А вот за клубы любителей фантастики советское государство в лице партийных и комсомольских органов взялось всерьез. Правда, жесткость реакции в различных регионах страны партийных чиновников была разной. В некоторых городах ограничились формальными профилактическими беседами с руководителями клубов, а в некоторых республиках специальными постановлениями, дублирующими по своей сути документ из ЦК КПСС, требовали применения к «виновникам» решительных мер. Когда в Москве стригли ногти, в провинции зачастую отрубали пальцы.

Вспоминает Виталий Пищенко (Новосибирск):

«Руководство новосибирской «Амальтеи» пригласили в обком партии (помнится, ходили Михаил Михеев, Александр Бачило и я). Расспросили, взяли

«Не стояли звери около двери...»

почитать наши рукописные журналы (потом, естественно, вернули) и пожелали успехов. Всё, на этом «погром» завершился».

Ираклий Вахтангишвили:

«Было постановление! По Грузии я лично читал, и подписано оно было Эдуардом Шеварднадзе (руководитель Компартии Грузии в 1984 году – С.Ч.)! Такие вещи без указания из Москвы не делались! Там говорилось не о закрытии клубов, а о более жёстком контроле над ними, а каждый реализовывал на местах, как умел...»

Я читал именно постановление ЦК КП Грузии, принятое на заседании именно этого органа. Этот документ попал мне в руки по глупости председателя Общества Книголюбов республики, ибо на нем стоял гриф «ДСП» (для служебного пользования – С.Ч.) и «вернуть в трёхдневный срок». Я говорю о том, что сам видел и читал!»

Во многих городах сразу же были перекрыты все возможности выхода клубов любителей фантастики в средства массовой информации. Вспоминает писатель Павел Амнуэль, живший в те годы в Баку:

«Когда первая передача (о фантастике – С.Ч.) была снята и смонтирована, вышло известное постановление ЦК о клубах фантастики.

Начальство долго колебалось - пускать ли передачу в эфир. В конце концов, пустили в рабочий день (точнее - ночь) в начале первого. К тому времени была уже снята, но еще не смонтирована вторая передача. Эту пленку попросту размагнитили. На том вся затея с телевидением и закончилась».

Роман Арбитман (Саратов):

«Партийная газета «Коммунист» опубликовала статью «По обочине» с осуждением полосы «Клуб любителей фантастики» в железнодорожной многотиражке. Редактор получил выговор. Полосу прекратили. На три года фамилия «Арбитман» исчезла со

«Не стояли звери около двери...»

страниц этой газеты. Думаю, в большинстве КЛФ были похожие истории...»

Вспоминает бессменный (с 1977 года!) председатель клуба любителей фантастики в Ростове-на-Дону Михаил Якубовский:

«Клуб «Притяжение», по сути, разогнали. Партийные боссы рассуждали примерно так: ну и зачем собираются эти странные люди? С какой целью? Ездят по всей стране на собрания, причём за свой счёт, объединены общей идеей... Неужели антисоветчина?! Помню, как нас проверяли нынешние не последние в городе люди. Однажды я специально подготовил доклад под названием «Фантастика революции». Беспроигрышный вариант! Проверяющий к нам претензий вроде не имел. Казалось, проникся нашим увлечением. Но потом один большой писатель обвинил «Притяжение» в недостаточной политической зрелости и в 1984-м клуб прекратил существование на целых три года» (газета «Вечерний Ростов», № 10-11, 20 января 2012 года).

Позднее Михаил Якубовский дополнил свои воспоминания о гонениях на КЛФ во второй половине 1984 года:

«Наш клуб, скажем, не был формально ликвидирован. Просто пригнал любимый комсомол три десятка активных «любителей приключений», и клубу фантастики сменили направление работы. И все меры, которые там рекомендуются (в документах ЦК КПСС – С.Ч.), были к «Притяжению» приняты. Занимался этим отдел культуры обкома КПСС. Были и вызовы в парткомы по месту работы и учёбы, и попытки увольнения, и увольнения.

Наш клуб был при Обществе книголюбов. В 1984 году меня и Сергея Битюцкого вызвали в областное правление и строго предупредили о категорическом запрете участия в «Аэлите-84». Билеты на самолёт мы уже взяли, фамилии известны. Угроза была проста: закрытие клуба. Пришлось сдать, что не спасло

«Не стояли звери около двери...»

«Притяжение» от фактического разгона в ноябре того же года».

В марте 1988 года журналист С.Симеок в газете «Комсомольская правда» изложил некоторые подробности разгона ростовского клуба «Притяжение» осенью 1984 года:

«Секретаря городского общества книголюбов В.Г.Гречко пригласили на бюро горкома партии, после чего общество книголюбов провело заседание и постановило: клубу «Притяжение» переписку прекратить, чтение западной фантастики сократить, провести встречи по Продовольственной программе и школьной реформе.

В 1984 году зачастили комиссии. Из ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов – С.Ч.), горкома комсомола, общества любителей книги РСФСР, из Министерства культуры. Комиссии требовали справки о работе, сами что-то писали, но никому в клубе не показывали. Пришел человек «сверху», посидел на занятиях, сказал «Все хорошо», и ушел.

Вскоре потребовали переписку. Всю, за все годы.

Пришел другой человек «сверху». Прослушал лекцию «Фантазия, рожденная революцией». Ничего не сказал.

Вскоре потребовали список членов клуба с указанием места работы. Членов клуба стали вызывать в кабинеты. Спрашивали: «А не говорите ли вы там что-нибудь этакое?» И советовали: «Ты больше туда не ходи». Многие испугались и советам вняли.

Чтобы закрыть клуб, неплохо бы объяснить конкретные причины, но, оказывается, необязательно. Торжество закрытия и без этого прошло элегантно и демократично. На очередное заседание обреченного клуба пришел секретарь городской организации общества книголюбов В.Г.Гречко, с ним представитель горкома комсомола и еще тридцать человек - якобы члены клуба любителей приключений, который якобы

«Не стояли звери около двери...»

существовал при горкоме ВЛКСМ. Накрыли стол красным и перешли к голосованию. Сначала решили очистить клуб от тех читателей, кто еще и пишет фантастику (в «Притяжении» почти все). Проголосовали за то, чтобы они впредь посещали литературное объединение «Дон». Тридцать человек (пришедшие) проголосовали «за», семнадцать человек («Притяжение») – «против». Тот, кто не пишет, должны были составить новый клуб любителей приключений и научной фантастики. Тем же соотношением голосов выбрали и нового председателя. «Нового» спросили, чем он собирается заниматься в клубе. Новый сказал, что собирается оправдывать доверие. Клуб стал работать по плану. 1. Лекция о международном положении. 2. Лекция о происках ЦРУ. И через полгода новый председатель на вопрос: «Чего один-то сидишь?» смог только пожаловаться: «Горком комсомола не обеспечил явку».

Вспоминает Андрей Чертков, который в 1984 году учился на историческом факультете Николаевского педагогического института и активно участвовал в деятельности местного клуба любителей фантастики:

«В 1983-1984 годах между клубами велась активная переписка, весной 1984 года эта переписка резко прекратилась, и два года на почтовом фронте вообще было полное затишье, и только с 1986 года начались робкие попытки восстановить старые связи. До 1984 года в стране было уже около сотни клубов, многие из них, судя по всему, в 1984 году прекратили свое существование и не возобновляли свою деятельность. Клубных активистов выгоняли из комсомола и из партии с последующими проблемами на работе, и это не единичный факт.

В апреле 1984-го после десятка допросов во время госэкзаменов зажали меня так, что был такой момент, когда я сидел на крыше нашей 9-этажной общаги, свесив ноги, и думал, что жизнь кончилась, потому что завтра меня обещали отправить в камеру и устроить обыск у моих партийных родителей в Севастополе. Я чудом

«Не стояли звери около двери...»

удержался на краю, не сделал этот шаг, а потом как-то пронесло, давление снизили и в камеру не посадили. Но это вполне могло бы быть. И поэтому шуточки по поводу 84 года я воспринимаю не так, как другие.

...Я ничем не торговал, только сам печатал переводы, сам переводил, редактировал и менялся по почте, и занимался этим едва ли год; ну, еще кое-что купил для себя (увы, ничего не сохранилось)... Но «незаконный промысел» мне пришить так и не смогли, хотя и хотели... Меня месяц допрашивали раз в 2-3 дня, при этом я параллельно готовился и сдавал госэкзамены - и даже сдал их прилично, с одной лишь тройкой (кажется, по политэкономии или по научному коммунизму, не помню точно). Да, у нас в Николаеве явно тоже готовили показательный процесс, и для них в клубе явно кто-то стучал, как я понял в процессе допросов, или кого-то они прокрутили через свою мясорубку раньше меня, но этот кто-то, в отличие от меня, не предупредил товарищей... А потом, в какой-то момент, их явно что-то отвлекло, допросы прервались на неделю (а я всё сдавал и сдавал экзамены), и потом они решили ограничиться комсомольским собранием с исключением «из партии» (из комсомола), разоблачительной статьёй в газете, но не стали добивать меня до конца, и я даже получил диплом, - но втихую, в ректорате, а не на выпускном вечере... Но почему это так произошло, я не знаю».

Что касается упомянутой Андреем Чертковым «разоблачительной» статьи - публикации некоего Н.Шпаковского в николаевской газете «Южная правда» от 30 июня 1984 года, - то в ней, как в зеркале, хорошо отражаются методы работы тогдашней партийно-идеологической репрессивной машины. Сначала следует удар «по площадям» - в целом по всему клубу любителей фантастики, информация о котором подается в заведомо уничижительной и оскорбительной форме:

«КЛФ «Арго». Это не моторная лодка, не мопед новой модификации и даже не стиральный порошок, а

«Не стояли звери около двери...»

клуб любителей фантастики - общественная организация, о которой мало кто знал, ибо заметных и полезных действий за ней не наблюдалось. «Арго» - дитя городской организации общества любителей книги. Оно родилось от чрезмерной любви отдельных членов этого общества к НФЛ - научно- и ненаучно-фантастической литературе. Отцы справили дитяте родины, радуясь, что отныне можно отчитываться о наличии клуба читательских интересов, и подбросили свое недоношенное чадо в Дом культуры железнодорожников. Железнодорожники приняли «аргонавтов», как пассажиров: доедут себе до станции назначения и рассеются в толпе. Посему люди, которые по воскресеньям собираются в малом зале, не вызвали особого интереса тех, кто должен заботиться об эффективности культурно-массовой работы. А жаль. Публика собиралась весьма интересная - эрудиты в направлении развития современной техники, НФЛ, даже библии и йоги. Они бы могли без особой подготовки доказать, например, что на Марсе будут яблони цвести».

«Потоптавшись» в целом по КЛФ, некто Шпаковский переходит на персоналии:

«...Главное, подчеркнем, только тогда можно двигаться вперед и достичь положительных результатов, когда в голове - не мешанина материализма и мистики, а марксистско-ленинское мировоззрение, когда опорой служит наука наук - диалектика природы, общества и общественного сознания. Это должен бы знать студент IV курса исторического факультета Николаевского педагогического института Андрей Чертков, энергично взявшийся руководить клубом «Арго». Но, как выяснилось на комсомольском собрании первичной организации, где состоял не учете Чертков, этот студент брал на лекциях знания будто напрокат, чтобы сдать экзаменаторам, а убеждения его формировали сомнительные дискомузыка и фантастика.

«Не стояли звери около двери...»

...Экипаж во главе с, так сказать, капитаном А.Чертковым сбился с курса, и «Арго» выбросило на чужой берег просто в грязь.

...Комсомольцы по заслугам оценили деяния А.Черткова. Он исключен из членов ВЛКСМ».

Ну, и как же обойтись в остро-партийной публикации без навешивания всяческих клеветнических ярлычков? Их гражданин Шпаковский на газетной странице развешивает множество.

Прежде всего, следует обвинение членов КЛФ в «идеологической диверсии»: «Аргонавты» забыли хрестоматийную истину о партийности литературы и пытались распространять любую писанину».

От идеологической неустойчивости один шаг к «религиозному мракобесию»: «Отдельные члены клуба ударились в мистику - провозгласили образцом фантастики и прогностики... библию».

И как тут походя не вспомнить о «низком моральном уровне» несчастных «аргонавтов» и их - не к ночи будет помянут! – «космополитизме»? «Глотая без разбора низкопробную фантастику, как рыба приманку, члены КЛФ считают, что нет ничего легче, чем писать фантастику. Садись за машинку и лупи по клавишам, как обезьяна, на задумываясь, куда тебя занесет. Буйная лошадка фантазии, не сдерживаемая четкими идейными убеждениями, носила их по таким мирам, что они забывали, к какому роду-племени принадлежат и перед кем до конца дней своих в неоплатном долгу».

Теперь от нематериальных сфер пора переходить к материальной основе «преступной деятельности» клуба и «шить дело» под конкретные статьи уголовного кодекса: «Деятельность клуба направлялась главным образом на приобретение того, чего нет на рынке, и окутывалась какими-то непонятными для постороннего человека тайнами... В спекуляции у наших «аргонавтов» твердые позиции. Некоторые любители фантастики до того набили на этом деле руку, что загребают бешеные деньги. Только через клуб «Арго» реализовано этой

«Не стояли звери около двери...»

самиздатовской литературы почти на 400 рублей. Эти деньги пахнут криминалом».

Мало «экономических преступлений»? Добавим еще обвинение в клевете на государственные органы, антисоветизме и антикоммунизме: «Горе-книголюбы из «Арго» готовы нюхать что угодно, провозгласив: «Нет плохой фантастики, а есть плохие издатели, которые мало насыщают книжный рынок НФЛ». Это уже поклеп на Госкомиздат и отход от элементарной логики. ... Отдельные «аргонавты» смотрят на мир сквозь очки ископаемого белогвардейца».

Конечно, столь бурная «антисоветская деятельность» КЛФ не может не иметь связи с «зарубежными подрывными центрами» - по крайней мере, духовных и мировоззренческих. Фактическим координатором «фантастов-диссидентов» из николаевского КЛФ пламенный партийный публицист Н.Шпаковский назначает американского писателя Рэя Брэдбери: «Сейчас это перепуганный буржуа, которого переехала боевая техника военно-промышленного комплекса США. Буржуй верно служит своему классу, включившись в «крестовый поход» против коммунизма, упражняясь в фантастике на антисоветскую тематику».

Под занавес статьи автор задает читателям риторический вопрос: «Так что же делать с «Арго»?»

И вот тут в статье вместо ожидаемого ответа – карать «огнем и мечом!» - повисает пауза: а ведь центральные партийные органы так толком и не сказали, что, собственно, делать с этими фантастическими «гадкими утятами». Сразу сечь головы и лепить уголовные сроки или маленько подождать? Рубанешь с размаху – а вдруг прогадаешь? И сам под удар подставишься: «Что ж это ты так, Николай Николаевич, поторопился? А не поработать ли тебе, дорогой товарищ, не в светлых кабинетах обкома партии, а где-нибудь заместителем директора дома культуры поселка Мухоморье?»

«Не стояли звери около двери...»

Поэтому, вылив на клуб любителей фантастики огромную бадью политических помоев, некто Шпаковский завершает свой опус идеологически обтекаемой формулировкой, втулив в нее обязательную цитату из речи недавно избранного генсека:

«Исчерпывающий ответ на вопросы идеологической и воспитательной работы в целом следует искать в решениях июньского (1983 года) Пленума ЦК КПСС. А в данном случае надо обратиться и к другому партийному документу большого глубины и силы - речи товарища К.У.Черненко на Всесоюзном совещании секретарей комсомольских организаций. Константин Устинович подчеркнул: «Формы работы не могут быть застывшими, окостенелыми. Они нуждаются в постоянном развитии. Нельзя к тому же не учитывать и присущего молодежи стремления к новому».

Конечно, гневные филиппики и истерические выпады партийных «шпаковских» попортили нервы участникам николаевского КЛФ, а Андрею Черткову едва вообще не сломали жизнь.

Но, пожалуй, наиболее трагически закончился «наезд» партийно-комсомольских органов на клуб любителей фантастики в Омске. Вспоминает писатель и журналист Андрей Коломиец:

«В восемьдесят третьем году при областной юношеской библиотеке был создан клуб «Алькор». Помещение помогла тогда выделить Лидия Васильевна Щербакова (директор областной библиотеки детской и юношеской книги – С.Ч.). Первым председателем клуба был писатель Дмитрий Войцик. В составе «Алькора» были заметные личности: Екатерина Маркова – зав. отдела читального зала, Евгений Новицкий, Борис Нартов, Сергей Павлов-младший. Но вышло постановление ЦК, посвященное неформальным объединениям... В «верхах» было решено фактически уничтожить клубы фантастов и самодеятельной песни.

Первого председателя омского КЛФ «Алькор» Диму Войцика летом 1984-го вызвали в областное

«Не стояли звери около двери...»

управление Комитета государственной безопасности и объяснили, что «Алькор» нужно закрыть. Параллельно это объяснили директору областной юношеской библиотеки, при которой он существовал. Дима объявил о роспуске клуба, после чего вышел на крыльцо покурить, ему стало плохо с сердцем, «скорая» приехала поздно. Ему было всего 30 лет....

Свидетелями его смерти были все члены «Алькора». А я, спустя несколько месяцев, спросил после написания очередной объяснительной у куратора из КГБ о Диме Войцике, так он ответил, что типа парень не понимал, так начальник отдела жестко объяснил ему, что к чему. Дима о подробностях беседы не рассказывал, просто объяснил, что надо клуб закрывать...»

К счастью, до уголовных дел и политических репрессий в этой атаке на клубы любителей фантастики со стороны комсомольско-партийной своры не дошло, но организационно КПФ были практически раздавлены и взяты под плотный контроль органами ВЛКСМ и КПСС. Материалы же по ответной реакции «с мест» по-прежнему аккумулировались в Отделе по агитации и пропаганде и лично просматривались его руководителем Борисом Стукалиным. Для чего? Не только с целью контроля надлежащего исполнения местными партийными организациями решений ЦК КПСС, но и в качестве материала для нового витка партийных интриг. Константин Черненко был неизлечимо болен, и вот-вот должна была начаться решающая схватка за верховную власть в стране. В декабре 1984 года планировалось проведение всесоюзной партийной конференции по вопросам идеологии, на которой умело препарированная и рассортированная информация о росте «идеологически чуждых влияний» в Советском Союзе должна была серьезно пошатнуть – если не вообще торпедировать – претензии Михаила Горбачева на верховную власть и в партии, и в СССР в целом. Одним из примеров такого роста «чуждых социализму явлений» «под носом» у идеолога Горбачева должна была стать

«Не стояли звери около двери...»

информация о фактически «антисоветской» и «антисоциалистической» деятельности широкой сети клубов любителей фантастики – опасного вольнодумства, от которого якобы рукой подать до создания массовой политической оппозиции. Призрак аналога польской «Солидарности», но под знаменами КПФ, казалось бы, готов был вот-вот родиться на необъятных просторах Советского Союза. Понятно, что в таких условиях «осажденной врагом крепости, в которой завелся еще и внутренний враг», путь к власти «либералу» Горбачеву был бы заказан. Ситуация требовала «сильной руки». Такой сильной рукой и должен был стать «партайгеноссе» Григорий Романов.

Горбачев и его сторонники, напротив, рассматривали предстоящую идеологическую конференцию как возможность впервые презентовать на общественном уровне «прогрессивные идеи» протоперестроечной политики.

Схватка за власть двух политических бульдогов была неотвратима. Вся система клубов любителей фантастики сделалась всего лишь пешкой в большой политической шахматной игре двух кланов внутри КПСС.

Вадим Андреевич Медведев (в 1984 году заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, с 1986 по 1990 год – секретарь ЦК КПСС – С.Ч.) в книге «В команде Горбачева: взгляд изнутри» делится своими воспоминаниями о событиях осени 1984 года:

«Пожалуй, крупнейшей вехой утробного процесса перестройки явились подготовка и проведение в декабре 1984 года Всесоюзной конференции по идеологической работе. Вначале она задумывалась как обобщение годичного опыта работы по выполнению постановлений июньского (1983 года) Пленума ЦК КПСС по вопросам идеологической работы, но затем, в процессе подготовки совещания, постепенно вылилась в самостоятельную, крупную общественно-политическую акцию.

Докладчиком утвердили Горбачева как второе лицо в партии, по традиции курирующее идеологическую

«Не стояли звери около двери...»

сферу. По мысли Михаила Сергеевича Горбачева (и мы его в этом поддержали), в докладе должны были прозвучать новые, принципиально отличные от привычных, оценки общественно-политического развития страны, новые подходы к решению стоящих перед нею задач. Вокруг подготовки и проведения конференции развернулась, по сути дела, борьба между прогрессивной и консервативной тенденциями в партии, и как в зеркале отразилось неблагополучие в ее руководстве.

Проект доклада вобрал в себя достигнутые на тот момент результаты аналитической работы Горбачева и его группы. Это, по сути дела, был основной предперестроечный документ, хотя и не свободный от традиционных клише, иначе его просто бы не приняли. В то же время доклад отличался явной новизной. В нем давалась реалистичная и максимально критичная для того периода оценка развития страны и в обобщенном политическом виде сформулирована задача ускорения социально-экономического ее развития, в значительной мере по-новому были поставлены многие проблемы обществоведения.

Перспектива выступления Горбачева с таким докладом вызвала настороженность и ревность со стороны Черненко и группировавшихся вокруг него людей, таких как В.А.Печенев, Р.И.Косолапов, претендовавших на роль монопольных законодателей в идеологической сфере. Пользуясь беспомощностью Черненко в данных вопросах, они бесконтрольно влияли на выработку идеологических установок, расстановку кадров в этой сфере и т. д. Под их влиянием находился заведующий Отделом пропаганды ЦК Б.И.Стукалин. Их активно поддерживал и тогдашний секретарь ЦК по идеологии М.В.Зимянин.

Наконец, настал момент, когда Горбачев решил познакомить с проектом доклада более широкий круг людей. И тут началось... Косолапов, к которому Горбачев лично обратился, вернул текст не самому докладчику, а в

«Не стояли звери около двери...»

его аппарат с несколькими незначительными, чисто стилистическими поправками. В ход пошла версия, что материал сырой, недостаточно продуманный и т. д. Об этом, в частности, мне сказал Зимянин, когда я по делам Отдела науки был у него.

По существу развернулась кампания дискредитации не только доклада, но и идеи самой конференции. В нее втянули и Черненко, которому внушили мысль, что якобы в докладе Горбачева недооцениваются июньский (1983 года) Пленум ЦК и доклад Черненко на нем. Предложили на открытии конференции выступить Черненко, но это оказалось нереалистичным, да Черненко, видимо, и сам понял, что его выступление рядом с Горбачевым высветило бы для всех, кто есть кто.

Поэтому по настоянию Черненко - и Горбачев, чтобы не обострять ситуацию, не возражал - в Серебряный бор (где работала «группа Горбачева» - С.Ч.) был направлен Стукалин для корректировки доклада.

Должен сказать, что его вклад выразился лишь в нескольких искусственно сконструированных ссылках на выступления Черненко. Появилось решение - предпослать докладу письменное приветствие со стороны Генерального секретаря.

Но дело этим не кончилось. Буквально накануне конференции Черненко позвонил Горбачеву и предложил ...отменить ее. Но на этот раз Горбачев решительно возразил. Ставились палки в колеса и дальше. Ввели ограничения на публикацию материалов конференции в прессе. «Коммунист», редактором которого был Косолапов, вообще отказался напечатать доклад, что было беспрецедентно для органа ЦК. Косолапов предложил Горбачеву написать на основе доклада статью, что, конечно, было отвергнуто. Та же линия проводилась и при издании сборника материалов конференции - ограничение объема, тиража и т. д.

«Не стояли звери около двери...»

Мы не раз в то время и позднее обсуждали, в чем же причина такого яростного противодействия, которое было оказано Горбачеву со стороны названных лиц?

...Они возомнили себя незаменимыми талантами, всесильными визирями при слабом правителе, почувствовали дурманящий вкус власти. Черненко или кто-то другой наподобие его их бы вполне устраивал, но не Горбачев.

На общественность же конференция произвела большое и глубокое впечатление. Горбачев заявил о себе как крупном политическом лидере, глубоко разбирающемся и в экономике, и в политической жизни, и в международных отношениях, владеющем методами научного мышления и научного подхода к актуальным проблемам общественного развития».

Разумеется, в докладе Горбачева на конференции о клубах любителей фантастики и «пятой колонне антисоциалистических элементов» не было ни слова. Необходимость активно давить клубы любителей фантастики отпала – это была уже ненужная мелочь по сравнению с предстоящей схваткой за власть.

Но схватка в том виде, как ее планировало «консервативное крыло» аппарата ЦК КПСС, так и не состоялась. «Консерваторы» предполагали, что Константин Черненко пробудет у власти хотя бы еще год – до партийного съезда в 1986 году. Но старый генсек скончался уже в марте 1985 года, у руля страны стал Михаил Горбачев...

СССР начал радикально менять свой политический курс, началась «перестройка». Тут уж партийным элитам было и вовсе не до «каких-то КПФ». Даже умеренные репрессии и нажим на любителей фантастики прекратились. Ослаб контроль, клубы снова становились независимыми и начинали расти и общаться друг с другом.

Суммировав изложенные выше факты, несложно прийти к выводу, что «особое внимание» структур КПСС и ВЛКСМ к неформальным клубам любителей

«Не стояли звери около двери...»

фантастики весной-летом 1984 года связано не с какой-то случайностью или заранее планировавшимися процессами установления партийно-идеологического контроля над новорожденными неформальными общественными институтами. Шла банальная по самой своей сути борьба за власть в тогдашнем политическом руководстве страны. «История с КЛФ» была лишь некоей «идеологической миной», которую намеревалось использовать одна группировка против другой. В этой «мине» «детонатором» служила публикация романа Артура Кларка в журнале «Техника-молодежи», а «взрывчатым веществом» - умело препарированная в Отделе по пропаганде и агитации ЦК КПСС информация о деятельности клубов любителей фантастики в СССР. Конечно же, тот период развития советской фантастики требует дополнительного изучения и серьезного анализа, но, - по крайней мере, пока! – сформулированная нами выше версия наиболее полно и логично описывает весь массив фактов на ниве советской фантастики в те годы.

По большому счету трудно назвать происшедшие в 1984 году события полным погромом клубов любителей фантастики. До физических погромов дело не дошло, а вот общий идейный и организационный погромы некоторых клубов все же состоялись. Кроме того, неоспоримы и персональные репрессивные действия идеологического характера в отношении руководителей ряда КЛФ, закончившиеся, по крайней мере, в одном из зафиксированных случаев смертью репрессируемого в результате чрезмерного психологического воздействия на него со стороны советских карательных органов. Можно с уверенностью констатировать тот факт, что в период с мая по декабрь 1984 года по едва народившейся структуре КЛФ в СССР был нанесен мощный организационно-идеологический удар. В результате этого часть клубов потеряла свою независимость и самостоятельность, а некоторые подверглись «перепрофилированию» до такой степени,

«Не стояли звери около двери...»

что вообще утратили все признаки КЛФ. Стремительно растущее в начале 1984 года движение клубов хоть и не было сломлено окончательно, но понесло серьезный идейный, моральный и организационный ущерб.

Разумеется, если бы в подковерной драке за власть верх взяла бы «консервативная группировка» в ЦК КПСС и декабрьская идеологическая конференция прошла бы по ее сценарию, то – и это можно с уверенностью утверждать! – для окончательного закрепления «линии идеологического Пленума ЦК КПСС (1983 года)» и «воплощения в жизнь решений и рекомендаций декабрьской (1984 года) идеологической конференции партии» в 1985-м и в последующие годы была бы продолжена политика давления и в целом на все движение клубов любителей фантастики, и на его отдельных участников.

По мнению известного специалиста по истории второй половины двадцатого века Чеслава Сэмюэля Волянецкого возможная альтернатива происходившим после 1984 года событиям выглядит так.

Состоявшаяся в декабре 1984 года идеологическая конференция КПСС констатирует серьезные недостатки в работе партии в идеологической сфере. В качестве примера приводится спонтанно возникшая в СССР на рубеже 70-х и 80-х годов система клубов любителей фантастики, «потенциально направленная против социалистической идеологии». К началу 80-х годов диссидентское движение в Советском Союзе было практически полностью разгромлено органами государственной безопасности. Поэтому в целом неполитическая структура КЛФ – лучшее доказательство того, что в стране возможно существование независимых от КПСС структур. Как утверждают идеологи из консервативного крыла партии, клубы потенциально опасны для социализма своим вольнодумством, межклубными связями и общими массовыми мероприятиями. Со временем из этой структуры вполне может вырасти «идейный аналог польской

«Не стояли звери около двери...»

«Солидарности». Следовательно, нужно либо разгромить все движение на корню, либо взять его под свой плотный идеологический контроль, выхолостить и поставить в общий ряд контролируемых комсомолом и партией общественных организаций. При этом часть наиболее активных и несговорчивых активистов и руководителей КПФ вполне можно провести по криминальным статьям уголовного кодекса, приписав им антисоветскую пропаганду или даже экономические преступления.

Фактическое поражение «группы Горбачева» в декабре 1984 года существенно сказывается на шансах ее лидера стать новым Генеральным секретарем ЦК КПСС после предстоящего ухода с этого поста Константина Черненко. Соответственно усиливается группировка консерваторов, делающая ставку на Григория Романова (как запасной вариант еще рассматривался Виктор Гришин, руководитель партийной организации в Москве). Если допустить, что Константин Черненко не умер в марте 1985 года, а благополучно дотянул до февраля 1986 года и 27-го партийного съезда, то можно предположить, что на этом съезде – точнее, на пленуме ЦК КПСС в рамках съезда, - состоялось бы либо избрание нового Генерального секретаря ЦК КПСС, либо негласно, но четко был бы обозначен преемник Константина Черненко на этом посту. При таком раскладе шансы Горбачева на верховную власть в партии, а затем и в стране были несколько меньше, чем шансы Романова – считалось, что Романов пользуется большей поддержкой партийных руководителей с мест и советского военно-промышленного комплекса. На фоне ястребиного клекота о «растущей военной угрозе со стороны мирового империализма» и о «внутренней идеологической пятой колонне» Григорий Романов действительно мог получить либо сразу пост Генерального секретаря ЦК КПСС, либо карт-бланш на власть после смерти Константина Черненко.

«Не стояли звери около двери...»

В этом случае можно предположить, что начавшееся давление на клубы любителей фантастики в 1984-м и 1985-м годах продолжилось бы до полного «решения вопроса». Можно с уверенностью утверждать, что конвент «Аэлита-84» стал бы последним собранием клубов в истории советской фантастики. Скорее всего, уже в 1985 году последовали бы «кадровые решения» по журналам «Уральский следопыт» и «Литературное обозрение» - по аналогии с кадровыми решениями по редакции «Техники-молодежи» в 1984 году. Без сомнения ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ не оставили бы без внимания и тот факт, что Свердловский обкомы партии и комсомола допустили проведение на подведомственной им территории «аэлит» - мероприятий фактически всесоюзного масштаба, более того даже им в какой-то степени содействовали. Такая «идеологическая близорукость» вполне могла привести к организационным последствиям – областное партийное и комсомольское руководство могло бы лишиться своих постов. По крайней мере, первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Николаевич Ельцин был бы выведен из состава обкома и назначен с понижением на хозяйственную должность где-нибудь за пределами Свердловской области.

Вполне возможно, что на смену свердловским «Аэлитам» ЦК ВЛКСМ был бы инициирован некий «фестиваль любителей приключений и фантастики» в Москве. Конечно же, его «делегатами» стали бы тщательно отобранные комитетами комсомола на местах «настоящие любители фантастики». Еще более вероятным выглядит создание некоего «объединенного форума советской молодежи», который должен был аккумулировать в себе все ранее неформальные молодежные движения – почитателей фантастики и детективов, авторской песни, клубы кинолюбителей и другие.

Понятно, что в таких условиях независимое движение КЛФ в СССР выжить уже не могло. Можно

«Не стояли звери около двери...»

прогнозировать, что часть наиболее активных участников клубов продолжила бы собираться в буквальном смысле «на кухнях» - как иногда собирались «барды», «туристы» и другие «неформалы» в СССР. Конечно, в данном случае такая деятельность тоже не осталась бы без внимания социалистического государства, но теперь «подпольными» КЛФ в первую голову заинтересовались бы органы государственной безопасности. Очень возможно, что эта вторая волна интереса государства к клубам и их участникам закончилась бы уголовными делами. В ряде случаев активистам КЛФ инкриминировали бы спекуляцию (например, торговля книгами) или даже «антисоветскую деятельность» (например, чтение «самиздатовской» литературы или книг зарубежных фантастов, которые не издавались в СССР).

В условиях жесткого партийно-комсомольского прессинга вряд ли были бы возможны и неформальные литературные семинары, в частности семинар под руководством Бориса Натановича Стругацкого. Можно только гадать, как сложились бы литературные судьбы молодых авторов, которые в нашей, состоявшейся реальности в них участвовали. Вполне возможно, что для многих из них писательская деятельность оказалась бы вообще невозможной или свелась только к работе «в стол».

Более того, «холодные идеологические ветры» не могли не ударить и по уже известным писателям-фантастам. Так, советские читатели никогда бы не увидели в опубликованном виде романы «Гадкие лебеди», «Хромая судьба», «Град обреченный», «Отягощенные злом» и многие другие произведения братьев Стругацких. Даже публикация третьей части трилогии о Максиме Каммерере «Волны гасят ветер» могла бы оказаться под вопросом, поскольку в романе фактически речь идет о появлении некоей «сверхрасы» в коммунистическом обществе. Сложности могли бы возникнуть и с переизданием уже ранее изданных

«Не стояли звери около двери...»

произведений – в первую очередь это касается «Пикника на обочине», «Сказки о тройке», «Второго нашествия марсиан» и других. Не исключен и вариант, при котором при массовой травле братьев Стругацких фактически вынудили бы к эмиграции из СССР. Впрочем, этот вариант маловероятен: наученное в 70-х годах горьким опытом Александра Солженицына и других писателей-эмигрантов, советское руководство все-таки уяснило, что лучше иметь «зажатого и непечатного» автора внутри страны, чем свободно пишущего в зарубежье.

Никогда бы не были написаны и не увидели свет книги Кира Булычева «Заповедник для академиков», Сергея Снегова «Диктатор», Андрея Лазарчука и Михаила Успенского «Посмотри в глаза чудовищ», «Гиперборейская чума», «Марш Экклезиастов», Вячеслава Рыбакова «Гравилет «Цесаревич», Василия Щепетнева «Марс, 1939» и многие другие. Более того, чтобы не «будировать вопрос о перспективах строительства коммунизма» в СССР вряд ли были бы переизданы «Час Быка» Ивана Ефремова, «Гость из бездны» и «Каллистяне» Георгия Мартынова, «Я вернусь через тысячу лет» Исаия Давыдова и другие произведения советских писателей, в которых затрагивались бы перспективы будущего общества в стране Советов.

В условиях такого идеологического давления не могло быть и речи о публикациях большей части книг зарубежных авторов в Советском Союзе. Массовый советский читатель даже на рубеже двух тысячелетий так и не узнал бы имен многих талантливых фантастов из зарубежья.

Более того, обособленность СССР и стран социализма от остального мира могла бы привести к тому, что не возникла бы и глобальная всемирная сеть интернет. Вполне вероятно, что в социалистических странах был бы создан собственный «большой информаторий», но он бы существенно отличался от

«Не стояли звери около двери...»

существующей «всемирной паутины» - в него вообще мог быть закрыт доступ частным лицам, либо такой доступ предоставлялся бы исключительно по разрешительной визе правоохранительных или партийно-комсомольских органов. Да и распространение персональных компьютеров могло быть строго нормировано. Очень вероятно, что в середине 90-х был бы создан советский аналог персонального компьютера, аппаратно и программно совершенно несовместимый с западными моделями. Еще более вероятно, что копировальная и множительная техника – в том числе, и обычные принтеры, - оказались бы под контролем различных «разрешительных органов».

Как следствие не возник бы ни советский интернет, ни советские социальные сети. Не было бы никаких библиотек в сети – кроме тех, которые были официально созданы в «большом информатории». При таком прессинге не состоялись бы как писатели многие нынешние авторы фантастической, приключенческой, детективной, исторической и многих других жанров литературы. Не появились бы ни «самиздатовские» авторы, ни блогеры. Зато пышным цветом бы цвели «литературные произведения» производственной, военно-патриотической, идеологически правильной и подслащенной бытовой направленности.

Допустим, что мир не скатился бы в пропасть ядерной войны, и советское руководство воздержалось бы от копирования «китайского пути к социализму» (а есть все основания считать, что сохранялась бы прежняя партийная линия борьбы с «маоизмом» и «китайским гегемонизмом»). Это значит, что к концу второго десятилетия двадцать первого века мы имели совершенно бы иную картину развития мировой цивилизации, чем та которую видим сегодня.

И вряд ли тот мир был бы лучше нынешнего.

2017 год

Давайте будем друзьями!

1. Давайте будем друзьями!

Шаттл-флайер бесшумно скользил в атмосфере, постепенно сбрасывая скорость и зарываясь в серое одеяло облаков.

- Мы разобьемся? – спросила Тань Жи Лин, зябко передернув плечами.

- Вряд ли, - ответил Георгий Милентьев и вздохнул. - Скорее всего, нас раздавит атмосферным давлением на высоте примерно от десяти до пяти километров.

- Хорошая перспектива, - Тань закрыла глаза, и расслаблено откинулась на спинку пилотского кресла. – Сколько у нас осталось времени?

Георгий быстро взглянул на циферблат механических часов на запястье левой руки, прикинул в уме и сказал:

- Минут двадцать пять – полчаса, не больше.

- И никаких жизнерадостных перспектив? – Тань снова открыла глаза и повернулась к пилоту.

- Ты же сама знаешь, - сразу построжел Милентьев и посмотрел ей в лицо. – Зачем спрашиваешь?

- Надежда умирает последней, - едва слышно произнесла биолог. – Так, кажется, у вас говорят?

Некоторое время они молчали, глядя в стекла носовых иллюминаторов, за которыми однообразной чередой скользили облака, похожие на посеревшую от пыли вату. Освещение за бортом было примерно такое же, как на Земле в пасмурный день. Сквозь прямоугольные окошки иллюминаторов – два в носовой части и пара по бокам, слева и справа, - света проникало совсем немного, и в пилотской кабине царил полумрак.

«Не стояли звери около двери...»

«Со стороны мы сейчас посмотримся просто замечательно, - с иронией отметил Милентьев. – Чуть полноватый, белобрысый мужчина с круглой башкой и повышенной лопухостью – что уж тут поделаешь? И стройная, изящная, черноволосая женщина со слегка удлинённым лицом и антрацитового цвета глазами... Квзимодо и принцесса из сказки... Инь и янь... А вместе - два смертника за полчаса до казни...»

- А если нас попробуют спасти с Базы? – робко поинтересовалась Тань. – Если Стелла уже подняла тревогу, и они успеют?

Милентьев снова воззрился на часы:

- Так... Связь пропала минут пятнадцать назад. Снижаться мы тоже стали почти сразу же...

Он наморщил лоб, соображая. База – «бублик» диаметром около двухсот метров, подвешенный на металлокерамических канатах к подбрюшью связки из десяти гигантских дирижаблей, - Стелла Уилсон в диспетчерском пункте у основания выступающей вниз центральной ступицы. На обзорных локаторах метка их флайера видна, как и прежде, но внезапно пропал радиосигнал. Стелла, разумеется, начнет вызывать замолкнувший шаттл на всех возможных каналах. Примерно через минуту «Умник» - бортовой компьютер – сообщит ей, что «борт 07» теряет скорость и снижается. Стелла Уилсон тотчас же даст сигнал тревоги. Конечно, командор Игорь Лосев откликнется немедленно. Положим еще минуту на объяснение ситуации и принятие решения. «Аварийная группа, на вылет!» Команда из четырех человек – Ясухиро Минамото, Максим Степаненко, Людвиг Джемиссон и Нгэбе Лубанга – собирается в шлюзовом отсеке, надевает скафандры, готовит оборудование к работе. Ребята – обученные и тренированные. Профессионалы. Значит, на все – про все полагаем примерно пятнадцать минут. Калькулируем: в общем, получается семнадцать минут. Старт двух шаттл-флайеров. Отход от базы, разгон. И плюс около получаса на полет в нашу сторону с

«Не стояли звери около двери...»

одновременным снижением, - чтобы перехватить нашу замолкнувшую и падающую колымагу. Итого: чуть больше трех четвертей часа после пропажи сигнала. Так... А мы к тому времени будем на высоте...

- Нет, не получается, - Милентьев тряхнул головой.

- Мы уже зароемся слишком глубоко в опасную зону.

- Они могут рискнуть... - голос Тань дрогнул.

- Они обязательно рискнут, - на щеках Георгия заходили желваки. - Но не безрассудно... Шесть трупов вместо наших двух - это, знаешь ли, не самый лучший результат спасательной операции. Плюс три загубленных за один вылет шаттл-флайера.

Жи Лин уныло опустила голову.

- Можно попробовать пожить чуть-чуть дольше, - кашлянув в кулак, сказал Милентьев. - Мы можем запереться в контейнерном отсеке...

- Зачем? - Тань иронически фыркнула. - Сбережем себе нервы и не увидим, как атмосфера будет плющить пилотскую кабину?

- В контейнерном отсеке нет иллюминаторов, - пояснил пилот. - Сначала давление раздавит стекла, а потом уже будет корезить металлические конструкции.

- Если мы залезем в контейнерную, есть шанс спастись?

- Может быть, давление не раздавит отсек до самого момента падения...

- Но при падении?... - Тань осеклась.

- Скорость все равно будет слишком высокой, чтобы мы могли выжить, - сказал Милентьев. - Думаю, мы сверзимся на поверхность при пятидесяти метрах в секунду.

- ...И погибнем от ударной перегрузки, - полушепотом констатировала биолог. - Ведь так?

- Так, - согласился Георгий.

- Тогда какой смысл перебираться в контейнерный отсек? - Тань горько улыбнулась. - Чтобы продлить агонию?

«Не стояли звери около двери...»

- С точки зрения земного законодательства, мы станем первыми людьми, которые достигнут поверхности Венеры, - Милентьев попытался изобразить улыбку, но получилось плохо. – Можно будет собой гордиться!

- У тебя черный юмор, Жора...

- Извини, - пилот виновато потупил взор.

- Очень не хочется умирать, - тихонько произнесла Жи Лин после паузы. – Очень хочется жить. Жить и работать. Любить.

Милентьев не ответил. Он чуть потянул на себя руль высоты, стабилизируя флайер по крену. Механические тяги остались последними элементами системы управления, которые продолжали работать после того, как пропало электричество.

- Ты записала параметры той гадости, которая нас атаковала? – спросил пилот после молчания.

- Записала, - Жи Лин пожала плечами. – Только какой в этом смысл? Сам же сказал, что мы грохнемся на поверхность со скоростью около полусотни метров. Плюс там внизу давление за девяносто атмосфер и температура в районе полтысячи по Цельсию... Да и будут ли нас вообще искать?

- Нужно быть оптимисткой, - Милентьев все-таки соорил на лице бодрую улыбку. – Конечно, будут. Я уверен, что Лосев вывернет Венеру наизнанку, но найдет то место, где мы с тобой...

Он закашлялся. Тань Жи Лин отвернулась к боковому иллюминатору. Ее душили слезы.

Разрядник, - гигантский, никто таких раньше не встречал, - атаковал их минут двадцать назад. Это произошло, когда шаттл-флайер, описав в атмосфере гигантскую петлю длиной более трехсот километров и рассыпав вдоль траектории полета несколько десятков воздушных биозондов, уже шел к Базе.

Никто раньше не видел, как атакуют добычу разрядники. Никто даже толком не знал, как они вообще добывают электричество из атмосферы для

«Не стояли звери около двери...»

жизнедеятельности. Экспедиция работала над Венерой всего второй месяц, и каждый день приносил все новые, и новые сенсационные открытия. Атмосфера – совершенно не пригодная для жизни человека – на высотах от примерно пятидесяти до пятнадцати километров буквально кишела жизнью. Десятки летающих существ, похожих на парусники, медуз, птиц, воздушных змеев. И вообще ни на что не похожих.

Разрядник относился к категории последних: плоское округлое свечение в облаках, обычно его диаметр не превосходит сотни метров. Периодически плюется молниями по пролетающим мимо существам. В том числе и по атмосферным шаттлам землян. Наверное, так он охотится. Электрический разряд небольшой мощности. Никакого вреда такая молния флайерам принести не может. В общем-то, как люди полагали до сих пор, разрядник – существо почти не опасное.

Тот разрядник, который атаковал их «борт 07», имел в диаметре более полукилометра и внезапно проявился в виде едва заметного лилового пятна, когда они уже были почти над его центром. Тань немедленно стала снимать его фотокамерой сквозь стекло иллюминатора. И даже успела попросить Георгия слегка отклониться от маршрута полета, чтобы выполнить фотосессию еще и в другом ракурсе. Милентьев молча кивнул, но сделать ничего не успел.

Блин за окнами вдруг стремительно стал темно-синим, приподнял края и через несколько секунд превратился в фиолетовую трубу, внутри которой теперь оказался шаттл-флайер. Молнии ударили сразу со всех сторон. Пространство вокруг летательного аппарата засветилось, словно кто-то щелкнул выключателем и зажег гигантский костер, состоящий из мириад лучистых извивающихся стрелок. Вся электроника, все энергетические системы выключились моментально. Сдохли немедленно и четыре мощнейших авиамотора, обеспечивавших полет крылатого небесного корабля. В исправном состоянии остались только встроенные в

«Не стояли звери около двери...»

скафандры радиопередатчики. Но толку от них не было никакого: их мощность была слишком мала, чтобы напрямую связаться с Базой.

Атака длилась от силы долю секунды, потом агрессор просто исчез. Растворился в сером небе, словно его и не было. А флайер превратился в безжизненное тело, постепенно теряющее скорость и высоту.

Милентьев сглотнул ком в горле, и вперил взгляд в носовые окна. Главное достойно держаться до последнего. Он зыркнул на часы. Пятнадцать – двадцать минут. И все... Можно будет расслабиться навсегда.

Ему показалось, что впереди среди облаков мелькнули какие-то тени. Пилот прищурил глаза, всматриваясь. Никакая оптика на борту не работала с момента электрической атаки.

- Какие-то серые комки поднимаются снизу, - Милентьев кивнул в сторону передних иллюминаторов. – Слева направо и вверх!

Жи Лин проследила за его взглядом и потянулась к цифровой фотокамере, которая лежала на приборной полочке около левого окна.

- Это же флоатеры! – Желтоватое лицо Тань озарилось улыбкой.

- Маловаты они для флоатеров, - сказал Георгий, всматриваясь в рой из нескольких десятков особей, плывший среди облаков. – Флоатеры крупнее раза в два, или даже в три.

- Значит, это какой-то новый вид! – констатировала биолог, непрерывно щелкая фотокамерой. – Я назову их флоатерами Милентьева!

- Только вряд ли об этом кто-то узнает, - буркнул под нос Георгий.

Флоатеры были похожи на множество широких светло-серых юбок, одна на другую нанизанных на кожистый внутренний стержень. Юбки поднимались и плавно падали вниз, складывались, морщились, закручивались, обеспечивая движение и маневренность

флоатеров в атмосфере. Вблизи их еще толком никто не видел – впрочем, как и всех других местных живых существ, - у первой экспедиции землян в атмосферу Венеры просто не было на изучение всей этой живности ни времени, ни технических средств: открытия животного мира внутри газовой оболочки «младшей сестренки Земли» в таких масштабах просто никто не ожидал.

- Там, слева и сверху, кажется, еще что-то движется, - Милентьев пристально смотрел в ватные ключья облаков. – Какой-то прямоугольник...

Тань отлипла от фотокамеры и тоже уставилась в пространство за окном. Удивленно присвистнула:

- Ого, да это же хантер!

- Воздушный змей с двумя киями и шестью какими-то отростками по три снизу и сверху, - произнес пилот, рассматривая животное за стеклом иллюминатора. – А что, прямо таки красавец! Кстати, он летит в сторону флоатеров!

- Хантер – это хищник, - Жи Лин снова защелкала фотоаппаратом. – Маша Серова и Нил Мербольд полторы недели назад смогли заснять его нападение на флоатеров. От бедных воздушных медуз только ключья полетели. Шесть отростков на его теле – это что-то вроде ртов или даже голов.

- Ага, значит, венерианский шестиглавый Змей Горыныч собирается позавтракать! – Георгий фыркнул. – А вот не получится!

Он зафиксировал штурвал, расстегнул ремни безопасности и выбрался из кресла. Тань удивленно воззрилась на пилота:

- Что ты собираешься делать?

- Я собираюсь отогнать эту пакость от мирно пасущихся флоатеров, - со смешком сообщил Милентьев. – Турель над нашей кабиной имеет механический привод. Авиапущка в исправном состоянии.

«Не стояли звери около двери...»

- Но зачем? – Жи Лин округлила глаза. – Жора, пойми... Это - здешняя жизнь. У нее свои порядки и законы... Мы не должны вмешиваться!

- А я не хочу за пятнадцать минут до собственной смерти стать свидетелем кровавой расправы! – пилот оскалился. – И, знаешь ли, имею на это полное право!

- Жора, возьми себя в руки! – Тань привстала из кресла.

- Можешь считать это моим предсмертным капризом и подать на меня рапорт в вышестоящие инстанции! Правда, мне кажется, что мы предстанем перед этими инстанциями быстрее, чем туда дойдет твоя жалоба!

Он полез по лесенке в стрелковую башенку.

- А ты фотографируй! – крикнул сверху уже спокойно. – Будем считать стрельбу маленьким экспериментом по изучению повадок местных обитателей!

Тань молча покачала головой, опустилась в кресло и снова уставилась в окошко фотокамеры.

Хантер тем временем круто развернулся в пространстве между облаками, и теперь стремительным клином падал на стайку флоатеров. Не оставалось уже никаких сомнений в его намерениях. Хищник атаковал добычу.

- Ту-дух! Ту-дух! Ту-дух! – гулко ударила пушка где-то над потолком пилотской кабины.

Жи Лин увидела, как три светящиеся длинные стрелы вонзились в пространство между хантером и флоатерами.

Хантер, конечно, никогда не имел дела с земными пушками. Но какие-то инстинкты подсказали ему, что эти три похожие на молнии стрелы крайне опасны, и лучшим решением будет оставить в покое флоатеров и убираться прочь по добру и по здорову. Охотник резко распластался перпендикулярно линии своего полета, тормозя, свернулся в веретено и юркнул вниз, в густые сизые облака.

«Не стояли звери около двери...»

Флоатеры, впрочем, тоже были испуганы и всей стаей немедленно припустили в противоположном направлении.

Тань фотографировала непрерывно. Кадры действительно получались сенсационными. Вот только увидит ли их кто-нибудь? Сердце девушки сжалось.

Милентьев прыгнул с лесенки в башенку на пол и снова уселся в пилотское кресло. Повернулся к Жи Лин и весело подмигнул:

- Мы, конечно, из-за стрельбы потеряли несколько метров скорости, но вряд ли такую мелочь стоит принимать во внимание. Зато спасли этих милых симпатяг!

- Ох, Жора! – биолог тихо рассмеялась. – Милые симпатяги, говоришь? Ну-ка, представь себе такую картину: ты пришел на рыбалку, разложил удочки, рыбки в воде вертятся почти рядом. И вдруг какой-то инопланетный охламон прошлепал по воде вдоль берега...

- Э... - Милентьев озадаченно крякнул. – Ну, если посмотреть на ситуацию в таком ракурсе... Да черт с ней, с рыбой, главное – настроение!

- Ой! – Тань вскрикнула и снова уставилась в иллюминатор. – Смотри, там еще флоатеры! Целая стая! И какие крупные!

Сверху, из облаков, на стремительно уходящую прочь стайку маленьких флоатеров в буквальном смысле рухнул отряд их более крупных собратьев.

- Что, опять охота? – Милентьев недовольно скривился. – Слушай, да у них тут полный беспредел! Джунгли какие-то!

- Обычная жизнь животных в природе, - биолог пожал плечами и снова принялась за съемку. Сделав несколько кадров, снова повернулась к пилоту:

– Знаешь, а что-то не очень похоже на охоту...

Милентьев заинтересовано подался вперед. Шаттл-флайер после стрельбы основательно клюнул носом, и теперь флоатеры – и прежние, маленькие, и

«Не стояли звери около двери...»

догнавшие их, большие, - оказались почти за верхним краем окна. Приходилось наклоняться и выгибать шею вверх, чтобы их увидеть.

Крупные флоатеры окружили мелких со всех сторон. Маленькие воздушные «медузы» как-то сразу успокоились и зависли на месте.

- Боже мой, - Тань охнула. – Как я сразу не догадалась! Да это же дети и родители, а вовсе не два разных вида!

- Да? – Милентьев наморщил лоб. – А что, похоже... Детский сад на прогулке в сопровождении воспитателей. Только взрослые заболтались между собой, поотстали, и детишками едва не полакомился местный зверюга...

- Но нашелся добрый человек с соседней планеты, который, пролетая мимо, спас малышей! – Жи Лин тихонько засмеялась. Щеки ее чуть порозовели.

- Люблю делать добрые дела, - пилот улыбнулся в ответ.

Ему понравилось, что Тань хоть на несколько минут отвлеклась от того, что их вскорости ждало.

Биолог снова направила фотокамеру на флоатеров и охнула:

- Жора, кажется, эти взрослые особи заинтересовались нами!

Пилот выглянул в переднее окно. Стайка детей осталась вверху под облаками, а крупные флоатеры стремительно снижались, приближаясь к шаттл-флайеру.

- Они что же, собираются нас атаковать? – Милентьев недовольно поднял брови. – Добей падающего? Вот уж твари неблагодарные...

- Мы до сих пор не знаем, чем они питаются, - сказала Тань. – Вполне возможно, что они воспринимают нас как вполне доступную еду.

- Ну, да... - Георгий скептически ухмыльнулся. – Если окажется, что венерианские флоатеры питаются случайно залетевшими к ним инопланетными

«Не стояли звери около двери...»

летательными аппаратами, - это точно будет сенсация века!

- Не похоже, чтобы они собирались нас атаковать, - Жи Лин задумчиво наморщила лоб. – Смотри, флоатеры разделились на две группы и охватывают нас слева и справа!

- Может, у них такая тактика охоты? – предположил Милентьев. – Заходят со всех сторон на потенциальную жертву и только потом нападают.

Но существа за окнами и не думали атаковать шаттл-флайер. Они поднырнули под него, и всплыли с обеих сторон корпуса прямо под крыльями.

- Мне их уже почти не видно, - сказала Тань, выглядывая в боковой иллюминатор. – Крылья закрывают обзор.

Шаттл-флайер ощутимо качнуло и слегка приподняло вверх.

- Черт меня побери, - Милентьев округлил глаза и вцепился пальцами в подлокотники кресла. – Кажется, эти ребята за окном пытаются удержать нас в атмосфере!

Жи Лин прилипла лицом к поверхности стекла и вскрикнула:

- Жора, они действительно толкают нас вверх!

Пилот взглянул в окно по другую сторону кабины. Флоатеры были скрыты крылом шаттл-флайнера, но по смещению облаков можно было заметить, что летательный аппарат действительно стал постепенно приподниматься вверх.

- Интересно, - Тань нервно облизала губы, - насколько у них хватит сил?

Милентьев взглянул на часы:

- Спасатели должны быть уже где-то на подлете. Если, конечно, наши расчеты и предположения верны...

Он включил передатчик в скафандре, но эфир по-прежнему только потрескивал помехами.

Шаттл-флайер перестал проседать в атмосфере и постепенно поднимался ввысь.

«Не стояли звери около двери...»

- Смотри, - вскрикнула биолог. – Еще флоатеры!

Сверху и сбоку к ним приблизились две большие стаи атмосферных «медуз». Каждая из них разделилась надвое, заходя под левое и правое крыло летательного аппарата землян. Мгновение – и флоатеры как-то сцепились друг с другом, словно взяли за невидимые руки друг друга. Крылья шаттл-флайера словно удлинились за счет вытянувшихся рядов венерианских существ. И если флоатеры под крыльями просто толкали кораблик вверх, то выступающие за кромки плоскостей обитатели Венеры еще и синхронно колебались, двигаясь снизу вверх и обратно, словно качались на гребне невидимых волн. Шаттл-флайер существенно прибавил в скорости и стал быстрее набирать высоту.

- Интересно, куда они нас ведут, - тень беспокойности мелькнула на лице Тань Жи Лин. – В какое-нибудь свое воздушное гнездо?

- Они практически не изменили направление нашего полета, - пилот на секунду задумался. – А это значит, что флоатеры тащат нас в сторону Базы! Тань, кажется, у нас появился шанс на спасение!

- Нужно попытаться понять то, что сейчас происходит, - биолог сжала кончиками пальцев виски. – Итак, мы находились в аварийной ситуации и падали. Случайно наткнулись на стайку детенышей флоатеров и отпугнули нападавшего на них хантера. После этого появились взрослые особи... Которые как-то оценили ситуацию. И попытались помочь нам!

- А потом явились еще две стаи больших флоатеров и стали помогать первым, - с блеском в глазах продолжил Милентьев.

- Может, первые позвали подмогу?

- Тань, а ведь все эти действия предполагают достаточно высокий уровень мышления флоатеров!

- Способность взаимодействовать друг с другом!

- И развитую систему коммуникаций!

«Не стояли звери около двери...»

- Если не вообще разум! – Жи Лин снова ухватила позабытую ею фотокамеру и занялась съемкой ритмично двигавшихся за окнами «дополнительных крыльев».

- Кажется, они действительно спасают нас, - Георгий задумчиво потер подбородок. – Понимают, что мы падаем, и выталкивают вверх и вперед... Как раз в сторону нашей Базы!

- На Земле есть морские животные, - биолог на секунду оторвалась от работы, - которые по отношению к терпящим бедствие людям ведут себя так же.

- Дельфины! – воскликнул Милентьев. – Конечно же, дельфины! И значит, флоатеры...

Он не договорил. В динамиках скафандров что-то затрещало, и в эфир прорвался взволнованный голос Людвиг Джемиссона, руководителя спасательной группы:

- Борт «ноль – семь», вижу вас на радаре! Жора, Тань - на связь!

Тань радостно взвизгнула, уронила фотокамеру в кресло и закрыла лицо ладонями.

Милентьев сделал глубокий вдох, пытаясь унять рванувшееся из груди сердце. Щелкнул ногтем по микрофону, подвигая его ближе к губам:

- Здесь «семерка»! Людвиг, я тебя слышу!

Голос почему-то сделался хриплым и сдавленным.

- Слава Богу, Жора! – из динамиков накатила волна восторга. – Мы вас нашли! Скоро выйдем на прямую видимость!

- «Седьмой», захожу сверху, буду брать флайер в захват – вклинился в разговор Ясухиро Минамото. – Ребята, вы странно выглядите. Так, словно у шаттла выросли крылья, и он ими машет!

Жи Лин громко рыдала в соседнем кресле.

- Внимание, парни, - кашлянув, сказал Милентьев. Он изо всех сил старался говорить убедительно и спокойно. – Прошу вас сбросить скорость шаттл-флайеров до минимума и пока не подходить к нам вплотную. Постарайтесь просто идти параллельным

«Не стояли звери около двери...»

курсом. Наблюдать и фотографировать. И включите все видеокамеры.

В эфире повисла долгая пауза.

- Жорик, у вас все нормально? – в голосе Джемиссона звучало беспокойство. – Вы со стороны и в самом деле выглядите как-то необычно...

- Все в порядке, Людвиг, - успокоил пилот. – Просто мы летим домой не одни... Нас сопровождают.

- Кто?!

- Наши будущие друзья, - сказал Георгий Милентьев и, засмеявшись, добавил. – Венерианские атмосферные дельфины!

2. Письмо, отправленное из Москвы в Ленинград 7 июня 1967 года

«Дорогой Боб!

Только вчера отрапортовал тебе, что «Полдень, XXII век» успешно и без замечаний миновал цензуру, а нынче вся наша работа едва не пошла прахом.

Утром, часиков так около десяти, явились ко мне два исключительно вежливых человека в возрасте что-то около сорока из... Некой Конторы, упоминать настоящее название которой у меня нет никакого желания. Ты знаешь, что такие ребята просто так в гости не ходят.

После того, как они промотыляли у меня под носом своими красными книжечками, мне было без всяческих предисловий и рассюсюкивания заявлено, что «Полдень, XXII век» в том виде, в каком он прошел цензуру, опубликован быть не может.

На мой вопрос «а в чем, собственно...», было сказано, что претензии Конторы вызывает только один из наших рассказов.

Боб, если ты стоишь, то сядь!

«Не стояли звери около двери...»

Запрету Конторы подверглась маленькая новеллка «Давайте будем друзьями!», которую мы написали в один присест во время моего последнего приезда к тебе.

Я повторил свой вопрос, но теперь он касался только этой злосчастной новеллы. Что крамольного обнаружилось в тексте об атмосферной базе на Венере?

Мне ответили. Ответ оказался настолько сногсшибательным, что получив его, я едва ли не минуту приходил в себя, пытаюсь осмыслить и упорядочить услышанное.

Честно говоря, ни с чем подобным мне еще в жизни сталкиваться не приходилось. Уверен, что и тебе тоже.

Оказывается, осенью позапрошлого года к Венере были запущены две космические станции - одинаковые, как братья-близнецы. В их спускаемых аппаратах были установлены научные приборы и размещены металлические глобусы Земли, внутри которых находились вымпелы с изображением советского герба.

Так вот, при подлете к Венере в феврале прошлого года обе станции подверглись мощному лучевому энергетическому воздействию неустановленной природы. В результате одна из станций сгорела в венерианской атмосфере, а вторая пролетела мимо планеты на расстоянии в несколько тысяч километров.

Поэтому в «верхах» принято решение не будировать интерес к Венере со стороны широких масс населения, ограничившись лишь публикациями научной тематики. Вполне возможно, что после еще нескольких разведывательных пусков, вторая от Солнца планета будет вообще закрыта для любых космических экспедиций. Якобы достигнута даже негласная договоренность с Соединенными Штатами о такой совместной космической политике.

Теперь сам понимаешь, почему я слушал эти объяснения, разинув рот.

Но нашелся быстро и уточнил, будут ли претензии к нашему «Полдню», если исключить из его состава

«Не стояли звери около двери...»

злосчастную новеллу о «друзьях». Нет, было мне отвечено, не будет. Я, не отходя от кассы, заявил, что изымаю наш «венерианский» текст из книги. «Пришельцы» из Конторы явно обрадовались и тут же сунули мне под нос подписку о неразглашении полученной информации «в течение пятидесяти лет». Я немедленно подмахнул эту бумагу. После этого незваные гости удалились.

Кстати, перед уходом они сказали, что такую же подписку потребует и от тебя Ленинградское отделение их Конторы. Быть может, ко времени получения этого моего письма ты уже даже ее подпишешь, и поэтому тоже будешь в курсе происшедших событий.

Кроме того, я на свой страх и риск – уж прости мне эту вольность без согласования с тобой! – принял решение убрать из состава «Полдня» главку «Моби Дик» - все-таки уж очень сильно она перекликается с книгой Артура Кларка «Большая глубина», а это не хорошо.

Как ты помнишь, изначально мы предполагали опубликовать «Полдень» в таком составе глав-рассказов (Ты еще и шутил: «Двадцать второй век в двадцати двух новеллах!»):

Часть первая «Почти такие же»

1. «Ночь на Марсе»
2. «Давайте будем друзьями!»
3. «Почти такие же»

Часть вторая «Возвращение»

4. «Перестарок»
5. «Злоумышленники»
6. «Хроника»
7. «Двое с „Таймыра“»

8. «Самодвижущиеся дороги»
9. «Скатерть-самобранка»

10. «Возвращение»

Часть третья «Благоустроенная планета»

11. «Томление духа»
12. «Десантники»
13. «Глубокий поиск»

«Не стояли звери около двери...»

14. «О странствующих и путешествующих»

15. «Благоустроенная планета»

16. «Загадка задней ноги»

17. «Моби Дик»

18. «Естествознание в мире духов»

19. «Свечи перед пультом»

Часть четвертая «Какими вы будете»

20. «Поражение»

21. «Свидание»

22. «Какими вы будете»

Теперь после «вылета» номеров 2 и 17 останется 20 глав, но принципиальных изменений вся наша конструкция не претерпела. Разве что первая часть - «Почти такие же» - из-за изъятия «венерианских друзей» стала совсем тощенькой, в ней всего два текста. Но это не беда.

Кажется, хотел еще что-то написать, но забыл.

Жму братскую ногу. Поцелуй Адку и маму.

Твой Арк.

P.S. А вот тянет меня «похулиганить»: опубликовать таки наших «венерианских друзей» ровно через пятьдесят лет. Если к тому времени подтвердится «угроза со стороны Венеры», мы с тобой станем пророками. Если же эти «страшилки» канут в лету – в чем я почти абсолютно уверен – публикация будет еще одним щелчком по носу «бдительной органической бюрократии».

Бобкинс, прилагаю к письму текст новеллы. Подумай, кому можно передать ее на сохранение.

P.P.S. «А письмоце сие немедля сожги по прочтении!»

3. «Давай останемся друзьями!»

Шаттл-флайер бесшумно скользил в атмосфере, постепенно сбрасывая скорость и зарываясь в серое одеяло облаков.

«Не стояли звери около двери...»

- Мы разобьемся? – спросила Тань Жи Лин. Ее колотила нервная дрожь.

- Размажемся на плато Ста ветров в направлении с юго-запада на северо-восток, - с кривой ухмылкой подтвердил Георгий Милентьев и в сердцах сплюнул на пол пилотской кабины:

- Как масло по куску хлеба, твою мать!

Тань повернулась к пилоту и уставилась на него широко открытыми от ужаса глазами.

- Это ты... - Она шумно сглотнула. – Ты не заметил этот гребанный разрядник! И теперь из-за тебя...

Она рванулась из кресла к Милентьеву, стараясь впиться ему в лицо острыми, как заточенная бритва наманикюренными ногтями.

- Спокойно, золотце! – Пилот успел перехватить кисти ее рук у самых щек. – Уймись!

- Тварь! Мерзавец! – Биолог извивалась всем телом, стараясь вырваться из захвата. – Убить тебя мало!

- Мы и так оба скоро подохнем! - загоготал Милентьев, дыхнув вчерашним перегаром. – Можешь не спешить!

Тань охнула, повисла в его руках и тихо завывала, уронив подбородок на грудь.

Пилот взглянул на ее тонкую шею, скользнул ниже, за глубокий вырез полетного комбинезона, нервно облизнулся:

- Слушай, а давай мы с тобой... Ну, это... Как мужик с бабой...

Он почувствовал, как в нем просыпается дух его троекратного прадедушки – жуткого развратника и гулехи.

Тань медленно подняла взгляд на пилота. В ее глазах стыла пелена слез.

- Ну, того... - нижняя челюсть Милентьева нервно дернулась вперед.

Жи Лин улыбнулась, чуть приподняв уголки губ. Оценивающим взглядом прошла по крепким плечам

«Не стояли звери около двери...»

пилота, совершенно бесстыже глянула на нижнюю часть его живота...

- А что... - Она тихонько засмеялась. – Ты давно нравился мне как мужчина. Но, сам понимаешь, космический полет, невесомость, потом высадка в атмосферу Венеры...

- Вот и давай займемся делом! – Милентьев ослабил, блеснув металлическими коронками на передних зубах. Отпустил руки девушки, повернулся к холодильному шкафчику и вытащил бутылку водки «Мускатная с перцем». – Будешь?

- Я не пью, - Тань Жи Лин брезгливо надула пухленькие губки. – Есть другие средства, чтобы жизнь стала веселее...

Она достала из кармана маленький розовый конвертик и сыпанула белым порошком на тыльную часть ладони. Понюхала, глубоко втягивая воздух и поочередно зажимая ноздри.

- Ты только не передозируй, - испугался Милентьев. – А то кончишься в самый неподходящий момент!

- Я знаю свою меру, - Тань стряхнула остатки порошка, спрятала конвертик и деловито осведомилась:

- Начнем?

- Приступим! – Пилот сделал еще один глоток водки прямо из горла бутылки и поставил початую «Мускатную» на пульт управления. Его руки потянулись к пуговичкам на комбинезоне биолога:

- Иди же ко мне, девочка!

- Погоди-ка, - Жи Лин с мягкой улыбкой на лице отстранилась. Ее глаза постепенно стекленели бусинками. – Начнем с другого!

Она грациозно опустилась на колени перед Милентьевым, коснулась застежек на его брюках, но вдруг ойкнула:

- Гляди, там, за окном... Поднимаются какие-то серые комочки...

«Не стояли звери около двери...»

- Это у тебя уже глюки начинаются! Не отвлекайся, – сладострастно прорычал Милентьев, глядя ее по волосам дрожащими от возбуждения пальцами:

- Тут тоже кое-что поднимается...

Море вожделения и страсти медленно заливало пространство пилотской кабины...

...В динамиках скафандров затрещало, и в эфир прорвался взволнованный голос Людвига Джемиссона, руководителя спасательной группы:

- Борт «ноль – семь», вижу вас на радарх! Жора, Тань - на связь!

- Связь в самом разгаре... - прохрипел Милентьев, ритмично двигая телом.

- «Седьмой», захожу сверху, буду брать флайер в захват – вклинился в разговор Ясухиро Минамото. – Ребята, вы странно выглядите. Шаттл словно дрожит...

Жи Лин громко заахала.

- Внимание, парни, - кашлянув, сказал Милентьев. Он изо всех сил старался говорить убедительно и спокойно. – Прошу вас сбросить скорость шаттл-флайеров до минимума и пока не подходить к нам вплотную. Постарайтесь просто идти параллельным курсом.

В эфире повисла долгая пауза.

- Жорж, у вас все нормально? – в голосе Джемиссона прозвучало беспокойство. – Со стороны шаттл и в самом деле выглядит как-то необычно...

- Я тебе потом все объясню, Людвиг! – громко прошептал пилот, закатывая глаза.

...Когда захваты подтянули раненную «семерку» к брюху стыковочного отсека атмосферной базы, Тань Жи Лин и Милентьев уже успели привести себя в порядок.

- Жорик, - биолог нервно шевельнула черной бровкой, - надеюсь, мы с тобой останемся просто друзьями?

4. Письмо в «личке» фейсбука от Дмитрия Строгова Владимиру Тупину.

Вованыч, приветики!

С ржавенькими письмецом и писульками – ну, теми, которые покойный дедуля хранил в шкатулочке, – вышла еще та бодяга. Мой откинувший коньки старпёр говорил, что эти бумажки передал ему на хранение какой-то инородец. Сэм Волянецкий, что ли... Не помню точно, хоть убей. А ему вроде бы сами братья-писатели – давно, еще до миллениума. Ну, и хотел мой дедун, чтобы писанинку эту тиснули где-нибудь в газетах-журналах как раз в нынешнем, 2017-м, году.

Короче, типа прикинь, сунулся я с этими бумагами в редакцию «Питерского звездобольца» – у них же бабла не меряно, их, базарят, сам Дубозевский из Парижа финансирует. Дай, меркую, срублю штучку-другую баксиков. Охранник на входе маякнул в шеф-приемную, ответила какая-то фифа-секретутка. Я ей и втираю, мол, есть интересный материалчик, мне бы вашего главного увидеть. Она в ответ пищит, что «главный редактор на совещании», а ко мне сейчас спустится какой-то Вася Пупкин – какой-то замзадхрен какого-то отдела.

Стою, типа, жду. Уже сигаретку успел забычковать – глядь, шлепает ластами по ступенькам длинный хлыщ в сереньком свитерочке и джинсиках времен моей прабабки. Смотрит на меня косо сквозь очки на вздернутом носу. «Здрасьте, - говорит, - это у вас есть текст для публикации?»

Я молча сую ему мои бумажки. Заценивай, мол, урод.

Он двумя пальчиками берет, брезгливо так. Читает. И – Вованыч, не поверишь! – его очки сами собой на лоб поднимаются.

«Откуда, - шепчет, как будто ему слон на горло наступил, - у вас эти материалы?»

Проняло его, значит, как мужика после года воздержания на голую бабу.

«Не стояли звери около двери...»

«От верблюда, - сплевываю на кафельный пол. – Дед в наследство оставил!»

Ну, думаю, верняк дельце: не две, а пять косых зеленю точно срублю.

Тацит меня очкарик мимо охраны наверх, на редакционный этаж, к ихнему главреду, который как раз с совещания вынырнул.

Заходим в кабинет, миновав приемную с двумя гламурными фифами. Кабинет главреда, Вованыч, – половина футбольного поля, не меньше. Он сам сидит за громадным письменным столом, похожий на румяный накачанный футбольный мяч.

«Вот, Имярек Итыятович, - блеет очкастенький Васютка Пупкин, - товарищ принес интереснейший материал!»

Прикинь, этот Чучмек Разгильдяевич берет мои бумаженции, читает. Бровки его лезут на лоб.

«Это, - говорит, - действительно может потянуть на хорошую сенсацию. Неизданный рассказ братьев!»

Мне, Вованыч, сладко стало, словно полкило халвы за раз схарчил.

«Только нужно заменить Венеру на другую планету, - продолжает газетный главмяч. – О Венере писать не рекомендуется. Это закрытая планета, и туда уже лет сорок никто не летает – ни мы, ни Америка с Китаем. Пусть местом действия станет Юпитер».

Я молча киваю, мне ж по хрен, на чем зеленку скосить – да хоть на Солнце.

Только, брателло, рано я радовался. Этот шар в кресле разглядывает меня в упор и, гребена мать, выливает ушат холодной воды:

«Оставляйте, уважаемый, текст, мы отдадим его на литературную экспертизу».

Нашел, типа, дурака! Я оставляю текст, они его копируют, а мне – дулька с маком?

«Не, братаны, - беру со стола бумажки, - так дело не разрулится. Пять штук зеленю на бочонок – и записочки эти будут вашими. А иначе – никак!»

«Не стояли звери около двери...»

«Все равно, - начинает быковать футбольный глобус, - ваши тексты без экспертизы никто не опубликует!»

«А это мы еще поглядим!» – я делаю ручкой и отгребаю.

Прикинь, Вованыч, экспертиза им нужна. А может, и вправду эти дедулины писули имеют немалую ценность? Тогда чем дольше их попридержать, тем больше в итоге бабла получишь.

Короче, запер я эти бумажки снова в дедов сундучок. Пусть малеха полежат. А я покуда про братьев-авторов побольше узнаю.

И тут мне мыслишка дельная в башку шлепнулась. А ведь на писанине этой можно и по-другому денежку поднять.

Перечитал «братский» текст. Станции, шаттлы, космонавты – кому это на хрен сегодня интересно?

А вот если писанинку эту подправить... Ну, типа короче прикинь, переписать своими словами. Мужик с бабой в одной кабине, понимаешь? Туда-сюда, любовь-морковь по быстрому. Тут как раз и Венера в самый раз – богиня ж любви!

Короче, Вован, взял я этот текстик и на своем ноуте переклепал. С утречка оттараню его в «Космопорно» – а вдруг напечатают? Ну, пусть не пять штук баксов, но уж пятерочку тысконок нашими мне верняк дадут – там «клубничку» любят.

Поэтому завтра вечером звякни мне в рельс. Может, пересечемся где-то, пивнячка зацедим.

Твой друган Димон.

2017 год

Волшебное зеркало Кристобаля Хунты

- Стругацкие?! Братья?
- История - другая!
- Совсем уже...?!
- Это... Но... Все мертвецы... - замерли сердца и остановилось дыхание.
- Музейный зал.
- Рубенс и Рембрандт. Леонардо великого кисть – портрет Чеслава Волянецкого. Вот и Хунта Кристобаль...
- Толпа созерцала картину.
- Зеркало истории - эта картина, - сказал гид. - Пролилась кровь!
- А название? «Страх»? - Кто-то шагнул вперед. – «Ужас»?
- «Кристобаль Хунта и чучело».
- Гид охнул:
- Коснулись картины?!
- Да... Я не знал... Теперь узнаю!
- Поздно!
- Тьма сгустилась.
- Картина зашевелилась...
- О!!!
- Зашевелилась картина:
- Сгустилась тьма... Поздно узнаю - теперь... Знал – не я!
- Да, картины коснулись... - охнул гид-чучело. – И - Хунта Кристобаль!!!
- Ужас!
- Вперед шагнул кто-то:
- Страх - название...
- А!!!
- Кровь пролилась...
- Гид сказал:
- Картина эта - истории зеркало.

«Не стояли звери около двери...»

Картину созерцала толпа...
Кристобаль Хунта — и вот...
Волянецкого Чеслава портрет – кисть великого
Леонардо. Рембрандт и Рубенс.
Зал музейный...
Дыхание остановилось...
И сердца замерли...
Мертвецы все...
«Но это уже совсем другая история».
Братья Стругацкие.

2015 год

Сказание о «Ёсицунэ Минамото»

...но упростить – не значит понять.
Д. Строгов, писатель

1

В космопорту Пулково Строганова встречал Малянов:

- Как слетали, Борис Николаевич? Как симпозиум?

- Все прошло замечательно, Дима! – Строганов приобнял Малянова. – Симонэ наши предложения принял полностью. А Володька Юрковский вообще загорелся желанием немедленно лететь к Юпитеру. Чеслав наш Волянецкий еле сдержал его – мол, нужно тщательно подготовиться, чтобы «пощекотать полосатика». В итоге экспедицию к Джупу наметили на начало декабря нынешнего года... Но сейчас не это главное! Ты на машине?

Малянов щелкнул по сенсору на коммуникаторе, и со стоянки к ним, сигналив, подкатил серебристый красавец «Волгарь».

- Вот и хорошо, - обрадовался Строганов. – Немедленно едем ко мне. Пока челнок в автономном полете болтался на орбите, у меня родилась одна интересная идея!

Они загрузились в просторную кабину электромобиля, и минутой позже машина плавно влилась в разноцветный поток транспорта, который двигался по шоссе в сторону Ленинграда.

- Кстати, как там твои? – поинтересовался Строганов, расслабленно откинувшись в кресле. – Иринка, Бобка?

«Не стояли звери около двери...»

- Нормально, - с улыбкой ответил Малянов. - Ирина корпит в своем институте над очередной хозтемой, а Бобка по-прежнему в Лондоне. Пишет и звонит крайне редко, шельмец. Нарушает гомеостатическое мироздание по полной программе!

В небе над ними раскатисто и гулко загрохотало. Слева от автотрассы, почти у самого горизонта, приподнялся от земли и медленно стал подниматься в небесную высь оранжево-малиновый столб огня с темным пятнышком космического корабля на вершине.

- Что-то разлетались сегодня краюхинские соколы, - покачал головой Малянов. – Опять, наверное, что-нибудь грандиозное затевают... Я вас в порту ожидал не больше часа, и за это время это уже четвертый запуск.

- Чему удивляться, Дима? – Борис Николаевич пожал плечами. - Человечество постепенно становится космическим. Чуть больше полувека прошло со дня старта Гагарина, а мы уже добрались до самых границ Солнечной системы...

- Интересно все-таки устроена человеческая история, Борис Николаевич, - Малянов переключил машину на автовождение и убрал руки с руля. – Вот, к примеру, взять Краюхина... Я ничего не имею против него лично, но давайте будем объективны: он смог подняться в науке только после трагедии пятьдесят пятого года... Ну, а скажем, если бы той катастрофы не было? Если бы ракета не рванула на старте? Останься тогда в живых Сергей Королев и Валентин Глушко, так бы и просидел, наверное, Николай Захарович в своей тмутаракани рядовым инженером в заштатном НИИ... И не было бы у нас никакого дальнего космоса!

- Категорически не согласен, Дима! – Строганов встрепенулся и протестующе потрянул головой. – Мы бы обязательно шагнули к звездам! Страна созрела для того, чтобы всерьез заняться космонавтикой! Да, может быть, люди летали бы в космос не на атомных ракетах конструкции Краюхина, а на каких-нибудь химических ракетах...

«Не стояли звери около двери...»

- Ага, - Малянов хитро заулыбался в предвкушении дискуссии. Ему всегда было интересно поспорить со Строгановым. – Как я понимаю, Борис Николаевич, вы не слишком высоко оцениваете роль личности в истории?

- Напротив, - немедленно возразил Строганов, - каждый человек может очень серьезно повлиять и на судьбы других людей, и на исторические процессы в целом. Но с другой стороны, Дима, будущее человечества все-таки достаточно жестко определено всей предшествующей логикой исторических событий. Вот, например... Э... Согласись, наша страна не могла не победить гитлеровскую Германию. Эта победа была предсказуема даже в начале войны и следовала из геополитических и экономических реалий того времени...

- Жаль, что Политбюро во главе с товарищем Сталиным в июне сорок первого об этом не догадывалось, - с намеренной ехидной подначкой заметил Малянов. – Столько сил и средств вложили в организацию обороны страны!

- И правильно вложили, - заметил Борис Николаевич. – Геополитические реалии реализуются посредством правильных управленческих решений.

- Историки до сих пор спорят, - снова ухмыльнулся Малянов, - правильными ли были те управленческие решения?

- Ну, на то они и ученые, чтобы спорить, - заметил Строганов. – Нет ничего хуже, чем заскорюзлые догмы в науке...

- Даже если эти догмы обусловлены мнением из высоких партийных кабинетов? – со смешком вставил Малянов и вопросительно покосился на Бориса Николаевича.

Строганов секунду помолчал, собираясь с мыслями, и невозмутимо, словно и не заметив подковырки коллеги, продолжил:

- Наша победа во второй мировой войне была неминуема. Но вот то, как и когда эта победа

«Не стояли звери около двери...»

реализуется, тут уж все полностью зависело от человеческого фактора...

- Грубо говоря, - голос Дмитрия сделался серьезным, - простой советский солдат ценой своей крови и жизни реализовал виртуальный геополитический фактор...

По обе стороны дороги проносились ухоженные ряды невысоких деревьев. За ними поднимались плоские, островерхие и куполообразные крыши рабочих зданий в промышленных зонах и технолэндах.

- Знаешь, Дима, мне старший брат когда-то рассказал одну очень любопытную историю... - нарушил молчание Строганов. – Она как раз касается влияния человеческого фактора на ход истории. Хочешь, расскажу?

- Угу, - Малянов закивал.

- Дело было в самом начале 1942 года, - Борис Николаевич потер пальцами виски, стараясь прогнать уже накопившуюся с утра усталость. – Мы, - я и моя мама, - уехали в эвакуацию, за Урал. А отец с братом остались здесь, в осажденном немцами Ленинграде. Брат по возрасту еще не подпадал под призыв в армию, но по линии комсомола уже был мобилизован на трудовые работы. Их сводный отряд занимался тем, что разгребал завалы на городских улицах после фашистских бомбардировок и артобстрелов. Однажды несколько бомб попали в здание на Литейном, где временно располагалась детская больница. Море крови, трупы, раненые... Машин, чтобы отвезить пострадавших в другие больницы и госпиталя, катастрофически не хватает. И тут брат видит, как по Литейному катит весьма симпатичный кортежик: впереди пара пустых грузовичков, а за ними несколько новеньких «эмок». Брат, недолго думая, выходит на дорогу и поднимает руку, чтобы этот кортеж остановить. И что ты думаешь, Дима? Машины действительно останавливаются. Брат всего лишь хотел попросить, чтобы водители грузовиков помогли с перевозкой раненых. Но не успел он и рта

«Не стояли звери около двери...»

открыть, как из вроде бы пустых кузовов машин ссыпались на землю три или четыре энкэвэдэшника в шинелях и мгновенно скрутили ему руки. А из передней «эмки» в сопровождении адъютанта вылез плотный низкорослый мужичок в теплом колушке. Брат приподнял голову, присмотрелся... Мать честная, товарищ Жданов, организатор обороны Ленинграда, собственной персоной! «В чем дело? – спрашивает Жданов у энкэвэдэшников. – Почему мы остановились?» Те в ответ: «Вот, товарищ Жданов, какой-то типчик выскочил на дорогу и стал останавливать машину с охраной». Жданов вплотную подходит к брату. «Кто такой? Отвечай!» - спрашивает. «Старший комсомольского отделения, завалы разбираем, - брат, конечно, испугался, но сообразил, что и как нужно отвечать. – Здесь много раненых детей, а машин для перевозки в госпиталь не хватает. Думал у вас грузовики пустые, хотел, чтобы нам помогли». Жданов оценивающе окинул его колючим взглядом, взглянул на суетившихся среди развалин людей и коротко распорядился: «Ну-ка, отпустите парня!» Потом снова повернулся к брату: «Транспорт мы вам сейчас пришлем. Работайте!» Сказал, и неторопливо направился к своей «эмке». Но не успел он сесть в машину, как в воздухе пронзительно засвистело и сразу несколько снарядов ударили как раз в то место на проспекте, где остановился кортеж. Это немцы впервые дали залп по Ленинграду из дальнобойных пушек... Брата отшвырнуло в сторону взрывной волной, контузило. А Жданова и энкэвэдэшников накрыло. Прямое попадание... Вот так-то, Дима. А ведь если бы брат тогда не вышел на дорогу и не остановил кортеж, товарищ Жданов вполне мог бы дожить до самой победы. И общий итог войны в чем-то был бы уже совершенно иным...

- Ну, да, - Малянов скептически ухмыльнулся, - проживи товарищ Жданов дольше, и наши танки в сентябре сорок шестого не остановились бы в Париже и

«Не стояли звери около двери...»

в Риме, а победным маршем дошли до самого Ла-Манша и Мадрида...

Электромобиль стремительно пересек площадь имени Лаврентия Берия и свернул на проспект Вознесенского. Компьютер машины отыскал дом, в котором проживал Строганов, и, сделав плавный поворот с дороги, въехал под высокую арку двора.

Двор жил обычной летней жизнью. На дорожках под высокими тенистыми деревьями несколько молоденьких мамочек с колясочками выгуливали младенцев. Пенсионеры Воронин и Кацман коротали время за шахматной доской в увитой разросшимся диким виноградом деревянной беседке. Шумное и многочисленное семейство Горбовских собиралось на дачу и суетливо грузилось в старенький автомобиль-пикап.

Борис Николаевич и Малянов оставили «Волгарь» на стоянке около подъезда и на лифте поднялись к квартире Строганова.

На лестничной площадке между одиннадцатым и двенадцатым этажами, присев на подоконник, неторопливо покуривал одетый в поношенный спортивный костюм и шлепанцы на босую ногу худощавый мужчина со всколоченными седеющими волосами.

– С возвращением, Борис Николаевич! - мужчина затушил окурок в металлической консервной банке, стоявшей на подоконнике, и не спеша стал подниматься по лестнице навстречу приехавшим.

- Здравствуй, Даниил Денисович, - заулыбался в ответ Строганов. – Чертовски рад тебя видеть! Вот познакомься, – Борис Николаевич кивнул в сторону Малянова, – мой коллега, профессор Малянов Дмитрий Алексеевич.

- Очень приятно, - мужчина пожал протянутую руку профессора и представился:

– А я – Строгов. Так сказать, инженер человеческих душ.

«Не стояли звери около двери...»

Малянов удивленно вскинул брови.

- Даниил Денисович – известный писатель, автор полутора десятка очень хороших книг, - пояснил Строганов, заметив тень непонимания на лице коллеги.

- Старик, ты вгоняешь меня в краску, - Строгов изобразил крайнюю степень смущения. – Какой там известный писатель, если даже почтальон постоянно путает мою корреспонденцию с твоей?

- Не скромничай, Данька, - досадливо поморщившись, махнул рукой Борис Николаевич. – Почтальон путает почту только потому, что у нас похожие фамилии...

- А я ведь читал ваши книги, - улыбнувшись, припомнил Малянов. – «Белый ферзь», «Свернувшийся мир» и... «Найденыш», да?

- Ага, - Строгов закивал. Ему было приятно. – Ребята, так может быть, по сто грамм коньячку за знакомство и в связи с возвращением Николаича на родную землю, а?

- Э-э-э... Видишь ли, Даня, - Строганов кашлянул и озабоченно наморщил лоб. – Есть одна интересная научная идея, которую я хотел бы обсудить с Дмитрием Алексеевичем...

- Двести грамм коньячку – это лучшее средство для приведения в порядок мозговых извилин, - продолжал наседать Строгов. – Искусство питья, Боря, вообще является движущим фактором науки...

- Ладно, шут с тобой, давай, - хохоча, сдался Строганов. – Но сначала мы с Дмитрием Алексеевичем все-таки немножко поработаем!

- Полчаса на все про все вам хватит? – приподняв седую бровь, деловито осведомился писатель.

Борис Николаевич собрался было запротестовать, но Даниил Денисович его опередил:

- Готовьте закуску, товарищи ученые, коньяк будет за мной, - и он поспешно скрылся за дверью своей квартиры.

2

Получасовая фора, которую Строгов дал Малянову и Строганову, растянулась, однако, почти на час. Когда писатель, - тщательно выбритый, причесанный и переодетый в строгий деловой костюм темно-синего цвета, - появился в дверях квартиры Бориса Николаевича, Строганов и Малянов уже успели заполнить полтора десятка бумажных страниц, длинными и непонятными математическими формулами и торопливыми рисунками разнообразных схем и графиков.

- Перекур, академики! – Строгов прошел в гостиную и водрузил на стол две бутылки армянского коньяка, только что купленные им в гастрономе на площади имени генералиссимуса Жукова. – Борька, где закуска?

Строганов оторвал взгляд от расчетов, сдвинул очки на лоб и непонимающим взглядом уставился на гостя:

- Даня, ты? Какая закуска? Ах, да...

- Та-ак, все ясно... - Строгов разочаровано вздохнул и осуждающе нахмурил брови. – Борис, ты неисправим. Одной наукой сыт не будешь!

- Понимаешь, Данька, - Борис Николаевич близоруко сощурил глаза и виновато улыбнулся. – Очень уж интересная задачка нам с Дмитрием Алексеевичем попалась... Я и забыл о закуске... Извини, старик...

- Ладно, - смилостивился писатель и голосом, не терпящим никаких возражений, сообщил:

- Я иду на кухню готовить закуску, а вам на окончание техпроцесса – еще полчаса. Ученые, понимаешь...

Он фыркнул и, на ходу снимая пиджак, удалился в сторону кухни.

По истечению установленного срока стопка листов с расчетами и походный компьютер Бориса Николаевича были решительно вытеснены на самый край стола

«Не стояли звери около двери...»

бутылками с коньяком, тарелками с бутербродами, колбасной и сырной нарезками и прочей снедью, которую Даниил Денисович отыскал в холодильнике у Строганова на кухне и принес из своей квартиры.

Строгов аккуратно разлил коньяк в небольшие бокалы, извлеченные из стенного бара в гостиной:

- Ну, что, мужики, вздрогнем? За возвращение Бориса Николаевича и за знакомство!

Три бокала на мгновение соприкоснулись над столом, и они выпили.

- А вы, Дмитрий Алексеевич, тоже по астрофизической части специализируетесь? – спросил Строгов, откусывая кусок от бутерброда с сыром. – Как и Борис Николаевич?

- Да, по общей теории астрофизики, - закивал Малянов, накладывая в тарелку овощной салат из похожей на широкую ладью салатницы. – Эм-полости, знаете ли, всякие там свернутые пространства... Ну, и прочая дребедень космических масштабов...

- Значит, тоже как-то связаны с космонавтикой... - лицо Строгова почему-то сразу погрузнело. – И что же, часто летаете?

- Ну, в моем возрасте уже особо не разлетаешься, - Малянов печально улыбнулся, - но пару раз на околоземную орбиту мне все же вскарабкаться удалось!

- Возраст! – скептически хмыкнул Борис Николаевич. – Какие твои годы, Димка? Ты же на десять лет меня моложе!

- По хорошему вам завидую, ребята... Вы – летаете... А я... - Даниил Денисович горько вздохнул. - Ладно, как говорится, между первой и второй – промежутки небольшой! Разливаю!

- Данька, опять начинаются твои волжские страдания? – Строганов осуждающе покачал головой и пояснил Малянову:

- Даниил Денисович имеет честь принадлежать к самой первой когорте наших межпланетников. Дима,

«Не стояли звери около двери...»

помнишь перелет Земля – Венера – Земля в девяносто первом?

- Так это тоже были вы? – Малянов уставился на соседа Бориса Николаевича округлившимися глазами. – А я всегда был уверен, что космонавт Строгов и писатель Строгов – это просто однофамильцы!

- Были и мы когда-то рысаками, - Строгов смущенно потупился и развел руками. – Но медицина после того полета к Венере пришла к выводу, что мое место на живодерне. Летать, дескать, мне уже хватит... С тех пор я, Дмитрий Алексеевич, шагаю по жизни кривыми и глухими окольными тропами...

- Ничего себе кривые тропы! – возмущенно встрепенулся Строганов. – Лауреат Ленинской премии, член Литературной Академии, куча читателей... Поклонницы так и виснут на шее... Сына вырастил, который, между прочим, пошел по твоим стопам!

- Также стал космонавтом? – поинтересовался Малянов.

- Нет, тоже пошел в писатели, - Строгов криво ухмыльнулся. – Стал бумагомарателем, как и его стареющий папаша...

- Данька, да ты просто старый завистник и клеветник! – захохотал Борис Николаевич и легонько толкнул локтем Малянова:

- Мальчишка – талантище! Через год заканчивает литературный, а уже написал две книги. И какие!

- Давайте выпьем за наших детей, - тут же предложил Дмитрий Алексеевич. – За их счастье и успехи!

Бокалы снова с легким звоном соединились в пространстве над тарелками.

- Ты превращаешься в замшелого и нудного ворчуна, Данька, – Борис Николаевич дружески похлопал Строгова по плечу. – У тебя в семье рождается писательская династия, появляется новая семейная традиция, а ты...

«Не стояли звери около двери...»

- У меня в семье уже есть двухсотлетняя традиция, - невозмутимо сообщил писатель, аппетитно похрустывая соленым огурчиком. – Все Строговы по мужской линии обязательно получают имена, которые начинаются с буквы «Д»... Даниил, Денис, Дмитрий...

- Нет, ты только посмотри, Дима, на этого злодея! – хохотнул Строганов. - Мало того, что он взял моду закусывать прекрасный армянский коньяк домашними маринованными огурцами, так он еще культивирует махровый комплекс собственной неполноценности! Известный космонавт-герой, популярный писатель, семья у него прекрасная ... А он – киснет!

- Борька, но я же больше не могу летать... - грустные морщины залегли вокруг рта писателя. - Как ты не понимаешь простых и очевидных истин? Я – как Пегас, у которого однажды подрезали крылья...

- Зато ты пишешь отличные книги, дорогой мой литературный конь! - решительно и резко возразил Борис Николаевич. – А если еще вспомнить твои футурологические прогнозы...

- Стоп, о моих прогнозах - ни полслова, - писатель протестующе взметнул руки. – Насчет футурологии я уже зарекся, Боря...

- Это с каких же пор? – опешил Строганов.

- Мы с Сорокиным... - Даниил Денисович запустил пальцы за ворот рубашки, ослабляя галстук. – Феликс Сорокин - это мой коллега... Очень хороший писатель, кстати... Так вот, мы с Сорокиным пришли к крайне интересному выводу, Боря. В целом по поводу футурологии и в частности насчет описаний будущего... Чем лучше и ярче описан в книге мир будущего, тем меньше вероятность, что именно этот вариант развития человечества реализуется в действительности.

Борис Николаевич удивленно кашлянул и непонимающе уставился на Строгова:

- Ну-ка, поясни, товарищ писатель!

Строгов отправил в рот кусочек копченой колбасы, прожевал и начал:

«Не стояли звери около двери...»

– Все дело в том, ребята, что человечество никогда не хотело жить в красиво, сочно и хорошо написанном будущем. Мечтать о нем – это пожалуйста, а вот чтобы реально пожить в воплощенной мечте... В каждом из нас – глубоко или не очень – все-таки сидит непримиримый бунтарь. Жить по написанному кем-то на века вперед даже очень талантливому сценарию не захочет никто... Не любим мы золотых клеток и predeterminedных дорог, понимаете? Пусть холод, пусть голод, пусть лишения, – но зато есть свобода выбора! Часто эфемерная, но все-таки свобода! Это во-первых...

Он замолчал, сплел руки на груди и принялся слегка раскачиваться на стуле. Потом продолжил:

- Ну, и во-вторых... Вы же сами знаете, дорогие мои физики, что Вселенная устроена так, что любое событие обязательно реализуется в ней одновременно во всех возможных вариантах. Ветвление миров, параллельные пространства и все такое прочее... Так вот мы – я и Филька Сорокин – считаем, что хорошо выписанный в книге мир – это и есть одна из равноценных вероятностей. То, что хорошо описано в тексте, уже не появится в реальности. Природа, так сказать, не терпит дублирования вселенных...

Строгов хитро прищурился, окинул собеседников взглядом и осведомился:

- Ну, как, физики мои гениальные, хороша теория, а?

- Любая гипотеза об устройстве мира, - пусть даже и высказанная в литературной форме, - все-таки должна иметь физическое и математическое обоснование, - заметил Малянов, задумчиво вертя в пальцах вилку. – Мы же имеем дело со вполне реальной Вселенной, Даниил Денисович! А не только с литературным вымыслом...

- Математика? – Строгов заметно оживился. – С этим как раз все в порядке, ребята. В том смысле, что теоретически кое-что можно предположить...

«Не стояли звери около двери...»

- Вот как? – Дмитрий Алексеевич заинтересованно подался вперед. – И как же обосновывается с математической точки зрения ваша гипотеза, дорогой товарищ писатель?

Строганов заметил в глазах коллеги лукавые огоньки.

- Хотите разбить меня на математическом поле? – Даниил Денисович расплылся в улыбке и воинственно приподнял подбородок. – А вот попробуйте, Дмитрий Алексеевич! У меня в былые годы была весьма недурная научная подготовка, так что взять парочку тройных интегралов я по старой памяти сумею!

- Вы предлагаете мне дуэль на интегралах? – смешливо прищурился, прыснул Малянов. – Господь с вами, Даниил Денисович! Нисколько не сомневаюсь в ваших потенциальных математических возможностях! Просто я привык мыслить и говорить на языке математики тогда, когда дело касается устройства Вселенной.

- Горячие эстонские парни, - Строганов громко рассмеялся, скрестил на груди руки и откинулся на спинку стула, - сошлись на ристалище за честь и доблесть Вселенной! Кто кого, математика или литература? Физики или лирики?

- Ребята, с математическим обоснованием нашей с Сорокиным гипотезы все в порядке, - повторил Строгов. – Здесь работает теория вероятности. Если мы представим будущее в виде некоего набора вероятных сценариев, то написание любого талантливого произведения о грядущем мире есть не что иное, как выбор именно этого варианта из перечня возможных. Если этот вариант уже выбран литературно, то он, естественно, исключается из перечня возможных сценариев. Следовательно, реальный мир уже никак не сможет сделать этот же выбор!

Малянов призадумался, оценивая услышанное.

- Ладно, литературное устройство мироздания мы потом как-нибудь обсудим, - примирительно произнес

«Не стояли звери около двери...»

Борис Николаевич. – На досуге, так сказать... Ребята, по моему, назрел третий тост. Естественно, за наших любимых дам.

- Дмитрий Алексеевич, - спросил Строгов, когда они выпили, - а что наш Борис Николаевич опять какую-нибудь гениальную теорию замыслил? – он кивнул в сторону стопки исписанных бумаг на краю стола. - Опять будем школьные учебники по физике переписывать?

- Борис Николаевич, предложил очень любопытную методику расчета свертывающихся пространств, - Малянов широко улыбнулся. – Учебники по физике, я думаю, переписывать пока не придется, но публикации пары дополнительных томов вполне можно ожидать...

- Ну, методику расчета, Дима, предложить не сложно, - отмахнулся Строганов. – Главное – это все-таки опыт, критерий истины. А опыт такого масштаба нам никто проводить не позволит...

- Гм... А если мы попробуем поэкспериментировать на Луне? – предложил Малянов. - На нашем институтском реакторе? Борис Николаевич, за два-три месяца мы успеем подготовить и методику эксперимента, и техническую базу...

- Все равно это будет очень опасный опыт, - покачал головой Строганов. – Такой эксперимент вообще нельзя проводить в окрестностях Земли. И даже в Солнечной системе я бы не рискнул... Может быть, лет через сто, когда человек доберется до других звездных систем, до дальних планет...

- Жаль, что вашу теорию нельзя проверить немедленно, - сказал Строгов, с аппетитом поглощая очередной бутерброд. – Я как раз собирался внедриться в научную среду... Исключительно с целью познания мира науки и его обитателей... А если бы мне еще представился случай внести свой скромный вклад в сам процесс раскрытия секретов матушки - природы...

- Вот и внеси, Даниил Денисович, - засмеялся Борис Николаевич и озорно подмигнул:

«Не стояли звери около двери...»

- Ловлю тебя на слове! Ну-ка, предложи нам с Дмитрием Алексеевичем название для физического процесса, описывающего движение в сворачивающемся пространстве... Дерзайте, товарищ мастер словесности! Вам и карты в руки!

- Да нет проблем! – Строгов откинулся в кресле, несколько секунд сосредоточенно изучал потолок с лепниной, а потом по слогам произнес:

- Сиг-ма-де-ри-три-ни-та-ци-я!

- А почему не тирьямпампация? – звонко и раскатисто захохотал Малянов. – Ну-ка, объяснитесь перед научным миром, Даниил Денисович!

- Эх, товарищи ученые... Докторы-академики, - в глазах Строгова блеснули веселые искры. - А что ж тут объяснять? Все, как говорится, лежит на поверхности...

Он помолчал, пожевал губами, собираясь с мыслями, и продолжил:

- Во-первых, сей научный термин рождается в процессе некоего заседания на троих. Какой у нас сейчас язык международной науки? Английский с утра был, да? Тройка по-английски – это «тринити». То есть концовка термина готова.

Строганов обхватил плечи руками и залился смехом.

- От ваших - черт их дери, - расчетов, господа профессора и академики, - невозмутимо продолжал писатель, - мозги плавятся у любого нормального человека! Мозги мы не трогаем – они нам еще пригодятся, черта отбрасываем по эстетическим соображениям, а вот глагол «дери» оставляем. Это будет середина слова. Теперь начало...

Он отправил в рот маленький огурчик, пожевал и изрек:

- А «сигма» – это и есть сигма. Сиречь сумма. Сумма головоломных «дери»-расчетов и совместных «тринити»-усилий!

«Не стояли звери около двери...»

- Ну, молодец, - Борис Николаевич принялся носовым платком вытирать заслезившиеся от смеха глаза. – Ну, уважил!

- Так могём же! – Даниил Денисович растянул в улыбке тонкие губы. – Давайте, мужики, еще по бокальчику! За сворачивающиеся пространства! Чтобы однажды – раз! – и сразу с Земли и до Альдебарана, прямо через свернувшиеся пространства! Из точки А – и прямехонько в точку Б!

Он потянулся рукой за бутылкой.

- Погоди-ка, Даня, погоди, - Строганов остановил его жестом. – Как ты говоришь? Из точки А в точку Б... И через свернувшееся пространство...

Рука Даниила Денисовича замерла над столом. Он удивленно воззрился на Строганова.

- Ребята... Даня, ты погоди разливать... - Борис Николаевич пододвинул к себе бумаги с края стола и принялся лихорадочно рыться в листах с расчетами, вытащил один из листов и протянул Малянову:

- Дмитрий Алексеевич, дорогой, а ну-ка проинтегрируй вот это уравненьице, - он ткнул пальцем куда-то в центр листа. - С граничными параметрами в точках А и Б... И эффектом противодействия в мнимых единицах. Да и вот еще что: вся система в целом должна иметь постоянную энергию...

- Имеет место быть научное озарение! – Строгов шутливо поднял указательный палец. – Во время священного процесса питания! Непорядок! Но ради торжества науки, Боря, я даже готов подключиться в помощь к Дмитрию Алексеевичу.

Строганов медленно поднялся со стула, опираясь рукой на столешницу. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль за окном.

- Мальчики, - произнес он, словно опомнившись, - вы здесь посидите, а я сейчас... Считай же, Дима, считай!

Борис Николаевич быстрыми шагами пересек комнату, прошел коридор и распахнул дверь в свой кабинет.

3

Фотография стояла там, где и всегда, - на уголке письменного стола.

Его талисман, его память, часть его души...

Когда нужно было принять важное решение или судьба зависела от милости Его Величества Удачи, он брал в руки эту маленькую фотографию в простой деревянной рамке. И словно кто-то невидимый, сильный и бесконечно мудрый становился рядом. Вдохновлял, помогал, оберегал...

Фотография... Молоденький старший лейтенант в длиннополой шинели, с лихо заломленной фуражкой. Добрая улыбка на круглом лице. Темные, чуть прищуренные глаза.

Последняя фотография брата...

Тогда, в начале июля пятидесятого, они с мамой получили по почте то страшное письмо. В сером казенном конверте, который он вытащил из ящика на двери, оказался всего лишь один лист с напечатанным на пишущей машинке текстом. Он и сейчас помнил тот текст наизусть.

«Уважаемая Александра Ивановна!

Сообщаем, что Ваш сын лейтенант Строганов Аркадий Николаевич пал смертью храбрых, защищая границы нашей Советской Родины.

21 июня 1950 года в территориальных водах СССР пограничным катером «Смелый» была остановлена японская рыболовная шхуна «Ёсидзунэ Минамото». Для осмотра шхуны на ее борт поднялись старший лейтенант Перелыгин Б.А., переводчик лейтенант Строганов А.Н., сержант Синицкий Ю.П. и рядовой Федоренков В.Н. В ходе осмотра было установлено наличие на борту шхуны шпионского оборудования для радиолокационной и визуальной разведки военных объектов на территории СССР.

При попытке ареста японских шпионов, экипаж шхуны оказал вооруженное сопротивление, в результате

«Не стояли звери около двери...»

которого были убиты старший лейтенант Перелыгин Б.А. и сержант Сеницкий Ю.П.

Лейтенанту Строганову А.Н. и рядовому Федоренкову В.Н. в завязавшейся перестрелке удалось захватить капитанский мостик судна «Ёсицунэ Минамото», заблокировать управление кораблем и удерживать свою боевую позицию в течение получаса до подхода сторожевых кораблей Тихоокеанского военно-морского флота СССР. В ходе боя лейтенант Строганов А.Н. получил два пулевых ранения – в грудь и в область живота, однако, из боя не вышел и продолжал отстреливаться до подхода десанта моряков Тихоокеанского флота.

Лейтенант Строганов А.Н. был немедленно доставлен в военный госпиталь, но все попытки врачей спасти его жизнь не увенчались успехом. Вечером 21 июня 1950 года лейтенант Строганов Аркадий Николаевич скончался.

Память о лейтенанте Строганове А.Н., героически павшем при защите границ нашей Родины, навсегда сохранится в сердцах военнослужащих Н-ской части.

Командир Н-ской части полковник Черный Е.А.»

И неразборчивая подпись внизу...

«Это Аркадий, - тихо произнесла мама враз побелевшими губами. – Это наш Аркаша»...

«Да что ты, мама! – Борька взял письмо из ее рук. – Тут явно какая-то ошибка! И фамилия у этого лейтенанта не наша, и отчество!»

«Нет, - по щекам мамы медленно поползли серебристые бусинки слезинок. – Я чувствую, Боря... Аркадия больше нет»...

Он долго утешал ее, говорил, что завтра же с утра пойдет в райвоенкомат и во всем разберется.

А ранним утром следующего дня они услышали по радио заявление Советского правительства. Провокации японской военщины, говорилось в заявлении, в последние дни стали особенно наглыми и циничными. Каплей, которая переполнила чашу терпения советского

«Не стояли звери около двери...»

народа – строителя коммунизма, стало кровавое убийство 21 июня 1950 года японскими диверсантами и шпионами советских военнослужащих - старшего лейтенанта Перелыгина, лейтенанта Строганова, сержанта Синицкого и рядового Федоренкова. Сегодня, 10 июля 1950 года, частям Советской Армии и Советского Военно-морского флота дан приказ атаковать воинские формирования империалистической Японии и в кратчайшие сроки освободить от японских оккупантов территории Китая, Кореи, Индокитая и Таиланда.

Потом Юрий Левитан зачитал указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза погибшим при аресте японской шхуны «Ёсицунэ Минамото» советским военнослужащим...

Из гостиной доносились возбужденные голоса:

- Дмитрий, даже я своими куцыми и пропитыми мозгами понимаю, что здесь не может быть нуля!

- Н-да... Боже мой, Даниил Денисович, вот же правильное решение! Получается почти мгновенное перемещение из точки А в точку Б! И как отдача - отрицательный информационный всплеск в мнимом пространстве!

...Золотую звездочку в маленькой, обшитой красной атласной тканью коробочке и пакет с личными вещами Аркадия несколько дней спустя им привез домой лично первый секретарь Ленинградского обкома партии Кузнецов:

«Вы воспитали сына-героя, Александра Ивановна, настоящего патриота нашей Родины... А фамилия и отчество... Поймите, международная обстановка очень сложная. Идет война на Дальнем Востоке. Страна наводнена японскими шпионами и диверсантами. ЦК партии не исключает, что враг может попытаться отомстить родственникам погибших героев. Поэтому и было принято решение в официальных публикациях изменить их отчества и фамилии. В целях вашей же безопасности...»

«Не стояли звери около двери...»

«Я не собираюсь прятаться! - ершисто вспылил Борька. – Это мой брат, слышите? И мы всегда должны быть вместе!»

Кузнецов пристально взглянул ему в глаза и тихо произнес:

«Что же, пусть будет по-вашему...»

Через несколько дней Бориса пригласили в райком партии и под расписку выдали на руки паспорт с новыми фамилией и отчеством.

Так он стал Борисом Николаевичем Строгановым.

- Дима, вы представляете, что такое мнимое пространство с отрицательным знаком? – звенящим от возбуждения голосом осведомился Строгов в гостиной. – Это же время! Понимаете? Время с возможностью перемещения назад во временном потоке!

- Но это же не для материальных тел, Даниил Денисович! – горячо возразил голос Малянова. – Перемещаться смогут только информационные пакеты...

Борис Николаевич Строганов дрожащими пальцами гладил фотографию в застекленной рамке.

Тем же летом пятидесятого он поступил в университет на физфак. Все знали, что он – брат героя, того самого Аркадия Строганова. Поэтому ударить лицом в грязь, дать слабину для Бориса было абсолютно невозможно.

Свою кандидатскую он защитил через месяц после защиты диплома. Стажировался в Физическом институте у Капицы и Сахарова, в двадцать семь стал доктором наук, в тридцать пять – академиком. Потом была многомесячная вахта на орбитальной станции «Полюс», исследование природы серебристых облаков и космической плазмы, строительство и запуск ядерного реактора на международной лунной базе, укрощение гомеостатического мироздания...

Теперь вот сигмадеритринитация... Так, кажется, назвал Даня их новую разработку? Космические корабли смогут летать до самых дальних миров почти мгновенно.

«Не стояли звери около двери...»

И еще... Побочный эффект... Одновременно с пространственным переносом возникает направленный в обратную сторону импульс во времени, который не содержит материальных тел, но может переносить информацию. В том числе и модулированную. Информацию, которая попадет из будущего в прошлое. Чтобы изменить это прошлое. Раз и навсегда.

«Но прошлое нельзя изменить, - мысленно сам себе возразил Борис Николаевич. – Иначе нарушится причинно-следственная логика пространства-времени. Значит, перенос в прошлое любого моделированного пакета информации приведет лишь к разветвлению мира. Вселенная словно разделится надвое: наша, старая, и та, новая, молодая, в которой информационный пакет изменит будущее. Мы в прежнем мире никогда не узнаем, как именно изменится та вселенная и чем она будет отличаться от нашей. А для жителей новорожденного мира мы будем всего лишь неким совершенно нереальным отражением. Почти незаметной тенью. Что-то вроде мира снов или вселенной литературных героев...»

Строганов опустил взгляд на фотокарточку в руках. Брат все так же улыбался и смотрел в будущее веселыми и чуть озорными глазами.

«Хочу, чтобы в том, новом мире ты остался жив, - кровь молотом стучала в висках. – Не знаю еще, как это сделать, но ты останешься в живых, слышишь? Может быть, я отошлю вас с отцом в эвакуацию в сорок первом, а сам останусь с мамой в блокадном Ленинграде. Или не дам тебе остановить Жданова тогда, на Литейном, перед артобстрелом. А возможно просто заранее потоплю эту проклятую шпионскую шхуну со смешным названием «Ёсицунэ Минамото»... И мы будем вместе жить в том новом и совершенно не похожем на наш мире...»

- Борис Николаевич, - позвал из гостиной Малянов, - у нас с Даниилом Денисовичем получился очень интересный результат.

«Не стояли звери около двери...»

- Просто удивительный результат, - авторитетно подтвердил Строгов. – Стопроцентная Нобелевка...

2010 год

«Не стояли звери около двери...»

Антоний Часов

О дивный новый Крым!

**Академику Всемирной Академии наук,
Строгову А.Б.
кандидата исторических наук
Лазарьева Т. И.**

Уважаемый Аркадий Борисович!

15 июля 2045 года я был командирован Вами в Крымский филиал Института исторических исследований, расположенный в Армянске, для ознакомления с результатами работы Лаборатории вероятностного анализа, которую возглавляет профессор Левин П.С.

Петр Сергеевич встретил меня с расprostертыми объятиями, и самым детальным образом ознакомил со всеми аспектами деятельности вверенного ему научного подразделения.

Аркадий Борисович, меня трудно чем-либо удивить, но результаты работы профессора Левина и его сотрудников действительно потрясают воображение!

Как Вы знаете, с точки зрения современной физики любое потенциально возможное событие обязательно реализуется в пространстве-времени с определенной долей вероятности. Это значит, что в Мультиверсуме одновременно существует множество миров, параллельных друг другу, но очень непохожих, поскольку породившее их событие привело к ветвлению мегапространства на весь спектр возможных вероятностей.

Петру Сергеевичу Левину и его коллегам удалось впервые в мире использовать вышеизложенные физические принципы для практического миростроительства. На перешейке между Крымом и материком была смонтирована экспериментальная

«Не стояли звери около двери...»

установка, позволившая создавать миры, которые существенно отличаются друг от друга. Увы, пока Лаборатория вероятностного анализа стеснена в энергетических мощностях, поэтому «новомирья» удается создавать в большой, но конечной по своим размерам зоне. В качестве такой зоны П.С.Левин выбрал собственно сам полуостров Крым: пересекая невидимую черту между материком и Крымом, наблюдатель каждый раз может оказаться в иной реальности – по своему выбору. Экспериментальная установка была запущена в ночь с 31 декабря 2015 года на 1 января 2016 года. Следовательно, между разными вариациями Крыма ко дню моего приезда уже имелось почти тридцать лет независимого развития.

К моему стыду, ранее я ни разу не был на полуострове – как-то все время выпадало отдыхать исключительно за границей. Поэтому свое ознакомление с работой установки профессора П.С.Левина начал с обычного, базисного варианта Крыма, хорошо знакомого многим нашим соотечественникам и иностранцам – чтобы потом было с чем сравнивать варианты из других реальностей. Тем более что именно эта вариация имела максимальную вероятность реализации в глобальном мегапространстве.

1. Вариант «Крым-стандарт».

После 2015 года развитие полуострова строилось с учетом двух дополняющих друг друга условий. Во-первых, Крым должен был оставаться традиционной курортной и рекреационной зоной, модернизированной с использованием всех современных достижений индустрии отдыха. Во-вторых, нужно было максимально эффективно использовать в социально-экономических

«Не стояли звери около двери...»

целях те природные условия, которыми природа щедро его одарила.

В путешествие я отправился по магнитно-рельсовой дороге. Она начинается в Джанкое и не только связывает этот крупный транспортный узел с административно-территориальной столицей Крыма Симферополем и другими крупными городами, как это делают автомобильные и железные дороги, но и охватывает всю территорию «жемчужины Черного моря» гигантской петлей, последовательно проходя на высоте двадцати пяти метров через Евпаторию, Севастополь, города южного побережья, Керчь и снова возвращаясь к материку. Поезд в буквальном смысле летит над землей, обзор из окон вагонов прекрасный, и можно вдоволь любоваться и природными красотами Крыма, и творениями человеческих рук. Особенно впечатлил меня многокилометровый мост, который связал над морем Евпаторию и Севастополь. Я сходил с «магнитки» едва ли не на каждой крупной станции, чтобы своими глазами увидеть все красоты – и природные, и рукотворные, - которые полуостров обрел за минувшие тридцать лет после начала эксперимента.

В западной части Крыма, между Джанкоем и Евпаторией, разрослась сеть медицинских и биогенетических центров, в которых не только выполняются сложнейшие операции и лечебные процедуры на высочайшем мировом уровне, но и ведется весьма серьезная научная работа. Здесь трудятся лучшие отечественные генные инженеры, стараниями которых на свет появился центр природной биореконструкции – самый большой в Евразии «парк юрского периода», в котором на искусственно созданных ландшафтах разгуливают динозавры, пасутся стада мамонтов, и даже существует поселок самых настоящих неандертальцев. Среди крымских степей сооружено научное чудо – природно-замкнутый объект «Супербиосфера», в котором отрабатываются практические вопросы предстоящего

«Не стояли звери около двери...»

терраформирования Луны, Марса, Венеры и некоторых спутников крупных планет Солнечной системы.

В Евпатории восстановлен и получил дальнейшее развитие центр дальней космической связи. Здесь же имеется посадочная полоса для приема крылатых космических кораблей и стратосферных самолетов, которые прилетают из Америки, Юго-Восточной Азии и Австралии.

По горам и части южного побережья проходит новая автотрасса, которая используется, в частности, и для международных автогонок.

Рукотворные чудеса Крыма впечатляют. В Ялте я ночевал в шикарной подводной гостинице. Рядом с Алуштой вырос плавающий в морских водах город Новочерноморск. В Коктебеле работает крупнейшая в мире Лаборатория воздухоплавательной техники имени Сергея Королева, в которой создаются новейшие образцы промышленных дирижаблей, пассажирских экранопланов, спортивных планеров и моторизованных дельтапланов. В Феодосии построен крупный порт, в котором швартуются туристические лайнеры-города. Их габариты ограничиваются только размерами проливов, через которые этим кораблям приходится периодически проходить. Под Керчью на морском шельфе организована добыча газа, который закачивается в над- и подводные танкеры. Симферополь развивается не только, как административно-территориальный центр Крыма, но и является крупнейшим региональным торговым центром, а также «черноморским Лас-Вегасом» – игровой зоной.

А к юго-востоку от Джанкоя раскинулась крымская «кремниевая долина». Здесь ведутся работы не только в области использования искусственного интеллекта и новейших квантовых и «струнных» компьютеров, но и проводятся опыты по созданию «глобы» - интернета, энергетически связанного с магнитным полем Земли (такую мировую информационную сеть уже не

«Не стояли звери около двери...»

«вырубишь» простым переключением рубильника на электрощит!).

Славен сегодня Крым и работами в экологической энергетике. Здесь впервые освоено массовое производство пеллет – соломенных брикетов, способных при сжигании существенно снизить расход невозобновляемых энергоресурсов. В центральной части полуострова развернуто множество ветрогенераторных станций, в том числе и парящих над землей (на основе дирижаблей и «воздушных змеев»). Особое внимание уделяется солнечной энергетике: солнечным батареям и концентраторам. Для увеличения эффективности их работы используются экспериментальные лучевые солнечные электростанции, размещенные над экватором Земли на геостационарной орбите. На крымских предприятиях создаются новейшие образцы экзоскелетов, автомобилей, автобусов, летательных аппаратов на солнечной энергии. Ведутся и работы по биоэнергетике: созданы и испытываются «искусственные листья», имитирующие фотосинтез. Внедряются технологии биоаккумулирования – использования энергии животных и даже самого человека для подзарядки бытовой техники.

И все же главная особенность нового Крыма, самый главный крымский «капитал» – это люди. Доброжелательные, участливые, трудолюбивые. Сегодня Крым неспроста называют полуостровом мира и дружбы.

Конечно же, путешествие по «стандартному варианту» Крыма оставило у меня самые приятные воспоминания. Признаюсь честно, Аркадий Борисович, целую неделю я прожил, получая максимум положительных эмоций и приятных впечатлений и совершенно позабыв, что нахожусь в научной командировке.

2. Крым: политические вариации на любой вкус.

Тем не менее, все подходит к концу. Ровно через неделю я оказался снова в лаборатории профессора Левина. И, разумеется, тут же захотел ознакомиться с альтернативными вариантами развития Крыма – для контраста.

Петр Сергеевич пояснил мне, что таких вариантов имеется едва ли не бесконечное множество. Значительная часть из них является вариациями «Крым-стандарта». Но многие отличаются от базисного варианта весьма сильно. Профессор Левин рекомендовал несколько часто посещаемых миров. И я начал поочередно «нырять» в крымские альтернативы.

Часть из них оказалась основанной на политических вариациях. Например, Крым, ставший полностью независимым. Впрочем, радости тут было мало, поскольку закончилось дело грандиозными этническими чистками, массовым бегством части населения в прилежащие и в дальние страны. Столицей стал Бахчисарай, Феодосию переименовали в Кафу – и т.д., и т.п.

В «турецком варианте» Крым становился составной частью нашего южного соседа. Мы привыкли полагать, что Турция – это нечто южное и курортное, это теплое море и солнечные пляжи. А это «нечто» имело армию в 410500 человек, 3657 танков, 989 боевых самолетов и 115 военных кораблей. Якобы «светское государство», Турция объединила вокруг себя практически весь исламский мир. И вот однажды оккупировала Крым. Мечети в Симферополе, который стал именоваться Осман-Ататюрком, можете себе представить? А «черный рынок» славянских девушек в бывшей Керчи (теперь Янычарбей)?

Среди альтернатив был и Крым, ставший территорией США. Военно-морская база в Севастополе, девятый американский флот в Черном море, шахты ядерных ракет под Саками и Судаком...

«Не стояли звери около двери...»

Как некий курьез существовал и вариант объединения в конфедерацию Крыма и государства Барбадос. Вероятность реализации сценария составляла одну миллионную, но и такой мир имелся в спектре вероятностей!

На путешествия по этим «реалиям» я потратил еще неделю, но нигде не задерживался более одного дня. Депрессионные зоны на месте курортов, атмосфера безысходности и неверия ни во что, едва теплящаяся экономика полуострова, сориентированная на летний туризм и сельское хозяйство. Серость и нищета... Эти «политизированные миры» казались мне одинаковыми: менялся только хозяин оторванного Крыма.

Я честно сказал об этом Петру Сергеевичу.

- В нашей «копилке» есть и более экзотические варианты, - пожал плечами профессор Левин. – Не желаете взглянуть на один из них?

Конечно же, я немедленно возжелал. И утром следующего дня снова пересек вероятностную зону между Крымом и материком.

3. Крым: «земля геегерей».

Полуостров сделался островом, отделенным от Евразии морем. За этим проливом Свободы в полусотне километров от побережья материка находится Эльпро - Государство любви и процветания.

Себя жители Эльпро называют гее - это те, кто в нашем мире является геями, лесбиянками, бисексуалами и трансгендерами. В начале нынешнего века ЛГБТ-сообщество добилось практической реализации своих прав во многих странах Европы и Западного полушария. И вот однажды господа и дамы иной ориентации решили обзавестись еще и собственным государством...

«Не стояли звери около двери...»

Был ядерный шантаж. Розово-голубые купили у кого-то пятьдесят четыре миниатюрных ядерных заряда большой мощности. Настолько миниатюрных и совершенных, что каждый из них помещался в обычном дорожном кейсе. Заряды не могли быть выявлены никаким дистанционным зондированием – ну, разве что на очень близком расстоянии порядка нескольких метров.

Суперсовременное оружие оказалось в руках радикальных борцов за права ЛГБТ-сообщества. И в один «прекрасный день» некто Воля Мирбах просто предъявил (или предъявила?) в глобальной сети ультиматум всем мировым державам. Он потребовал в течение полугода передать Крым ЛГБТ-сообществу, отделив его от материка искусственным проливом. И предоставить право розово-голубым создать на отделенной территории свое государство. Конечно, поначалу ультиматум никто не принял всерьез – мало ли на Земле психов?

Человечество попыталось обезвредить террористов. Несколько сторонников Мирбаха были арестованы. В ответ прогремел ядерный взрыв – в Виллидж-Альберто. Был такой небольшой курортный городок на западном побережье Соединенных Штатов, между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско. Шестьдесят две тысячи погибших и умерших от ран. Террористы сообщили, что оставшиеся пятьдесят три заряда уже находятся в крупнейших городах мира, в том числе во всех мировых столицах – Пекине и Токио, Лондоне и Париже, Москве и Вашингтоне. Было сказано, что любая попытка противодействия шантажу вызовет новые взрывы...

И Земля согласилась с условиями, которые выдвинули террористы. В рекордные сроки между Крымом и материком был сооружен пролив за счет материковых территорий.

Сегодня там, за проливом Свободы, практически нет собственной промышленности, очень слабое

«Не стояли звери около двери...»

сельское хозяйство. Все необходимое для жизни в страну гее привозится из внешнего мира. По соглашению о создании Эльпро ООН ежегодно поставляет за пролив готовой продукции на сотни миллиардов долларов.

Населению бывшего Крыма было предоставлено право самоопределения: либо покинуть зарождающееся государство, либо стать его гражданами. Со всеми вытекающими из такого решения последствиями.

У гее принято считать, что Эльпро – единственное государство на планете, других стран не существует. Все, что находится вне пределов Крыма, именуется Порочным Заморьем – весь остальной мир. Столица страны – Симфе.

В целом государство любви и процветания похоже на обычную президентскую республику. Раз в пять лет всеобщим голосованием гее избирается правитель - Главное Геесредоточие. Со дня создания Эльпро его бессменным лидером является Воля Мирбах. Административно страна разбита на десять округов, которые возглавляют окружные Геесредоточия. Округа делятся на районы, которыми руководят геекураторы.

Эльпро – вертикальная иерархическая структура. В нее встроены все чиновники по ту сторону пролива – так называемые гееегери. Воля Мирбах именуется Верховное Гееегеро. Все нижестоящие – группенгееегери, штандартенгееегери, унтерштурмгееегери и прочая, прочая...

Эльпро полностью отгородилось от мира. Внутренние информационные сети построены только на кабельной основе, в эфире – постоянное глушение любых сигналов. Глобальный шпионаж всех и за всеми: государство шпионит за гражданами, гее – друг за другом.

Приезжий из внешнего мира даже толком не сможет пообщаться с обычными гее: у них за годы существования страны стараниями правительства внедрен новый язык – это причудливая смесь испанского, английского, немецкого и русского. Кроме

«Не стояли звери около двери...»

того, отсутствуют мужской и женский род применительно к человеку и всем живым существам. У нее не осталось фамилий, которые могут иметь «мужское» или «женское» звучание. Никаких Ивановых, Севериных или Белецких в Эльпро нет. В ходу фамилии с окончанием на «-о», «-е», «-э»: Иваново, Северине, Белэ.

Ну, и социальные отношения... Ликвидированы все отличия в одежде между мужчинами и женщинами, косметическими и хирургическими методами корректируются вторичные половые признаки. Практикуется перемена пола: мужчины становятся женщинами, женщины – мужчинами.

От традиционного способа воспроизводства рода человеческого в Эльпро практически отказались. Сначала в ходу были пространственные принтерные технологии. На свет появились искусственные цельнопринтерные люди – Homo sapiens imprimendi – человек разумный печатный. Официальное название – цельгее, жаргонное – цельп. Стало возможным напечатать даже взрослое цельгее. Но по умственному развитию оно получалось идиотом. Его потом приходилось долго доводить до уровня человека хотя бы средних умственных способностей. Этот факт стал очевиден уже после изготовления первых десятков цельпов. Поэтому сейчас печатать предпочитают детишек. Молодые цельгее с первых дней после появления на свет отправляются в питомники-инкубаторы, где их доразвивают до половозрелого состояния. В инкубаторах действует закон об андрогинном воспитании – полное половое равенство.

Цельпы андрогинные существа не только по воспитанию. У них двойные половые органы: мужской пенис и женское влагалище. Мочеиспускание осуществляется «по-мужски». Чтобы расположить на одной вертикальной линии мужской и женский половые органы и анальное отверстие биоконструкторы перестроили у цельгее всю тазобедренную область. По сравнению с обычным человеком, изменились походка и

«Не стояли звери около двери...»

динамика движения нижней части тела. Кроме того, грудь у андрогинных людей женская, небольших размеров. Волосы на нижней части лица – бороды и усы – отсутствуют. Во всем остальном они практически неотличимы от обычных гомо сапиенсов.

Впрочем, цельнопринтерные технологии были нужны только на начальном этапе. Были напечатаны десять миллионов особей. Теперь же цельпы могут размножаться самостоятельно. Почти по человечески, «по-старому»: в Эльпро позаботились о генетической модификации особей. Была искусственно создана нестабильная «зет»- хромосома, которая может становиться «икс»- или «игрек»-хромосомой для выполнения соответствующей половой функции – отца или матери, в зависимости от решения самой особи. Потом, после осеменения или родов, хромосомы снова возвращаются в «зет»-состояние. Значительная часть цельгее вообще занимается самовоспроизводством: для этого при самозачатии ребенка всего лишь используются специальные насадки-спермопередатчики.

В Эльпро введено раздельное проживание населения. «Старые» гее – обычные люди – живут в центре и на севере страны. А весь южный берег отдан цельгее. Эта зона именуется Гнездо счастливых ласточек. Постепенно, по мере естественного вымирания обычных гомо сапиенсов с нетрадиционной ориентацией, цельпы осваивают всю остальную часть Эльпро. Уже сейчас и в центре, и на севере есть несколько поселков, где они живут постоянно. В основном, несут караульную и пограничную службу.

На острове зверствует тайная полиция, серьезные нарушения существующего сексрежима преследуются в уголовном порядке. А наказание одно – смерть. Казнь, как правило, транслируется по местному кабельному телевидению. Приговоренного к смерти живьем бросают в бассейн с аллигаторами. Кстати, именно поэтому у всех геегерей на форменном голубом мундире нашита

розовая эмблема с изображением аллигатора – так называемый «герб аллигатора»...

4. Крым моей мечты

Из Эльпро я сбежал ровно через три дня – больше в этом мире «сексфашизма» я не выдержал даже в качестве туриста.

- Знаете, Петр Сергеевич, - сказал я Левину, - этот мир-«клубничка» – совершенно не для меня!

- А хотите оказаться в мире собственной мечты, Тимофей Иванович? – профессор лукаво прищурился. – Наша установка умеет подбирать для каждого тот вариант развития мира, который этому человеку наиболее подходит – исходя из его мировоззрения и мечтаний.

- Конечно, хочу! – с жаром откликнулся я.

- Только позвольте вас предупредить, - Левин улыбнулся, - мир собственной мечты настолько притягателен, что не каждому хочется вернуться обратно...

Сотрудники Петра Сергеевича выполнили глубокое ментоскопирование моей психики, и уже сутки спустя через вероятностный портал я въехал на арендованном автомобиле в мир собственных грез.

Поначалу он показался мне очень похожим на вариант «Крым-стандарт». Пожалуй, единственным отличием было замеченное под Джанкоем крупное строительство недалеко от магистральной автотрассы. Я навел справки у дорожных рабочих. Оказалось, что строится первая в мире самодвижущаяся дорога.

На выезде из Джанкоя у трассы «голосовали» четверо парней спортивного вида в одинаковых темно-синих костюмчиках, пилотках такого же цвета и начищенных до зеркального блеска туфлях – наверное, курсанты какого-то учебного заведения. Я решил обзавестись компанией и затормозил. Ребята сказали,

«Не стояли звери около двери...»

что едут в Партенит. Это в принципе совпадало с моими планами – через Симферополь проехать по южному побережью Крыма.

- Тим Лазарьев, - представился я, как только мы тронулись.

- Валентин Петров, - сказал худощавый парнишка с реденькими бровями, который сел в кресло справа от меня. С заднего сидения черноволосый и плечистый молодой человек назвалсялевой Гургенидзе, парень с чуть вытянутым холеным лицом представился Борисом Паниным, а его сосед слева – Сергеем Кондратьевым.

Я удивленно присвистнул и со смешком спросил:

- А едете вы случайно не в Высшую школу космогации?

- Именно, - подтвердил Борис Панин. – Мы с пятого курса штурманского факультета. Завтра начинается учебный семестр.

- И начальник вашего факультета, конечно, товарищ Кан?

- Угу, - закивал Лева Гургенидзе. – Железный Кан. Летал в космос еще на китайских «Шэньчжоу».

«Они что, решили меня разыграть? - прикинул я. – Странные ребята...»

Я на всякий случай решил помалкивать.

А троица на заднем сиденье почти без умолку болтала – о всяких разностях: о национализации какой-то «Юнайтэд Рокэт Конструкшн» некоего мистера Гопкинса, о сложных отношениях третьекурсника Вали Копылова с вычислителем ЛИАНТО, об опытах по управлению стадами дельфинов где-то под Евпаторией, о будущем строительстве в космосе планетолетов «Таймыр» и «Ермак». Молодой человек, который сидел рядом со мной, в общем разговоре не участвовал. Еще в начале нашего пути он извлек из дорожного рюкзака увесистую книгу – «Труды Академии неклассической механики, том 7» и принялся сосредоточенно штудировать какую-то статью. Я заинтересованно скопил взгляд. Статья называлась «Поведение пи-квантов в ускорителях».

«Не стояли звери около двери...»

До Партенита мы домчались часа за три. У санатория «Айвазовское» я по инструкции моих пассажиров свернул влево. Примерно в полукилометре обнаружился городок, внешне похожий на обычную туристическую базу. Попутчики простились со мной и стайкой скрылись в дверях проходной. На бетонной стене пропускного пункта висела табличка с названием учреждения. Я всмотрелся: городок за металлическим забором именовался Международной высшей школой космогании имени Богдана Спицына.

На выезде из Партенита на южную трассу обнаружился указатель «Аньюдино, 2 км». Удивленно фыркнув, я свернул на пыльную грунтовую дорогу. Впрочем, далеко ехать не пришлось. Уже метров через двести укатанная колея упиралась в шлагбаум, за которым интенсивно велось какое-то строительство. На мой вопрос дежуривший у шлагбаума вахтер ответил, что здесь сооружается экспериментальная школа имени космопроходца Чеслава Волянецкого, в которой будут воплощены в жизнь постулаты некой «Теории Воспитания»...

...Я пробыл в Крыму моей мечты ровно неделю. Побывал на специализированной ферме «Волга-Единорог», которую недавно перебазировали сюда откуда-то из-под Ярославля. На ферме отрабатывался автоматический выпас стада – поголовье коров численностью несколько тысяч голов бродило по окрестным пастбищам под управлением киберов и ветавтоматов. А еще тут занимались зоопсихологией, практической генетикой, эмбриомеханической ветеринарией и даже продовольственными рядами экономической статистики...

Я жил в похожих на дворцы гостиницах и кемпингах в Ялте, Феодосии, Керчи, загорал и купался в море. И везде рядом оказывались веселые, доброжелательные люди, увлеченные своим делом, интересные собеседники, хорошие товарищи.

«Не стояли звери около двери...»

...Аркадий Борисович, прощание с профессором Левиным и его сотрудниками получилось на скорую руку: на выезде из «Крыма моей мечты» меня уже ждала Ваша телеграмма. Вы просили меня немедленно приехать и сообщали, что наш Институт исследования исторических процессов решено переименовать в Институт экспериментальной истории.

Едва поезд отошел от перрона вокзала в Армянске, в информационном выпуске по радио я услышал, что Организация Объединенных наций приняла решение о своем преобразовании в Мировой Совет, а вблизи городка Мирза-Чарле будет строиться международный космодром.

Мы уже почти выехали из Крыма, Лаборатория профессора Левина осталась в Армянске, а воздействие установки вероятностного миростроительства на материк не распространяется. Тем не менее, мир моей мечты продолжал существовать. Я не знал, что и думать.

Аркадий Борисович, после долгих размышлений, у меня родилась гипотеза, которая объясняет происходящие буквально у меня на глазах метаморфозы с нашим миром.

Помните, Петр Сергеевич Левин предупреждал меня перед последним «нырком» в вероятностный Крым, что мир мечты может не отпустить человека? Так вот: я ведь далеко не первый из людей, которые побывали в мире нашей мечты, описанном в книгах братьев Стругацких. Мечта действительно не отпустила нас. Более того, видимо после моего посещения этого варианта Крыма был преодолен некий психологическо-энергетический порог. Наша коллективная мечта о «мире, в котором хотелось бы жить», неким образом вышла за границы экспериментального миростроительства и теперь стремительно преобразует весь остальной мир.

Аркадий Борисович, этот вывод показался мне настолько важным, что я не смог дождаться завтрашнего дня, чтобы поделиться с Вами своими мыслями. Не стал я доверять эти соображения и мобильной связи. Поэтому

«Не стояли звери около двери...»

решил написать и отправить Вам это электронное письмо. Мне почему-то кажется, что, посылая меня в Крым в командировку, Вы в какой-то степени предвидели, тот результат, который получился после моего визита в мир нашей коллективной мечты.

Вполне возможно, что завтра в полдень я приеду уже в совсем другую Москву. Ведь скорость движения мечты в бесконечное число раз превосходит даже скорость распространения света...

Ваш Тимофей И. Лазарьев

P.S. Аркадий Борисович, а Мирза-Чарле – это где?

2015 год

Когда они пришли...

1

Оранжевый шар Светила медленно выполз из-за далеких синих гор. Его теплые лучи коснулись замершего в предрассветном сне бескрайнего моря джунглей. Где-то недалеко, на восточном краю просеки, жутко вскрикнул пробудившийся хрипун, тотчас же слева длинным рассерженным воплем отозвался перепончатый змей, защебетали среди ветвей испуганные лойоны.

Командор Дигга, которого все за глаза называли Гепард, осторожно раздвинул колючие ветви кустарника, поднес к глазам армейский стереобиноколь и принялся внимательно рассматривать поселок, приютившийся на скользком сыром берегу болота.

Здесь, на Айгоне, Дигга видел уже не одну сотню таких селений с грязными, покосившимися от времени домами, с вечно голодными детьми, похожими на обтянутые полупрозрачной кожей скелетики, и гордыми, надменными старейшинами в нелепом головном уборе из ивовых прутьев. То первоначальное ощущение большой беды и непреодолимой неустроенности, которое неотступно сопровождало Диггу в первые дни службы на этой планете, постепенно стерлось, исчезло, растворилось в пропахших гнилью и брожением местных болотах. Жизнь на Айгоне все больше казалась командору похожей на старый скучный кинофильм, который невидимый миру киномеханик повторяет изо дня в день и помногу раз. Развод караулов, охрана плантаций, потасовки в ночном баре, карательные операции... Дни стали одинаковыми, похожими на спицы в вертящемся велосипедном колесе. Скука и

безысходность сводили солдат с ума, бросали их в притоны торговцев наркотиками и в вонючие бордели, забитые белыми, черными и оранжевыми женщинами, которых жизнь, сломав души и изгадив тела, швырнула сюда, на окраину южного материка. Дигга постепенно возненавидел этот мир, его сырые леса и топкие болота, его полудиких обитателей и их примитивную первобытную культуру.

Поэтому когда надбригадир Гуррэг предложил ему возглавить экспедицию на Плато, командор с радостью согласился. Это было приключение, выход за границы ежедневной скуки и рутины. Приказ был как всегда четок и конкретен: в максимально короткие сроки с отрядом в три сотни человек скрытно выйти в район Плато Семи Ветров, очистить его от туземцев, принять грузовой транспорт и организовать – опять же тайно – экспресс-добычу и транспортировку на Базу удивительно чистой трансуранидовой руды, открытой в том районе экспедицией Муггара два месяца назад.

Десантный бот высадил отряд у форта Бреггт, в сотне километров от Плато. Оставшийся путь десантники должны были проделать пешком через джунгли и болота – корабли космического патруля Всемирного правительства могли засечь посадку бота в районе Плато Семи Ветров, а делиться рудой с Мировым Сообществом, как понимал Дигга, промышленники его страны были вовсе не расположены. Неделю назад отряд командора выступил из форта и начал тайное просачивание сквозь джунгли в сторону трансуранидового Плато.

К этому поселку десантники вышли вчера на исходе дня, после сорокакิโลметрового перехода по влажным полутемным джунглям. Дигга хотел было начать разведку поселка сходу, но, оглянувшись на усталые, перемазанные глиной лица солдат, решил подождать до утра – решат они вопрос с поселком сегодня или завтра, значения не имеет. Все равно нужен

«Не стояли звери около двери...»

привал: идти ночью по джунглям решится только безумец.

Лучи Светила легли на острые соломенные крыши сбившихся в кучу округлых плетеных домиков. Справа от них, у самых джунглей располагался длинный поросший мохом навес, под которым были аккуратно сложены в пирамиды деревянные плуги и мотыги. В центре поселка у квадратной хижины шамана дымилось в глиняном котле над едва тлеющим костром какое-то варево.

На дальней окраине поселка что-то блеснуло, между домами мелькнули несколько зыбких теней. Секундой позже от соломенных хибар донеслись веселый визг и крики. Дигга направил туда бинокль и сквозь зубы выругался. Так и есть! Гаденьшам не сидится дома, выбежали на улицу, и дурачась, швыряют друг в друга комья липкой синей глины. Ловкие, гибкие, глазастые дети аборигенов прекрасно приспособлены к жизни в здешних джунглях. Очень трудно подойти к поселку незаметно, если среди домов возьмется эти бестии. Три недели назад подротмистр Мигрра из соседнего полка был убит во время карательной операции при штурме одного из восставших селений только потому, что дети оранжевых заметили в зарослях его ребят и подняли шум.

Дигга опустил бинокль и осмотрелся. Зачищать поселок, скорее всего, придется. Справа – болото, слева – болото, многокилометровая грязно-коричневая хлябь с торчащими из мутной воды гребнями рыбащеров. Только здесь, по узкой полоске земли между бескрайними топями, они смогут пройти к Плато Семи Ветров. Но ввязываться в бой с аборигенами командор все же не хотел – это могло так или иначе демаскировать отряд и сорвать выполнение поставленной задачи.

Поэтому он еще раз внимательно осмотрел местность и, наконец, нашел то, что искал. Пожалуй, отряд сможет пройти мимо поселка незамеченным по правой оконечности этой разрезающей бескрайнюю топь

«Не стояли звери около двери...»

полосы земли, чуть восточнее поселка. Вот и хорошо, если на сей раз можно будет обойтись без стрельбы.

Он вдруг отчетливо осознал, что лет двадцать-тридцать назад в сходной ситуации ни за что не отказался бы от боя. Хотя бы в воспитательных целях. Кем он тогда был? Старшим наставником Бойцовых котят, которому надлежит учить молодежь по извечному армейскому принципу «делай как я». И он учил, а курсанты старательно делали...

Сердце предательски сжалось. Он вспомнил тот, самый страшный в его военной карьере бой. Он и сорок Бойцовых котят, совсем еще мальчишек, брошенных командованием против армады выползающих из леса имперских бронеходов. Клещ и Заяц, Петух и Носатый, Крокодилом и Снайпер – все его двойки остались там, в жирной земле на окраине герцогства. Он спасся чудом – когда взорвался ракетомет, его отшвырнуло взрывной волной в развалины какого-то барака. Почти сутки валялся в полной отключке, а потом его нашла похоронная команда. Слава Богу, что те два чумазных дикобраза разобрались все-таки, что почти не дышащий полутруп в изодранной форме Бойцовых котят с нашивками старшего наставника еще жив и отволокли его в госпиталь. Там и узнал, когда пришел в себя, что единственный остался в живых. Наставник, который потерял всех воспитанников... Хотел застрелиться, но не дал доктор: «Стыдитесь, Дигга. Вы ведь мужик, а не девица из дамской школы... Это война. На ней есть и такие потери. И если вы настоящий солдат...» Вчерашний гражданский вправлял мозги ему, боевому офицеру...

Потом выяснилось, что выжил не только он. Гаг, молоденький Бойцовый котенок, которого он держал при себе в качестве порученца, как самого толкового из всего выпуска, сначала куда-то пропал, а потом вдруг неизвестно откуда вынырнул... Начальник сектора охраны Санитарной службы Его Величества, после провозглашения Алайской народной республики – министр новых технологий. Сегодня – господин старший

«Не стояли звери около двери...»

советник Мирового Правительства, директор института науки и техники. А что такое институт науки и техники? Это еще четверть века назад невиданные компьютеры, планетарные космические корабли, биомедицинские процессоры и еще целая куча чудес, которые берутся словно из неоткуда.

Дигга сделал глубокий вдох, мысленно закрыл книгу воспоминаний, и резко выдохнул. Всё, хватит. Нервы в порядке.

Он повернулся к солдатам, чтобы отдать приказ повзводно просочиться мимо поселка, и встретился взглядом с колючими зелеными глазами своего заместителя штабс-майора Тэррага.

Командор не любил штабс-майора. Конечно, офицер Тэрраг отличный, в бою всегда в первых рядах – во время высадки на Ганг-Гнукской косе под ураганным огнем поднял в атаку взвод и прорвал линию обороны противника, за что досрочно и получил чин штабс-майора Планетного Десанта. Но уже не раз на привале, на марше и даже во время кровавых стычек с аборигенами, когда десантники иногда гибли десятками, когда взрывы швыряли в небо горящие комья земли, Дигга ловил на себе цепкий оценивающий взгляд Тэррага, видел, как внимательно прислушивается штабс-майор ко всем его командам и распоряжениям.

«Копает, - думал командор со злостью, - это же ясно, как день: он спит и видит себя будущим командиром полка, моим преемником. Вот ведь мерзавец!»

Мысль о том, что Тэрраг метит на его должность, угнетала командора. Дигга постоянно был начеку, подолгу – если позволяла боевая обстановка – думал, прежде чем принять какое-либо решение, взвешивал каждое свое слово. Он так и не дал Тэррагу повода усомниться в его, командора, компетентности.

«А если сейчас я ошибаюсь? – подумал Дигга. – Если по восточному побережью все же нельзя незаметно пройти? Мы потеряем на попытку часа два-три. Это еще

«Не стояли звери около двери...»

одна задержка на маршруте, и задержка по моей вине. Конечно, надбригадир об этом узнает сегодня же. Тут уж Тэрраг постарается, отстучит в штаб немедленно, не упустит случая подставить мне ногу».

«Ну, уж нет, - Дигга зло скрипнул зубами. – Этому не бывать! Подставляться я не буду».

Он обвел взглядом замершие в напряжении лица десантников и чуть слышно сказал:

- Первый взвод охватывает поселок слева, третий – справа. Взвод Рогга – за мной. Группа обеспечения – подготовить наномаскировку. Сигнал к атаке – зеленая ракета.

Ветви кустарника слегка качнулись – как будто их тронул ветер – и бесшумными тенями скользнули влево и вправо ребята из взводов надротмистров Юггра и Сургга.

«Гвардейцы, - довольно улыбнулся Дигга, - гордость Десанта!»

Нет, чтобы там не говорили психологи о человеческом факторе, о низкой надежности человека как звена в сложной системе, за этих парней командор был спокоен: его бойцы в трудную минуту не подведут. Он знал, что по команде десантники сомнут любого врага, уничтожат любое препятствие, пусть даже и ценой собственной жизни. Дигга не раз мысленно сравнивал себя с мозгом, а своих парней – с крепкими мускулами. То, что он стал во главе гигантской неодолимой силы, наполняло сердце командора ликованием и гордостью. Когда Дигга видел пылающие форты и поселки противника, черные обугленные вражеские танки, поднятые руки пленных, его так и распирало от восторга – безмерной радости за свою родину, сумевшую подняться над множеством полудиких человеческих рас, гордости за своих железных парней, не знавших, что такое нерешительность, сомнения, упреки совести. В такие мгновения он едва сдерживал себя, чтобы в полный рост не подняться на бруствер окопа, под пули и стрелы туземцев и не запеть во весь голос самую

«Не стояли звери около двери...»

прекрасную песню в мире – национальный гимн его страны. Сдерживался потому, что должен был оставаться образцом для солдат: выдержанным, спокойным, невозмутимым – таким, каким ему предписывал быть устав.

Когда до округлых тростниковых хибар оставалось шагов тридцать - джунгли подходили почти к самым стенам домов, и можно было незамеченным подойти к поселку едва ли не вплотную, – Дигга медленно поднял руку с ракетницей. Мгновением позже шипящая зеленая комета разрежала надвое розовое утреннее небо над поселком.

Еще секунду мир оставался прежним: тихое солнечное утро, парящие в воздухе птицы, высматривающие добычу в джунглях, квакающие в поросших тиной омутах лягушки, сонные лемуры, вяло перебирающие лапами среди ветвей.

И вдруг все изменилось. Утро разорвалось надвое, оставив в прошлом тишину и покой, превратившись в тысячи новых движений, звуков и запахов. Рванулись прочь испуганные птицы, замолк многоголосый лягушиный хор, растворились в сумраке листвы бело-серые тела лемуров. Словно грибы после обильного осеннего дождя, среди спутанных зеленых зарослей кустарника поднялись коричневые каски десантников, и не спеша, развернувшись в цепь, двинулись вперед, к поселку. Стремительно взвились в небесную высь наноснаряды, создавая огромный маскировочный купол. Теперь внутри огромной десятимильной полусферы над поселком могло происходить что угодно: для любого спутника-наблюдателя в течение следующих трех суток окрестности будут иметь прежний вид.

Ослепительно блеснули синие молнии огнеметов, полыхнули соломенные крыши ближних домов, сквозь сплетенные из ветвей стены лениво просочились первые струйки черного вонючего дыма.

Игравшие среди хибар мальчишки испуганно сбились в кучу и широко открытыми от ужаса глазами

«Не стояли звери около двери...»

смотрели на медленно приближающуюся цепь десантников в пятнистых маскировочных комбинезонах. Они впервые в жизни видели белых людей.

Сразу несколько шипящих лучей ударили в этих, так толком ничего и не успевших понять ребяташек с оранжевой кожей, и в мгновение ока превратили их в катающиеся по синей грязи пылающие и вопящие комья...

А десантники были уже в поселке. Они рассыпались среди тростяных лачуг, распахивали плетеные двери, и, встав на пороге, в упор выжигали медлительных и неуклюжих спросонья аборигенов. По окружности поселка захлопали разрядники – стрелки из взводов Юггра и Сургга замкнули кольцо вокруг пылающих домов и неторопливо, как на занятиях в тире, расстреливали пытавшихся прорваться в джунгли оранжевокожих.

«Пожалуй, с нашей стороны обойдется без потерь», - довольно улыбнулся Дигга, вытер рукавом пот со лба и огляделся по сторонам.

Он стоял почти в самом центре поселка. Справа догорали ветхий навес и сваленные в кучу деревянные мотыги, слева, весело потрескивая, пылали тростниковые дома. Жирный черный дым стелился по земле, лез в глаза.

Но все же даже сквозь густую дымную завесу командор разглядел у дальних домов три нечеткие фигуры. Десантник и двое аборигенов. Дигга поправил съехавшую на затылок каску, стряхнул с комбинезона несколько прилипших комьев глины и неторопливо направился в сторону стоявших.

Внезапный порыв ветра отогнал дым, и глаза командора с фотографической четкостью зафиксировали происходящее. У пылающей тростниковой хибары, широко расставив обутые в короткие походные сапоги ноги, стоял рядовой Нагг из взвода Рогга и нерешительно поглядывал то на малиново-красный раскаленный ствол своего огнемета,

«Не стояли звери около двери...»

то на застывшего перед ним оранжевого мальчишку с выпученными от испуга глазами. У мальчика было круглое, немного перепачканное сладким соком лицо, в больших чуть раскосых коричневых глазах блестели бусинки слез. У ног Нагга, ломая в мольбе руки, ползала на коленях некрасивая худая туземка со спутанными давно не мытыми волосами.

«Новичок, черт побери! Кажется, из Пигганской школы... – с досадой подумал командор. - Распустил слюни мальчишка!»

Дважды в год после очередных призывов в полку появлялось несколько таких вот необстрелянных парней, вчерашних Бойцовых Котят. И почти у каждого из них в начале службы были трудности – убить в первый раз нелегко, пусть даже и оранжевокожего. Редко, но случались неповиновения и отказы молодых десантников участвовать в карательных акциях.

Дигга был глубоко убежден, что наказывать новобранцев нельзя, необходим более тонкий подход. Командор не был психологом, но он был опытным практиком – двадцать два года на службе, в том числе пять лет старшим наставником в Столичной школе, что-нибудь, да значат. С годами он пришел к выводу, что в таких случаях нужно только немного помочь заробевшему десантнику, чуть подтолкнуть его, а дальше он и сам справится, это уж точно.

Командор остановился в двух шагах за спиной у новичка и рявкнул:

- Рядовой Нагг!

Десантник стремительно повернулся к Дигге, вскинул огнемёт на плечо и замер по стойке «смирно».

- Добить гаденыша!

Командор смотрел Наггу прямо в лицо, не отводя взгляда, и видел, как расширились от ужаса глаза новобранца, как под тонкой кожей на виске забились, словно в истерике, синяя жилка, но послушаться приказа рядовой не посмел.

«Не стояли звери около двери...»

Мгновением позже боевой разряд отшвырнул пучеглазого мальчишку к горячей стене дома. Оранжевокожая туземка жутко завывала и уткнулась лицом в синюю грязь.

Дигга по-отечески похлопал оцепеневшего Нагга по плечу, и слегка подтолкнул в спину - прочь от корчившегося в агонии окровавленного мальчишки. А сам, отступив пару шагов назад, - чтобы сапоги не забрызгало кровью, - вытащил из кобуры разрядник, неторопливо прицелился и выстрелил в затылок трясущейся от рыданий женщины.

... Эскадра уходила к Гиганде.

Где-то там, среди мерцающих россыпей звезд остался Айгон, дымящиеся пепелища бесчисленных селений аборигенов, оцетинившиеся стволами передовые форты, brave ребята из военной полиции, добывающие в почти непроходимых джунглях рассеявшихся оранжевых.

Взгляд командора Дигги медленно скользил по стройным рядам десантников. Вот они, настоящие солдаты, цвет и гордость нации. И контр-капрал Гаргди, серьезно обгоревший при штурме последнего поселения оранжевокожих, но тем не менее пришедший на построение вместе со всеми. И подротмистр Вергга – герой, уничтоживший в одиночку целое племя туземцев. И даже рядовой Нагг, сумевший побороть сомнения и нерешительность. Все они славные парни, отличные десантники, опора свободы и демократии.

Дигга остановился перед строем и еще раз окинул взглядом ряды загорелых и крепких ребят в пятнистых комбинезонах.

- Благодарю за службу, гвардейцы! – Командор почувствовал, как у него сладко замерло сердце и защипало в глазах.

- Рады стараться, господин бригадир! – Три сотни голосов слились в один мощный голос. Из дальних пустых коридоров крейсера отозвалось эхо.

«Не стояли звери около двери...»

Командор уже собрался скомандовать «разойдись», когда с правого фланга, - оттуда, где стояли офицеры штаба, - прозвучало:

- Разрешите обратиться, господин бригадир?

Дигга сразу узнал этот голос.

- Слушаю вас, штабс-майор Тэрраг, - бесстрастно произнес Дигга. Под ребрами почему-то неприятно заныло.

Высокая и немного сутулая фигура в пятнистом комбинезоне четким строевым шагом вышла из строя и остановилась в трех шагах от командора. Из-под густых черных бровей на Диггаа смотрели колючие зеленые глаза.

- Слушаю вас, штабс-майор Тэрраг, - негромко кашлянув, повторил командор.

- Господин бригадир... - начал штабс-майор и осекся – словно вдруг подавился воздухом.

Дигга обнаружил, что на коричневом от загара, изрезанном глубокими морщинами лбу Тэррага выступили большие капли пота.

«Волнуется, - удивился командор. - Эта сутулая головешка с лицом, похожим на печеное яблоко, сотни раз рисковавшая своей ничтожной жизнью в десантах, волнуется! Даже пот прошиб беднягу!»

Дигга почувствовал, как по позвоночнику побежали противные мурашки.

«Этот мерзавец все-таки что-то откопал! Я не знаю, что именно, но это что-то важное – вон у него даже дыхание сперло от волнения и радости. Он уже мысленно примеряет новые погоны... Боже мой, где же я подставился?!»

Он вдруг поймал себя на желании схватить Тэррага за лацканы куртки, рвануть его на себя и закричать в изрезанное морщинами лицо штабс-майора: «Ну, говори же, подлец! Что же ты тянешь, Тэрраг?! Выкладывай свои козыри, негодяй!»

Дигга сделал быстрый вдох, выдохнул, силясь унять нервы.

«Не стояли звери около двери...»

Так нельзя. Он, командор Дигга, бригадир Планетного Десанта, должен держать себя в руках. Он обязан быть выше сиюминутных эмоций. Хлюпик и неврастеник не может удержать власть: чтобы командовать Десантом, нужны стальные нервы. Солдаты должны видеть его превосходство над ними во всем. Только тогда он будет уверен, что они выполнят любой приказ, пойдут за ним и в огонь, и в воду.

Штабс-майор, наконец, поборол волнение:

- Я говорю от имени «Военного комитета за подлинную демократию», господин бригадир...

Длинная пауза. Дигга замер, вперев в Тэррага немигающий взгляд.

- В нашем правительстве слишком много никчемных либералов и трусливых интеллигентов, которые привыкли таскать каштаны из костра чужими руками. А потом еще и бить по этим рукам!

Шепот одобрения прошелестел по рядам десантников. Дигга молчал. Он словно окаменел.

- Вчера на Орбитальную Базу поступило сообщение, - скороговоркой продолжил Тэрраг. – Под давлением парламента президент подписал указ о расследовании действий нашего десантного корпуса на Айгоне. Президент, который был полностью в курсе операции на Плато Семи Ветров, теперь старается представить дело так, будто он ничего не знал. Так, будто высадку на Айгон санкционировали надбригадир Гуррэг и вы, господин бригадир!

- Не может быть, - не сдержавшись, прошептал Дигга вмиг ставшими сухими от волнения губами. – Вы ошибаетесь, штабс-майор Тэрраг!

Тэрраг опустил глаза и тихо произнес:

- Надбригадир Гуррэг застрелился сегодня утром в своем кабинете.

Дигга почувствовал, как кровь медленно отливает от лица.

Тэрраг молчал, наверное, собирался с духом.

«Не стояли звери около двери...»

«Это еще не все, - понял Дигга, - сейчас он скажет главное – то, что касается непосредственно меня».

Сердце сжалось в комок.

- Пора очистить наш мир от скверны, - звенящим от волнения голосом произнес Тэрраг. – Вчера вечером управляющий совет нашего комитета принял решение считать следующей целью десанта саму Гиганду. Все корабли Третьего Планетарного флота готовы присоединиться к нам. Мы просим вас, господин бригадир, принять командование эскадрой.

«Боже мой, - подумал Дигга, - ну почему я? Почему именно я? Ведь если эскадру разобьют... Лучше не думать, что тогда будет! Господи, что же делать?!»

- Вы не член «Военного комитета», - продолжил штабс-майор, словно угадав мысли командора, - но мы долго наблюдали за вами. Вы – образец солдата, преданного подлинной свободе и демократии. Мы считаем, что именно такой человек должен руководить десантным корпусом в этой операции.

«А если отказаться? – мелькнула спасительная мысль. – Если вызвать сейчас полицейский конвой и арестовать и Тэррага, и весь этот самозванный комитет? А потом сдать эскадру на Орбитальной Базе и просить у президента помилования... Должны же они учесть, что я не согласился, что я сам, добровольно сдал мятежников? Ведь должны же?!»

«Нет, ничего не получится, - возразил он сам себе. – Чтобы как-то обелить себя перед всем миром, президенту и парламенту нужен «стрелочник». Поэтому они с радостью свалят вину за истребление тысяч оранжевых на меня... Именно на меня: Гуррэг, - старая песочница надбригадир Гуррэг, - застрелился, и я – единственный человек, которому можно предъявить конкретные обвинения, сорвать погоны и упрятать за решетку. О, они с удовольствием вываляют в грязи еще десяток таких, как я: лишь бы самим отмыться, лишь бы показать всем, какие у них чистые руки, как они пекутся о благе низших рас, как они чтят законы и мораль! Нет,

«Не стояли звери около двери...»

добровольная сдача эскадры мне ничего не даст. Слишком уж им нужен конкретный виновник».

«Значит, выход только один, - решил Дигга. – Я должен согласиться с предложением Тэррага. Тогда у меня будет шанс – очень маленький шанс, но все же будет, - спасти престиж, карьеру, спасти все, чего я добился за двадцать лет службы».

«Боже мой, Дигга, - он словно со стороны услышал свои мысли. - О чем ты думаешь? Престиж, карьера... В этой игре главная ставка – твоя голова, твоя жизнь. Медленная смерть в тюрьме или жизнь. Выбирай же скорей, черт тебя побери!»

Немигающий холодный взгляд Дигги скользнул по замершим в напряжении лицам десантников. Хриплым и каким-то чужим голосом командор произнес:

- Я принимаю командование эскадрой.

Он сделал несколько шагов вдоль строя, повернулся лицом к смотрящим на него сотням глаз, расправил плечи и уже спокойно и твердо сказал:

- Курс – Гиганда!

2

Полицейский долго изучал удостоверение Вилна. Потом открыл ящик стола и достал из него толстый потрепанный журнал регистрации посетителей. Аккуратно переписал в него личный номер и фамилию адвоката, не поднимая глаз, буркнул:

- Прямо по коридору. Восьмая дверь справа.

- А документы? – удивился Вилн.

- Останутся здесь, - проворчал полицейский и спрятал удостоверение в сейф, стоявший слева от стола.

Вилн недоуменно пожал плечами и шагнул вперед. Узкий мрачный проход походил на сквозной туннель в скале. Лампы под потолком были выключены, и свет проникал сюда только через небольшое зарешеченное окно в конце коридора. В полутьме Вилн отсчитал семь

«Не стояли звери около двери...»

дверей по правой стороне, остановился у восьмой и постучал.

- Войдите, - донесся из комнаты низкий хриплый голос.

Вилн толкнул дверь рукой и вошел в кабинет. Это оказалась небольшая светлая комната. Справа от двери стоял огромный, как платяной шкаф, бронированный сейф. Слева на стене висела раскрашенная в разные цвета большая карта города, и стояли, выстроившись в ряд, три деревянных обшарпанных стула. У окна в торце комнаты за письменным столом сидел хмурый седовласый человек лет пятидесяти, курил сигарету и исподлобья глядел на гостя.

- Адвокат Вилн, - юрист слегка наклонил голову. – Прислан на стажировку юридической конторой «Чеслав С. Волянецкий и компания».

- Меня предупредили о вашем визите, - на лице хозяина кабинета обозначилась улыбка. Он поднялся из-за стола и протянул Вилну руку:

- Инспектор Джеймс Дьюк. Можете называть меня просто Джеймс.

Вилн шагнул вперед и ответил на рукопожатие:

- А меня зовут Майкл.

Ладонь у инспектора оказалась узкой, но крепкой.

- Присаживайтесь, Майкл, - Дьюк указал на стоявшее у письменного стола кресло. – Как здоровье старины Чеслава?

- Мистер Волянецкий здоров. Неделю назад вернулся с Гаваев.

- О, Гаваи! – мечтательно произнес инспектор и выпустил в потолок сизую струю дыма. – Неплохое местечко для отпуска. Шоколадные мулатки, французские вина, теплое море и пальмы, бесконечный песчаный пляж...

Он вздохнул и грустно добавил:

- Но отпуск пока не предвидится.

«Не стояли звери около двери...»

Инспектор подошел к сейфу, пощелкал номерным замком, распахнул бронированную дверцу, извлек средних размеров серую папку и протянул ее Вилну:

- Интереснейшее уголовное дело, Майкл. Семейная драма с тремя убийствами. Читается как хороший детектив. Это вам подойдет?

Вилн взял папку, бегло пролистал и виновато улыбнулся:

- Честно говоря, Джеймс, я хотел бы получить что-нибудь соответствующее теме моей работы – «Рост массового насилия в обществе». Что-нибудь свежее и практическое.

- Практическое? – инспектор удовлетворенно кивнул головой. – Это хорошо. Я, признаться, не люблю юристов, занимающихся только копанием в старых бумагах. Чтобы разбираться в тонкостях преступного мира, нужно знать этот мир таким, каков он есть. А это знание приходит только через практику!

- Мистер Волянецкий тоже так считает, - поддакнул Вилн.

- Поэтому вы и находитесь здесь. Ну, что же, будет вам практика... И дело - свежее не бывает, - инспектор протянул руку к телефону, снял трубку и набрал номер:

- Это Дьюк. Стенли, давай сюда мальчишку.

Он обошел стол, тяжело опустился в кресло и сказал:

- Любопытный случай, Майкл. Десятилетний мальчик сегодня утром уколошил четверых афроамериканцев, своих соседей. Отца семейства, его жену и двух дочерей.

- Мальчишка совершил четыре убийства? – Вилн удивленно отвалил челюсть.

- Да, совсем еще ребенок. Каким-то чудом газетчики пока не пронюхали... - инспектор устало потер ладонью лоб. – Славный, добрый, послушный Тедди Санлер – и вдруг такое. И молчит уже несколько часов. Непонятно.

«Не стояли звери около двери...»

- Может, он психически ненормален? – предположил Вилн.

- Вряд ли, - Дьюк покачал головой. – Тут что-то другое, Майкл. Вот только никак в толк не возьму что...

Дверь без стука распахнулась, и в комнату вошли невысокий худенький мальчуган с красными, опухшими от слез глазами, и державший его за руку огромный рыжий детина в синей форме полицейского.

- О, Тедди! – на лице инспектора расцвела приветливая улыбка. – Садись-ка, дружок, сюда!

Он показал на стулья у стены.

Мальчик, потупив глаза, прошел к стулу и сел.

- Вот и хорошо! – кивнул Дьюк и вышел из-за стола. – Стенли, ты свободен.

Детина-полицейский так же бесшумно, как и появился, исчез за дверью.

- Ну, Тедди, дружок, давай поговорим! – инспектор сел на стул рядом с ребенком. – Ты уже пообедал? Как тебя кормили?

- Хорошо, - чуть слышно выдохнул мальчик, по-прежнему не поднимая взгляда.

- Замечательно! – Дьюк положил руку на его плечо. – А скажи мне, Тедди, где ты так хорошо научился стрелять?

Мальчишка тихо всхлипнул, помолчал, а потом почти шепотом произнес:

- Дома. Мы с папой учились стрелять в тире из пневматической винтовки...

- А винтовка у тебя, конечно же, папина? – продолжал инспектор. – Очень хорошая винтовка, с оптическим прицелом. Твой папа разбирается в оружии, Тед?

- Нет, - вздохнул мальчик. – Это винтовка дяди Джорджа, нашего соседа.

- О, Тедди, разве можно брать чужие вещи? – Джеймс Дьюк укоризненно покачал головой. – Ты ведь без спроса ее взял, а?

«Не стояли звери около двери...»

Мальчик поднял на него глаза, полные слез и срывающимся голосом произнес:

- Сэр, отпустите меня домой. Я не буду... Я больше никогда не буду!

Инспектор замер, не сводя с мальчика глаз. Улыбка медленно сползла с его лица.

Тедди всхлипнул, и размазывая слезы по щекам, заговорил:

- Я же не знал, что они и вправду умрут. Я хотел понарошку, как в кино...

- В каком кино? – Дьюк подался вперед.

- «Десант на Айгон»... Про бригадира Диггу, - уже не сдерживаясь, зарыдал мальчишка и судорожно схватил инспектора за рукав пиджака:

- Сэр, отпустите меня. Я не хочу быть в тюрьме!

- Ну-ну, малыш, - инспектор погладил мальчика по голове. - Успокойся, все будет хорошо.

Он резко встал, подошел к двери, приоткрыл ее и крикнул в коридор:

- Стенли!

Через секунду на пороге вырос полицейский.

- Проводи мальчика к психологам. И пусть врач даст ему что-нибудь успокоительное, - тихо распорядился инспектор. Подошел к Тедди, похлопал его по плечу и сказал:

- Будь мужчиной, малыш. Хочешь, я устрою тебе свидание с мамой?

- Да, - мальчик всхлипнул.

- Хорошо, дружок, - инспектор снова сел рядом с мальчуганом, - только придется немного подождать, ладно?

Тедди кивнул.

- О'кей, малыш! А теперь иди. И не плачь... Ты ведь уже мужчина, верно?

- Что теперь будет с мальчиком? – спросил Вилн, когда дверь за Тедди и конвоиром закрылась.

- Вы же лучше меня знаете законы, Майкл, - раздраженно пожал плечами инспектор. – Четыре трупа.

«Не стояли звери около двери...»

В лучшем случае, лет десять в специальной воспитательной колонии... Которая мало чем отличается от тюрьмы...

- Как все это ужасно! – покачал головой юрист. – Бедный ребенок!

- Если хотите знать мое мнение, то виноват не только мальчишка, - инспектор подошел к столу, достал из пачки сигарету и закурил:

- Будь моя воля, я бы упрятал за решетку мистера Генри Терфонда. Лет на двадцать, не меньше!

- Генри Терфонда? – не понял Вилн.

- Режиссера и исполнителя главной роли в «Десанте на Айгон», - Дьюк нервно сглотнул. - Насмотревшись приключений его Дигги, мальчишка и взялся за ружье. Оранжевых туземцев нет - ну, что же, подойдут и чернокожие соседи!

- Джеймс, но Терфонд всего лишь экранизировал «Парнишку из ада» - фантастический роман писателей братьев Строгинцевых, - Вилн попытался робко возразить. – Даже не сам роман, а отвергнутый самими авторами и никогда не публиковавшийся эпилог к нему. И потом таких фильмов сегодня много... Гм, даже у Лукаса в «Звездных войнах» и у Кэмерона в «Аватаре» есть сцены насилия...

- Да, мир не переделаешь, а всех злодеев не посадишь – тюрем не хватит, - инспектор горько улыбнулся. – Ну, что, Майкл, берете дело Тедди Санлера для работы?

Вилн молча кивнул.

3

Эндрю Эванс в последний раз затянулся приятным горьким дымом и бросил сигару в мусорную корзину в углу комнаты. Окурок чиркнул по стене и упал на пол.

- Что за денек сегодня выдался – ни в чем не везет, - Эндрю откинулся на спинку кресла и положил ноги на

«Не стояли звери около двери...»

журнальный столик. - Как ты думаешь, Билл, у нас будут неприятности?

- Мы здесь причем? – раздраженно пожал плечами Уильям Макклей. – При всем желании, мы не можем сбежать на высоту двадцать тысяч миль и отремонтировать эту ржавую коробку!

- Угораздило же его сломаться именно сегодня – в нашу смену! – вздохнул Эндрю и посмотрел на часы. – И за полчаса до трансляции фильма.

- Аляска и север Канады останутся без очередной порции «Десанта на Айгон», - хихикнул Уильям.

- А мы, наверное, без работы, - невесело добавил Эндрю.

- С какого перепугу? Я давно предлагал шефу заменить эту рухлядь, - Макклей выключил терминал и повернулся к Эвансу. – Но ты же знаешь старика? «Что вы, Билл, - плямкая губами, передразнил он, - «Тивисат» еще вполне может поработать годик-другой!» Ну, вот он и поработал!

- Шеф никак не может понять, что спутник из прекрасного ретранслятора давно превратился в груды металлолома, - Эндрю потянулся, пружинисто встал и подошел к окну.

За стеклом ветер кружил в бешеном танце прошлогоднюю листву и бумажный мусор, жутко гудел, запутавшись в сетке антенны-ретранслятора. Небо до горизонта застилало густые иссиня-черные тучи.

- Снова будет дождь, - Эндрю громко зевнул. – Как же надоела эта слякоть...

- Нынешнее лето на редкость дождливое. За семь лет работы здесь больше такого не припомню.

- Слушай, Билл, - Эндрю повернулся к Макклею. – Если эту коробку на орбите так и не удалось выключить, то она сейчас ретранслирует телепередачи в какой-то другой район?

- Ты думаешь, что будет наложение сигналов? Помехи? - Макклей склонился над навигационным

«Не стояли звери около двери...»

индикатором, несколько секунд что-то сосредоточенно прикидывал в уме и, наконец, рассмеялся:

- Ты прав, «Тивисат» и в самом деле посылает «Десант на Айгон» в другой район. И знаешь куда? В район шарового скопления в созвездии Геркулеса!

- Вот уж обрадуются инопланетяне, когда увидят, как доблестный Дигга поджаривает оранжевых! – Эванс гулко захохотал.

4

На расстоянии примерно семи с половиной тысяч парсеков от центра небольшого шарового скопления в созвездии Рыси, в направлении на Солнечную систему, среди звезд можно наблюдать объект, известный цивилизациям Галактической Информационной Кооперации как Странное Облако. Объект имеет вихреобразно-эллиптическую форму и занимает почти восемьсот кубических парсеков космического пространства.

Все попытки окрестных цивилизаций исследовать Облако оказались безуспешны. На расстоянии примерно пятьдесят миллионов километров от внешней, довольно четко различимой границы газообразного объекта ни с того, ни с сего начинали проявляться антигравитационные эффекты. Разведывательные зонды самопроизвольно тормозились и выбрасывались обратно в межзвездное пространство. Единственное, что удалось установить достоверно, - это то, что в центре Облака находится горячее молодое солнце, получившее в Едином каталоге Кооперации индекс ЕК900603. Изучение спектра звезды позволило сделать вывод, что в Облаке представлены практически все химические элементы, существование которых возможно в нашей Вселенной, - даже те из них, для возникновения которых необходимы миллионноградусные температуры и колоссальные давления звездных недр. Объяснить, как

«Не стояли звери около двери...»

подобные вещества могли образоваться в довольно таки разряженном и холодном газообразном объекте, не смог никто.

Поэтому уже несколько столетий странное межзвездное образование оставалось загадкой для ученых Галактической Информационной Кооперации. Единого мнения о его природе не существовало. Представители разумной птичьей расы, обитающей на планете Ла-Та-Тон, доказывали, что космическое облако – это естественное образование, возникшее в ходе эволюции вместе с центральной звездой. Кентавры с Дихалээ утверждали, что солнце EK900603 обзавелось таинственным газообразным спутником во время долгих странствий в пылевых районах Галактики. А такие признанные интеллектуалы, как мыслящие черви с планет системы Шучажжа, считали, что в центре облака обитает свернувшаяся цивилизация, по какой-то причине не желающая вступать в контакт со своими межзвездными соседями.

Истина - как ей и полагалось - лежала посередине полярных точек зрения. Облако являлось разумной высокоорганизованной системой, возникшей в результате миллионов лет эволюции. Это был чрезвычайно редкий в нашей Галактике вид разумного существа, состоящего не только из связанных друг с другом атомов и молекул, но и из сложного переплетения гравитационных и электромагнитных полей.

Пожалуй, Облако действительно можно было считать свернувшейся цивилизацией – оно не нуждалось в космических полетах для непосредственного исследования внешнего мира. Его процесс познания строился на основе оптических наблюдений Вселенной и построения из имеющегося вещества различных экспериментальных моделей. Не покидая вскормившей его звезды, Облако узнало, как устроены квазары и черные дыры, звезды и планеты. Для этого ему всего лишь пришлось создать уменьшенные во много раз действующие модели небесных тел. Поймав

«Не стояли звери около двери...»

информационные передачи разумных существ из центра Галактики и от соседней Кооперации, Облако с помощью моделирования не только воссоздало их историю, но и с высокой степенью вероятности предсказало будущее этих цивилизаций. Поэтому его не интересовали соседи по космосу.

Когда сигналы с Земли достигли Облака, оно было очень удивлено – если только понятие «удивление» применимо к космическому объекту, состоящему из полей и миллиардов «неорганизованных» атомов и молекул. Никогда ранее оно еще не принимало таких слабых и несодержательных сигналов. Наверное, цивилизация этих разумных существ была еще слишком молода и не имела практического опыта межзвездной связи.

Еще и еще раз Облако повторяло принятую передачу, тщательно анализировало ее содержание и постепенно приходило к выводу, что имеющихся данных явно недостаточно для построения полноценной модели цивилизации, пославшей сигналы в космос. Практически единственная содержащаяся в передаче информация касалась покорения некой довольно высокоразвитой расой белокожих двуногих существ неизвестной Облаку планеты Айгон, населенной оранжевыми дикарями. Изредка изображались мощные летательные аппараты, использующие для передвижения не вполне ясные Облаку физические принципы.

После долгих размышлений Облако решилось на смелый эксперимент: попытаться воссоздать пропущенную в передаче информацию, домыслить ее. Безусловно, это был новый этап в развитии космического объекта: от простого копирования и прогнозирования Облако переходило к активному творчеству. Примитивные оранжевые дикари не интересовали Облако. Оно решило воссоздать белых людей и их космические корабли – это была более сложная, а значит, и более интересная задача.

«Не стояли звери около двери...»

Решение задачи полностью увлекло Облако. Оно обобщало всю косвенную информацию, импровизировало, создавало одну экспериментальную модель за другой. Вначале его преследовали постоянные неудачи, но оно упорно не бросало работу. Воссоздание сложнейших объектов по неполным данным стало для Облака пробным камнем, средством самопознания и самоутверждения.

И труд его увенчался успехом. Прошло всего лишь неполных девять земных лет с тех пор, как Облаком были приняты необычные межзвездные сигналы, и в лучах молодого голубого солнца ЕК900603 весело засверкала обшивки боевых космических крейсеров, как две капли воды похожих на планетные корабли из принятой передачи. В ярко освещенных иллюминаторах замелькали фигурки людей в коричневых комбинезонах.

Облако замерло, восхищенное плодами своего труда. Абсолютно все им созданное полностью соответствовало принятой информации, и вместе с тем получилось гораздо более сложным, а потому и реальным. Могучие крейсера, двуногие разумные существа, сложнейшие бортовые вычислительные системы теперь жили своей, более независимой от воли Облака жизнью. Это был маленький новый мир, существовавший по своим, им самим вырабатываемым законам.

И Облако, одержавшее еще одну победу в познании Вселенной, поднявшееся еще на одну ступень в своем развитии, легким антигравитационным импульсом выбросило этот ограниченный оболочкой космических кораблей новый мир разумных существ в межзвездное пространство, - на расстояние всего лишь нескольких тысяч километров от той самой голубой планеты около небольшой желтой звездочки, откуда к нему девять лет назад пришли слабые и несодержательные сигналы.

Судья Бунгскок поправил накрахмаленный парик и уставился на замершего перед ним человека в полосатой робе. Руки стоявшего сковывали браслеты наручников, ноги оплела металлическая цепь.

- Подсудимый, признаете ли вы, что в качестве редактора газеты «Нью-Йорк Пост» неоднократно выступали со статьями, направленными против демонстрации сериала о подвигах Его Превосходительства Верховного Командора и Президента Дигги и вице-президента Тэррага?

Собеседник судьи уже давно разменял восьмой десяток. На его лице застыло выражение усталости, безразличия и легкого презрения ко всему происходящему.

- Я действительно написал две критические статьи о фильме, который снял нынешний министр культуры Терфонд. Но это было сорок два года назад, - бывший редактор поднял взгляд на Бунгскока. - В те времена никто и предположить не мог, что командор Дигга где-то существует реально и однажды явится на Землю с невесть откуда взявшейся космической эскадрой...

- Ваше замечание не имеет значения для вынесения приговора, - прервал его судья и поджал губы. - Преступление не перестает быть преступлением от того, осознавали ли вы незаконный характер ваших деяний или нет. По высочайшему уложению ваша подрывная деятельность наказуема высшей мерой - расстрелом.

Деревянный молоточек негромко ударил по столу:

- Судебное решение принято!

- Я имею право подать апелляцию?

В глазах старика по-прежнему читались спокойствие и отстраненность от мира.

- Уголовный кодекс не предусматривает возможность апелляций для приговоров за преступления, связанные с антигосударственной

«Не стояли звери около двери...»

деятельностью, - судья с трудом подавил зевок и махнул рукой конвойным:

- Уведите!

Два сержанта подхватили обвиняемого под руки и потащили в коридор.

Бунгскок пододвинул к себе лист бумаги, который лежал перед ним на столе, и поставил еще одну галочку.

«Сорок первый. Если двигаться такими темпами, то я, пожалуй, и вправду успею рассмотреть до обеда сто дел. И выиграю бутылку коньяка в споре с этим ничтожеством Кейстоном!»

Он кивнул судебному секретарю:

- Заводите следующего!

1985 год

Владимир Серегин

«Ариец»

1

Врач был румян, круглолиц и добродушен. Словно сошел со страниц книжки детского писателя Глазкова «Про малыша Знайку и его друзей» - помнится, был там такой же благообразный и очень умный доктор Микстуркин.

Эскулап бегло пролистал мою больничную карту и с легким смешком констатировал:

- В вашем случае, Георгий Сергеевич, медицина полностью бессильна.

Тут «Микстуркин» сообразил, что сказанная им фраза звучит несколько двусмысленно, охнул и быстренько поправился:

- В том смысле, что здоровы вы, извините, как бык. И в физическом, и в психическом отношениях. Что же касается голосов, которые вы слышите...

Он задумчиво погрыз кончик шариковой ручки.

- Могу посоветовать вам только одно: отдохнуть. Полностью отключиться на месяцишко-другой от всех ваших космических дел. Вам нужен отпуск и хороший отдых. Но без экстремизма! Никаких альпинистских восхождений, серфинга и дельтапланеризма. И лучше обойтись без южных морей. Выберите что-нибудь спокойное, размеренное, неспешное... Желательно, в средней полосе, без резких температурных колебаний... Леса, озера, реки...

Я внял врачебным советам, выбрал и поехал в Песчаную.

Песчаная – это маленький районный центр примерно в ста двадцати километрах от Полянска. Вокруг – то, что доктор прописал: озера и леса. А если отъехать от городка еще километров десять на северо-запад по выложенной бетонными плитами дороге, то сначала наткнешься на двухэтажное зданище из красного кирпича - контрольно-пропускной пункт, а за ним на берегах небольшой речушки Северский Полец обнаружится зона отдыха: налево от дороги – санаторий Центрального Комитета КПСС «Сталинец», направо – гостиничный комплекс «Дружба».

Поначалу мне, как «герою космоса», светила месячная путевка «налево». Но я не захотел проводить отпуск среди заслуженных партийных старцев, их «золотых» детей и «бриллиантовых» внуков, «боевых» подруг и прочей челяди. Я выбрал народную и демократичную «Дружбу», в которой обычно отдыхали шумные компании полярников, орденоносные передовики производства, известные писатели и деятели науки – тоже элита советского общества, но уже рангом пониже партийных бонз. Впрочем, разделение общественных сословий было весьма условным: санаторий и гостиницу связывали мост через реку и тенистая аллея длиной с полкилометра. С прежних, «строгих» времен на аллее остался внутренний контрольно-пропускной пункт. Никакие пропуска или удостоверения личности на нем не спрашивали, но дежурный в деревянном домике-будке пребывал постоянно: то ли местное руководство опасалось возвращения прежних порядков, то ли просто решило не сокращать штатную единицу вахтера – авось еще когда-нибудь пригодится.

При такой вольнице нравов и пропускного режима «престарелые» комсомольцы и молодые партийцы «сталинской» прописки постоянно ошивались на «дружеских» дискотеках, а обитатели «Дружбы»

«Не стояли звери около двери...»

частенько наведывались в шикарный ресторан «Сталинца». Смешение разных слоев общества, как правило, и там, и сям завершалось хмельным братанием и даже жарким лобзанием отдыхающего контингента.

Однако рестораны и дискотеки меня интересовали мало – не люблю шумных застолий, массовых зрелищ и гроыхающей музыки. Поэтому я с первого же дня в «Дружбе» с упоением окунулся в очаровательный зеленый мир местного разнолесья. С утра и до самого вечера бродил по окрестным рощам и дубравам, дышал чистейшим воздухом в ельниках и сосновых борах. Конечно, все это были искусственные посадки, появившиеся на берегах Северского Полянца в середине прошлого века, когда была мода на переустройство ландшафтов «по просьбам трудящихся», но с тех пор деревья разрослись, перемешались на границах посадок, и теперь вся зона отдыха превратилась в единый огромный лесной массив.

Был конец сентября, нагрянуло бабье лето, вода в озерах была все еще пригодной для купания, и я почти ежедневно «уходил в заплыв», наслаждаясь ласковым солнцем, бездонной голубизной неба и прохладой озерных вод. А еще пару раз ходил на речку рыбачить. Рыболов из меня оказался аховый – я отловил только парочку небольших окуньков, которых тут же немедля вернул в речные заводи. Но зато всласть подремал в раскладном кресле, нежась в солнечных лучах, ощущая на лице легкое прикосновение шелестящего камышами ветерка.

Вечера же я, как правило, проводил в гостинице. «Дружба», если смотреть на нее со стороны, чем-то похожа на огромный океанский лайнер, неким удивительным образом причаливший прямо в гущу окрестных лесов. Или на громадный треугольник – почти стометровая гипотенуза лежит на земле, большой катет под углом тридцать градусов с наклоном поднимается вверх, где-то в вышине ломается под прямым углом и малым катетом устремляется к земле. На первом, самом

«Не стояли звери около двери...»

длинном этаже гостиницы, находились дискотека и столовая, два конференц-зала и библиотека, бильярд и шахматная комната. На втором, третьем и четвертом этажах, каждый из которых был короче предыдущего, располагались одно- и двухместные номера. Пятый – самый верхний этаж – был отведен под достаточно вместительный бар. По периметру пятого этажа была устроена крытая пластиком смотровая площадка, которую все почему-то называли верандой.

По общему мнению, начало осени - «не сезон» для отдыха в Песчаной. Народ в массе своей предпочитает все-таки лето. Поэтому постояльцев в гостинице было мало. Два седовласых ветерана миротворческих сил времен афгано-пакистанской войны, которые не вылезали из бара и, по-моему, не просыхали. Иногда я ловил на себе их мутные взгляды, - может быть, им требовался третий элемент для тесной компании, и меня издали оценивали с позиций пригодности на роль «третьим-бушь», - но дальше этого наше знакомство не продвинулось.

В одном из номеров на втором этаже жил изысканно вежливый старикашка. Он раскланивался со мной при каждой встрече, приподнимая широкополую шляпу и салютуя деревянной тростью – уж и не знаю, чем я был обязан такому почтению.

С сестрами-близнецами бальзаковского возраста Олимпиадой Леонидовной и Леокадией Леонидовной я приехал в гостиницу одновременно и помог им донести чемоданы от такси в холл, за что получил право именовать дам Лика и Лека соответственно. Правда, я про себя назвал их «графинями Вишнями» – за абсолютную внешнюю одинаковость, неразлучность и показную церемониальность манер.

Еще обитали в гостинице три развеселые девицы: блондинка, брюнетка и шатенка – я мысленно присвоил им имена Вера, Надежда и Любовь. При ближайшем знакомстве они, однако, оказались Мариной, Анной и Татьяной. Девы младые регулярно зазывали меня на

«Не стояли звери около двери...»

дискотеки, но я изворачивался и отнекивался, предпочитая одинокий умиротворенный отдых. Барышни шушукались, перестраивали боевые порядки и явно намеревались взять меня если не штурмом, то измором.

3

Моя идиллия длилась дней десять, и уже стала приедаться, когда в «Дружбу» явилась веселая галдящая компания – человек сорок молодых и талантливых авторов во главе с благообразным и седовласым мэтром отечественной фантастики. Литераторам предстоял двухнедельный творческий семинар – ежегодная школа писательского мастерства, которую именно здесь, в «Дружбе», уже почти полтора десятка лет проводил известный советский писатель, лауреат многих литературных премий, редактор журнала «Советская фантастика» и прочая, прочая, прочая Борислав Аркадьевич Строгицкий. Кроме этого, он был еще и фантастом во втором поколении: его отец, Аркадий Натанович Строгицкий в соавторстве с братом Борисом написали те самые «Землю пурпурных облаков», «Дорогу к Юпитеру» и «Будем жить!», которые увлекли юного школьника Жорку Луганцева до такой степени, что он, едва получив на руки школьный аттестат, тут же подал документы во Всесоюзную школу космогации.

С утра сердце звало меня купаться и бродяжничать среди лесов, а писатели оккупировали актовый зал и до самого вечера «мыли косточки» своим опусам – романам, повестям и рассказам. Поэтому пару дней я и перспективные молодые побеги литературного мира существовали в параллельных вселенных. Но вечером третьего дня мы столкнулись лоб в лоб.

Я зашел в бар, взял у бармена Бори стаканчик легкого вина, сырную нарезку и решил выйти на веранду, посидеть в плетеном кресле и полюбоваться на дивно

«Не стояли звери около двери...»

хорошую сегодня полную Луну. Иногда приятно взглянуть со стороны на то, что уже видел под другим ракурсом и чуть с более близкого расстояния. Распахнул стеклянную дверь, и нос к носу столкнулся с самим собой.

Сначала мне даже показалось, что за дверью находится обычное зеркало. Стоявший напротив меня человек был высок, худощав, русоволос. Карие глаза глядели на мир с легкой иронией, полноватые губы чуть тронула улыбка. Одет он был в старенький серый свитер, джинсы и коричневые разношенные туфли – совершенно так же, как и я. В руках мое отражение держало стакан с вином и тарелочку с какой-то закуской.

Мы окинули друг друга взглядом и одновременно расхохотались.

- Александр Степанков, - отсмеявшись, представился незнакомец. – Писатель-фантаст.

- Георгий Луганцев, - улыбнулся в ответ. – Военный космолетчик.

Разумеется, у писателя-фантаста и космовеоленета всегда найдется масса тем для обсуждения, поэтому в тот вечер мы не ограничились стаканчиком вина и легкой закуской, а оторвались по полной, хотя и без излишеств и перебора. Бармен Боря, - Бар-Бор в моей интерпретации, - он же Боря-бармен – и соответственно, Бор-Бар по версии моего нового знакомого, - стал свидетелем нескольких горячих пари, доброго десятка версий таинственных происшествий в истории человечества, и множества занятных житейских историй. К полуночи, когда мы решили разойтись по номерам, писатель Степанков уже по-свойски называл меня Жорик, а я дружески величал его Сандро.

Так начались наши «писательско-космические» вечера. Около семи, завершив свои дневные дела: он – литературные «штудии», а я – программу очередного дня отдыха, мы встречали в баре, брали у Бар-Бора по «стартовому» стаканчику вина или «изначальной» бутылочке пива и шли на «дружескую» веранду.

«Не стояли звери около двери...»

Садись в плетенные кресла и болтали до самой полуночи обо всяких интересностях – о пришельцах из космоса и НЛО, о загадках древности и тайнах отечественной истории, о том, почему до сих пор ни один советский автор не получил литературную Нобелевку и отчего ни мы, ни американцы, летая к Луне, Венере и Марсу, так пока и не добрались до Меркурия. Ну, и еще Сандро очень интересовали мои рассказы о космических полетах и всемирно известных космозенитах: Владиславе Пастушенко, Льве Зайчонке и Игоре Лосеве.

Вместе мы провели пять вечеров. А на шестой день я вернулся с рыбалки и застал в «Дружбе» суетливых и деловитых сотрудников местной милиции, которые поочередно допрашивали обслуживающий персонал «Дружбы», участников литературного семинара, и всех остальных постояльцев гостиницы.

Писатель Александр Викторович Степанков, которого я звал Сандро, около полудня был найден мертвым на берегу реки. Он лежал, раскинув руки на асфальтовой дорожке – словно в последнее мгновение перед смертью собирался взлететь. Ему выстрелили в спину, пуля вошла в тело под левой лопаткой, и пробила сердце навывлет.

4

Допрашивали меня милиционеры майор Староперцев и лейтенант Зеленоструков, Игнатий Дормидонтович и Неофил Владленович соответственно - если бы не обстоятельства, я бы, наверное, рассмеялся. Староперцев был коренаст и невысок ростом, Зеленоструков – напротив, худ и долговяз.

Наша беседа заняла едва ли пару минут. Лейтенант спросил у меня, где я был сегодня днем примерно с одиннадцати и до часу пополудни. Я честно ответил, что рыбачил на берегу реки, метрах в ста от пешеходного мостика, и никуда не отлучался.

«Не стояли звери около двери...»

- Нет ли у вас пистолета марки ТТ? - хмуро поинтересовался майор. – Случайно... Ну, может быть, вам подарил кто-то.

- Нет, - снова четко признался я. – Мне не дарили оружия.

Никогда не держал пистолет ТТ в руках. Аварийный набор на наших космических кораблях комплектуется стандартным «макаровым».

На этом разговор закончился. Я был даже несколько разочарован его краткостью. Наверное, разочарование как-то отразилось на лице, потому что Староперцев тут же пояснил, почему вопросов больше нет: на речном берегу меня хорошо было видно с находившегося за мостом въездного КПП, и дежурный твердо подтвердил мое присутствие в этом месте в течение времени, когда произошло убийство.

Настроение было скверным. В номер идти не хотелось, и я поднялся в бар. У стойки попивал пиво из стеклянного бокала вежливый старик в широкополой шляпе, о чем-то вполголоса беседуя с барменом Борей. Я тоже заказал себе пиво.

- Вас уже тоже опрашивали? – поинтересовался старик, поприветствовав меня.

- Да, - я кивнул.

- Наверняка этого молодого человека убил кто-то из заезжих, - сказал старик, выпятив нижнюю губу. – Какой-нибудь гастролер-рецидивист. Может быть, с целью ограбления...

- Чужих на территории не было, - отозвался из-за стойки Бар-Бор. – Забор под сигнализацией, а через КПП никто не проходил. Установленный милицией факт.

- Вы откуда об этом знаете? – Старик недовольно покосился на бармена.

- Услышал, - Бар-Бор улыбнулся. – Перед тем, как уехать, двое местных милиционеров зашли в бар выпить кофе. Ну, и говорили об убийстве. Извне на территорию никто не проходил. На берегу Полянца чужих следов тоже не нашли. Значит, и на лодке никто чужой приплыть

не мог. А еще сказали, что все постояльцы из «Сталинца» сегодня ездили на экскурсию в Свято-Преображенский храм.

- А если был подкоп? – не сдавался старикашка. – Убийца мог пробраться в зону отдыха под забором!

- Вы хотите сообщить об этом следствию? – сухо поинтересовался я. Тоже мне еще, доморощенный Эркюль Пуаро выискался. Жеглов и Шарапов в одном флаконе.

- Пусть сами додумаются, - старик презрительно фыркнул, и, наконец, счел нужным представиться, слегка приподняв шляпу:

- Ипполитов Матвей Иванович, учитель истории.

- Георгий Сергеевич Луганцев, космополит, - нехотя отозвался я. У меня не было никакого желания вступить в разговор.

Ипполитов отхлебнул пива и продолжил:

- Ну, если убийца не из заезжих, то это непременно кто-то из писателей или служащих гостиницы.

- С чего вы взяли? – Из вежливости я все же решил поддержать беседу. – А остальные постояльцы? Не из писательской группы?

- Все остальные сегодня вместе со «сталинцами» были на экскурсии в Свято-Преображенском храме, - сообщил старик. – На территории оставались только вы и эти писатели...

Он настороженно зыркнул в мою сторону и спросил:

- Вы были близки с убитым? Я несколько раз видел вас вместе.

- Меня видели с КПП, - сказал я, предваряя его расспросы. – У меня есть алиби. А с Сандро мы действительно дружили...

- Упаси Господи, - Ипполитов замахал руками. – Я вовсе не собирался подозревать вас!

- Это радует, - я саркастически ухмыльнулся. Ипполитов начинал меня раздражать, но уходить из бара мне не хотелось.

«Не стояли звери около двери...»

- Умереть так рано... - старик вздохнул. - По-настоящему великие люди часто уходят рано... Ленин... Если бы в 34-м его не убил этот негодяй Николаев... Или Иосиф Виссарионович...»

- Но Сталин умер в девяносто пять, в семьдесят четвертом, - заметил я. - Это весьма почтенный возраст, вы не находите?

- Ему бы еще годика три прожить... - рот Ипполитова искривила горькая улыбка. - Ах, если бы не эта внезапная смерть! Он не отдал бы Китай каппутистам!

- Кому?!

- Идущим по капиталистическому пути, - немедленно пояснил старик. - У Вячеслава Михайловича Молотова уже не было сил удерживать сталинское знамя. Кооперация... Мелкое предпринимательство и рынок... Мы идем не туда! А нынешний генсек Распутин – так вообще правый ревизионист и либерал...

Учителя истории понесло. Наверное, стал на хорошо проторенную глубокомысленными рассуждениями дорожку. Даже щеки порозовели от возбуждения.

Я почти не слышал, что он говорил. Словно вата заложила уши. Долетали только отдельные слова и фразы:

- Дестабилизирующие факторы только возросли... Подрывная деятельность... Идеиное растение молодежи...

Он горячечно бормотал себе под нос, жужжал и зудел, как надоедливая муха в жаркий июльский день. Я закрыл глаза.

- Но ничего, скоро все поменяется! – Ипполитов, наконец, завершил свой монолог. – Справедливость должна восторжествовать!

«Справедливость должна восторжествовать!», - мысленно повторил я про себя.

И понял, чем буду заниматься.

«Не стояли звери около двери...»

Я найду убийцу Сандро. Чего бы это мне не стоило.

Потому что справедливость должна восторжествовать.

5

Меня распирало от возбуждения и едва сдерживаемой злости. Мой друг Сандро был мертв, и я не верил, что местная милиция, - все эти староперцевы и зеленоструковы, - сможет отыскать убийцу.

Я заперся в своем номере, достал из кейса ручку и рабочий блокнот. Никогда в жизни не занимался расследованиями, но, наверное, любое следствие должно начинаться с анализа фактов и построения версий. Это как в науке: видишь что-то неизведанное, строишь гипотезы, размышляешь и ставишь эксперименты, делаешь выводы.

Итак, что мы имеем...

Чужие в зоне отдыха не появлялись: на контрольно-пропускном пункте вахтеры никого не видели. Да и двухметровый забор из стальных прутьев с острыми пиками надежно отгораживает территории «Сталинца» и «Дружбы» от остального мира. Металлическое полукольцо - от реки и до реки - охватывает часть территории лесных насаждений. Зона есть зона, хоть это и зона отдыха.

Как еще сюда можно проникнуть? Ну, хотя бы чисто гипотетически?

Можно приплыть по реке. Но часть водного пространства, примыкающая к берегу тоже огорожена - буйками с натянутой сетью. Плюс спасательная станция на берегу с постоянным дежурством - на случай, если кто-то из подвыпивших отдыхающих вдруг вообразит себя Колумбом или Магелланом. Да и лодку или плот нарушителю где-то прятать надо... Так что

«Не стояли звери около двери...»

проникновение по воде в зону отдыха практически исключается.

А если под водой? Надел акваланг и поплыл. Нет, не получается. Сетка под водой мешает. Можно, конечно, поднырнуть. Но... Но среди бела дня всплывшего аквалангиста непременно заметят с той же спасательной станции. И вряд ли подводный злоумышленник будет перемещаться по территории зоны отдыха в одних плавках. Значит, заранее ему здесь нужен тайник. Или сообщник с одеждой. Для увлекательного шпионского романа такой замысел проникновения годится. Но как-то все это очень сложно для практической реализации...

Проникнуть по воздуху. Гм, с парашютом прыгать что ли? Сто процентов, что и охрана, и отдыхающие увидят опускающегося парашютиста. Нет, воздушный путь даже теоретически невозможен.

Что еще остается? Проникнуть под землей. Сделать подкоп под металлической оградой. Версия старикашки Ипполитова. А почему бы и нет? Маловероятно, но проверить стоит.

Проверку в долгий ящик откладывать не стал. Я рвался действовать. Действие хоть как-то уводило в сторону от горьких мыслей о смерти друга. Запер номер, спустился на первый этаж и отправился к левой оконечности зоны отдыха, к решетке ограждения, которая начиналась от самой воды.

Меня ждал приятный сюрприз. Вдоль всего периметра решетки тянулась аккуратная, выложенная плитками дорожка – наверняка для периодических осмотров периметра зоны отдыха местной охраной. Для полной уверенности прогулялся туда и обратно вдоль всего забора, внимательно осматриваясь и ища следы подкопа или любого другого проникновения. Даже малейших намеков на скрытное проникновение злоумышленника на охраняемую территорию я не обнаружил.

Внешнее проникновение в зону отдыха можно было с высокой степенью вероятности исключить.

Я вернулся в гостиницу, поднялся в номер и снова принялся размышлять.

«Сталинцы» и часть поселенцев из «Дружбы» сегодня ездили на экскурсию. То есть на территории зоны отдыха их не было. Значит, никто из ездивших не может быть убийцей.

Кто остается в «сухом остатке»?

Старикашка Ипполитов прав – только писатели. И, конечно, персонал гостиницы. Писателей во главе с мэтром Строгицким заехало в «Дружбу» четыре десятка, не меньше. Плюс персонал... Ну, ориентировочно и по минимуму – с дворниками, прачками, кастеляншами и горничными – еще человек, наверное, с полста. Если не больше...

Я вздохнул. Н-да, искать - не переискать? Что же, мне опрашивать почти сотню людей?

И как? Мой статус – отдыхающий. На каком основании я буду их всех опрашивать?

Ладно, круг подозреваемых пока оставим. Попробуем зайти с другой стороны. Со стороны обстоятельств случившегося.

Смерть моего друга, скорее всего, не была случайной. Трудно предположить, что где-то в окрестностях зоны отдыха разгуливает маньяк с пистолетом, у которого всех-то радостей в жизни – пострелять в приехавших на семинар писателей-фантастов. Нет, убийству наверняка предшествовал какой-то конфликт между Сандро и... И кем?

Сандро был веселым и общительным человеком, спокойным, сдержанным и абсолютно не конфликтным. И все-таки что-то с кем-то у него не заладилось, раз его убили. Причем убили хладнокровно - уж очень точным был выстрел, прицельным, прямо в сердце. В горячке внезапного спора или ссоры так не убивают. А это значит, что убийца готовился к преступлению какое-то время. Очень тщательно готовился – потому что смог

«Не стояли звери около двери...»

скрыться и, насколько мне было известно, не оставил никаких следов.

Вряд ли Сандро мог конфликтовать с кем-то из obsługi гостиницы. Бар-Бор, горничные, девушки на регистрации – с кем он еще мог общаться? И с кем и из-за чего сцепиться так, что некто решился на убийство? Персонал в гостинице вышколен, тише воды, ниже травы... Нет, маловероятно, что убийцей мог стать кто-то из служащих гостиницы. Не тот это контингент, чтобы расстреливать писателей из пистолетов.

А вот сами товарищи писатели... Ближний круг общения Сандро. Тут вполне мог назреть некий конфликт, который и завершился убийством моего друга. Конфликт, который мог зреть долгое время. Может быть, даже годами. И выплеснулся наружу здесь, в гостинице курортной зоны Песчаная.

Мне нужно ближе сойтись с участниками семинара Строгицкого. Вполне возможно, что именно среди пишущей братии и отыщется убийца моего друга.

7

Шерше ля фам – это, наверное, первая заповедь любого настоящего сыщика. Если хочешь что-то узнать о какой-то группе людей, проще всего сделать это с помощью дамы, ориентированной на максимальные социальные связи. Проще говоря, мне нужна девчушка-болтушка из писательской среды. «Язычок».

Такой «язычок» нашелся с легкостью. Когда мы с Сандро болтали по вечерам на «дружеской» веранде, иногда мимо нас проносилось в пространстве нечто огненно-рыжее, веснушчатое и зеленоглазое. Пару раз «нечто» тормозило у нашего столика, чтобы обменяться с Сандро какими-то писательскими новостями. «Комета», разумеется, была мне моим другом тут же представлена. Леночка Дремлюга, молодая и талантливая писательница то ли из Костромы, то ли из Коломны – уж не вспомню.

«Не стояли звери около двери...»

Позавчера, уже после завершения нашей писательско-космической посиделки, мне не спалось, и я отправился прогуляться вокруг корпуса гостиницы. На обратном пути на первом этаже случайно столкнулся с Леночкой и силой «кометного» притяжения и личного обаяния был немедленно утащен на дискотеку.

На танцплощадке госпожа Дремлюга отнюдь не дремала и в нескольких танцах совершенно ухайдакала космовоенлета Луганцева под песни неизменно зажигательного Валерия Леонтьева. Потом мы поднялись в бар. Через полчаса сама собой возникла ситуация, когда даме вполне можно было предложить чашечку кофе в номере, но Леночка вдруг взглянула на часы и сообщила, что ей пора.

- Вам пожелать спокойной ночи? - с робкой надеждой на оптимистическое продолжение вечера осведомился космовоенлет Луганцев.

- Лучше пожелайте мне хорошей работы, - озорно блеснула глазами писательница Дремлюга и пояснила:

- С полуночи и до трех часов ночи я обычно пишу. Ежедневно и вне зависимости от обстоятельств». Она чмокнула ошарашенного ответом космовоенлета в щеку и с кометной скоростью упорхнула в необъятные просторы своей вселенной.

Вчера мы с Сандро закончили наш «вечер на веранде» далеко за полночь – спорили об инопланетном разуме, контактах, «летающих тарелках». Спор наш был жарким и интересным, и оторваться от него для продолжения начатого вчера легкого флирта было совершенно невозможно. Поэтому «полет» к рыжеволосой «комете» космовоенлета Луганцева был перенесен в светлое будущее на неопределенный срок.

Ясно, что сегодня уже не до «полетов»... Если только просто поговорить...

Я взглянул на часы. Половина девятого. Вечерней дискотеки, разумеется, не будет. Елена Дремлюга вполне может оказаться в своем номере.

«Не стояли звери около двери...»

Спустился вниз и у дежурной по гостинице узнал, в каком номере живет писательница. На третьем этаже быстро нашел нужную дверь и постучал.

Она открыла почти сразу. Глаза на мокром месте, плечи опущены.

- Ребята решили собраться в номере у Строгицкого. А я... - она всхлипнула. – Я не могу...

- Алёна, - шагнул через порог и осторожно обнял ее за плечи, - пойдёмте куда-нибудь. Ну, хотя бы на веранде посидим, что ли...

На веранде никого не оказалось. Плетеные кресла, круглый столик, за которым еще вчера я болтал с моим другом о пришельцах. Мы сели рядом. Кресло, в котором обычно сидел Сандро, располагалось чуть в стороне и в глубокой тени.

Вечер был теплый и безветренный. На темнеющем небе одна за другой просыпались звезды.

Я начал говорить. Нес всякую околесицу – о работе, полетах, друзьях, нестандартных ситуациях. Болтал, трепался, рассуждал – и постепенно втягивал в разговор ее. Алёна отвечала: сначала односложно, поддакивая, потом постепенно стала раскрываться, успокаиваться - и разговорилась.

Наверное, часа два мы просто болтали, наклонив головы друг к другу. Шептались, как влюбленные школьники. И только потом, уже подустав от собственных историй, я перешел к делу и осторожно повернул разговор к литературе и писательству в целом, Алёниным книгам, и в конечном итоге, - к семинару.

Она принялась отвечать – охотно и увлекшись.

Писательские семинары Строгицкого, которые уже почти десяток лет ежегодно устраиваются в «Дружбе», строятся всегда примерно по одной и той же схеме. Днем - коллективные занятия и обсуждение авторских текстов. Вечером - свободное время. Но не для всех: Строгицкий обычно каждый вечер звал к себе в номер трех-четырёх коллег-писателей и устраивал персональный разбор совершенно конкретных произведений - тех, над

«Не стояли звери около двери...»

которыми ребята в этот момент работали, и будущих, существующих еще только в замыслах. Спорил, подсказывал, делился идеями. К отъезду из «Дружбы» «в гостях» у мэтра успевали побывать все участники семинара. Некоторые даже по два раза.

Конечно, с семинаров уходить было не принято. Каждые полтора часа делались «перекуры» минут на десять-пятнадцать плюс большой часовой перерыв в полдень на обед.

- А сегодня? – поинтересовался я. – Сегодня тоже никто не уходил?

- Сандро ушел за полчаса до большого перерыва, - Алёна вздохнула и вертикальная морщинка обозначилась между ее бровями.

- Один ушел?

- Один, - Алена снова всхлипнула. – Господи, если бы я только могла представить, что вижу его в последний раз... Обеими руками бы вцепилась!

- Увы, нам не дано знать будущее. А прошлое уже не изменишь...

Алена опустила взгляд, и я понял, что она вот-вот разрыдается.

- Сегодня на семинаре были все ваши ребята? – спросил я. – Никто не отсутствовал?

- Коля Бориленко пришел только после обеда, - она ответила после глубокого вздоха. – Еще и опоздал минут на двадцать... Погодите... Вы что думаете, что Коля мог?...

- Ничего я не думаю, - затряс головой. – Спросил просто так...

Я опять увел разговор в сторону, решительно утащил Алену прочь от воспоминаний о том, что случилось сегодня днем. И мы снова говорили обо всем – и ни о чем. Болтали. Правда, и в этом пустом нашем трепе мелькнуло зернышко нужной мне информации. Тим Лазарьев, писатель и участник нынешнего семинара, был соавтором Сандро, с которым он написал две свои книги. Последние книги.

«Не стояли звери около двери...»

Было уже чуть за полночь, когда мы поняли, что наговорились. Сегодня писательница Дремлюга явно не собиралась выдерживать свой почасовой рабочий график.

Бар-Бор еще возился за барной стойкой, мы взяли по чашечке кофе и по бутерброду с сыром. Еще минут пятнадцать поговорили о том и о сем. Потом спустились на третий этаж, и я хотел было пожелать Алёне спокойной ночи, но она – робко, осторожно, но вместе с тем и решительно, - взяла меня под руку...

8

Писатель-девица достаточно бесцеремонно выдворила меня из своего номера примерно в половине пятого: мол, утром к ней зайдут семинарские подружки, и ей бы не хотелось оказаться в неловком положении. Я не возражал: у меня за годы космических полетов тоже сформировался стойкий принцип – люблю просыпаться в своей каюте в спальнике, а не под потолком орбитальной станции или около конвекционного вентилятора.

Утром открыл глаза ровно в семь. Плеснул водой в лицо, надел спортивный костюм и кроссовки и отправился на утреннюю пробежку.

Бегаю я каждое утро - минут двадцать в легком темпе, трусцой, а потом делаю зарядку. Сегодня же мой утренний кросс-променад помимо оздоровительно-спортивных целей, имел еще и легкую детективную составляющую: соавтор Сандро, Тимофей Лазарьев, тоже по утрам бегал в пригостиничном парке. Правда, обычно мы двигались по практически непересекающимся маршрутам, и в прежние дни я всего лишь дважды видел бегущего писателя издали – высокого, стройного, не мускулистого, но какого-то жилистого, одетого в полукеды, синие спортивные брюки и желтую футболку с яркой красной цифрой «девять» на

«Не стояли звери около двери...»

спине и надписью «Тимофей Лазарьев». Нынешним же утром подгадал так, чтобы оказаться в финишной точке дистанции Лазарьева минуты через две после того, как Тимофей закончил бег.

Я остановился, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, пару раз взмахнул руками вверх и вниз. Лазарьев стоял чуть поодаль, у кустов вдоль дорожки и, глядя на секундомер, что-то подсчитывал – наверное, частоту пульса после бега.

Я кивнул ему, приветствуя, и спросил:

- Вы тоже бегаєте по утрам?

- Стараюсь держать себя в форме. А вы – космолетчик?

- Гм... Это так заметно? – Я рассмеялся в ответ.

- Мне о вас рассказывал Саша Степанков, - его брови печально приподнялись.

- Первого космолетчика знают все. О двенадцатом что-то слышали. Сто двадцать третьего с трудом припоминают: «Ах, да...». Ну, а тысяча двести тридцать четвертому задают вопрос: «Вы и вправду космолетчик?»

- Вы и в самом деле тысяча двести тридцать четвертый?

- Вот так мне повезло! – Я улыбнулся и протянул руку для рукопожатия. – Георгий Луганцев.

- Тимофей Лазарьев, - отвечая на рукопожатие, представился он. – Соавтор Саши.

- Сандро мне тоже говорил о вас, - чуть-чуть соврал я и махнул рукой в сторону реки:

- Хочу прогуляться. Не составите компанию?

- Почему нет?

Мы неспешно пошли по асфальтовой дорожке к реке.

- Мог бы сказать, что знаю наперечет всех из двухтысячного отряда советских космонавтов, но воздержусь, - с усмешкой сказал Лазарьев. - Хотя космонавтикой я все же интересуюсь.

- Просто так или с какой-то целью?

«Не стояли звери около двери...»

- С целью. Я пишу в жанре альтернативной истории. В том числе и об альтернативах в космонавтике.

- А что, были возможны какие-то альтернативы? – Я изобразил на лице живейший интерес, слегка провоцируя собеседника на углубление затронутой темы.

Лазарьев легко повелся и тут же принялся рассуждать об альтернативной космонавтике. Например, что было бы, если бы Вернер фон Браун не эмигрировал из Германии после прихода к власти коммунистов во главе с Эрнстом Тельманом в 1933 году. Оказывается, немцы вполне могли стать родоначальниками космической эры. А если бы Сергея Королева после запуска первого спутника в пятьдесят восьмом году не обвинили во вредительстве – запустил малый спутник вместо задержавшегося на заводе большого, - Советский Союз мог первым отправить человека в космос.

- Ну, мы же в шестьдесят четвертом вывели на орбиту крылатую «Зарю» с Георгием Береговым, - придавая большую остроту разговору, вставил я.

- К тому времени Америка уже два года запускала в космос военные капсулы «Меркурий», а первым человеком в космосе на страницах учебников истории теперь значится не какой-нибудь наш Петя Иванов или Иван Петров, а Дик Слейтон. В результате космос на целое десятилетие стал полностью военным. Поэтому глобальные ракеты с ядерными бомбами висят теперь над всей Землей. И военные орбитальные станции к ним в придачу. Хорошо, что хоть в семидесятые вспомнили о мечтах докосмической эпохи, о полетах человека на Луну, об исследованиях Марса и Венеры.

- У вас хорошее знание темы, - похвалил я.

- Мы собирались писать книжку о межпланетном полете... В соавторстве, я и Сашка. - Лицо Тимофея снова помрачнело. - Назавтра планировали собеседование с Строгицким – обсудить тему, посоветоваться...

«Не стояли звери около двери...»

- Строгицкий? Это руководитель вашего семинара? Он что, подсказывает всем, что и как писать?

- Нет, конечно же! – Лазарьев фыркнул. – Борислав Аркадьевич, скорее, наставляет и советует. Ну, и еще подбрасывает интересные идеи в процессе обсуждения. Его семинары – это хорошая школа литературного мастерства!

- Тогда почему Сандро вчера ушел с семинара? Я его мельком видел, - соврал я, даже не моргнув глазом.

Лазарьев чуть замедлил шаг, бросил на меня короткий взгляд и вздохнул:

- Ушел, да...

Помолчал секунду-другую и добавил:

- Где-то за полчаса до большого перерыва Сандро вдруг захлопнул свой блокнот, сунул его в сумку. Мы сидели рядом за столом, я его шепотом спрашиваю: «Ты куда намылился?» Он в ответ только буркнул: «Хочу поговорить с одним старым знакомым!» Желчно так сказал. Как будто едва сдерживал раздражение и ненависть. Кажется, даже зубами скрипнул.

- А больше ничего не сказал?

- Ничего, - Тимофей тряхнул головой. – Больше я его и не видел... Живого...

9

Не люблю знакомиться с писателями и журналистами, книги или статьи которых читал. Прочитаешь какое-нибудь их произведение - и составляешь об авторе одно мнение, встретишься и... Потом думаешь: лучше бы было вообще не пересекаться!

Хорошо, что у меня мало знакомых пишущих знакомых – космолетчик, почти постоянно торчащий вне Земли в рутинных военных и транспортных экспедициях мало кому интересен.

«Не стояли звери около двери...»

Книги Николая Бориленко я читал, и они мне даже нравились. Писатель из Воронежа специализировался на криптоисторической фантастике. К примеру, его интересовали действительные подоплеку Великого освободительного похода СССР и Социалистической Германии, начатого 1 сентября 1939 года, который, впрочем, в зарубежье до сих пор именуют Второй мировой войной. Или же гибель Берия, Жданова и Хрущева в авиакатастрофе в 1942 году – была ли это просто трагическая случайность или все-таки диверсия англо-американцев?

Еще Бориленко увлекался шахматными этюдами. Поскольку это его увлечения никто из писателей-семинаристов не разделял, он по вечерам одиноко просиживал в шахматном зале на первом этаже «Дружбы». Там я его и застал.

Дверь открылась с легким поскрипыванием. Бориленко оторвал взгляд от шахматной доски и вопросительно уставился на меня.

- Не желаете сыграть партию? – спросил я прямо с порога.

- Играете в шахматы? – Он заметно оживился. Наверное, ему осточертело разгадывать шахматные кроссворды в одиночку.

- Мы поигрываем немного на орбитальных сменах.
- Я прошествовал к шахматной доске и уселся на стул напротив писателя.

- На орбитальных сменах? – Его брови удивленно взметнулись вверх. – Ах, да! Кто-то говорил мне, что в гостинице отдыхает космозенит.

- Это я и есть, - протянул руку. – Луганцев, Георгий.

- Николай Бориленко, - он ответил на рукопожатие.
– Согласны играть белыми?

- Даете мне маленькую фору? - Я улыбнулся. – Согласен.

Мы расставили фигуры и начали. В шахматы, по мнению коллег, я играл весьма неплохо. По крайней

«Не стояли звери около двери...»

мере, турниры между станцией и Центром управления полетом несколько раз выигрывал.

- Вы писатель? – поинтересовался я.

- Классический графоман и махровый бумагомаратель, - Бориленко весело фыркнул. - Фальсификатор отечественной истории!

- Это как? – Я «включил дурака».

- Пишу в жанре социалистической исторической фантастики, в основном – военной, - пояснил Николай. – Например, о том, почему Сталин отдал приказ остановить наше продвижение в Европе осенью сорок третьего...

- Это же любой школьник знает, - я пожал плечами.

- Польша, Финляндия, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния, Югославия. Не слишком ли большой кусок пирога для одного рта?

- Да, это официальная версия, - согласился писатель. – Растянутые коммуникации, обескровленный тыл... Ну, а если предположить, например, что Сталин загодя узнал о разработке в Штатах атомного оружия и решил от греха подальше все-таки пойти на мировую?

Мы по очереди передвигали фигуры по шахматной доске и вполголоса беседовали. Я чуть-чуть подстегивал Бориленко вопросами, но, в общем-то, это было не особенно нужно: он сам достаточно откровенно говорил о писательской кухне и о том, что меня интересовало. Постепенно я свернул разговор от тематики его книг к писательскому семинару.

- Вам шах. – Мой ферзь оказался на одной линии с черным королем. – Николай, а зачем вы участвуете в семинарах Строгицкого? Сами же говорили, что у вас уже вышло несколько собственных романов. Семинар – это, как мне кажется, что-то для неофитов, нет?

- Шах, говорите? А яacroюсь вот этим коником... Насчет семинара... Видите ли, Георгий, Борислав Аркадьевич не столько нас, лбов здоровенных, учит писательскому мастерству, сколько всякие идейки подбрасывает, иногда даже целые сюжеты. Ну, и реально

«Не стояли звери около двери...»

помогает издаваться в московских и ленинградских издательствах.

- Как я понимаю, в ваших книгах многое основывается на военных событиях. Вы симпатизируете армейской жизни даже в фантастике?

- Я бывший офицер. Был ранен и списан, - горькая улыбка обозначилась на его губах. – Войнушка с Индией в две тысячи восьмом, трансфганская наступательная операция... Ну, армия – это на всю жизнь. Я так считаю... Поэтому и пишу боевую фантастику. И еще: военная тема дисциплинирует самого автора...

- Гм, дисциплинирует, говорите? – Я ловлю его на слове и с ехидцей спрашиваю:

- А что же вы опоздали вчера на семинар с обеда? Минут на двадцать – я вас видел.

Врать, так врать!

- Было дело, - он усмехнулся. – Накануне вечером ездил к армейскому другу, он неподалеку здесь живет, свой дом в селе построил. Посидели хорошо, ребят наших помянули... Я даже чуток перебрал... Решил с утра немного опохмелиться в нашем баре, потом пошел пройтись на свежем воздухе – вот и загулялся.

- Сандро тоже вчера гулял, - вздохнул я. – Догулялся...

Бориленко сделал ход конем и кивнул:

- Я его встретил. Уже когда обратно к гостинице шел... Гляжу, Саня Степанков навстречу идет. Хмурый какой-то. Молча рукой мне махнул, и пошел дальше, к реке. А я зыркнул на часы – мама дорогая! – семинар уже давно начался! Так-с, а мы сюда ладьей – и теперь вам шах!

10

Доблестно продув писателю Бориленко две партии из пяти, еще две сведя в ничью и одну выиграв, я вернулся к себе в номер.

«Не стояли звери около двери...»

Мое дилетантское расследование окончательно зашло в тупик. Никто из писателей не мог быть убийцей.

Сандро был убит на прогулочной дорожке, которая протянулась от входа в гостиницу мимо реки и до внутреннего КПП. Через пропускной пункт никто не проходил, со стороны гостиницы тоже никто не шел – это подтверждают и Бар-Бор, и Бориленко. Если идти от «Дружбы» к реке, справа на двести метров тянутся густые и жесткие кусты, переходящие в парковую зону. Отсюда к дорожке, на которой был убит Сандро, убийце никак не подобраться.

Со стороны реки он тоже появиться не мог. Река - метров двадцать пять в ширину. Дорожка проходит по самому краю крутого спуска. Из леса с той стороны до места убийства – метров пятьдесят, если не больше.

Стоп! А если стреляли из-за реки? Возможен такой вариант? Вполне. Пистолетный выстрел с полсотни метров – чего уж проще.

Но кто стрелял?

Если не гостиничный персонал и не писатели, то...

То выстрелить мог только тот, кого не было на территории зоны отдыха!

Какой-нибудь случайный придурок-маньяк, раздобывший где-то пистолет и решивший проверить его на случайном человеке, идущем по дорожке у реки? Маловероятно...

А вот тот, кто назначил Сандро встречу, но так и не появился, вполне мог стрелять. Но...

Но тогда это мог быть только кто-то из экскурсантов, которые ездили в Свято-Преображенский храм. Как-то улизнул во время экскурсии. А потом каким-то образом успел вернуться до обратного отъезда группы в санаторий – вот никто и не заметил его отсутствия.

Другие версии в моем арсенале не вырисовывались, и на следующее утро на рейсовом автобусе я отправился к храму.

«Не стояли звери около двери...»

Во дворе при обители было пусто. Службы церковной сегодня не намечалось, туристов – тоже. Лишь на деревянной лавочке под растущим вдоль стены рядом лип нежился на свежем воздухе средних лет мужчина – кареглазый, с чуть тронутыми сединой аккуратно подстриженными усиками. Голову его покрывала бежевого цвета панاما, на желтой футболке красовалась эмблема прошлогоднего фестиваля фантастики в Партените, а новенькие светло-коричневые штиблеты на длинных ногах хорошо сочетались с выдавшими виды джинсами от Джаспера Конрана. Он мало походил на занятого делами служителя церкви, да еще и рассматривал меня, как мне показалось, заинтересованным взглядом. Поэтому я направился напрямик к нему.

- Здравствуйте, - сказал приветливо, останавливаясь напротив лавочки. – Вы из местных жителей?

- Чеслав Сэмюэль Волянецкий, - он двумя пальцами слегка коснулся края панамы. – Почти местный. Отдыхаю в поселке.

- Георгий Луганцев, - я улыбнулся в ответ. – Военный космолетчик. Проездом.

- Чем могу быть полезен представителю нашей космической гвардии? – В его глазах блеснули лукавые искорки.

- Не подскажите, как можно отсюда добраться до санатория «Дружба»? Только чтобы не рейсовым автобусом – не хочу трястись в душном салоне.

- Как добраться? – Его брови взлетели вверх. - Да запросто - на такси! За церковными воротами повернете налево. Двести метров – и будет продуктовый магазин «Ракета». Там наверняка даже утром тусуется паратройка «грачей»!

Я простился с «почти местным отдыхающим» Волянецким и вышел с церковного подворья.

Остановку такси долго искать не пришлось. Как и нужного мне водителя – утром заказчиков было мало, и

«Не стояли звери около двери...»

водители, собравшись в кружок, перекуривали и о чем-то болтали. На мой вопрос, не подвозил ли кто из них пассажира от храма до «Дружбы» и потом обратно, откликнулся невысокого роста, плотный мужчина лет пятидесяти. Я соврал, что расследую убийство в «Дружбе», быстро взмахнув в воздухе своим космвоенлетским удостоверением. Исполняя гражданский долг советского гражданина – помогать следствию, - водитель сообщил мне, что позавчера действительно возил в сторону «Дружбы» пассажира - пожилого человека, темноволосого, с широкой бородой, густыми усами, в очках. Доехал до кафе «Лесное», попросил подождать полчаса – у него встреча. Вернулся даже раньше. Снова велел отвезти его к храму.

От кафе «Лесное» до берега реки – всего метров сто лесом. А на той стороне находится та самая лавочка, около которой был найден убитым Сандро. Прогулочная дорожка в этом месте петлей выгибалась к реке, и лавочка была не видна ни со стороны внутреннего КПП, ни со стороны «Дружбы». Идеальное место для расправы.

Гм, кажется, моя версия о стрелке «из-за реки» может подтвердиться!

Есть только одно «но». Среди постояльцев в «Дружбе» нет никого, кто бы соответствовал описанию возможного убийцы, которое дал водитель такси. А если убийца из «Сталинца»?

Не откладывая дело в долгий ящик, я сходил в соседний санаторий и навел справки. Увы, никаких длинноволосых пожилых бородачей в «Сталинце» не значилось. Снова тупик...

Уже смеркалось, когда я вернулся в «Дружбу». Поднялся в бар. Присел на высокий табурет около стойки, взял бокал пива и принялся размышлять. Но ничего не шло в голову.

- Днем снова была милиция, - сообщил Бар-Бор, протирая стаканы. Ему, наверное, хотелось поболтать. –

«Не стояли звери около двери...»

Расспрашивали персонал гостиницы. Но у всех есть алиби на время убийства.

Я молча пил пиво. Настроение было отвратным, и говорить совершенно не хотелось.

- А мне кажется, что этого писателя убил какой-то маньяк. У нас тут иногда такие психи бывают, ого-го! Или чудаки, – вдохновенно продолжал бармен. - Вот, например, вчера вечером случайно услышал разговорчик. Акустика зала здесь хорошая, из-за стойки хорошо слышно.

Бар-Бор начал рассказывать. Сначала я слушал вполуха. А потом сообразил, что разговор двух «чудаков» в баре имеет к смерти Сандро самое непосредственное отношение. И картина убийства стала постепенно складываться у меня в голове.

Когда Бар-Бор закончил рассказ, я уже знал, кто стрелял в Степанкова. Точнее, догадывался. Нужно было получить решающее доказательство - завтра в полдень.

11

Они встретились ровно в двенадцать. Около той самой лавочки на берегу, возле которой два дня назад нашли тело писателя Степанкова.

Как я и предполагал, первым пришел Строгицкий. Все правильно, сейчас, во время обеда, все постояльцы гостиницы в столовой, но, как известно, береженого и Бог бережет. Убийце не зачем долго светиться на месте будущего преступления

Он появился ровно в полдень. Шляпа сдвинута на затылок, плащ распахнут. Шел без трости, размеренным, бодрым шагом, совершенно не хромя. Наверное, его хромота, как и длинноволосый парик, накладные усы и борода, которые он использовал, когда ехал на такси, чтобы стрелять в Степанкова, были «домашними заготовками». А значит, к убийству Строгицкого он готовился загодя. И если бы не Сандро, то мэтр

«Не стояли звери около двери...»

отечественной фантастики получил бы пулю в сердце еще несколько дней назад.

Я залег среди кустов за лавочкой с половины двенадцатого. Спинка длинной, почти двухметровой лавочки, собранной из деревянных толстых жердей, была высокой, да еще загибалась назад. Сквозь щели я хорошо видел встретившихся.

- Ну, как, у вас все в порядке? – поприветствовав Строгицкого, спросил убийца с легким смешком.

- Готовьте коньяк! – хохотнул в ответ писатель. – Я просидел всю ночь, но текст получился. Знаете, я уже, наверное, лет двадцать не писал ничего от руки

- Что, неужели исповедь смертника тоже написали?

- В лучшем виде, как договаривались! Можете сами убедиться. Вот папка.

Я услышал шелест листов. Убийца бегло просматривал текст.

- Замечательно! – сказал он через некоторое время. – Но у меня есть пара замечаний к вашей рукописи. Давайте-ка присядем!

Лавочка надо мной заскрипела, принимая груз двух тел. Я напрягся, неслышно подтянул ноги, готовясь встать. Сейчас убийца должен начать действовать.

Строгицкий оказался слева от собеседника.

- Закурить не желаете? – спросил убийца.

- Не курю. Пришлось бросить по совету врачей лет пять назад.

- А я с вашего позволения... - убийца мотивированно сунул руку в карман плаща.

Строгицкому правая рука убийцы была не видна, а я видел, что собеседник писателя осторожно извлек из правого кармана плаща не портсигар, а блеснувший металлом пистолет ТТ.

12

Пора!

Я привстал, резко вскочил на ноги, перегнулся через лавочку и всем телом навалился на убийцу, одновременно перехватывая его правую руку с пистолетом:

- Бросайте оружие, Ипполитов! Игра закончена!

Строгицкий ойкнул, вскочил и шарахнулся в сторону.

Ипполитов не ожидал нападения, и сначала испуганно обмяк, но уже в следующее мгновение бешено рванулся вперед, пытаясь освободиться и встать. Но я был явно сильнее старика, прижал его с удвоенной силой, по-прежнему пытаясь вырвать из пальцев пистолет.

- Всем не двигаться! – резкий окрик ударил справа.
– Бросить оружие!

Я повернул голову. Из-за поворота дорожки, со стороны внутреннего КПП, к нам бежали милиционеры Староперцев и Зеленоструков. И стволы их «макаровых» были направлены в нашу сторону.

Я отвлекся и слегка ослабил хватку всего на мгновение. Но Ипполитову хватило и этого. Резко выдернув из захвата правую руку с «токаревым», он сунул пистолет себе под подбородок и нажал спуск.

Пуля пробила его голову насквозь и, брызнув мне в лицо жидким месивом из крови и кусочков плоти, ушла в небо, чудом не задев меня.

Я отпрянул назад. Тело Ипполитова дернулось в предсмертной судороге и мешковато повалилось вперед, на дорожку.

13

- Черт, не успели! – ругнулся майор Староперцев. – Луганцев, вы в порядке? Вас не задело?

«Не стояли звери около двери...»

- Живой, как видите. - Я сглотнул застрявший в горле нервный ком, достал из кармана куртки платок и принялся осторожно отирать с лица кровь убийцы.

- Его все равно ждала высшая мера, - меланхолично констатировал Зеленоструков, кивнув в сторону тела на дорожке. – Восемь убийств – это не фунт изюма!

- Восемь убийств? – сдавленным шепотом произнес Строгицкий. Он уже начал приходить в себя.

- Восемь, - подтвердил Староперцев, пряча «макаров» в наплечную кобуру. – Это как минимум. Может быть, было и больше. В разное время и в разных городах Советского Союза. Убивал талантливых художников кинематографистов, поэтов и писателей.

- Устранял «дестабилизирующие факторы», - пояснил я. – Тех, кто, как считал Ипполитов, вредит советскому общественному строю.

- И никакой он не Ипполитов, - майор фыркнул. – Бывший полковник госбезопасности Евгений Яковлевич Спорыхов. Пятнадцать лет назад, - после смерти генсека Елкина, - массовые репрессии закончились. Пришли времена «оттепели», Свечников начал убирать самых одиозных исполнителей. Спорыхов тоже попал под горячую руку, был понижен в звании до майора. Озлобился, примкнул к «эсэсовцам» – полулегальной общественной организации «Сталинские соколы», которая ставила своей целью возвращение старых порядков в СССР. Но «эсэсовцы», по большей части, работали только языками и строили грандиозные планы реванша на бумаге. А майор ГБ Спорыхов занимался практикой: пачками фабриковал дела на якобы «диссидентов». В его поле зрения оказался молодой писатель Саша Степанков. Спорыхов решил тайно подбросить ему антисоветскую литературу, но был схвачен за руку. Замаячила перспектива ареста и суда. Но Спорыхов сбежал, стал гражданином Ипполитовым по подложным документам. Однако кровавого дела своего не оставил...

«Не стояли звери около двери...»

- Как же вы на него вышли? – поинтересовался я.

- Скажите спасибо Игнатию Дормидонтовичу, - Зеленоструков кивнул в сторону Староперцева. – Восемь убийств, считая и Степанкова, были совершены из одного и того же пистолета ТТ – это подтвердила баллистическая экспертиза. Товарищ майор запросил списки проживающих в гостиницах из тех городов, в которых произошли эти преступления. В двух случаях обнаружилась фамилия Ипполитова.

- Лейтенант тоже внес свою лепту в расследование, - майор ладонью похлопал Зеленострукова по плечу. – Додумался снять запись с видеокамер охраны в магазине напротив Старо-Преображенского храма. Так мы узнали, что Ипполитов уходил с экскурсии. А потом ввели изображение подозреваемого в компьютер, и обнаружили, что имеем дело не с историком Ипполитовым, а с беглым «эсэсовцем» Спорыховым. И у нас сразу появилась масса вопросов к этому гражданину.

- Но зачем же он убил Сашу Степанкова? – кашлянув, спросил Строгицкий.

- А вы еще не догадались? – Староперцев снисходительно ухмыльнулся. – Убийца готовил покушение на вас, Борислав Аркадьевич. Но Степанков столкнулся со «старичком Ипполитовым» в гостинице и узнал в нем Спорыхова. Но, скорее всего, не был до конца уверен – ведь столько лет прошло. Предложил лжеисторику встретиться на прогулке во время обеда. Но и Спорыхов тоже узнал Степанкова...

14

Староперцев и Зеленоструков вызвали следственную группу для осмотра места происшествия, а меня и Строгицкого просили не отлучаться из гостиницы: наши показания еще нужно было занести в протокол.

«Не стояли звери около двери...»

Мэтр отечественной фантастики выглядел хмурым и подавленным. В таком состоянии ему было явно не до семинарских дел. По моему совету, Борислав Аркадьевич занял коллег по писательскому цеху самостоятельной работой, и я тут же утащил его в бар. Взял бутылку «Закарпатского», сырную и колбасную нарезку, лимонные дольки. Разлил коньяк по бокалам, и мы выпили. Лицо Строгицкого почти сразу порозовело.

- Борислав Аркадьевич, ваш семинар – зачем он?

- Люди разучились мечтать, Георгий, - писатель вздохнул. – Четыре волны массовых репрессий, если считать с тридцатых годов прошлого века, надежно зачистили страну. Удары наносились по самым талантливым – писателям, поэтам, художникам, композиторам. Мы сделали обществом посредственностей...

- И вы...

- Хочу возродить фантастику, - сказал Строгицкий. – Хватит писать о новых плотинах и тракторах. Пора начать писать о людях. Фантастика должна стать умной и человеческой. Настоящей.

- Поэтому вы учите, наставляете и опекаете ваших молодых коллег?

- Я, прежде всего, стараюсь научить их мечтать. Строить миры и вселенные. Уж простите за высокий слог.

Он замолчал. Я его не торопил.

- Знаете, Георгий, - через некоторое время сказал писатель, - а я ведь почти точно угадал замысел Ипполитова. Правда, еще сомневался, думал, что это просто глупая литературная игра... Мы же вчера вечером поспорили с ним здесь, в баре, на бутылку коньяка. Поспорили о том, что я к полудню сегодняшнего дня придумаю и напишу рассказ, в котором будет исповедь самоубийцы и текст его предсмертной записки. Причем рассказ я должен написать от руки.

- Я знаю, Борислав Аркадьевич. Ваш разговор слышал здешний бармен и рассказал мне о нем. Поэтому

я и оказался в нужный момент и в нужном месте. Думаю, что Ипполитов-Спорыхов хотел не просто убить, но и повесить на ваши плечи груз всех остальных совершенных им убийств. Он бы оставил пистолет на месте преступления, вложив его в вашу руку. А рядом положил бы записку самоубийцы, оторванную от листов с вашим рассказом.

- Значит, вы спасли мне не только жизнь, но и репутацию, - писатель, наконец, улыбнулся и рассеянно повертел в руках бокал. – У меня довольно часто так бывает: пишу что-нибудь, – и вдруг написанное становится реальностью. Словно это я сам пишу историю. Иногда мне даже кажется, что весь наш мир я сам и придумал: сел за письменный стол, включил компьютер и написал.

Он чуть помедлил, собираясь с мыслями, и продолжил:

- Вот и с этим рассказом... В шутку сделал его героями и самого Ипполитова, и себя, и вас. Хотите – верьте, хотите – нет! Вы же космовеоленлетчик?

- Угу, - я кивнул. – Правда, здесь, в «Дружбе», в иной своей ипостаси - как «ариец».

- Ариец? – лицо Строгицкого дрогнуло. – Из этих... Как их там... «Хайлей»?

- Нет, нет, - я поторопился с разъяснением, – тайная секта последователей германского маньяка Шикльгрубера не причем. Я всего лишь член АРИ – Ассоциации реальной истории.

- А что и в самом деле есть такая организация? – Со Строгицким явно что-то происходило. Щеки его становились все бледнее, на лице обозначился то ли испуг, то ли озабоченность.

Я снова плеснул в бокалы коньяка, и мы выпили.

- «Арийцы» негласно следят за всем происходящим в мире, - продолжил рассказ. – Ведь официальная история нисколько не соответствует реальной. Мало того, что ее намеренно фальсифицируют в своих интересах политики, но даже в самых, казалось

«Не стояли звери около двери...»

бы, «безобидных» ситуациях наше прошлое отражается в записях и мемуарах искаженно. К примеру, выступает с речью президент какой-нибудь страны и предлагает мировой общественности свои соображения по контролю над гонкой вооружений. Инициативу приписывают ему, хотя на самом деле идея родилась в голове советника президента. Он-то и есть скрытая историческая фигура, а официальный президент – в лучшем случае, просто спикер. Вот такие ситуации мы отслеживаем и создаем реальную ткань истории. Становимся свидетелями тех или иных событий или наводим подробные справки о них... Правда, я до сих пор не знаю, кто стоит над нами, для кого мы все это делаем.

- Это как? – Писатель задал вопрос почти шепотом. Лицо его по-прежнему было бледно.

- Не поверите, у меня в голове время от времени слышится голос, который советует, куда направиться и что узнать, - я засмеялся. – Медицина не нашла патологий. Поэтому можете смело считать меня агентом зарубежных телепатических спецслужб, инопланетян, пришельцев из будущего – я и сам не знаю. Кстати, сюда мне тоже рекомендовали приехать «свыше». Представьте себе, их заинтересовал ваш писательский семинар. А то, что иногда слышу голоса, я использовал как повод, чтобы попроситься на отдых именно в Песчаную...

- Нет, это не-воз-мож-но! – Писатель сжал виски пальцами. – Этого не может быть!

- Это правда. Мне действительно слышатся чьи-то голоса...

- Я не об этом, - Строгицкий раскрыл папку, в которой лежал написанный для Ипполитова рассказ, и хлопнул ладонью. – Здесь описано все, что вы мне только что рассказали. Слово в слово!

Он поднес текст к глазам и начал читать:

- «Врач был румян, круглолиц и добродушен. Словно сошел со страниц книжки детского писателя

«Не стояли звери около двери...»

Глазкова «Про малыша Знайку и его друзей» - помнится, был там такой же благообразный доктор Микстуркин...»

Писатель зашелестел листами, взял последний лист. Пальцы его мелко дрожали.

- «...Пододвинул к нему раскрытую папку. Луганцев принялся читать: начало текста, потом перелистал листы, пробежал глазами окончание рассказа. Откинулся на спинку стула. Поднял взгляд на меня.

Мы сидели и молча смотрели в глаза друг другу».

Он замолчал и пододвинул ко мне раскрытую папку. Я принялся читать: доктор Микстуркин, «медицина в вашем случае бессильна», поездка в Песчаную...

Потом перелистал листы. Сандро, Ипполитов, Леночка, Лазарьев и Бориленко. День за днем описаны все мои встречи. Единственная «отсебятина» – исповедь смертника Спорыхова с его предсмертной запиской, якобы он хотел покончить с собой после убийства Строгицкого.

Пробежал глазами окончание рассказа: смерть убийцы, Староперцев и Зеленоструков, разговор в баре со Строгицким.

Откинулся на спинку стула. Поднял взгляд на Строгицкого.

Мы сидели и молча смотрели в глаза друг другу.

2014 год

«Не стояли звери около двери...»

Владимир Серегин

Мир совершенный

«...Петр говорит Ему: так, Господи!
Ты знаешь, что я люблю Тебя.
Иисус говорит ему: паси овец Моих».

«От Иоанна.
Святое Благовествование»

1

- Штабс-майор Антей Стрельников? – крепкая рука ложится на плечо. - Рад приветствовать вас в Европейском Союзе!

Человек, произнесший эти слова, перемещается вперед откуда-то из-за моей спины и бесцеремонно садится за столик. У него рыжие вьющиеся волосы, аккуратно подстриженные усы цвета спелой пшеницы и огненной расцветки бакенбарды. Слово само солнце вышло из-за туч и уселось на стул в маленьком парижском бистро.

- Ошибаетесь, - с ледяной улыбкой отвечаю я. – Меня зовут Анри Лерон...

- Да, да, да, - поспешно кивает неожиданный собеседник, лучисто улыбаясь. - По документам вы – полковник воздушно-космических сил Евроса. А по антропометрическим данным – коллега из Евроазиатской Конфедерации, заместитель начальника Главного управления разведки особого назначения. Я, знаете ли, всегда отдаю предпочтение антропометрике... Надеюсь, мне представляться не надо?

- Не надо, - киваю я. Пожалуй, нет никакого смысла дальше валять дурака. – Фрегаттен-капитан Эберхард Эбер, начальник третьего отдела в местной

«Не стояли звери около двери...»

контрразведке, сфера деятельности – Евроазиатский континент... Правда, три недели назад вас отстранили от должности.

- Временно отстранили, - поправляет он, и легкая тень незаслуженно нанесенной обиды скользит по его лицу. – И вы знаете, за что?

- «Всемогущего Эбера» - так ведь вас величают сослуживцы, правда? – взяли за шкуру во время расследования «дела об исчезнувших»...

- В Евраконе хорошо поставлена добыча информации, - недовольно пыхтит в ответ мой визави. – Хотя это и не удивительно... ГУРОН - отличная разведка.

- Спасибо за комплимент моему ведомству, - я отпиваю остывший кофе из чашки. – Итак, Клод Базэ – ваш агент...

- Да, - Эбер снова расплывается в довольной улыбке. Сейчас он похож на рыжего кота, только что проинспектировавшего крынку со сметаной в соседском чулане. – Именно месье Базэ мы и обязаны этой замечательной встречей!

Он достает из кармана эльсигару и закуривает, пуская в сторону от столика кольцо ароматического дымоимитатора:

- Мой дорогой Антей, у меня есть к вам деловое предложение...

- Поехать в веселое местечко, где ваши костоломы будут делать мне «бо-бо» и нудно выпытывать явки и пароли? – невесело ухмыляюсь я.

- У вас извращенное представление о методах работы нашей службы, - переживая за реноме своей конторы, хмурится дружище Эберхард. – Обычно достаточно одной инъекции, чтобы разведчик даже вашего класса сообщил все, вплоть до интимного прозвища собственной супруги. Нет, я предлагаю вам сделку вне интересов наших служб. Так сказать, частное партнерство Эбер – Стрельников. Надеюсь, вы уже заметили, что я пришел на эту встречу без «хвоста»?

«Не стояли звери около двери...»

- Заметил, - подтверждаю я. – Интеллигентных лиц ваших горилл в ближайшей округе действительно что-то не видно.

- Их нет и вокруг кафе, - доверительно информирует фрегаттен-капитан от контрразведки. – Нет потому, что я решил сделать вам предложение от себя лично.

- Ладно, хватит ходить вокруг да около, - вздыхаю я. – Чего вы хотите?

- Чтобы вы частным образом продолжили расследование дела, которое у меня отобрало начальство, - серые глаза Эбера превращаются в стальные буравчики. – Покопались в «деле об исчезнувших»...

2

Эберхард Эбер – человек неординарного мышления и очень неплохой аналитик. Как-то, просматривая сводки происшествий, он обратил внимание на случаи исчезновения людей. Запросил статистику и пришел в ужас: свыше сорока тысяч граждан Евросоюза словно испарились за последние два десятилетия. Правда, количество исчезнувших от года к году постепенно снижалось.

Эбер инициировал расследование, но за несколько месяцев работы так ничего толком и не добился. В исчезновениях людей не наблюдалось никакой системы. Единственное, что достоверно установили – это то, что люди исчезали при самых обычных обстоятельствах: из своих домов и квартир, из эмобов и флайеров. Вышел человек из дома – и пропал. Вечером лег спать, а утром его комната оказалась пустой.

Никаких зацепок не было, и Эбер уж было собрался списать дело в архив, но месяц назад из Валенсии поступил обнадеживающий сигнал. В местном стратопорту полицейский Хорхе Анита опознал одного из

«Не стояли звери около двери...»

пропавших – норвежца Йохана Стеена. Его перевозили в бессознательном состоянии в одну из клиник на побережье США. Если верить сопроводительным документам, у Стеена было сложное заболевание сердца, и сделать операцию взялись только врачи профильного центра во Флориде.

Стеена загрузили в стратолет и отправили по месту назначения. Бдительный Хорхе по окончании дежурства в стратопорту написал рапорт: так, мол, и так, пропавший, объявленный во всеевросовский розыск, - обнаружен. Два или три дня рапорт кружил по бюрократическим инстанциям, пока, наконец, не совершил посадку на рабочем столе коллеги Эберхарда.

Эбер немедленно вылетел в Америку, но в медицинском центре пациента Стеена не оказалось. Он словно растворился в воздухе где-то на трассе полета между Валенсией и Майами.

И вот тут-то Эбера – как он сам выразился – «шлепнули по попе». Сразу после возвращения из США у него отобрали «дело об исчезнувших», вызвали на ковер в самые высокие кабинеты Евроса и тщательно, неторопливо и основательно пропесочили за «излишнюю самостоятельность», «отлынивание от реальной работы» и «погружение в мир собственных иллюзий». Бедный Эберхард Эбер, который за четверть века работы в контрразведке еще никогда не получал столь унижительной трепки, молча терпел, лишь изредка поскрипывая зубами.

Эбер зарекся до конца своих дней даже думать о «деле об исчезнувших». Но... Как говорится, человек предполагает, а судьба располагает.

Так получилось, что примерно в это же время порцию щелчков по носу от руководства Евракона, получал и некто Антей Стрельников. Признаться, я, как и майн либер Эберхард, люблю покопаться в статистических отчетах – чтобы за деревьями хоть иногда видеть лес. Как оказалось, в нашей Евроазиатской Конфедерации тоже исчезали люди. В

«Не стояли звери около двери...»

отличие от коллеги Эбера, я влез в «дело об исчезнувших» гораздо глубже и обнаружил, что есть не только исчезнувшие навсегда, но и пропадавшие временно: они обнаруживались через два-три месяца очень далеко от мест проживания и с частичной потерей памяти. Что с ними происходило, люди не могли вспомнить даже после лечения. Наши медики считали, что имеют дело с каким-то неизвестным вирусом, «отшибающим» память у человека, и не поднимали шума, чтобы не началась всеобщая паника.

Увы, дружище Эберхард на эту категорию – пропавших, но потом появившихся, - вообще не обратил внимания. А меня заинтересовали все случаи и пропаж, и появлений.

Еще я установил, что во многих случаях исчезали так называемые «социально-конфликтные люди»: активисты нетрадиционных политических движений, религиозных сект и прочих общественных аномалий.

Я подготовил информацию об обнаруженных фактах и отправил ее руководству ГУРОНа. На следующий день у меня отобрали «дело об исчезнувших»: этим, мол, должны заниматься правоохранительные органы, а не разведчики.

Почти месяц я бился головой об невидимую стену, пытаюсь и так, и сяк вернуть дело в наше ведомство. Но все усилия были тщетны: словно кто-то всесильный и неимоверно влиятельный захлопнул передо мной бронированную дверь.

Я страшно не люблю, когда из-под носа забирают мной же нарытые материалы. А еще больше мне не по нутру, когда начинают играть в дутую секретность. Скромный опыт разведчика с двадцатилетним стажем Антея Стрельникова подсказывает, что чаще всего за этой ведомственной «таинственностью» стоят либо чьи-то досадные промахи, либо чьи-то должностные преступления.

Поэтому когда наш «крот» в евросовской разведке сообщил, что моего заочного визави Эбера отхлестали за

«Не стояли звери около двери...»

попытку расследования аналогичного дела, я сложил два и два, и пришел к выводу, что дружище Эберхард может мне здорово помочь. Зная его цепкость и дотошность, я был уверен, что «всемогущий Эбер» не уgomонится, пока не расследует до конца «дело об исчезнувших», пока не поймет, что, где и как происходит – в этом мы с ним похожи, как братья-близнецы.

Я напросился на проверку нашей резидентуры во Франции, а когда работа под личиной Анри Лерона была успешно выполнена, через агента-двойника Клода Базэ слил Эберу информацию о моих потугах в расследовании фактов исчезновения людей в Евраконе. И оказался прав – фрегаттен-капитан клюнул на приманку.

Эбер решил использовать меня для скрытого расследования «дела об исчезнувших» на территории Европейского Союза: я занимался аналогичной проблемой в Евроазиатской Конфедерации и был, как говорится, «в теме». А то, что у евросовского и евраконовского дел есть общий корень, ни я, ни Эберхард не сомневались – слишком много было похожих обстоятельств, слишком много имелось сходных фактов.

При этом Эбер оставался кристально чистым перед собственным руководством. Ведь теперь скрытое расследование в Евросе вел новоиспеченный «частный сыщик» Антей Стрельников, действующий под именем Анри Лерона. Я же, копаясь в евросовских материалах, рассчитывал подыскать некий общий ключик, который в перспективе помог бы открыть замочек в аналогичном деле на родине.

И я, и Эбер понимали, почему нам запретили всерьез разрабатывать «дело об исчезнувших». Если бы на стадии расследования произошла утечка информации, если бы человечество узнало, что какая-то его часть – пусть даже очень малая! - совершенно необъяснимым образом исчезает в эпоху всеобщего контроля всех за всеми, в эпоху глобальной сети и устойчивых

«Не стояли звери около двери...»

социальных связей, был бы общемировой шок, а потом разразился бы всепланетный скандал.

Уже более ста лет – начиная с середины двадцать первого столетия – в нашем мире нет войн и экономических кризисов. Иногда скалится друг на друга десяток сверхдержав, фактически поделивших Землю и похожих друг на друга по политическому устройству, как однояйцевые близнецы. Порой на стыках их сфер влияния случаются конфликты, в том числе и острые. Но в целом человеческое общество уже столетие, как стало стабильным и предсказуемым, политкорректным и толерантным. Мы – мир сытых и довольных жизнью бургеров, мир управляемой социальной демократии, где нет пиков огромных богатств, но нет и унылых ущелий бедности. Спокойное, прогнозируемое, неторопливое развитие – вот та черта, которая появилась в характере человечества за минувшие годы... Даже иногда скучно становится так жить – размеренно и предсказуемо. Может быть, именно поэтому я и пошел служить в разведку: какое никакое, а разнообразие.

Наверняка «делом об исчезнувших» все-таки кто-то занимается – на уровне Организации Объединенных наций или Мирового правительства. Проблема-то, как оказалось, общепланетная. Кто-то где-то ведет статистику, строит версии и делает предположения. И, наверное, шаг за шагом идет к разгадке. А меня и Эбера отстранили, чтобы не вертелись под ногами, не мешали.

Но разве можно поманить голодного пса куском мяса, а потом, спрятав лакомство, надеяться, что пес не станет его искать?

3

Итак, вдохновленный мил человеком Эбером, я вступил на тернистый путь частной розыскной деятельности. Руководство ГУРОНа я уведомил, что заметил за собой «хвост», а посему намерен

«Не стояли звери около двери...»

возвращаться домой кружными дорогами и очень неторопливо: мол, космолетчик Анри Лерон просто проводит отпуск, путешествуя по Европе. Таиться космонавту не от кого, поэтому на ближайшем прокатном пункте я взял в бессрочную аренду вызывающе красный электромобиль, и отправился в поездку по европейским просторам. «Если вы подозреваете, что за вами могут следить, - учил меня куратор и наставник в разведшколе, - наденьте что-нибудь яркое и бросающееся в глаза: такое, чтобы непременно бросалось в глаза следящим. Возьмите в руки какой-нибудь очень заметный предмет – например, огромный старинный чемодан, перевязанный ремнями. Наденьте розовую шляпу в голубой горошек или кепку, сделанную из шкуры зебры. А потом, - действительно обнаружив слежку, - избавьтесь от этого бросающегося в глаза предмета – и собьете идущий за вами по пятам «хвост»!». «Хвоста» я за собой пока не обнаружил, но береженого, как известно, и Бог бережет.

Я выехал из города, нашел тихое местечко на побережье Сены и, наслаждаясь прелестями природы и одиночества, мысленно составил небольшой планчик первоочередных действий.

Впрочем, план получился коротеньким. Прежде всего, я намеревался лично встретиться с бдительным валенсийским полисменом Хорхе Анитой и подробнее расспросить его о нашедшемся и вновь пропавшем Йохане Стеене. А там - посмотрим по обстоятельствам.

...Дама на обочине дороги решительно поднимает вверх правую руку с отогнутым большим пальцем. Женщине на вид около тридцати, у нее длинные рыжие волосы, и безупречная фигура. Огнецветные кудри коллеги Эбера еще не выветрились из памяти, и я прихожу к выводу, что в нынешней поездке мне фантастически везет на встречи с рыжеволосыми.

Кроме того, я припоминаю, что мельком уже видел это чуть заостренное к низу лицо и словно искрящиеся изумрудами глаза в Базеле и Марселе, еще до встречи с другом Эберхардом. Но тогда у дамы были в первом

«Не стояли звери около двери...»

случае длинные темно-русые пряди, а во втором - волосы цвета вороньего крыла и короткая стрижка.

Трижды случайно встретить одну и ту же женщину в многомиллионной Европе в течение всего трех суток – это существенное нарушение постулатов классической теории вероятностей. И я притормаживаю эмоб, чтобы поближе изучить научный феномен.

- Лизелотта Мюллер, - представляется дама, устроившись в кресле справа от меня, и тут же сообщает:

- Я путешествую автостопом.

- Анри Лерон, полковник космонавтики, - в свою очередь легализуюсь я. – Провожу отпуск на колесах.

Мой статус отпускника приводит огненноволосую попутчицу в неопишуемый восторг. Она немедленно презентует проект совместного путешествия по «старушке Европе». Я вношу некоторые коррективы в предложенный маршрут, и в целом принимаю предложение. Лизелотта соглашается с правками, и с места в карьер переходит к следующему пункту повестки дня – непрерывному трепу о том, о сем и ни о чем. Мне даже начинает казаться, что ее подвижные и выразительно подчеркнутые нежно-розовой помадой губы живут своей особой жизнью и словно бы совершенно не связаны с утонченным лицом, усыпанным у крыльев носа едва заметными мелкими островками веснушек.

Пока словоохотливая дама заливается соловьем, я, воспользовавшись электронной отмычкой на моем универсальном коммуникаторе, незаметно для глаз попутчицы влезая в базу данных регионального стратосферного пункта дорожного управления. Полученный на уникальном видеофайл однозначно свидетельствует: Лизелотта нарисовалась на обочине трассы за пять минут до моего появления, высадившись из тут же улетевшего прочь белоснежного флайера. За триста секунд ожидания мимо госпожи Мюллер проскользнул как минимум десяток пассажирских кабриолетов, и только когда из-за поворота показалась

«Не стояли звери около двери...»

моя красномордая колымага, рыжеволосая дама сделала шаг к дороге и призывно подняла правую руку...

4

По инициативе Лизелотты мы почти сразу переходим на «ты».

Лизелотта Мюллер родилась в Бразилии, но ее далекие предки были европейцами – двести лет назад один из них служил в Германии то ли брандмейстером, то ли группенфюрером. После окончания Второй Мировой войны прапрадедушка моей попутчицы сбежал от греха подальше в Южную Америку. Но и там не нашел покоя. В преданиях семейства Мюллер говорилось, что «несчастливого Генриха» еще многие годы гонял по бразильским джунглям советский разведчик со странной фамилией: Штиблиц, Штирлих или даже Эстирлиц.

- Ты будешь моим штандартендраконом, - объявляет Лизелотта. Ее голос в этот момент напоминает урчание сытой кошки, ожидающей в качестве десерта порцию хозяйских ласк.

- Э...? – мои брови удивленно ползут вверх.

- «Штандартен» - это часть от названия полковника в войсках, в которых служил мой прадед. А на стареньких «Драконах» и сегодня еще летают космонавты Евроса!

Я вздыхаю и покорно киваю. Хоть горшком назови, только в печь не ставь...

Слава Богу, у меня в роду не было эсэсовских генералов. Мой предок Алексей Стрельников ушел на войну простым солдатом и дослужился до погон старшины, прошагав всю Европу – от заснеженной Москвы сорок первого и до развалин Берлина сорок пятого, - попутно чихвостя в хвост и гриву всяческих фюреров: гитлеров, гиммлеров и прочих фигеляйнов. Может быть, когда-нибудь я даже расскажу об этом Лизелотте. Правда, в наше время считается моветоном

«Не стояли звери около двери...»

вспоминать о войнах, конфликтах и противостояниях, характерных для человеческой цивилизации в минувшие века. Хотя мы формально и жители разных стран, но уже давно стали глобальным человечеством – без четко выраженных национальных корней, исторической памяти народов, культурных особенностей наций. И незачем берeditь ненужными воспоминаниями старые, уже почти зажившие раны человеческого общества, воскрешать исчезнувшие тени прошлого.

- ...А еще ты будешь «душкой Анризем»!

Довольная собственным словотворчеством, моя попутчица заливается счастливым смехом.

- Уж лучше зови меня просто Анри... - я делаю робкую попытку мужского сопротивления женской словарной агрессии.

- Как хочешь, - с некоторой обидой произносит рыжеволосая Мюллер, и, стрельнув мне в лицо взглядом зеленых глаз, спрашивает:

- Милый, а как ты будешь называть меня?

Я мысленно беру на заметку это далекое от обычной сексуальной толерантности обращение «милый», и тут же охотно выдаю на-гора добрый десяток модернизированных имен Лизелотты:

- Лизхен, Лизи, Лизавета...

- О! – ее глаза становятся похожими на две маленьких тарелочки, и она тотчас же интересуется:

- А во время интимной близости?

- У нас предполагается интим? – уши скромного пилота космических трасс охватывает стремительно набирающий силу пожар.

- Да и как можно скорее, - деловито кивает целеустремленная группенфюрерская праправнучка.

Я снова начинаю фантазировать на тему ее имени:

- Лизонька, Лизочка, Лизеньш...

Мои филологические изыскания производят ошеломляющее воздействие на попутчицу, и она тут же начинает допытываться, где по дороге расположен ближайший мотель.

«Не стояли звери около двери...»

Несмотря на энтузиазм пламенной Лизелотты, хладнокровный как лягушка с берегов Сены космический волк Анри Лерон еще в течение без малого трех часов стойко держит оборону, и только когда солнце медленно уплывает за горизонт и начинают сгущаться сумерки, останавливает эмоб около гостиницы в небольшом городке.

Мы с Лизелоттой снимаем номер – один на двоих, разумеется, - не торопясь, ужинаем в уютном ресторанчике неподалеку от отеля и даже совершаем небольшой променад по готовящимся отойти ко сну улочкам маленького городишки. Когда сдерживать страстные желания становится совершенно уже невозможно, решительная Мюллер твердой рукой разворачивает мягкотелого и стыдливого Анри Лерона в сторону гостиницы.

В номере отеля Лизи отправляется в ванную комнату. А я удовлетворяю свое профессиональное любопытство и бегло осматриваю ее вещи.

Иногда в женских сумочках можно отыскать совершенно неожиданные предметы. Например, малюсенькую бомбу.

5

Утром я сообщаю Лизавете, что попутно с путешествием по Европе помогаю моему другу-адвокату разыскать его пропавшего клиента. У Лизы синие круги под глазами от длительных упражнений в кровати сегодняшней ночью, но она немедленно загорается желанием «лично поучаствовать в настоящем детективе».

...В стратопорту Валенсии нас ждет жестокое разочарование: доблестный Анита уже месяц как уволился из рядов полиции и выехал из города. Поиск через глобальную сеть ничего не дал – бывший полисмен пополнил статистику исчезнувших еще одной

«Не стояли звери около двери...»

единичкой. Это и не удивительно, если предположить, что кто-то в этом деле старается вовремя заметить следы.

Итак, единственная тоненькая ниточка, которую торжественно вручил мне в парижском бистро коллега Эбер, оказалась грубо и безнадежно оборванной в самом начале.

Хотя... Включаем мозги.

Предположим, что не только Йохана Стеена доставляли в стратопорт, чтобы затем переправить неизвестно куда. Допустим, что и других исчезнувших привозили в Валенсию тем же способом – в специальных медицинских контейнерах на эмобах «скорой помощи». И вполне может быть, что не только привозили, но и увозили в обратном направлении... А любая «скорая помощь» создает на дороге хотя бы маленький, но беспорядок. Что непременно должны фиксировать следящие видеокамеры дорожной полиции.

Я снова влезаю в глобу и слегка хакерю местную полицейскую базу данных. И обнаруживаю, что медицинские эмобы действительно вносят легкую турбулентность в слаженный поток дорожного движения. Чаще всего маленький беспорядочек создается на дороге, связывающей Валенсию и Барселону.

В моем расследовании появляется хоть какая-то зацепка. Я не останавливаюсь на достигнутом, и озадачиваю вскрытый полицейский сайт новым вопросиком: а не попадали ли междугородние эмобы «скорой помощи» в автопроисшествия на дорожном участке от Валенсии до Барселоны? Универсальный коммуникатор немедля выдает ответ: да, аварии медицинских эмобов имели место быть. Так, всего два с половиной месяца назад недалеко от Таррагоны «скорая помощь» столкнулась с грузовиком компании «Наббуко». Пострадавшие – водитель «скорой» и три пациента в медицинских контейнерах – были переправлены в клинику имени матери Терезы в Барселоне.

«Не стояли звери около двери...»

Перед моим носом возникает новая ниточка, которая может привести к желаемой цели, и я решаюсь за нее осторожно потянуть.

6

Главный врач клиники имени матери Терезы Пауло Гооб высок, худощав и седовлас. Если бы я был режиссером видеодримов, то непременно предложил бы Гообу сыграть роль Дон-Кихота в экранизации бессмертного романа Сервантеса. Достаточно было бы всего лишь переодеть доктора в рыцарские доспехи и наклеить на лицо бородку и усы.

Гооб встречает нас в рабочем кабинете подчеркнуто радушно, распахивает створку стеклянного стеллажа, где за корешками раритетных бумажных книг обнаруживается встроенный большой буфет, предлагает на выбор французский коньяк, шотландский виски и американский джин. Лизелотта самым решительным образом отказывается – за пару дней нашего знакомства я уже успел заметить, что она не слишком жалует спиртные напитки. Я поддерживаю ее твердую позицию, поскольку не люблю начинать «загрузку» моего цветущего организма с самого утра, а в светлом будущем не планирую становиться членом общества «анонимных алкоголиков». Доктор разочарованно вздыхает и просит секретаря - андроида приготовить три чашки крепкого кофе.

...И, конечно же, доктор Гооб хорошо помнит всех пострадавших во время эмобильной аварии около Таррагоны!

- Еще бы я не запомнил эту троицу! – хохочет он, похлопывая себя ладонями по коленам. – Три случая шизофрении – и одновременно!

- Шизофрении? – я удивленно округляю глаза. – Вот уж не думал, что психических больных перевозят в реанимационных контейнерах!

«Не стояли звери около двери...»

- О, это еще одна загадка, - машет рукой доктор. – В сопроводительных документах эти трое значились, как сердечники с серьезными формами патологии. Но когда мы привели их в чувство во время медицинского обследования, выяснилось, что следов нарушения работы сердца нет ни у одного из них, но зато у всех троих большие проблемы с психикой!

Один из пациентов принялся ощупывать предметы вокруг и пришел в ужас от того, что «все здесь мертвое». Он искал на своем теле какой-то «контактный стручок» и пытался заговорить с геранью, которая стоит на подоконнике в медицинской палате.

- А второй пассажир «скорой», - жизнерадостно смеется Гооб, - точнее, пассажирка, - тощая девица в возрасте примерно двадцати-двадцати пяти лет с ежиком коротко стриженных волос фиолетового цвета на голове - едва открыв глаза, осведомилась: «Я что, в реале?» А потом стала хватать меня за руки и канючить: «Законектите меня хотя бы на блогосферу! Дайте мне инфо!»

Лиза слушает Гооба, широко распахнув бездонно-зеленые глазки. Пожалуй, расследование «дела об исчезнувших» ее тоже очень интересует. Вот только с какой целью?

- Самым мрачным из троицы оказался третий пациент, - сообщает доктор. – Он постоянно шурился от обычного дневного света. С испугом смотрел на голубое небо... Нашу сиделку этот третий замучил вопросами... Отбили ли у «мертвяков» московскую станцию метро «Сокол», когда и как мы избавились от пылевых туч и радиоактивности, не нападают ли на нас «живодерки» и «спирали»? А еще он неустанно требовал связи с ближайшей «сталкер-базой», чтобы поскорее вернуться в какую-то «зону»...

Гооб распорядился ввести всем троице на ночь успокаивающие препараты. Он уж было вознамерился с утра заняться лечением троицы новых пациентов, но на следующий день спозаранку в его кабинет явился целый

«Не стояли звери около двери...»

отряд безукоризненно вежливых и одинаково одетых молодых людей с «ого-го какими» полномочиями. Они просто на просто конфисковали поступивших накануне «психов» и немедленно вывезли их из клиники.

Ниточка расследования снова обрывается прямо на глазах. Но я все же интересуюсь:

- А водитель той «скорой»? Он что, тоже был психом?

Но доктор Гооб с уверенностью профессионала отвергает мои опасения:

- О нет, водитель был вполне нормален. В аварии он отделался несложным переломом ноги и ушибом ребер. Пролечился у нас что-то около недели и благополучно отбыл восвояси.

- У вас не сохранились его персональные данные?

- Почему же не сохранились? – обижается Гооб. - Мы очень тщательно ведем нашу документацию!

Водителя попавшего в аварию эмба зовут Клаус Зейц. В базе данных клиники указан его домашний адрес в Цюрихе и номер персонального уникама.

Я немедленно связываюсь с бывшим пациентом клиники доктора Гооба. Клаус находится в очередном междугородном медицинском рейсе. Он любезно соглашается встретиться со мной сразу после возвращения домой.

7

В течение следующих семидесяти двух часов моя красная колымага медленно ползет по дорогам Европы в сторону Цюриха. Попутно мы с Лизхен осматриваем попадающиеся на пути туристические достопримечательности и периодически занимаемся в придорожных мотелях тем, что бесстыжая феминистка Лизи цинично именуется «взаимным секстетингом».

На первый взгляд Лизелотта Мюллер производит впечатление хрупкой, эмоциональной и даже сексуально

«Не стояли звери около двери...»

несдержанной женщины. Не чужда ей и определенная доля романтичности. Но за всем этим антуражем чувствуется железная целеустремленность и крепкая хватка профессионала, твердо знающего, куда и зачем ему следует идти. Под мягкой кожей перчатки прощупывается жесткая рука совсем не со слабыми пальчиками. Госпожа Мюллер прагматична, достаточно осторожна и рациональна до мозга костей. Прапрадедушка – группенфюрер мог бы ею гордиться.

...В своей цюрихской обители Клаус Зейц встречает нас, широко раскинув руки.

Столь широкий размах можно было бы принять за острое желание заключить меня и Лизелотту в горячие объятия, если бы герр Зейц не лежал на полу собственной квартиры на тридцать шестом этаже жилого дома, и из округлой дырки на его левом виске не сочилась тонкой струйкой еще не успевшая загустеть кровь. Рядом с остывающим телом валяется тихострельный «хлоппер».

- Его только что укокошили, - делаю вывод я, бегло осмотрев все комнаты. – И убийца успел скрыться...

Пальцы левой руки Зейца сжимают продолговатую коробочку уникама. Я аккуратно извлекаю коммуникатор Клауса и кладу его в карман своей куртки: если поговорить с человеком не получается, придется довольствоваться хотя бы анализом содержимого его уникама.

Лизавета подходит к распахнутому настежь окну, выглядывает наружу и испуганно вскрикивает:

- Полиция!

Я в мгновение ока оказываюсь рядом с ней и устремляю взгляд вниз. Три полицейских эмобильчика, сигналив красными и синими огнями, сворачивают с улицы во двор дома несчастного Клауса.

- Думаю, что полицию вызвал сам убийца, - говорю я. - Нам пора уходить, если мы не хотим оказаться в местном полицейском участке!

«Не стояли звери около двери...»

Мы поспешно выходим из квартиры. Кабина скоростного лифта, который поднял нас сюда, все еще находится на тридцать шестом этаже, и мы тотчас же вскакиваем в его стеклопластиковую коробку. Я нажимаю самую верхнюю кнопку. Несколько секунд – и перед нами холл сотого этажа. Я хватаю Лизу за руку и тащу ее в сторону лестницы на крышу.

Лестница заканчивается запертой на замок дверью, и приходится двумя выстрелами из моего «хлоппера» открыть нам путь на волю.

Крыша дома похожа на пустой бассейн: плоскость, огороженная бортиком. Увы, стоянка флайеров пуста.

- Мы в ловушке, - уныло констатирует Лизавета. – Отсюда можно выбраться только через подъезд, а там уже наверняка полиция...

- Не вешай нос, мое золотце, - ободряюще подмигиваю я. – Выход возможен из любых ситуаций!

Я манипулирую с бугорками-кнопочками на пряжке брючного ремня, а потом обнимаю Лизу со спины.

- Что ты собираешься делать?

- Сейчас мы немножко полетаем, солнышко! – мой ремень оживает и ползет по талии, удлиняясь и охватывая тонкий торс Лизелотты.

- Ни за что! – Лизхен делает попытку вырваться, но я еще крепче сжимаю ее в объятиях и тащу к краю крыши.

- Анри, ты сошел с ума, - кричит моя милая феминистка. – Я не хочу!

- Поверь, это все-таки лучше, чем давать нудные пояснения в полиции! - Я нежно целую Лизочку в ушко, рывком приподнимаю над бортиком крыши и решительно шагаю вместе со своей ношей в воздушное пространство.

Мир цветными полосами закручивается вокруг наших летящих к земле тел. Лизи истошно вопит. Звук ее голоса чем-то напоминает рев турбины незаглушенного флайера.

«Не стояли звери около двери...»

Из наспинной части моего ремня вырастают мощные махолеты. Крылья мгновенно разворачиваются во всю свою четырехметровую ширь, стабилизируют наше стремительное падение вниз и спустя долю секунды уже выводят нас из крутого пике в горизонтальный полет.

Лизавета захлебывается криком, на несколько секунд замолкает, жадно глотая воздух, а потом снова начинает орать, но теперь уже восторженно. Полет на махолетах – это все-таки несказанное удовольствие. Да и вид с неба на Цюрих открывается просто потрясающий.

Я шепчу команды в коробочку уникома, и краснокожий эмоб в автоматическом режиме покидает двор негостеприимного дома Клауса Зейца. Нас ждет встреча уже за городской чертой.

Управлять махолетами несложно. Эту премудрость я освоил еще в студенческие годы и закрепил практикой на разведкурсах. Мы летим на высоте примерно трехсот метров – в зоне обычных полетов индивидуальных воздушных аппаратов и аэротакси. Полет доставляет мне истинное удовольствие, и я вполголоса начинаю напевать старинную песню русских авиаторов:

- Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
преодолеть пространство и простор...

- Анри, - Лизи пытается заглянуть мне в лицо, - ты знаешь русский язык?

Этот вопрос она задает на отличном русском, совершенно без акцента.

- Моя бабушка была родом из России, - говорю я ей почти в самую ушную раковину и добавляю к словам легкий поцелуй. – Поэтому в детстве я часто гостил у родственников в Евраконе...

Объяснение вполне удовлетворяет напарницу по полету. Я же в свою очередь удостоверяюсь, что и в Южной Америке среди университетских преподавателей математики с немецкими корнями есть милые дамы, прекрасно знающие язык Пушкина и Тургенева.

«Не стояли звери около двери...»

Русский... В наше время не принято называть свою национальность. Это считается нетолерантным и неполиткорректным. Живешь в Евроазиатской Конфедерации – значит, евраконовец. А национальность – это уже давно ставшая архаичной мелочь. Рудимент ушедшей эпохи.

Мысли возвращаются к рыжеволосой женщине, прижавшейся спиной к моей груди. Странная все-таки вещь интуиция... И отмахнуться от нее не получается, и как-то логически объяснить ее совершенно невозможно. Интуиция подсказывает, что «загадочная Лизелотта», так неожиданно упавшая «на хвост» на эmob-трассе где-то между Парижем и Мадридом, все-таки не представляет для меня опасности. Несмотря на то маленький предмет, который я нашел в ее сумочке еще в первый день нашего знакомства.

Мы продолжаем воздушный туристический рейс на «крыльях любви»: я некоторое время кружу над центром города, давая Лизе возможность насладиться всеми прелестями полета и открывающимися с высоты пейзажами. А потом беру курс на радиопеленг эмоба. Минут через пятнадцать мы оказываемся уже над окраинами Цюриха.

Красненький эмобильчик дожидается нас на площадке для остановок транспорта недалеко от трассы Цюрих – Берн. Я совершаю управляемый спуск на родную землю, приземляюсь и шлепком ладони по кнопкам-бугоркам складываю махолеты обратно в едва заметное утолщение – нашлепку на спинной части брючного ремня.

Освободившись из объятий креплений махолета, Лизхен немедленно поворачивается ко мне. Глаза ее сияют, а руки тут же обнимают мою шею.

- Ты настоящий летчик, настоящий «дракон», - восторженно шепчет Лизелотта и принимается покрывать горячими поцелуями мои щеки, лоб, губы. – Любимый штандартендракон...

«Не стояли звери около двери...»

Вы когда-нибудь занимались сексом в ярко-красном эмобе - кабриолете всего в ста метрах от международной трассы, по которой едва ли не сплошным потоком мчатся грузовые и легковые машины, элбусы с туристами и персональные «членовозы» с вил-пассажирами?

8

Итак, на сей раз нить расследования не просто оборвалась – ее грубо и бесцеремонно рассекли, заодно лишив жизни несчастного Клауса Зейца. Вполне возможно, что кто-то очень не хочет, чтобы я копался в «деле об исчезнувших».

Но меня препятствия всегда только подзадоривают.

Следующие сутки мы отдыхаем в номере одной из гостиниц в Берне. Лизи валяется в кровати и читает какой-то слезливый женский романчик, а я напрягаю глобальную сеть разными запросами.

Зейц работал водителем в фирме «Медтранс», оказывающей услуги по медицинской транспортировке в масштабах всей старушки Европы. А раз так, то почему бы через глобу не проследить маршруты этой фирмы?

Сеть мгновенно выдает ответ. Из Валенсии тонкая нить транспортировки тянется по континенту прямехонько в Женеву.

В Женеве несколько десятков медицинских учреждений. В какое же из них доставляются контейнеры?

Мне здорово помогает с ответом на этот вопрос уникам Зейца, взятый с места убийства. Каждый человек пользуется глобой практически постоянно. Значит, и Клаус должен был выходить на связь с родственниками и друзьями, в том числе и из Женевы. Часть этих взаимных коммуникаций непременно должна совпасть с местом расположения конечного пункта доставки

«Не стояли звери около двери...»

контейнеров, который – как следовало из моих изысканий - находится в этом швейцарском городе.

Я хакерю пароль на уникаме Зейца, и через пару минут в моем распоряжении оказывается карта Женевы с обозначенными на ней точками контакта водителя с глобальной сетью. Добрый десяток запросов на доступ в глобу Клаус сделал с территории госпиталя Ордена Розы...

Настоящий разведчик всегда немного напоминает ученого. Мы точно так же начинаем любое исследование с постановки проблемы. Потом делаем второй шаг – составляем перечень гипотез, как набор вариантов возможных решений. А затем нужен третий шаг – эксперимент. Теперь возможные решения проверяются поочередно с помощью любой опровергающей их информации. А эта информация добывается, чаще всего, оперативным путем: ты отрываешь задницу от удобного кресла, берешь ноги в руки и весело шлепаешь по лужам прямо в пасть к Змею Горынычу, чтобы лично убедиться в том, что левый верхний клык его центральной головы действительно разъедает неумолимо прогрессирующий кариес...

По данному делу я формирую единственную и весьма простенькую гипотезу: госпиталь Ордена Розы – это конечная точка маршрута, по которому перевозят фигурантов «дела об исчезнувших». Это место, где с пропавшими людьми происходит нечто.

Теперь эту гипотезу нужно проверить экспериментально: лично и на месте.

9

Несмотря на словесное осуждение «авантюры», Лизи все же милостиво соглашается стать моей соратницей по «тайному проникновению во вражескую цитадель».

«Не стояли звери около двери...»

Авантюра... Конечно, лезть вперед очертя голову, с грацией тяжелого танка на складе стеклянной посуды, действительно не стоит, но... Но не зря же народ еще много веков назад сказал: «Кто смел, тот и съел». А спустя еще несколько столетий устами своих лучших представителей добавил: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!»

Я привык правильно питаться во время работы, да и бокальчик шампанского мне отнюдь не повредит, поэтому посредством обычных шпионско-диверсионных манипуляций в глобе я влезаю в делопроизводство фирмы «Медтранс» и копирую сопроводительные документы на груз – парочку контейнеров с пациентами.

На следующий день в арендованном медицинском эмобе, выкрашенном в цвета «Медтранса», мы въезжаем в ворота госпиталя Ордена Розы. Я сижу за рулем эмоба, Лизочка пребывает в образе медицинской сестры, а два трупа, взятых напрокат в городском морге по двести пятьдесят кредиток за штуку, играют роль упакованных в контейнеры больных. На въезде я сообщаю охране, что впервые участвую в перевозке такого важного груза, и прошу указать кратчайший путь к месту назначения. Охранник машет рукой в сторону дорожки к госпитальному корпусу номер четыре.

Нам еще раз везет около самого корпуса. У его входа припаркована настоящая машина из «Медтранса». Из нее как раз выгружают три медицинских контейнера. Хотелось бы верить, что с исчезнувшими...

Когда оцениваешь какую-то информацию, - главное не ошибиться. Всегда хочется истолковать то, что видишь в соответствии с собственными взглядами, предубеждениями и мечтаниями. Вот и сейчас опыт говорит «да», но маленький червячок сомнения все равно где-то глубоко грызет душу.

Мы с Лизхен оставляем наш эмоб и совершенно беспрепятственно присоединяемся к группке медперсонала, которая катит контейнеры по коридорам госпитального корпуса. Конечной точкой маршрута

«Не стояли звери около двери...»

оказывается процедурная комната в торце здания. В центре комнаты висится обычная муфельная печь, в которую тут же загружаются доставленные контейнеры.

Что за чертовщина... Неужели все «дело об исчезнувших» сводится к тому, что некая хорошо организованная международная группа психопатов от медицины просто случайным образом отлавливает людей и систематически сжигает их в муфельной топке?!

Поразмыслить над ситуацией мне не удастся, поскольку именно в этот момент медперсонал, суетившийся вокруг трех контейнеров, обращает внимание на меня и Лизи и настойчиво интересуется, кто мы такие.

У меня сегодня не то настроение, чтобы охотно перейти к долгим и скучным объяснениям. Поэтому я устраняю возникшее на пути к истине препятствие серией выстрелов из «хлоппера» и просто погружаю всю эту братию потенциальных медицинских маньяков в здоровый сон, по крайней мере, на пару часов.

Вообще-то я не люблю стрелять, пусть даже и усыпляющими зарядами. Любая стрельба, как правило, опускает интеллектуала-разведчика до уровня банального диверсанта. Но сейчас обстоятельства вынуждают пойти на эту небольшую демонстрацию моих способностей владеть огнестрельным оружием.

Аккуратно сложив пребывающих в объятиях Морфея сотрудников госпиталя в ряд на покрытом кафельной плиткой полу, я запираю входную дверь с намерением обследовать процедурную комнату более тщательно.

10

Но едва я проделываю все это, как где-то под потолком включаются невидимые глазу динамики, и чей-то бодрый голос произносит:

«Не стояли звери около двери...»

- Добрый день, штабс-майор Стрельников и ротмистр Мюллер!

Сердце летит в бездну.

- Поверьте, крайне интересно следить со стороны за совместной работой диверсионной группы, состоящей из сотрудников ГУРОНа и бразильской разведки «Луминосса».

Я делаю круглые глаза и бросаю удивленный взгляд на Лизелотту.

- Милый, я давно хотела тебе сказать... - румянец смущения проступает на нежных щечках правнучки группенфюрера. – У нас в Бразилии тоже исчезают люди... И я действительно ротмистр «Луминоссы»...

- Я думаю, что международная общественность будет в восторге от столь тесного союза разведки Евракона и бразильской спецслужбы, - продолжает тем временем вещать голос свыше. – Из квартиры убитого вами Клауса Зейца, ребята, вы вовремя смотались, но сегодня мы вас все-таки ущучили! В контейнерах, которые вы только что пытались заполучить, находится партия наркотиков, предназначенная для уничтожения!

Час от часу не легче... Причем в нашем деле наркотики?

Хотя, может быть, эти болванки с «дурью» – всего лишь прикрытия для маскировки настоящих контейнеров с исчезнувшими?

Я щелкаю ногтем по сенсорам уникама, запуская звуковой анализатор. Ага, теперь ясно... С нами беседует еще один мой коллега – помощник директора Центрального разведуправления Соединенных Штатов Роберт Майер. Большой специалист по всяким каверзам и провокациям, кстати. Значит, скорее всего, имеет место обычная интрижка спецслужб.

- Как вы догадываетесь, дорогой Ант, - произносит заокеанский большой друг тем же развязным и ерническим тоном, - здание госпитального корпуса окружено. Как там у вас, русских, говорят? Муха не проскочит?

«Не стояли звери около двери...»

- Мышь не пролетит, - издеваюсь в ответ я. – Чего ты хочешь, Робби?

- Сотрудничества, - честно признается американский коллега. – Потом, может быть, мы даже отпустим вас на волю...

- Правда? – Позволяю себе усомниться.

- Э... Ну... - американец явно смущен моей прямоотой, но быстро берет себя в руки и врет напрапалую:

- Конечно, отпустим!

- Лет через двадцать - двадцать пять, - меланхолично констатирую я. – После изучения особенностей тюремного режима за решетками Аль-Катраса или Форта Джемили...

- Что поделаешь, таковы традиции нашего американского гостеприимства, - похихикивает коллега Майер, по достоинству оценив мою грустную шутку. – В большой книге, которая называется «Закон», написано, что шпионы и диверсанты просто так обязаны лично ознакомиться со всеми достопримечательностями наших тюрем!

- Анри, - Лизонька приходит в себя и принимается лихорадочно шарить рукой в сумочке, - мы не будем им сдаваться! У меня есть миниатюрная бомба...

Какая самоотверженная женщина! Наверное, сейчас в ней проснулись гены СС-прадедушки, который хотя и был нацистским преступником и законченным мерзавцем, но слыл человеком мужественным и решительным.

- Увы, милая, - я виновато развожу руками. – Я заменил твою хлопушку обычным баллончиком с дезодорантом еще в первый день нашего знакомства...

Лизхен мне не верит и все-таки достает цилиндрок из недр сумочки. Легкое нажатие пальчиком на клапан, - и в воздухе распространяется запах сирени.

- Придется сдаваться, - грустно улыбаюсь я. – У нас нет другого выхода, моя радость.

«Не стояли звери около двери...»

...Все-таки приятно сознавать, что противник считает тебя клиническим идиотом.

Слежку за нами я заметил еще после посещения кабинета добродушного доктора Гооба. То, что мы беспрепятственно проникли на территорию госпиталя Ордена Розы, лишь подтвердило догадку: нас вели. Организаторы «дела об исчезнувших» почувствовали опасность и заманивали нас в ловушку.

Как проще всего разгадать замысел врага? Конечно, проникнуть в его логово. Самый же эффективный способ проникновения – это сдаться в плен. А там поживем-увидим.

11

Я уже делаю шаг к входной двери, но Лизи сжимает пальцами мой локоть:

- Анри, что это?

Я прослеживаю за ее взглядом и вздрагиваю. В дальнем углу процедурной комнаты совершенно бесшумно разворачивается странная пространственная конструкция. Сияющая светло-салатная плоскость проходит параллельно полу, еще две точно таких же возникают из ниоткуда перпендикулярно первой. Что-то похожее на светящийся угол повисает прямо в воздухе.

- Антей Стрельников, Лизелотта Мюллер, - приятный баритон, кажется, звучит сразу со всех сторон, - прошу вас стать на основание переходника.

- Кто вы? – я вовсе не намерен очертя голову бросаться в очередной омут. На сегодня мой лимит приключений исчерпан.

- Все объяснения вы получите потом, - ответ звучит резко и не слишком вежливо, и, наверное, говорящий это тоже понимает. Поэтому тут же добавляет:

- Вам не угрожает опасность. Просто нужно поспешить.

«Не стояли звери около двери...»

- Кажется, нас где-то очень ждут, мой штандартендракон, - мадемуазель Мюллер посылает мне ободряющую улыбку и первой шагает в «зеленый угол».

12

Огромный оранжевый шар висит над горизонтом. Во все стороны от хрустально-прозрачного купола, внутри которого оказались я и Лизелотта, протянулась бесконечная степь, среди которой там и сям возвышаются сиреневатые растения, по форме напоминающие гигантские кактусы.

- Вы находитесь в нашей центральной диспетчерской, - говорит плотный коренастый человек среднего возраста, одетый в синий комбинезон и мягкие коричневые полуботинки.

Он сидит в широком кресле, вокруг которого прямо в воздухе водят хороводы мириады разноцветных огоньков, шустрых огненных змеек и вертящихся сияющих волчков. Незнакомец назвался Петром Волей, «дежурным администратором системы миров». Мы с Лизхен удобно разместились на «рожках» подковообразного мягкого дивана напротив нашего собеседника.

- Диспетчерская расположена на второй планете звезды Барнарда...

- Как мы здесь оказались? – озираясь по сторонам, интересуется Лиза. – Это же сотни миллиардов километров от Земли...

Все-таки хорошо готовят женщин-агентов в далекой Бразилии – в рыжеволосой головке моей спутницы нашлось место даже для курса астрономии.

- Туннельный переход, - охотно и совершенно непонятно поясняет Воля. – Мы уже более полутора веков используем эту технологию перемещения в пространстве. Именно с ее помощью в центральную диспетчерскую доставляются контейнеры с людьми,

«Не стояли звери около двери...»

которые считаются исчезнувшими в вашем мире. А это, - он повел рукой в сторону выходявшей из купола длинной широкой галереи, уставленной предметами, похожими на чуть вытянутые вверх гигантские белоснежные яйца, - зона порталов. Она соединяет те сто двадцать семь Земель, которыми мы управляем.

- Фантастика... - недоверчиво качая головой, говорю я. – Трудно поверить, что у человечества уже есть доступ в десятки миров...

- У человечества? – Петр иронически изгибает черную бровь. – У человечества в целом такого доступа пока нет. Зато он давно уже есть у некоторой части людей, которые, по большому счету, и управляют мирами. В том числе и вашим.

Я подмечаю, что он уже дважды произнес слова «Земля» и «мир» во множественном числе. Значит, это, скорее всего, не оговорка. Тогда о каких «мирах» идет речь? Судя по морщинке озабоченности на лбу Лизи, она тоже не понимает, о чем говорит «дежурный администратор». И это несмотря на глубокие познания в астрономии.

- Вам никогда не казался странным мир, в котором вы живете? – Воля смотрит на нас, чуть прищулив глаза. – Слишком уж стабильный и предсказуемый, удобный и сытый. Чистые вода и воздух, возродившаяся природа. Нет богатых и бедных. Бесплатные медицина и образование. Социальная защита для всех нуждающихся. И одновременно полное торжество либеральной идеологии и принципов глобализма. Всеобщая толерантность и всепроникающая политкорректность. Нивелирование всех национальных и культурных различий. Да, еще остались интриги и противостояние разведок, но давно исчезли войны и сглажены острые социально-экономические конфликты. Из года в год снижается преступность. И уже почти сотню лет топчется практически на одном месте технический прогресс. Нет, все, что связано непосредственно с благосостоянием человека вполне динамично

«Не стояли звери около двери...»

развивается. Генетика, биология, сельское хозяйство... А вот промышленные и информационные технологии остались на уровне середины прошлого века. Люди так и не побывали на Марсе, не вернулись даже на Луну... Вы никогда не задавали себе вопроса, почему человечество вдруг так резко притормозило в своем развитии?

- Может быть, люди просто устали от многолетней военной и промышленной гонки? - Пожимаю плечами – горячего интереса к истории человечества я никогда не испытывал. – Захотели стабильности и покоя.

- Вот так все сразу и устали? – Воля скептически фыркает. – Вот так все сразу, все десять миллиардов человек, буквально за одно-два десятилетия вдруг возжелали благополучия и умиротворенности?

Дорогая Лизхен тоже молчит, буравя нашего визави жаждущим новых знаний взглядом.

13

...Проект радикального преобразования мира появился в самом начале двадцать первого века. Международное движение мироздателей выросло из ежегодной конференции «Альтернативы реального будущего и трансформация», которая проводилась Организацией Объединенных наций. Из аббревиатуры названия конференции на русском языке родилось полуофициальное наименование участников проекта – «арбитры». «Счастье для всех», «светлое будущее для всего человечества» на принципах всеобщей свободы и демократии – вот ради чего они встречались, горячо спорили и работали.

Даже в годы становления своего движения, арбитры были уже достаточно влиятельной группой политиков, ученых, предпринимателей и писателей из самых развитых держав мира. Абстрактные цели арбитров пока еще лежали вне сферы насущных интересов подавляющего большинства земных

«Не стояли звери около двери...»

политиков. Поэтому деятельность мироздателей никогда не была объектом пристального внимания государственных структур: кому интересна группа чудаков-пустозвонов, занимающаяся далекими от реалий земной жизни вопросами? Тем не менее, арбитры держали втайне свои разработки – дабы все-таки не искушать понапрасну власть предержажших.

Арбитры пришли к выводу о принципиальной невозможности совместить две категории – «счастье для всех» и «светлое будущее для всего человечества». Во-первых, при любом варианте мироустройства не может быть одинаково счастливых людей: у одного более удачная судьба, а другому фортуна отнюдь не улыбается. Во-вторых, у разных групп людей представления о счастливом будущем разнятся настолько, что объединить их даже концептуально в рамках единого человечества просто невозможно.

- Что общего у радикального исламиста – ваххабита и демократа – космополита? – Петр Воля саркастически ухмыляется. – Нет ни единой точки соприкосновения в их представлениях о счастливом будущем для всей Земли. Из «нестыковки» человеческих цивилизаций всегда проистекали острые социальные конфликты и войны.

А поэтому, решили арбитры, чтобы человечество стало счастливым, оно должно перестать быть единым человечеством. Но как это сделать? «Запереть» разные цивилизации на разных территориях земного шара не получалось: любой вариант счастливого мироустройства требовал глобальных решений. Счастливое будущее в кордонах «одной, отдельно взятой страны» не вырисовывалось.

- Какие вообще существуют варианты развития мира? – Воля задумчиво потирает ладонью подбородок. – Сколько этих вариантов? Эти вопросы заинтересовали арбитров...

Проанализировав культурное наследие народов Земли, публикации в интернете, содержание социальных

«Не стояли звери около двери...»

сетей и опросы общественного мнения, мироздатели определили вероятные сценарии развития человечества. Оказалось, что существует девяносто три независимых друг от друга варианта развития земной цивилизации, обеспечивающих «счастливое будущее» для определенных больших групп людей. И, как следовало из расчетов, любой из этих сценариев «прекрасного далека» мог быть реализован.

Но Земля-то – одна! Арбитры зашли в тупик: казалось, что человечеству придется выбрать только один «путь к счастью», а все остальные варианты – вышвырнуть на помойку истории.

Наработки мироздателей оставались всего лишь теорией, пока в начале второго десятилетия двадцать первого века они не открыли возможность копирования крупных объемов пространства – диаметром от четырех и до десяти световых лет, - используя возмущения «темной материи». При этом миры-копии оставались связанными туннельными внепространственными переходами. Энергетически весь процесс копирования оказался малозатратным.

А вскоре арбитры Боул, Тюлин и Макли предложили систему глобального пси-воздействия на человечество с помощью совокупности мобильной связи, интернет-коммуникаций и прямого облучения с околоземных искусственных спутников. Появилась технология, которая позволяла управлять всеми людьми на Земле, подчиняя их единой воле.

Эти два открытия и позволили арбитрам реализовать планы переустройства мира. К тому времени человеческая цивилизация уже трещала по швам: одна за другой накатывали волны экономического кризиса, природу душило глобальное потепление, отношения между ведущими мировыми державами балансировали на грани глобальной войны – третьей мировой, последней, убийственной...

«Не стояли звери около двери...»

И вот в ночь на 21 декабря 2012 года в разных, выбранных заранее районах Галактики появились девяносто две копии Солнечной системы.

- Именно на эту дату по древнему пророчеству индейцев майя был намечен «конец света», - в глазах Воли блещут озорные огоньки. – И в этот день мы стартовали. Апокалипсис, которого человечество ждало со дня на день, все-таки состоялся, но прошел совершенно незамеченным. Символично: старый мир, - мир войн и неблагополучия, - действительно умер в предсказанный древними жрецами день... А новые Земли – родились. Четыре года спустя на девяносто двух мирах постепенно начал меняться вид звездного неба. С нашей подачи местные ученые объяснили этот факт неким «перерождением космоса»...

14

- Погодите, Петр, - я прерываю рассказ Воли едва ли не на середине слова. – Я что-то не совсем понял... Вы сделали копии нашей Земли – это понятно. Но как практически реализовать на этих копиях разные варианты счастья для человечества?

- Под воздействием гипноизлучателей в каждом из новых миров начал развиваться свой сценарий «светлого будущего»...

- Вот это как раз и непонятно, - вступает в нашу беседу непривычно молчаливая сегодня Лизелотта. Пожалуй, события последних часов серьезно выбили мою спутницу из колеи. – Петр, допустим для простоты, что шестьдесят процентов населения мира – сторонники модели неограниченного технического развития человечества, сорок процентов – хотели бы вернуться к природе, создать экологически защищенную цивилизацию. Вы сделали две копии с нашей Земли, но на обеих копиях есть и «технари», и «зеленые»! Конфликт интересов не разрешен!

«Не стояли звери около двери...»

- В одном мире пси-излучением подавляются тенденции технологического развития, в другом – экологического, - немедленно поясняет Петр. – И мы получаем две различные модели существования человеческого общества... Правда, базисные общественные принципы – ставка на индивидуальность человека, на общественные и экономические идеалы свободы и демократии, - остаются константой во всех наших мирах.

- Но ведь и в первом случае, и во втором ущемляются интересы миллиардов людей! – Лиза возмущенно округляет глаза. – И это вы называете счастливым будущим?!

- Что поделаешь... - Воля разводит руками. – Есть такая русская пословица: «лес рубят – щепки летят». Ради торжества идей гуманизма и свободы нам временно пришлось подавлять стремления большинства, чтобы реализовать вариант счастья, который бы устроил меньшинство человечества. Но это было мягкое подавление: мы просто несколько десятилетий приучали большинство к жизни в новом мире. Конечно, по большому счету это все же насилие над свободой и волей миллиардов людей. Однако приемлемые для них варианты общественного развития реализованы на других мирах...

- Но ведь там живут другие люди! – Лизи нервно обхватывает руками плечи. – Разве вы не понимаете? Другие!

- Полторы сотни лет назад арбитры закрыли на это глаза, чтобы создать десятки счастливых Земель, - Воля чуть склоняет голову, но в голосе его звучат стальные нотки. – И нам удалось это сделать!

- Пусть вы действительно построили разные модели счастливого будущего в каждом из миров, - взгляд Лизаветы устремлен куда-то в пространство над головой администратора, - но в целом ваша система оказалась ужасной... Безумный социальный механизм, перемалывающий судьбы сотен миллиардов людей на

«Не стояли звери около двери...»

десятках Земель... Вы же убили, разорвали на куски единую человеческую цивилизацию, разве вы этого не понимаете?!

Куда только девалась разбитная рыжеволосая дамочка-болтушка и любительница сексуальных утех?! Маска простецкой и бесцеремонной «девахи из Бразилии» окончательно сброшена. Собранная, целеустремленная, умная женщина терзает «дежурного администратора» своими вопросами. Ай да госпожа ротмистр!

Некоторое время мы молчим. Петр скользит ладонями по кругосплетениям огней на пульте управления вокруг кресла. Хмурая Лизелотта задумчиво наматывает огненно-рыжий локон волос на палец. Я рассматриваю унылый пейзаж за стеклянным куполом.

- Вы не представляете, насколько разнообразны созданные нами миры! – наконец, нарушает молчание Воля. – Есть мир, в котором свободные и счастливые обитатели создали летающих драконов, вампиров и оборотней, живут в старинных замках и сражаются на мечах. Правда, даже в этом почти средневековом мире наличествуют вполне современные медицина и социальная защита. Существует Земля, на которой идут постоянные войны всех со всеми. Но и ее обитатели счастливы, хотя с нашей точки зрения живут в ужасных условиях - среди городских развалин, соединенных друг с другом только линиями метро. Есть мир фанатичного освоения космоса, мир летающих островов, водный мир и многие другие. Все фантазии человечества, все человеческие утопии мы успешно воплотили в реальность...

- Так уж и все, - недоверчиво фыркает Лизхен. Кажется, она чуть поостыла. – Если человечество действительно еще развивается, то все время будут появляться новые варианты «светлого будущего».

- Так и происходит, - кивает Воля, соглашаясь. – За полтора века развития нашей системы миров возникло еще тридцать два варианта «счастливого будущего»,

«Не стояли звери около двери...»

непохожих на первоначальные модели. И мы создали их в реальности! Более того, из этих тридцати двух вариантов выросли еще два новых «отростка». Сегодня уже существует сто двадцать семь миров, в которых люди живут вполне счастливо и благополучно.

- Может быть, и благополучно, но вот насчет счастья... - я качаю головой. - Ваш мир слишком похож на казарму, Петр. Сто двадцать семь барачников, живущих каждый собственной жизнью... Счастье, обеспеченное глобальным гипнозом, - разве это счастье?

- В семидесяти одном мире излучатели давно отключены, - Воля словно ждал моего вопроса. - Там социальные структуры, обеспечивающие счастливое будущее на принципах свободы и демократии, уже стали регулироваться самостоятельно. Остальные Земли - на завершающей стадии строительства. Кстати, ваш родной мир - уже почти три десятилетия вне зоны гипноза.

Петр на секунду замолкает, собираясь с мыслями, а потом продолжает:

- В перспективе мы откроем туннельные переходы между Землями для массовых перемещений людей, и в Галактике родится Великое Кольцо человеческих цивилизаций! Наши принципы - всеобщая свобода, гуманизм, мировоззренческая толерантность восторжествуют в галактических масштабах! Но, конечно, поддержание порядка в этом сообществе миров по-прежнему останется за нами, арбитрами. Кто-то же должен делать и грязную работу, не так ли?

- Петр, как я понимаю, вы сами постоянно не живете в этой диспетчерской? - с лукавой улыбкой на устах спрашивает Лизи. - Скажите, в каком из миров предпочитают жить большинство арбитров-диспетчеров?

- Каждый из нас живет там, где захочет. Я, например, живу на старой Земле. На той самой первоначальной планете, на которой родилось движение

«Не стояли звери около двери...»

арбитров и с которой были созданы копии счастливых Земель.

- Эта «старая Земля» тоже подверглась преобразованиям? – интересуюсь я. – Или там остался заповедник еще не осчастливленной человеческой цивилизации?

- А какой смысл был оставлять тот мир несчастным? – Петр пожимает плечами. – На «старушке Земле» мы реализовали мир, который считают своим большинство арбитров. Это тот мир, в котором нам всем хотелось бы жить и работать. Мир неограниченной человеческой свободы и демократии, политической корректности и национально-культурной толерантности. Мир, в котором есть счастье для всех.

- И вас не смущает искусственность этого мира? – удивляюсь я. - Мира, созданного благодаря глобальному гипнотическому воздействию...

- А вас не смущает то, что вы живете в построенном из кирпичей добротном доме, а не в холодной пещере? – его глаза брызжут веселыми искрами. – Да, мы построили этот мир по нашим лекалам. Как у нас принято говорить, совершили его. И, можете не сомневаться, хорошо совершили.

- Мир совершенный, - почти шепотом говорит Лизавета. – Совершенный, но не совершенный...

- Окончательное совершенство в принципе недостижимо, - легко парирует Воля. – Всегда хочется что-то изменить или что-то добавить. Знаете, это как в квартире: есть хороший мягкий диван, а иногда все равно покупаешь какой-нибудь пуфик...

15

- А как вписываются в вашу систему счастливых миров «исчезнувшие»? – задает новый вопрос Лизелотта.

«Не стояли звери около двери...»

Я мысленно аплодирую коллеге из бразильской спецслужбы: давно пора расставить все точки над «и» в нашем расследовании.

- Увы, в любой развивающейся системе всегда появляются сбои, - на лице Воли обозначается тень озабоченности. – Задача арбитров в том и состоит, чтобы вовремя их выявлять... Любой сбой – это конкретный человек, который своими действиями может, так или иначе, нарушить стабильность счастливого мира. Большую часть смутьянов мы просто наставляем на путь истинный беседами и легким гипнотическим воздействием. Ну, а очень небольшой процент изымаем для более серьезного изменения личности. Примерно половине корректируем мыслительные процессы и возвращаем в исходный мир. А исчезнувших бесследно в вашем мире – тщательно тестируем и в итоге переводим в миры, которые им более подходят. С соответствующей психической корректировкой сознания, конечно. На ранней стадии проекта корректировок было очень много. А сейчас процесс идет по убывающей. Наши миры самостоятельно начали исправлять все потенциально опасные сбои.

- И здесь тоже насилие, - тихо шепчет Лизи.

- Корректировка, - поправляет Воля. – Маленькое изменение отдельной личности, чтобы избежать громадных проблем для всего человечества.

- Значит, исчезнувший Йохан Стеен, которого обнаружил Хорхе Анита во время погрузки на стратоплан, - я снова возвращаюсь к теме расследования, - был вывезен в другой мир?

- Да, - подтверждает Воля. – А «сумасшедшие», которых перевозил Клаус Зейц, были доставлены в ваш мир для адаптации к местным условиям.

Все становится на свои места. Логические цепочки замкнулись, и наше с Эбером расследование можно считать завершенным. Правда, на смену старой загадке приходят новые.

«Не стояли звери около двери...»

- Петр, а зачем вы вытащили меня и Лизи из ловушки в цюрихской клинике? – спрашиваю я. – Умыкнули из-под самого носа у коллеги Майера... Обидели американскую разведку...

- Майер получил приказ немедленно снять осаду с процедурной комнаты еще до появления в ней нашего межпространственного переходника, - Воля сплел руки на животе. – Приказ исходил лично от президента США...

- Ну, и зачем вам мы? Я и Лизелотта?

- Антей, как вы думаете, каким образом пополняется сообщество арбитров? – Петр лукаво щурится. – Путем естественного размножения или клонирования?

Собственная шутка кажется ему смешной, и он хохочет. Веселый человек, однако.

- Вашу последнюю реплику нужно понимать как сделанное нам предложение? – Я впериваю вопросительный взгляд в круглое лицо Воли.

- Именно как предложение...

16

- Мы вели вас с самого начала: и вас, Антей, и Лизелотту, и Эбера, - сообщает Петр. – С того самого момента, как позволили вам заняться «делом об исчезнувших».

- А потом стали вставлять нам палки в колеса? По крайней мере, мне и Эберхарду.

- У меня тоже были проблемы на службе, - уголком рта ухмыляется Лизхен. – Очень большие проблемы...

- Все эти препоны понадобились только, чтобы раззадорить вас и вывести за рамки служебной деятельности, - довольно скалится Воля. – Придать азарт работе. Ну, и устроить последнее испытание перед нынешней встречей.

- Значит, Майер и американское ЦРУ...

«Не стояли звери около двери...»

- Влезли в нашу операцию случайно, - подтверждает мою догадку Петр. – Они засекли чужую активность, когда вы потрошили полицейскую базу данных в Валенсии. Случайно, кстати, засекли: одновременно с вами в информатории рылась и штатовская программа-«крот». Вы, Антей, образно говоря, наступили этому «кроту» на лапу. Ну, а Майер, - нужно отдать должное его проницательности, - сразу заинтересовался вашей высокой хакерской подготовкой. И в конечном итоге оказался прав: дыма без огня не бывает. К радости американцев под маской космонавта Анри Лерона обнаружился матерый разведчик Антей Стрельников. Ну, и дело завертелось... Как вы уже, наверное, догадались, американцы собирались устроить полномасштабную политическую провокацию и повесить на вас с Лизелоттой сначала убийство Зейца, а потом и трансконтинентальную торговлю не легализованными видами наркотиков. Что поделаешь, игры разведок – это одно из вечных занятий человечества!

Воля делает секундную паузу и возвращается из мира глобального противостояния спецслужб к судьбам конкретных людей:

- Что касается моего предложения... У вас и Лизелотты есть выбор. Вы можете вернуться в свой мир. Тогда мы чуть-чуть подкорректируем вашу память: сотрем воспоминания об исчезнувших и о посещении этой диспетчерской. Но вы можете примкнуть и к нам, арбитрам, заняться практической работой на наших Землях. Конечно, после необходимой подготовки и специального обучения. Поверьте, по своей сути работа арбитра мало чем отличается от той аналитической и разведывательной деятельности, которой вы и Лизелотта занимались соответственно в ГУРОНе и в «Луминоссе». Кстати, ваш коллега Эберхард Эбер уже принял наше предложение.

- Значит, Петр, вы хотите, чтобы мы стали сантехниками в вашем счастливом будущем? -

«Не стояли звери около двери...»

ухмыляюсь я. – Здесь подкрутить гайку, здесь заменить прокладку, а здесь устранить течь...

- Не сантехниками, - Воля чутко улавливает иронию в моих словах и качает головой. – Я хочу, чтобы вы присоединились к садовникам. К тем, кто терпеливо изо дня в день выращивает счастливые человеческие миры. Вкладывает в них душу, лелеет и любит их. Да, мы, арбитры, сделали счастье конкретным, осязаемым, доступным. Может быть, романтический ореол где-то и оказался утрачен, но, согласитесь, от этого ведь счастье не перестало быть счастьем...

- Ваша система чудовищна... И одновременно соблазнительна... - едва слышно произносит Лизелотта. Она бледна и задумчива. Взгляд зеленых глаз потускнел, на лбу обозначились глубокие морщинки. - Мне не нравится ваше мироустройство, но я, пожалуй, останусь. Хочу посмотреть поближе на эту вселенскую карусель и подумать...

- Вот и замечательно. Посмотрите, поразмышляете, примите окончательное решение, - Петр удовлетворенно кивает. – А вы, Антей? Что выбираете вы: возвращение в свой мир или работу здесь?

Петр Воля улыбается и проникновенно смотрит мне в глаза, ожидая ответа.

Мой выбор...

Или-или...

Остаться или вернуться...

Быть куклой или сделаться кукловодом...

Интересный выбор для того, кто в некоторой степени и сам является куклой. Потому что под светлым ликом местного суперразведчика Антея Стрельникова скрываюсь я – матерый миростроитель и изрядный пройдоха Чеслав Сэмюэль Волянецкий.

Около пяти лет назад измерительная аппаратура Штабного Коллегиума миростроителей зафиксировала в глобальном пространстве около одного из созданных нами миров странное самозамкнутое образование. Судя по показаниям приборов, внутри этого образования

«Не стояли звери около двери...»

могло обнаружиться какое-то количество запараллеленных миров.

Можете представить себе степень удивления наших штабников: вы кропотливо выращиваете на космической грядке миры-«арбузы» и вдруг в один прекрасный день обнаруживаете рядом с ними гигантских размеров «тыкву», внутри которой, по всей видимости, растут еще и другие «тыковки».

Все наши попытки найти межпространственные туннели внутрь «тыквенного пространства» потерпели полное фиаско. Лишь год назад мы смогли добиться некоторых успехов – построить межпространственный туннель внутри одного из тех миров-«тыковок», которые произрастали внутри многомерной «тыквы». Это оказался мир Антея Стрельникова, Эберхарда Эбера и Лизелотты Мюллер.

Но в этом мире мы не обнаружили никаких технологий межпространственного перемещения и конструирования искусственных миров. Однако такие технологии где-то здесь обязательно должны быть! Иначе просто необъяснимы были факты существования и самой пространственной «тыквы», и миров-«тыковок» внутри нее.

Тогда Штабной Коллегиум сформировал целевую изыскательскую группу во главе с достаточно опытным – давайте без ложной скромности! – резидентом-миростроителем – неким Чеславом Сэмюэлем Волянецким, вашим покорным слугой.

Резидента решили ввести сразу на довольно высокий уровень информированности в одно из местных крупных государств. Пост государственного деятеля не годился – невыгодно, чтобы наш резидент был под постоянным контролем средств массовой информации, политических оппонентов и любящих избирателей. Нужен широкий доступ ко всей информации, но без паблисити. А кто имеет широкий доступ к любого рода информационным источникам, но

«Не стояли звери около двери...»

при этом почти всегда сам находится в тени? Конечно, высокопоставленный разведчик!

Мы изучили несколько персоналий из местного разведывательного сообщества и, в конечном итоге, предложили одному из руководителей ГУРОНа Антею Стрельникову перейти к нам на работу – стать профессиональным миростроителем. Антей ознакомился со всей широтой перспектив, которая столь неожиданно открылась перед ним, и согласился. А я, после нанобиологической коррекции внешности и модернизации моей памяти, занял его место в рядах доблестного ГУРОНа. Теперь у меня был доступ почти ко всем темным уголкам информационного поля этого мира и широкие возможности использовать нашу миростроительскую технику для анализа здешней ситуации и поиска того, что мы хотели найти.

Но, увы, ничего не находилось. Полтора года я рыл информационные земли во всех направлениях, расставлял поисковые сети, высвечивал любые факты прожектором дознания, но ничего, ровным счетом ничего не находил. Мир-«тыковка» был девственно чист от любых признаков применения миростроительных технологий. И так продолжалось до того дня, пока мне на глаза не попало «дело об исчезнувших и появившихся»...

И вот я здесь, в самом центре происходящих событий. В аппаратном центре, построенном по технологиям мироздателя Петра Воли и его коллег. По технологиям, которые кардинальным образом отличаются от наших миростроительских технологий – поэтому мы их и не находили, не видели прямо под своим носом. Впрочем, мироздатели по той же причине тоже не видели ни нас, ни наши технологии. Поэтому в матче «миростроители везус мироздатели» счет пока равный – 1:1.

И теперь мне нужно сделать выбор из двух вариантов – остаться куклой в неведении или стать всеведущим кукловодом – с почти стопроцентной перспективой быть когда-нибудь разоблаченным в

«Не стояли звери около двери...»

качестве «засланного казачка» со всеми вытекающими из этого факта малоприятными последствиями. Как всегда, главная проблема в жизни – это проблема выбора. «Быть или не быть – вот в чем вопрос».

Правда, у меня в заначке есть еще и третий вариант решения проблемы. О существовании которого неизвестно ни любезному диспетчеру Петру Воле, ни милой Лизи Мюллер.

Я просто могу взорвать этот «тыквенный» театр тайных режиссеров и их счастливых марионеток.

В левом рукаве моей куртки надежно спрятана и экранирована от любых внешних воздействий та самая микробомбочка, которую я вытащил из сумочки Лизаветы. Достать ее и активировать – дело всего лишь пары секунд. Взрывное устройство очень мощное. Можно не сомневаться: диспетчерскую и все сто двадцать семь порталов разнесет вдребезги. Легкое нажатие пальцем на кнопку включения детонатора – и свершится маленький апокалипсис галактического масштаба. Десятки населенных людьми Земель лишатся искусственно обретенного счастья и опеки арбитров, станут жить совершенно свободно и развиваться непредсказуемо.

Итого у меня есть три варианта решения, чтобы выбрать из них один единственный вариант и для всего «тыквенного пространства», и для моей личной судьбы...

Может быть, именно в возможности свободно выбирать собственное «прекрасное далеко» и состоит наше маленькое человеческое счастье? И никто не вправе лишать нас этого счастья. Даже ради светлого будущего всего человечества.

Наверное, так. Но это вовсе не значит, что я немедленно начну жать на кнопку моей миниатюрной супербомбы.

Потому что есть еще простое человеческое любопытство – заглядывать за кулисы миров: а вдруг

«Не стояли звери около двери...»

там обнаружится что-нибудь новенькое и совершенно еще неизвестное?

2017 год

Литературно-художественное издание

Серия детективной, приключенческой и фантастической литературы
«Котофей»

«Не стояли звери около двери...»

Автор-составитель Сергей Чебаненко

Редактор Стрельников В.А.

Художник-оформитель Чекмаев К.Г.

Компьютерная обработка фотографий и верстка текста Л.А.Девятова

Літературно-художнє видання

Серія детективної, пригодницької та фантастичної літератури
«Котофей»

«Не стояли звірі коло дверей...»

Автор-укладач Сергій Чебаненко

Редактор Стрельников В.О.

Художник-оформлювач Чекмаєв К.Г.

Комп'ютерна обробка фотографій і верстка тексту Л.А.Девятаєва

Ласкаво просимо в світ її Величності Наукової Фантастики!

Паралельні світи і штучно створені Землі, минуле і майбутнє ...

У книзі, присвяченій пам'яті видатних фантастів Аркадія і Бориса Стругацьких, зібрані повісті, оповідання й есе, читаючи які ви знову зустрінетеся з Іваном Жиліним, Сельмою Нагель, Саулом Рєпніним і іншими відомими героями з книг братів Стругацьких.

Разом з тим, зібрані в цій книзі твори зовсім не є фанфіками, приквелами і сіквелами до творів Аркадія і Бориса Стругацьких. Читач опиниться в світах, де історія пішла інакше - а це означає, що інакше склалися і долі авторів-фантастів, і долі їхніх творів.

Підписано до друку 05.01.2018

Формат 60х90 1/16. Умов.друк.арк 25

Загальний тираж 1500. Рекламно-інформаційний тираж 5.

Замовлення № 2018-001

Видавництво ФОП «ЧСВ»

Київ, вул. Княжий затон, 17

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 5240 від 08.11.2016

E-mail: bookelight@gmail.com

Надруковано з готових позитивів

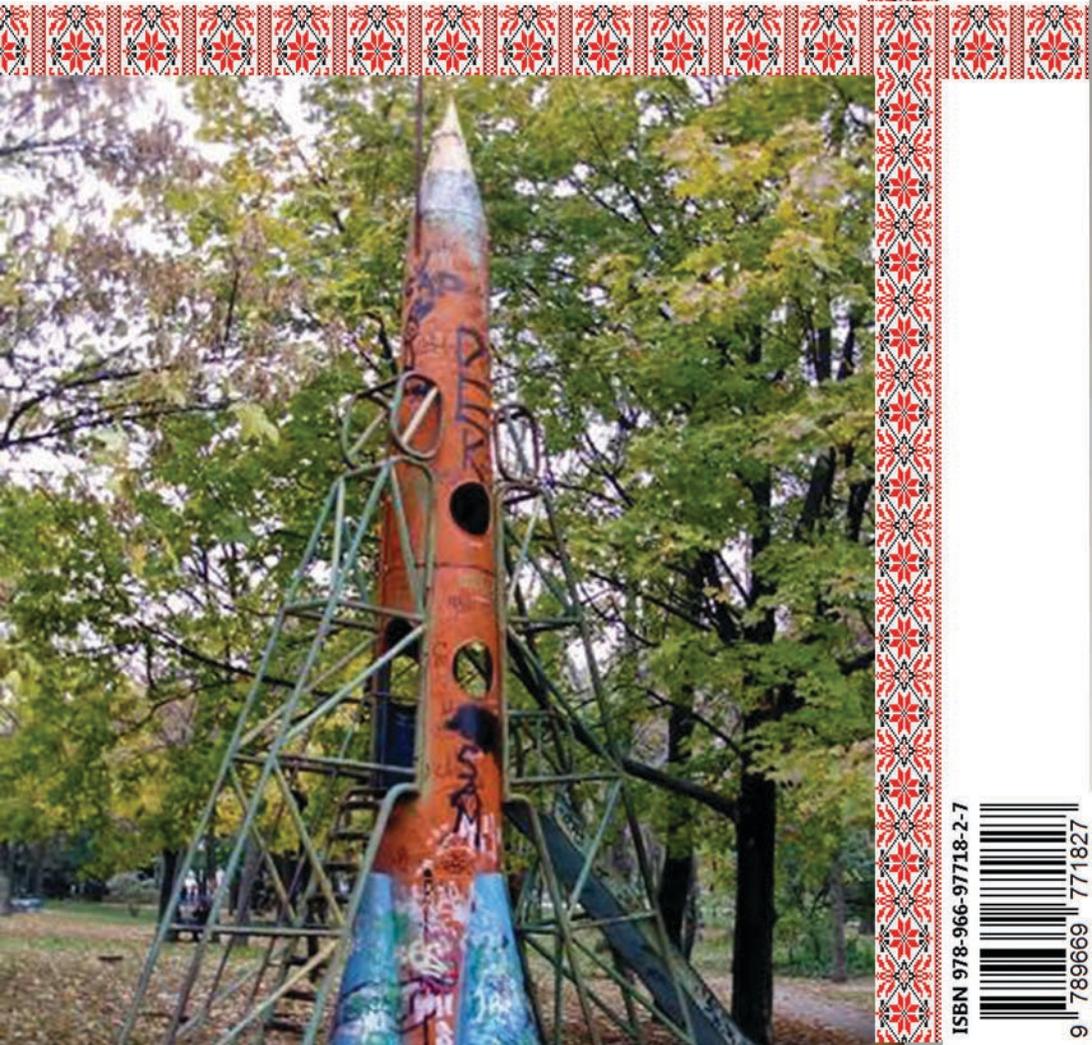
У ФОП «ЧСВ»

Київ, вул. Княжий затон, 17

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 5240 від 08.11.2016

Памяти Аркадия и Бориса
Стругацких
посвящается

ISBN 978-966-97718-2-7

